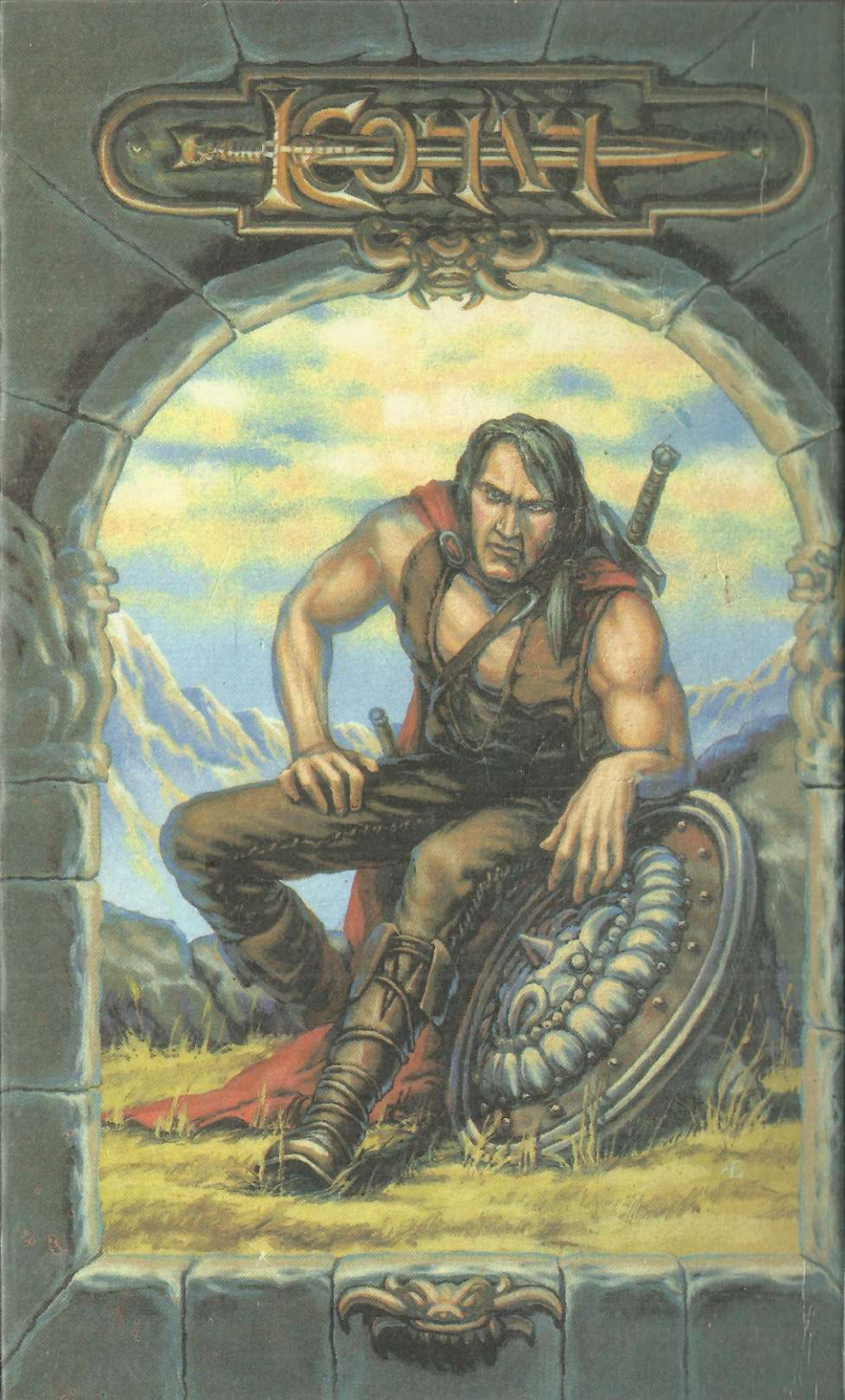
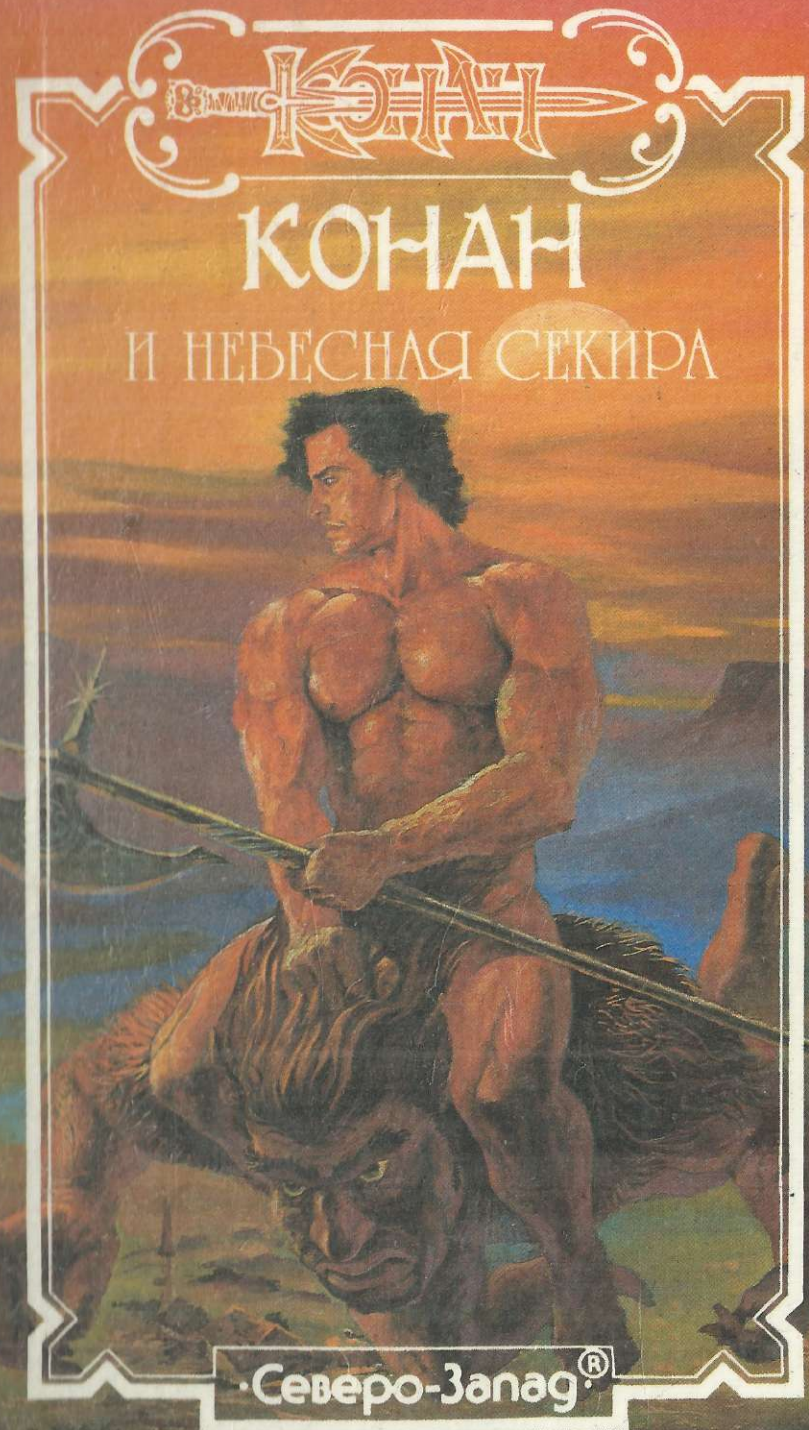

fantasy

7

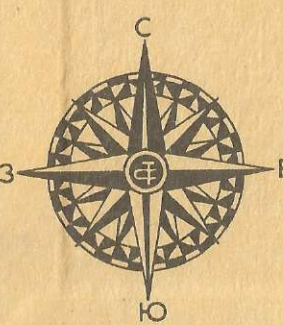
КОНАН

МОРЕ ЗАПАДА

Черный остров

ВАНАХЕИМ

КИММЕРИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ

БРИТУНИЯ

ГИРКАНИЯ

ПУСТОШИ ПИКТОВ

БОССОНСКИЕ ТОПИ

ГАНДЕРЛАНД

ТАУРАН

МЕДИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

ЗИНГАРА

АКВИЛОНИЯ

ТАУРАН

МЕДИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

АРГОС

ШЕМ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

ГИРКАНИЯ

ГИРКАНИЯ

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

ИРАНИСТАН

ХАЙБОРИЙСКАЯ
ЭРА

КХИТАЙ

ВЕНДИЯ

ИРАНИСТАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сперва мне хотелось плюнуть на всю эту затею и предложить Майклу самому позаботиться насчет предисловия. Такие вещи у него получаются неплохо — с этим согласится любой, кто удосужился прочитать его предисловие к роману *«Конан и дар Митры»*¹. Но когда я позвонил в банк и узнал, сколько осталось у меня на счете, то сначала преисполнился решимости сразу убить трех зайцев и попытаться в одном предисловии написать и о Конане, и о самом Майкле, а также порассуждать еще о чем-нибудь, ведь не секрет, что издатели платят построчно. А потом писать о Майкле наполовину передумал.

Я напомню читателям, что в книге Стива Перри *«Тайна врат Аль-Кири»*², в период, когда Конану исполнилось года 23—24, он служил в Ианте, столице древнего Офира. Он командовал там небольшим Вольным Отрядом, сколоченным из немедийских конных лучников, и действительно занимался всевозможными интригами, что плелись вокруг престолола немошного офирского короля Вальдрика. Попутно он, разумеется, стал любовником принцессы Синэллы, жрицы древнего божества Аль-Кири, которое эта леди пытается оживить с помощью самой черной магии. Наконец Аль-Кири возродился—таки к жизни и первым делом прикончил саму принцессу; Конану же, как всегда, выпала честь уничтожить древнего демона. После этого он отправился в Аргос, к Западному океану. Дальнейшие события изложены в большой новелле Роберта Говарда *«Королева Черного Побережья»*³.

Согласно говардовскому повествованию, Конан попадает в Аргос, затем бежит на торговом судне из этого королевства и, в конце концов, оказывается на пиратской галере *«Тигрица»*, которой владеет прекрасная Белит, предводительница черных корсаров. Разумеется, Белит становится его возлюбленной (как раньше Синэллы), и они плавают вместе три-четыре месяца. Затем наши герои отправляются в экспедицию по реке Зархебе, что в Черных Королевствах, и тут все кончается очень плохо. Они находят сокровища в развалинах древнего города, но Конан идет дальше в джунгли, чтобы разыскать новые богатства, тогда как Белит со своим экипажем занимается погрузкой уже найденного. Конан возвращается и видит, что вся чернокожая команда уничтожена чудовищным демоном, а Белит повешена на рее собственного корабля. И не просто повешена, а на ожерелье из красных алмазов, которое он сам же надел ей на шею! Конечно, эта картина повергает Конана в горе и ужас.

Теперь необходимо отметить, что наше дальнейшее изложение обстоятельств жизни варвара-киммерийца как бы раздвоится: сначала мы сделаем шаг назад, а потом вновь двинемся вперед, к событиям, описанным в романе Майкла Мэнсона. Связано же это разветвление с Полом Андерсоном и его *«Конаном-мятежником»*⁴.

События этого произведения происходят в течение двух недель или месяца и как раз в то время, когда наш герой плавает с Белит. На мой взгляд, упомянутый роман уступает вещам менее именитых писателей — к примеру, таких, как Джон Маддокс Робертс. В его *«Конане и охотники за людьми»*⁵ киммериец предстает вполне полноценной личностью, а не той ходульной схемой, которая возникла под пером Андерсона. Но вернемся к нашей основной теме. Итак, в упомянутом романе Пола Андерсона, Конан по просьбе Белит отправляется в Стигию, чтобы освободить из рабства ее брата Джихана (отметим, что Андерсен попутно излагает историю жизни и родословную Белит, которая оказывается шемиткой). Конан находит Джихана, но юноша гибнет в схватке со стигийцами; тогда киммериец, вместо того, чтобы вернуться к Белит, отправляется в Тайю, горную область на юго-востоке Стигии, где жители встали против стигийского господства. Он добывает волшебное оружие — Секиру Света, завещанную тайясцам самим Митрой; с ее помощью восставшие одерживают победу. Совершив положенное число подвигов, Конан наконец добирается до корабля своей возлюбленной.

Конан и Небесная Секира: Романы. СПб.: «Троль», 1996. — 448 с.

ISBN 5—87365—020—9

© С. Корджи, 1996

© М. Мэнсон, 1996

© Троль, составление и подготовка текста, 1996

© Северо-Запад, Серийное оформление обложки и форзаца, 1996

© Троль, Иллюстрации, шмуцтитуты, 1996

© И. Кучма, обложка, 1996

© В. Асадуллин, графика, 1996

Итак, у Андерсона появляется волшебная секира — Секира Света! Она не играет большой роли в повествовании и фигурирует лишь в последней четверти романа как некий раритет, с помощью коего Конан и тайасские повстанцы расправляются со стигийскими войсками. Но Майклу Мэнсону пришла идея написать роман, где секира была бы, так сказать, одним из главных действующих лиц, и он свое намерение выполнил. Таким образом, мы имеем дилогию «Конан и Небесная Секира», первую часть которой образует «Конан — мятежник», а вторую — роман Мэнсона. Не исключено, что она когда-нибудь превратится в трилогию или тетralогию, так как секира — оружие как раз по руке нашему могучему киммерийцу. Но вернемся к нашему герою. После ужасной гибели Белит он отправляется в Кешан, где происходят очередные его приключения, описанные в новелле Говарда и Спрэг де Кампа «Сокровища Гвалура»². Ему 25 лет; в Кешане Конан пытается похитить драгоценные камни, называемые Зубы Гвалура. После провала предприятия он отправляется из Кешана в Пунт, но и там его подстерегают неудачи.

Следующий за Пунтом период Майкл Мэнсон как раз и выбрал в качестве времени действия своего романа: Конан возвращается из Черных Королевств в привычные хайборийские земли, но попадает в плен к стигийцам, а затем совершает далекое путешествие на юго-восток вместе с Рана Риордой, Небесной Секирой, но в завершение всей истории опять оказывается в Файоне. Что же происходит с ним во время долгого пути к материку Му, вы узнаете, прочитав роман Майкла Мэнсона.

Надо отдать должное господину Мэнсону — ему удается как никому другому «влезать» в шкуру своих героев и проживать вместе с ними целые отрезки жизни. Сам Майкл имеет небольшую уютную виллу в Марчентере. Это забавное тихое местечко в районе Великих Озер. Майкл часто выходит на прогулки, чтобы полюбоваться величественными водами Онтарио, но последнее время я стал задумываться — быть может это фикция, мираж, пар над чайником. И он вовсе не наслаждается видом могучих северных сосен, а с помощью припрятанной где-нибудь в окрестностях машины времени постоянно ныряет в разные миры и времена? И когда ему доводится писать об Англии шестидесятих или семидесятих годов, он становится англичанином и проживает где-то в Лондоне или Ливерпуле? А когда он корпее над будущим бестселлером, действие коего происходит в Штатах, России или в созвездии Большой Медведицы, то оказывается именно там?

У меня есть догадка, что касается историй о Конане, то во время их написания Майкл отправляется в хайборийскую эру и приземляется в Шеме. Да, в тех краях он известен как шемит Нама Мэнсона, житель приморского Асгалуна, писец и рассказчик всевозможных баек и легенд; быть может, это и является его истинной ипостасью? Так или иначе, но он написал три романа о Конане — «Конан и дар Митры», «Конан и Небесная Секира», «Конан и грот Дайомы», а сейчас заканчивает четвертый.

Пишет он очень быстро, чему не стоит удивляться: в Шеме, в отличие от нашего высокотехнологичного мира, царят порядок и спокойствие; вдобавок весь необходимый материал под рукой...

Джеральд Говард. Лос-Анджелес.

¹ Выпущен в свет на русском в 1995 году издательством «Троль» в серийном оформлении издательства «Северо-Запад».

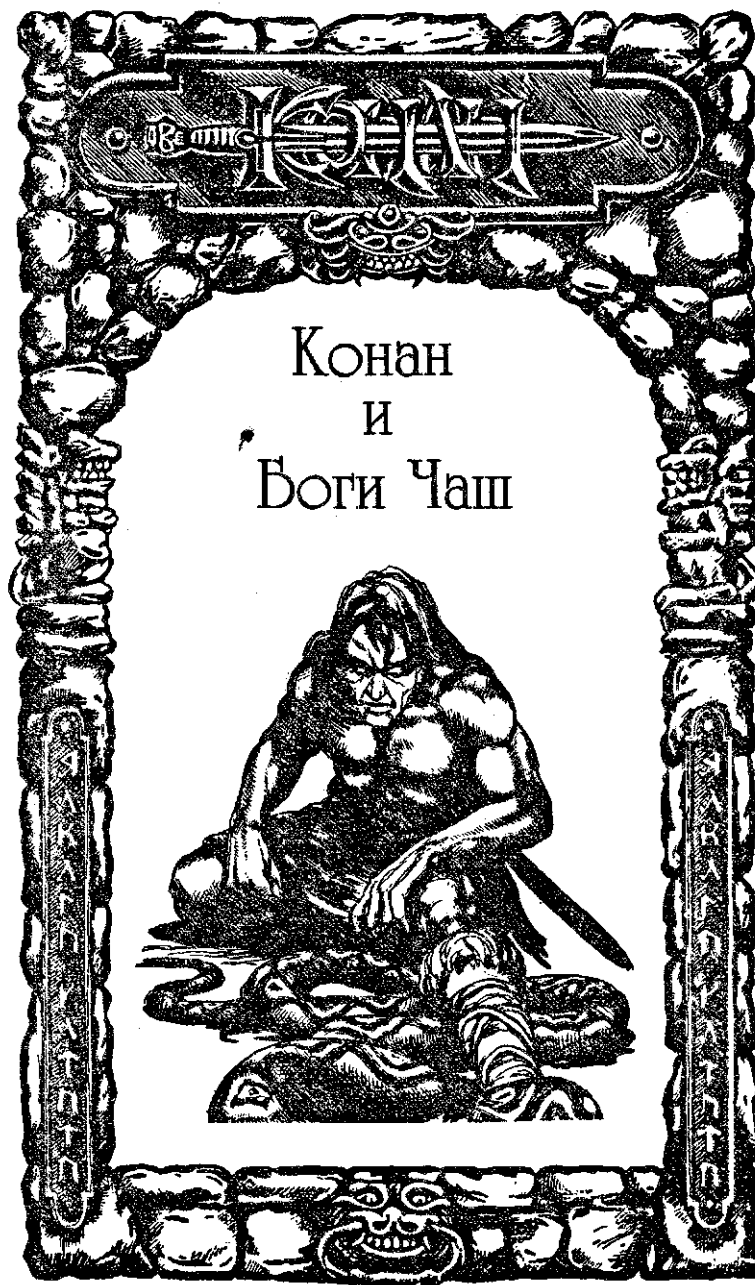
² См. «Конан и четыре стихии», изд-во «Северо-Запад».

³ См. первый том четырехтомного собрания сочинений Роберта Говарда, выпущенного минским издательством «Эридан».

⁴ См. «Конан и секира света», изд-во «Азбука», в оригинале — «Конан-мятежник».

⁵ См. «Конан в цитадели мрака», изд-во «Азбука», в оригинале — «Конан и охотники за людьми».

⁶ См. «Конан и повелители нещер», изд-во «Северо-Запад».

К-рр-ром! — прорычал высокорослый черноволосый всадник, плотнее закутываясь в видавший виды дорожный плащ. Небеса разверзлись, на узкую горную тропу низвергался настоящий поток: снег пополам с дождем и градом. Все это сопровождалось еще и пронзающим ледяным ветром, словно все злые колдуны этих краев объединились в стремлении довести Конана-киммерийца до последней степени бешенства. Конь, похоже, разделяя чувства своего наездника.

Предательская тропа, что змеей вилась вдоль обрывистого склона, размокла вконец. Копыта жеребца скользили среди жидкой грязи, перемешанной со скользкими булыжниками. Каждый шаг мог стать последним. Словно чувствуя это, конь жалобно заржал, поворачивая голову к седоку. Мол, сколько же можно? Погибнем же оба, хозяин...

Встретив выразительный взгляд больших фиолетовых глаз жеребца, Конан вновь выругался. Да, тропа стала очень опасна — просто смертельно опасна, а он, Конан, как раз и сумел выжить в десятках гибельных приключений именно потому, что умел не рисковать попусту. Самым разумным сейчас было бы отыскать местечко посуше под каким-нибудь выступом — они попадались довольно часто — и переждать дождь. И в иное время Конан бы так и поступил, но сейчас...

Всю Пустыньку — знаменитый воровской квартал Шадизара — недавно облетела весть о том, что на западе, в Карпашских Горах, некие грабители могил отыскивали дорогу в мертвый город на берегу почти что высохшей реки. Там в покинутых храмах и опустевших дворцах, где молились неведомым богам и правили неведомые короли, грабители натолкнулись на сказочные, небывалые богатства. Однако выбраться из города сумел только один счастливчик — остальные пошли на корм охранявшим мертвый город демонам и прочим страшилищам. Единственный уцелевший повредился в уме от счастья — однако все видели громадный изумруд размером с кури-

ное яйцо, которое парень по глупости показал в какой-то таверне. Прежде, чем окончательно помешаться, он успел продать свою добычу и надежно спрятать деньги — после чего зажил в свое удовольствие в хорошем, тщательно охраняемом особняке, окруженный сиделками и врачами. Разум оставил его окончательно, однако золото лежало в солидном банкирском доме, аккуратно платившем по счетам — и несчастный безумец мог ни о чем не беспокоиться.

Правители Шадизара не преминули проверить прокатившиеся волной слухи. Однако несколько поисковых отрядов вернулось ни с чем; отнять же добычу у удачливого вора власть предержащие побоялись. Ростовщики были весьма влиятельной кастой в городе, в последнее время они заигрывали с известными грабителями, подбывая их класть золото в банкирские дома, и потому твердо блюли свое слово — доверие рыцарей удачи стоило очень дорого. Если бы добыча была отнята у везучего охотника за сокровищами, то ни один обитатель Пустыньки не подошел бы к заемной конторе и на полет стрелы — разве что только с намерениями, весьма далекими от помещения вклада.

Конан начал действовать немедленно, как только своими глазами увидел изумруд в руке счастливого полудиота. Запасшись снаряжением и провиантом, на сильном и выносливом коне он в одиночку выехал на поиски. Неудачи, постигшие городских стражников, его не смущали. В Шадизаре испокон века побаивались Карпашских Гор, где, болтали, по ущельям до сих пор носятся голодные призраки-вампиры, высасывая кровь у живых... Сам же варвар, несмотря на то, что в жизни ему пришлось немало встречаться и с вампирами, и с призраками, нимало их не боялся. Острая сталь и верная рука служили хорошей защитой. А в последнее время он не расставался с заветным мечом, эфес которого был увенчан зачарованным серебряным шариком — этот шарик помог киммерийцу сразить не одного демона и рассеять не одно заклятье, пока северянин сражался с орденом Ночных Клинков...

Однако с самого начала Конану не везло. Погода внезапно и резко испортилась, стоило киммерийцу выехать за пределы города. Со всех сторон напозли тучи, а потом, словно острые вершины гор вспороли облакам жирные животы, с небес хлынуло, да так, что даже видавший виды Конан ежился и ругался.

Нужно было останавливаться — однако Конану казалось, что с час назад, пока тропа не нырнула в боковой отвод ущелья, а завеса ливня на миг ослабла, он, Конан, заметил впереди смутные очертания полуобрушенных шпилей и громадных куполов. Видение длилось секунду, не больше, а потом налетел ревущий порыв ветра, таща за собой крутящиеся дождевые вихри, и перед глазами Конана вновь была лишь серая мгла.

И еще одно заставляло киммерийца спешить — пока тропа не размокла окончательно, на ней четко и ясно видны были следы двух людей. Кто-то опережал киммерийца, а Конан терпеть не мог, когда кто-то оказывался у добычи раньше него самого.

Склон резко свернул влево, к северу. Ущелье сужалось, во мгле замаячили очертания противоположного склона. Внизу на камнях бурлил стремительный ручей. Конан посмотрел вниз — нет, не перебраться. С конем — никогда. Значит, придется петлять дальше.

Словно издеваясь над нетерпением северянина, тропа неспешно принялась петлять по бесчисленным ответвлениям ущелья, становясь все уже и опаснее. Конану пришлось спешиться. Ветер неожиданно стих и тут — спасибо туману! — киммериец услышал впереди негромкие голоса.

Говорили двое, и находились они, судя по всему, совсем близко — за ближайшим изломом тропы.

— Говорил же тебе — незачем и выходить было в такую погоду...

— А кто сам такое устроил? Кто? Я? Кто у нас великий погодный маг? — Это было сказано с явной издевкой. — Кто говорил — да я их только со следа собью, а на нас ни одной капли не упадет?

— Ну... так выпло... зато смотри, какой ливень! Ни одна собака не выследит!

— Ага. Не выследит. А кто за нами по ущелью идет? Ты что, его не чувствуешь, погодник?

— Н-нет... я дождем был занят... А что, правда?

— Правда, правда... — пробурчал второй голос — заметно ниже и басовитее первого. — Я-то его отлично чую... Он сейчас где-то рядом...

— Так он же услышит, как мы разговариваем! — всполошился первый собеседник.

— Вспомнил... — желчно усмехнулся второй. — Думаешь, все такие рассеянные, как ты? Я-то про защиту не забыл...

Конан невольно скосил глаза на эфес своего меча — серебряный шар светился ровным розоватым светом. Выпив силы многих поверженных демонов, многих разрушенных заклятий, шар отлично чувствовал чужое волшебство. И, похоже, мог его развеивать.

— А что же мы станем с ним делать? — озабоченно осведомился первый. — Кто он вообще такой? Откуда здесь взялся?

— Пакар его знает. Безумец какой-то, — отозвался бас.

— А, может... — задрожал первый голос, — может, он прознал...

— Молчи!!! — зашипел второй. — Даже под защитой об этом говорить нельзя ни в коем случае!

— Молчу, молчу, молчу... — зачастил первый. — А... все-таки... что делать будем? Ты у нас в этих делах главный...

— Погоди, дай подумать. Может, лавину на него спустить? Из грязи? Следов не останется... Сумеешь, погодник? Склон как следует размочить, и...

— Попробуюсь, — уныло отозвался тот, кого называли погодником.

— Только смотри, не нам на голову, — предупредил бас. — А то я тебе так врежу...

— Не грози! — злобно зашипел первый голос. — Скажи, пожалуйста, какой выискался! Сам — ученик третьего ряда, только и умеешь, что подковы ломать, потому как не обделил тебя, дурака, Митра силушкой!..

— Эй, ты! Не я защиту ставил, что ли?!.. — рявкнул в ответ бас.

— Ставил, ставил, да только не знаю я, что ли, как ты медальон сестры Танит получил? Думаешь, не видел, как ты по утрам из ее окна выпрыгивал? Скажи спасибо, орясина, что я отцу-настоятелю до сих пор на тебя не донес!

— Ах, ты... — второй голос задохнулся от гнева. Что-то захлюпало.

— Не скачи, все равно не поймаешь! — взвизгнул погодник. — И ты что же, совсем забыл, куда мы посланы? И зачем? И что с нами сделают, если мы не вернемся в срок?.. Утихни, кому говорю!

Как ни странно, эти слова возымели действие. Хлопанье и шлепанье затихли.

— Ладно, ладно... — пробурчал бас. — Ну так что, лавину устраивать-то будешь или нет?

— Вернее будет, если ты мне свой медальон дашь, — неожиданно потребовал погодник. Конан готов был поклясться, что в голосе говорившего проскользнуло какое-то злое нетерпение, словно вот-вот должна была хлопнуться некая западня, так что киммерийцу даже захотелось крикнуть неведомому обладателю таинственного «медальона сестры Танит» — «не отдавай!»

— Это-то тебе еще зачем? — подозрительно осведомился обладатель низкого голоса. — Она эту вещь отдала мне, понял, погодник? МНЕ! И ты ее не получишь. Давай лучше, работай, если ты такой крутой — как же, ученик второго ряда!

— Ты сначала доберись до второго ряда, а уж потом шутики шути, — прошипел погодник. — Так что, не дашь медальон?

— Не дам! — отрезал бас.

— Ну, тогда я все отцу-настоятелю выложу...

— А что же раньше не выкладывал, коли такой праведный? — рявкнул утешитель сестры Танит.

— Да тебя, дурака, жалел. Думал, приятели все же...

— Ага, жалел ты меня... — желчно усмехнулся обладатель медальона. — Когда меня пороли и сквозь строй

гнали — кто больше всех усердствовал, а? Другие-то поровили мимо ударить или там послабее как-нибудь, а ты?..

— Так у меня ж за плечом настоятель стоял! — плаксиво затянул погодник. — Смотрел... за каждым движением следил... А меня ж тогда с дочкой водовоза застучали, я насилиу отперся! Не знает будто!..

— Знаю, знаю... — проворчал бас. — Ну, все, хорош болтать, берись за дело. Идти надо, а у нас этот тип на плечах висит. И Чашу не вскрыешь...

— Да, — уныло согласился погодник. — Таким заклиниям только в старшем ряду и учат... А тут до первого-то не знаешь, дотянешь ли, нет... Так как, не дашь медальон? С ним-то я такого наворочу!..

— Нет. Не дам! — вновь отрезал бас. — Не стой ты столбом, во имя Пакара! Плети свое чародейство!

— Ладно, ладно, начинаю...

Разговор оборвался. Наступила тишина — только дождь лупил по мокрым камням и размокшей глине, да журчал ручей внизу, разбухнув от непрерывного ливня. Сжав зубы и держа наготове меч, Конан двинулся вперед.

Надо сказать, что киммериец с давних пор терпеть не мог волшебников. Всех и всяческих магов, чародеев, некромантов, заклинателей и прочих якшающийся с потусторонними силами народ Конан глубоко презирал и старался держаться от них подальше. Правда, удавалось это далеко не всегда... Вот и теперь — он явно столкнулся с какими-то колдунами, пусть не самыми сильными, судя по речи — учениками, но все равно: в таких случаях надо нападать первым. Иначе тебе просто не дадут пустить в ход честную сталь.

Шар на эфесе светился все ярче и ярче.

Оставленный Конаном позади жеребец прижался к скале, пытаясь найти убежище от дождя и ветра. Никакого желания последовать за хозяином он не выказал.

Северянин осторожно обогнул острый выступ склона, вокруг которого обвивалась тропа. Хоронясь за громоздящими валунами, не обращая внимания на текущие по

телу струи холодной воды (плащ свой киммериец оставил вместе с конем), он осторожно пробирался вперед.

Серебряный шар был хорош, он не раз выручал Конана в схватках с орденом Ночных Клинков — однако на сей раз какие-то охранные заклятья все же сработали. Что-то внезапно резко свистнуло, хлопнуло и страшной силы удар в плечо бросил варвара в липкую ледяную грязь между камней. Впереди раздались исполошенные крики.

— Ах, ты... — вне себя от ярости прохрипел Конан. Он вскочил на ноги. По груди и животу стекала жидкая глина. Перед глазами стусился непроглядный сырой туман — варвар не видел собственную руку с мечом, выставленную вперед.

Стоять на месте было нельзя. Сейчас эти колдуны разберутся, что к чему, и тогда ему несдобровать. Если в ход идут чары, меч может и не помочь. Да и серебряный шар тоже.

Завеса тумана внезапно лопнула. Конан очутился на крохотном пятнышке, притулившимся возле отвесного склона скалы. Несмотря на дождь, там горел костер, и земля вокруг него была совершенно сухой. На камнях были свалены заплетные мешки; а возле огня стояла странного вида чаша с двумя полукруглыми ручками по бокам; и, похоже, чаша была серебряной.

А перед костром, растерянно глядя на Конана, застыли двое совсем молодых парней в холщовых рубищах, босые, с длинными увесистыми посохами. Один — мозгляк мозгляком, низенький, щуплый, с какой-то крысиной мордочкой вместо лица, живо напомнившей Конану незабвенного Веледа, бодейского императора воров. Второй — плечистый, крепкий, с квадратной мордой самого что ни на есть злодейского вида; с таким лицом в заведении Абулетеса парня приняли бы за своего. И посох свой он держал, точно копьё.

Если бы Конан и хотел вступить в переговоры, он все равно не успел бы этого сделать. Оба парня бросились на киммерийца, размахивая посохами — надо сказать, очень умело и быстро. Посоха крутились, вертелись, их концы описывали сложные восьмерки и петли — нечто подобное

киммерийцу доводилось видеть в Туране, где на ярмарках порой выступали циркачи из Кхитая и Вендии, показывавшие изумленной публике свои невероятные, сказочные приемы боя...

Северянин усмехнулся. Все эти ужимки и прыжки, по сути, основаны на одном — что мечу не под силу разрубить толстое и прочное дерево. Ну вот сейчас мы и посмотрим, так ли это...

Конан радовался схватке. Эти двое хотели спустить на него лавину, похоронить под толстым слоем камней и глины — так пусть же теперь расплачиваются!

Клинок свистнул. Взлетел подставленный под удар посох — и сухое старое дерево оказалось рассечено надвое. Щуплый недоуменно уставился на обломки в своих руках; а в следующий миг серебряный шар на эфесе киммерийца аккуратно и точно ударил парня по голове. Погодник всхлипнул и, подняв тучу брызг, шлепнулся прямо на пузо — в большую и глубокую лужу.

Напарник ученика второго ряда, однако, не растерялся. Посох крутнулся раз, другой, третий — так что даже Конан не мог проследить за всеми его движениями — и едва не подсек ноги киммерийца. Варвар едва успел отпрыгнуть в сторону. В следующий миг он уже бросился в рукопашную — а здесь мало кто в хайборийских землях мог бы с ним сравниться...

Конец посоха лишь слегка задел киммерийца, а вот достопочтенного ученика третьего ряда кулак киммерийца отбросил шагов на семь. Парень врезался спиной в скалу и осел в грязь. Глаза его закатились — он был без сознания.

— Та-ак... — протянул Конан, обозревая поле сражения. Оба его противника опасности не представляли — валялись без чувств, и, судя по всему, в себя должны были прийти еще не скоро. Киммериец ловко, что свидетельствовало о большом опыте, связал обоих и приступил к осмотру трофеев. Они были невелики, даже можно сказать — ничтожны: заплечные мешки с ничем не примечательным скарбом и закопченная серебряная чаша. Крышка ее была наглухо запаяна.

Заинтригованный, Конан приподнял сосуд, оказавшийся неожиданно тяжелым. Встряхнул — ни звука; ничто не булькало, не перекатывалось. Чаша была либо заполнена под самую крышку чем-то вроде воска, в середине которого покоился здоровенный камень, либо... Конан терялся в догадках.

Он достал нож и попытался открыть чашу. Однако запаяно было на совесть, лезвие скользило по шву и лишь зря тупилось.

— Ишь ты! — Конан решил, что этой чашей стоит заняться всерьез. Вернулся, привел под уздцы храпящего жеребца — конь явно чего-то боялся — и вновь принялся за дело. Нашел подходящий камень, тщательно наставил кинжал и как следует ударил булыжником по рукоятке.

Это подействовало. В прочном шве появилось небольшое отверстие, из которого тотчас же послышался томный и капризный женский голос.

— Что, уже все?... Можно выходить? Мы в храме, и идут священные обряды?

Конан слегка оторопел.

— Эй! Ты кто? — Он осторожно потряс чашу.

— Как это кто, невежда! — сердито взвизгнули в чаше. — Я — Великий и Могучий Крылатый Ночной Ужас, Я — Смерть, Разящая на Рассвете, Я — Гибель, Настигающая Нечестивцев, врагов истинной веры! — неожиданно голос замолк, а миг спустя деловито осведомился: — А ты готов принять смерть? Мученическую, коя послужит вящему прославлению истинной веры?

— Чего-чего? — У Конана глаза полезли на лоб.

— Великое небо, какой тупой! — вздохнули в чаше. — Ты умирать будешь или нет? Сколько можно спрашивать?

Вместо ответа киммериец подтянул к себе меч, нацелил его эфесом вниз и как следует ткнул серебряным шаром в дырку. Раздался глухой визг, из чаши вырвалось легкое облачко оранжевого дыма.

— Еретик! Богохульник! Отступник! — вопило существо внутри. — погоди, сейчас я выберусь оттуда...

Конан вновь ткнул шаром на эфесе в чашу. Вновь раздался яростный визг — и внезапно из отверстия брыз-

нул сноп искр. Шов покраснел и начал размягчаться; от чашки шел сильный жар.

— Кр-ром! — прорычал Конан. Он понял, что придется опять иметь дело с каким-то сверхъестественным существом — чего киммериец терпеть не мог, наверное, даже сильнее, чем с магами и волшебниками.

Пинком ноги Конан перевернул чашу — так, чтобы она угодила в лужу повнушительнее. Раздалось громкое шипение, повалил пар; сквозь шипение и свист доносились какие-то неразборчивые возгласы — очевидно, существо было отлично знакомо с шадизарской площадной бранью. Жидкая грязь, пузырясь и булькая, мало-помалу затекала внутрь чаши. Раскаленный шов остывал.

— Негодяй! — вопило существо. — Ты заплатишь мне за это страшную цену! Я выпью твою душу, я сожру твою печень, я зажарю твоё сердце!

— Стану я тебя ждать, как же, — усмехнулся Конан, взбираясь в седло.

Тропа дальше неожиданно расширялась, и киммериец уже предвкушал более-менее нормальную дорогу, как из отверстия в чаше вырвался самый настоящий огненный клинок, в несколько мгновений вспоровший прочный и толстый шов. Крышка отогнулась в сторону; над устьем чаши сгустился плотный серый туман, стремительно принявший очертания молодой девушки с красивым и злым лицом. Под черными как смоль бровями мрачно горели зеленые тигриные глаза. Тонкое одеяние — нечто вроде ниспадавшей длинными прямыми складками накидки — было все заляпано глиной, которую девушка и пыталась стряхнуть, брезгливо смахивая пальцами.

При всем притом выглядела девица не очень. Видно было, что она — призрак; и в некоей степени материально только ее одеяние. Все же остальное было словно соткано из нитей тумана — и при том казалось страшно худым.

Взор зеленых глаз уперся в Конана, и бесстрашный киммериец почувствовал, что ему становится не по себе. Было в этом взгляде нечто оценивающее — сам Конан примерно так же смотрел на поданный ему Абулетесом обед.

Жеребец испуганно заржал и забился. На расширившейся, но все равно еще довольно-таки узкой тропе сражаться конным было равносильно самоубийству. Северянин соскочил с седла. Меч он держал в ножнах, эфесом вперед. Серебряный шар ярко светился, и это свечение заставило зеленоглазую красотку чуть поумерить прыть. Она злобно зашипела, точно рассерженная кобра; руки со скрюченными на манер когтей пальцами невольно опустились.

— Хитрый... хитрый какой... — хрипло проговорила красотка, облизывая губы.

Конан сделал шаг вперед. Девица отступила — и тут ее взоры упали на двух бесчувственных парней.

Зеленые глаза полыхнули. В них была такая дикая, людоедская радость, что Конан даже отшатнулся. Рыча, точно терзающая добычу львица, красотка накинута на беззащитных людей. Зубы и ногти призрака впились в плоть. Брызнула кровь — девица одним движением перервала погоднику горло и жадно припала к ране внезапно очень широко раскрывшимися ртом.

Не помня себя, Конан рванулся вперед, занеся для удара серебряное навершие эфеса. На его глазах призрак обретал плоть — колышущаяся, бестелесная фигура наливалась жизнью, сквозь складки одеяния больше не просвечивал камень скалы. Руки перестали казаться высохшими дланями скелета — кожа свежела и молодела с каждым миготом.

Упыриха жадно сосала кровь из раны на горле несчастного парня. Конан налетел на чудовище, словно ураган на морской берег. Удар был нацелен в голову вампирише, однако та лишь небрежно вскинула левую руку — и замах Конана пропал втуне. Ножны отскочили от подставленного локтя красотки, словно тело ее было из сплошной стали. Киммериец едва устоял на ногах.

Второй парень — тот, что был покрепче — зашевелился и застонал. Он приподнял голову — и глаза его расширились от ужаса.

— Нет!... — Вот и все, что он успел выкрикнуть. Вся перемазанная кровью, упыриха метнулась к нему, одним

движением напрочь оторвав бедняге голову. Кровь так и хлестнула.

— А теперь ты! — Измазанный алым рот вампириши растянулся в жутком подобии улыбки. Блеснули острые зубы. Вытянув руки, чудовище шагнуло к Конану. Ни сталь клинка, ни серебро тревожно замерцавшего шара, похоже, ничуть не волновали упыриху. Губы ее растягивались все шире, рот превращался в настоящую пасть, очень смахивавшую на акулю.

Конан ответил стремительным выпадом. Меч он держал эфесом вперед — однако руки чудовища двигались быстрее, чем у самого умелого и сильного бойца. Киммерийца отшвырнуло в сторону с такой силой, что он едва удержался на узком краю обрыва. Меч вырвался из его руки.

Упыриха расхохоталась.

— Ну вот, теперь ты мой!

Она вновь двинулась к нему. Конан отступил в сторону, потом еще раз и еще — так, чтобы девица оказалась спиной к обрыву. Ему это удалось; лопатки северянина коснулись твердого мокрого камня. Рядом, на вершине громадной, вросшей в землю глыбы, лежал еще один валун — поменьше, но тоже почти неподъемный. Застонав от натуги, варвар успел вскинуть каменную глыбу над головой — и что было сил метнуть ее прямо в грудь упырихе.

Она успела подставить руки — однако ее опрокинуло на спину, ноги обретшего тело страшилища поскользнулись на мокрой глине — и упыриха с отчаянным воплем полетела вниз, на ждущие камни.

Мокрый хлопок. Тело напоролось на острую вершину гранитной глыбы и оказалось разорвано пополам.

— Вот так, — вырвалось у Конана. Пинком ноги он отправил вслед за упырем и служившую ей вместилищем опоганенную чашу. Успокоил напуганного коня. И, взбравшись-таки в седло, поехал дальше. Дождь слабел — похоже, со смертью погодника чары начали рассеиваться. Конан бросил последний взгляд на место побоища, покачал головой и тронул поводья.

Погода заметно улучшалась. Тучи поднялись, рассеиваясь в небесной выси; туман расползлся в стороны рваными клочьями. Видно стало лучше — а вот дорога совсем испортилась. И это оказалось тем более обидно, что кончилась она как раз в виду того самого города-призрака, куда так упорно пробивался Конан.

Киммериец стоял, держа под уздцы коня. Город был еще подернут остатками туманной мглы, словно нищий, завернувшийся в зияющий прорехами плащ. Видны были остатки башен, стен, каких-то домов; все превратилось в бесформенные груды темно-коричневого камня. Уцелели одни лишь шпили — неправдоподобно тонкие, высокие, они казались наконечниками копий, упертыми в мягкое подбрюшье облаков. С высоты Конану казалось, что он различает линии улиц, хотя по своему опыту искатель приключений знал, что стоит ему оказаться там, среди развалин, как все исчезнет, и вокруг него останутся одни лишь завалы искрошенного неведомыми силами камня.

Далеко позади осталась мертвая упыриха — однако киммерийцу казалось, что он видит насмешливый, ждущий взгляд злобных зеленых глаз даже сейчас. Чем-то она была сродни этому мертвому городу — может, оттого, что среди коричневого однообразия время от времени вспыхивали зеленые искры одиночных изумрудного цвета плит?

Прямо под ногами у Конана начиналась пропасть. Далеко внизу смутно виднелось дно ущелья, точнее, уже не ущелья — долины. Камни исчезали, уступая место буйно разросшимся сорным травам и кустам. Когда-то город, наверное, окружали поля и сады — от которых, разумеется, уже давным-давно ничего не осталось.

Конан не знал, что за люди жили здесь, почему покинули насиженные места, не взяв с собой даже сокровища. Не знал и не хотел гадать. Ему хватило приключения с упырихой — когда впервые спасовал даже его заветный, зачарованный серебряный шар на эфесе. Сей-

час, пожалуй, он оставит коня здесь — искать дорогу в обход слишком долго — и спустится сам...

Сказано — сделано. Выросший в Киммерии Конан сызмальства привык скользить по скалам ловчее горной змеи. А тут склон, хоть и был слишком крут для лошади, ловкий человек мог спуститься спокойно.

Миновав широкую полосу разнотравья, Конан подошел к краю развалин. Руины показались ему ничем не примечательными — груды камней, и все. Кое-где торчат чудом пощаженные временем концы деревянных балок.

Конан взобрался на одну из каменных куч. Да-а... здесь копаться — нужно несколько сотен сильных рабов... чтобы перекидать все это по камушку...

Киммериец решил пройти чуть дальше в глубь города — ему казалось, что в лучше сохранившихся шпильях, чьи широкие круглые основания из тесаного камня вынесли неведомый натиск, у него больше шансов отыскать что-либо стоящее.

Первый шпиль его разочаровал. Вход в каменное основание когда-то запирали створки ворот, теперь от них не осталось и следа — как и от всего мало-мальски ценного, что могло здесь находиться. Пыль, помет каких-то мелких тварей, кости... Над головой уходили ввысь черные ребра, поддерживавшие всю сложную конструкцию шпилей. В остальном же громадное помещение не содержало в себе ничего интересного — только камни и пыль. Если здесь и были сокровища, то их либо давно вынесли, либо искать их следовало совершенно не так, а тщательно простукивая пол и стены...

Конан уже совсем было решил, что ему не повезло и придется заниматься долгими и утомительными раскопками, когда взгляд его случайно упал на черный провал входа в соседний шпиль. Киммериец присмотрелся — так и есть. Следы! На камнях — желтая глина, принесенная с гор. Здесь прошли люди — и совсем недавно. Ну, а где люди — там и деньги должны обретаться!

Повторяя про себя эту нехитрую заповедь шадизарских воров, Конан прокрался ко входу. Точно! Внутри раздавались приглушенные голоса.

Киммериец неслышной тенью скользнул внутрь. Прятаться было легко — свет проникал лишь сквозь узкие и редкие бойницы.

В самой середине зала прямо на каменном полу был разведен огонь. У костра, завернувшись в плащ, сидел человек; а рядом с ним в раскрытых переметных сумах тускло блестело золото.

У северянина перехватило дыхание. Ага! Значит, слухи, с одной стороны, не врал, а с другой — эти типы сумели опередить его, Конана! Ну хорошо, посмотрим, послушаем...

— Этого достаточно, Збигар, — холодно произнес сидевший у огня человек. — Увяжи все сумки. Те двое с чашей вот-вот должны быть здесь. Кордан! Высланы стражники им навстречу?

— Высланы, мастер, — прохрипел Кордан, низкий толстяк, в чьих могучих руках тяжелый боевой топор казался детской игрушкой. — Они должны встретить монахов на развилке. Но... до сих пор я не получил никаких известий... Собираюсь выслать гонца, проверить, все ли в порядке...

— Если твои люди нуждаются в тебе, — холодно бросил сидящий, отчего Кордан тотчас же повалился на колени, словно ему подрубили ноги.

— Мастер... помилуй... сжался...

— Иди. И чтобы я через час знал, что тропа обыскана.

Толстяк вприпрыжку бросился к выходу, не заметив затаившегося за камнями варвара.

У огня осталось пятеро, не считая сидящего.

— А у тебя, Филзах — у тебя все готово? Девственницы? Младенцы? Все наличествует? Жертвенные ножи? Наточены?

— Все, все готово, мастер. Тринадцать девственниц. Тринадцать младенцев. Все собраны, отмыты и сыты, дабы предстать перед Пожирателем в пристойном виде...

— Хорошо! Я не сомневался в тебе. А остальные? Все готово к приему Чаши?

— Все... все, мастер... все... — раздалось сразу несколько голосов. — Осталось только принять чашу...

— Отлично! Наконец-то наступает тот день, который наш Бог ждал так долго! — сидевший сжал кулаки. В его словах слышался настоящий фанатизм.

Конан лежал, притаившись, и внимательно слушал. Ясно, что здешние заправила успели разжиться древними сокровищами; и киммериец отнюдь не собирался уступать добычу своим более удачливым предшественникам. Он дождался, пока сидевший жрец разослал всех своих подчиненных с поручениями и остался один, вперив неподвижный взор в огонь — и тогда северянин вышел из тени.

Сидевший вскинул голову. В зрачках играло пламя. Тонкие губы растянулись в подобие усмешки.

— Мясо! — вырвалось у жреца. — Молодое мясо!

— Ну, это мы сейчас посмотрим, кто из нас мясо! — ухмыльнулся северянин. Клинок заплескался перед самым лицом жреца.

— Мне очень нравятся эти твои сумки, — задумчиво сказал Конан, аккуратно поднимая тяжелый кожаный мешок. В мешке приятно звякнуло. И в тот же миг киммериец ощутил, что на него словно бы опустилось холодное облако — летучий лед, в один миг сковавший непробиваемым панцирем руки и ноги варвара. Конан застыл — мускулы не повиновались.

— Ну вот теперь-то мы и видим, кто из нас мясо, — прошипел жрец, вставая. В его руке тускло блестел голубоватый камень. — Наивный глупец! Ты явился сюда, в наш город, перед самым праздником Спящего Бога, и думаешь, что твоя нелепая железная игрушка может защитить от чар Камня Спящего? И даже серебряное навершие на твоём эфесе — ничто по сравнению с мощью моих заклинаний! Что ж, ты послужишь приятным дополнением к пиршеству нашего Бога! Эй, люди, сюда, быстрее!

Конан слышал топот ног у себя за спиной и на все лады проклинал свою дурацкую ошибку. Зачем, ну зачем ему вообще потребовалось говорить с этим узколицым? Надо было просто зарубить его — и все. А он, дурак, трижды дурак...

Но помочь себе советами невозможно; и Конан стал ждать. Если его предназначили в жертву, значит, убьют не сразу. А коли убьют не сразу — у него есть шанс. Северянин уже не раз попадал в подобные переделки — когда торжествующие враги клялись и божились, что вот-вот отправят его, Конана, на корм какому-нибудь жутком зверю из Бездн — однако же все те хвастуны впоследствии расстались с жизнями, причем некоторые из них умирали очень долго и болезненно...

Окаменев, Конан ждал. Ему оставалось только одно: ждать и смотреть. Он вглядывался в неприятные, резкие очертания лица верховного жреца, в тонкие линии бескровных губ, узких вытянутых глаз, еле заметных бровей, выгнувшихся двумя длинными дугами — и читал в этом лице, помимо фанатизма, еще и жуткую, дикую, несдерживаемую жестокость. Для этого человека прикончить несколько десятков, сотен или даже тысяч ни в чем не повинных только для того, чтобы «возвеселить Спящего», было парой пустяков. Люди, похоже, для жреца вообще не существовали.

Одеяние служителя Спящего при ближайшем рассмотрении казалось более впору дикому горному пастуху, чем жрецу уважаемого культа. Сшитая из обрывков меховых шкур, вся лоснящаяся и вытертая, с нелепыми кусками разноцветного стекла, напیتیми то тут, то там... Чем больше Конан смотрел на одеяние жреца, тем крепче утверждался в мысли — перед ним не только фанатик, но и безумец.

На зов жреца — которого здесь все именовали «мастер» — сбегалось немало народа. Конан не мог повернуть головы, и потому не видел всех; но и тех, что предстали перед его взорами, было достаточно. Все в каких-то неописуемых меховых лохмотьях, вооруженные сучковатыми дубинами — лишь у единиц Конан заметил настоящие мечи. В глазах у всех — мрачное пламя; на киммерийца здесь смотрели, наверное, еще более плотоядно, чем упыриха в ущелье.

— Это мясо само пришло к нам, в день, когда мы воздаем почести Спящему, — торжественно провозгласил

жрец. — Его послали нам те, кто охраняет Священный Сон! Из этого мяса мы приготовим пришествленную трапезу... Здесь хватит на всех.

Собрание разразилось одобрительным ворчанием.

— Пусть нечестивец, пытавшийся украсть наши богатства, останется пока здесь! — распорядился жрец. — Пусть он проникнется ужасом уготованного ему! А мы все отправимся совершать благодарственное служение — ибо время начала Обряда приближается.

Киммериец остался один. Впрочем, не совсем — в воздухе перед его глазами плавало призрачное лицо верховного жреца. Губы презрительно искривлены, узкие хищные глаза горят жадным ожиданием...

Варвар не мог даже сплюнуть — не то что выругаться вслух, чтобы хотя бы этим облегчить душу.

Потянулось томительное время. Конан не знал, оставил ли жрец охрану — хотя к чему, если заколдованный пленник и так не может пошевелить ни рукой, ни ногой?

За спиной киммерийца, у входа, что-то внезапно лязгнуло. Внутренне Конан весь передернулся — это звенели столкнувшиеся в схватке мечи!

Призрачный лик жреца внезапно весь перекосялся. Глаза поехали куда-то вниз, рот растянулся до ушей, из-под губ полезли полупрозрачные клыки — но было уже поздно. Откуда-то из-за спины северянина вылетело небольшое беловатое облачко, чем-то напоминавшее распяленную медузу. Пушистые отростки вцепились в жутко изменившийся лик — и по щекам его потекли струи крови. Судорожно дернувшись, лицо исчезло.

В тот же миг Конан ощутил, что сковывавшее его оцепенение тоже улетучилось без следа.

— Скорее, скорее, за нами! — окликнул его сильный, чуть низковатый женский голос. Северянин стремительно обернулся.

У выхода стояли трое — женщина в короткой куртке мечника, свободных кожаных штанах и с кривой саблей в правой руке, (по клинку все еще стекала кровь) и двое совсем молодых парней, почти мальчишек, не старше пятнадцати лет — они сжимали луки. Четвертой была

совсем маленькая девочка — ей от силы минуло десять-одиннадцать зим.

— Быстрее! Быстрее, пока они не вернулись! — командовала женщина. Конан успел разглядеть большие черные глаза под нависшими изогнутыми бровями — такими же, как и у верховного жреца.

Когда тебя спасают, вопросов задавать не следует. Стряхнув последние остатки оцепенения, северянин ринулся за женщиной.

Они промчались мимо громоздящихся руин, и женщина внезапно нырнула в совершенно неприметный, полузаросший травой ход. Он начинался словно обычная канава, однако уже через несколько шагов его перекрывали каменные плиты. Еще одна плита, поставленная вертикально, оказалась магической дверью.

— Быстрее! — обратилась женщина к девочке. Та, испуганно косясь на великана-киммерийца, поспешно что-то забормотала, вода грязными ладошками по шершавой поверхности камня.

Плита послушалась не сразу — сперва ворчливо скрипела что-то, будто жалуясь на то, что ее беспокоят, и девочке пришлось даже прикрикнуть. Только после этого плита соизволила подняться.

Конан и его спасители вступили внутрь. За их спинами тотчас раздался тяжкий удар — плита встала на место.

Они оказались в небольшом, тесном помещении без окон. Освещалось оно двумя плавающими в воздухе голубыми огнями — любопытные огоньки тотчас ринулись к варвару — разглядеть поближе, и девочке-колдунье пришлось отгонять их.

Конан огляделся. В глубине он заметил черный провал еще одного тоннеля, уводившего еще дальше; а вдоль стен тянулись заваленные тряпьем лежанки, служившие также и лавками. В середине стоял колченогий стол — на нем теснились грубые глиняные плошки с какой-то снедью.

— Садись, приговоренный, — услышал Конан голос женщины.

— Почему это я приговоренный? — удивился варвар, садясь на жалобно скрипнувший под его тяжестью лежак.

— Потому что если бы не мы, Марагар уже вырезал бы из тебя печень, — наставительно заметила женщина. — Он заколдовал тебя, верховный жрец Спящего — и ты, как бык на бойне, пошел бы под жертвенный нож, чтобы ублажить Дремлющего Бога...

Конан дернул щекой — варвар не любил, когда ему напоминали, что он кому-то чем-то обязан — потому что, как показывал опыт северянина, за спасением непременно следует требование сослужить какую-то службу...

— Садись, ешь и пей. Негусто, но лучше, чем ничего. Это поддержит твои силы — а их тебе понадобится много. И притом очень скоро.

Конан скривился. Его ожидания оправдывались. Тем не менее поставленное перед ним варево пахло весьма аппетитно и он, недолго думая, в один миг очистил миску.

— А теперь вот это... — услышал он тоненький голосок. Девочка — колдунья, исподлюбя глядя на Конана. Руки девочки протягивали киммерийцу зеленый венок — белые и золотистые венчики цветов были еще совсем свежими.

— Зачем? — удивился северянин.

— Так надо. Я согнала колдовство Марагара, но ненадолго. Чтобы его совсем убрать, тебе нужно носить это, — и она уже настойчивее протянула венок варвару.

— Гм... — вырвалось у Конана. Ему совершенно не улыбалось принимать что бы то ни было из рук чародейки, пусть даже и малолетней, тем более — надевать взятое у нее себе на голову.

Однако долго раздумывать ему не пришлось. Кончики пальцев внезапно вновь начали неметь. Накатывалась ледяная волна неподвижности.

— Чувствуешь? Мое колдовство теряет силу, — вновь заговорила девчонка. — Торопись!

Деваться было некуда. Скрепя сердце, Конан взял венок — и онемение тотчас начало отступать.

— Не на голову — на шею, — поправила киммерийца девчонка.

— На ше-е-ю? — неприятно поразился Конан.

— На шею, — кивнула молодая колдунья. — Иначе не подействует.

Взгляды всех собравшихся показались Конану несколько двусмысленными — однако делать было нечего, деваться некуда, и, скрепя сердце, киммериец надел венок на шею. Чувство было такое, что он своими руками затягивает удавку на собственном горле.

— Ну, надел, — буркнул он, закончив. — И что теперь? Я ведь вам что-то должен, я так понимаю?

— Правильно понимаешь, — кивнула женщина. Девочка, точно зверек, притаилась у нее за плечом.

— Я так и знал, что вы спасали меня не просто так...

— Конечно! Зря я положила двух своих людей, прежде чем мы справились со стражниками Марагара? Тебе придется сослужить нам службу... Хочешь ты этого или нет...

— Хочу ли я этого или нет? — разом ошетинился киммериец. — Красавица, заруби у себя на носу — я делаю только то, что хочу! Или то, за что мне очень щедро платят! Понятно?!

— А твоя жизнь — это как, сойдет за щедрую плату? — холодно осведомилась собеседница Конана.

— Моя жизнь и так принадлежит мне! — отрезал северянин.

— А вот и нет! — Женщина рубанула по воздуху. — Мне! Понятно, варвар? Мне! Ты можешь умереть в любой миг, стоит мне только пожелать этого!

Конану уже не раз приходилось слышать подобную похвальбу. И далеко не всегда за громкими словами стояла реальная сила. Порой маги блефовали точно так же, как и простые смертные.

Однако на сей раз оказалось, что это не блеф. Женщина дала знак девчонке-колдунье, та пошептала что-то — и Конан почувствовал, как из венка мгновенно высунулись острые шипы, оцарапавшие кожу на горле варвара.

— Теперь ты понял? Я могу расправиться с тобой каждую секунду — но я подарю тебе жизнь, если ты исполнишь то, что я тебе скажу.

В глазах северянина вспыхнуло темное пламя. Это ты зря так делаешь, подумал он, в упор глядя на женщину. Это ты очень зря так делаешь. Потому что я убью тебя при первой возможности. И не посмотрю при этом на

то, что там у тебя между ног. Погоди, дай мне только избавиться от твоего зеленого ошейника...

Взяв себя в руки, он вновь сел.

— Ну, ладно, говори, я слушаю.

— Я хочу, чтобы ты убил Марагара, — холодно бросила женщина. — Его и тех, что присылают ему Богов запечатанных серебряных чашах...

— Богов в серебряных чашах? — против собственной воли заинтересовался Конан.

— Да! Это корень его могущества. Боги в серебряных чашах, свирепые Боги, страшные Боги, перед которыми все падают ниц и отказываются повиноваться мне, Эрглен, законной правительнице Кан-Демура!

— Эрглен? Законная правительница? — в словах Конана слишком явно слышалась ирония, и девушка тотчас же вспыхнула:

— Да, шадизарский пес! Я, Эрглен из рода Эргленорингов, исконных владетелей Кан-Демура! Твои сородичи еще бродили по диким лесам, не зная речи и истинных богов — а гордые шпили Кан-Демура уже поднимались над окрестными долинами! Даже маги Ахерона, Империи Чародеев, не смогли сломить упорство правителей Кан-Демура! Мы выстояли!

Конан равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Ведь это было очень давно. А теперь ты нанимаешь меня прикончить одного полубезумного жреца, рядящегося в гнилые шкуры...

Эрглен пристукнула кулаком по столу.

— Он не полубезумен, этот негодяй Марагар! Он полнотью в своем уме! Он-то знает, что делает!..

— И что же он делает? — перебил киммериец.

— Он хочет разбудить Спящего, — нехотя процедила сквозь зубы Эрглен. — Это бог, из-за которого в свое время погиб Кан-Демур!

— Каким образом? — заинтересовался Конан.

— Служители Спящего появились в городе давным-давно, и сперва ничем не отличались от поклонявшихся другим богам. Они принесли с собой статую своего божества, возвели храм... А несколько лет спустя, когда у

их веры появилось немало новых приверженцев, решили, что пора взять власть в свои руки. Мой прапрапрапрадед, тогдашний владыка Кан-Демура, полагал, что легко справится с ничтожным мятежом, однако оказалось, что адепты Спящего владеют сильным и убийственным волшебством. Правитель призвал своих магов, и в Кан-Демуре вспыхнула чародейская война. И та, и другая сторона очень быстро забыли обо всем, а когда вспомнили, вокруг громоздились лишь руины, да раздавались вопли придавленных и погребенных под обломками жителей. В войне погибли все жрецы Спящего и все маги, сражавшиеся на стороне правителя. Все, кроме одного священника и одного чародея. От них-то и пошли роды колдунов, что по сей день сражаются на стороне правителей, — Эрглен коснулась плеча девочки-волшебницы, — и верховных жрецов, которые нам противостоят. Заклятья превратили Кан-Демур в город-призрак, они закрыли сюда дорогу путникам, и наша война длилась год за годом, поколение за поколением — пока сюда не пробились Торгующие Богами.

— Торгующие Богами? Разве Богами можно торговать?

— Оказалось, что можно, — мрачно кивнула Эрглен. — Они приносили их в больших серебряных чашах — и эти Боги творили чудеса. Боги или демоны — неважно кто. Марангар сумел приспособить этих купленных им богов к делу. Какими-то чудовищными обрядами — и при посредстве Торгующих — он начал пробуждать Спящего Бога. А если Спящий пробудится... то сначала он сожрет все, что есть здесь, в развалинах, а потом примется за остальное и не успокоится, пока в его утробе не исчезнет все сущее...

— И ты хочешь...

— Положить этому конец. Кан-Демур — мои владения; и я хочу избавиться как от жрецов Спящего, так и от тех, кто торгует богами. Они свили свое гнездо в трех днях пути к северо-востоку. И я знаю, что богов у них покупал не только Марагар... Так что ты сделаешь это для меня. Сделаешь или умрешь. Твоя жизнь не имеет для

меня никакой ценности, так что, если ты не справишься с заданием, я прикончу тебя без всякого сожаления, — холодно закончила Эрглен. Девочка-колдунья мрачно, исподлобья смотрела на Конана.

Пришурившись, киммериец несколько мгновений смотрел на сидевшую перед ним женщину. Красивая, молодая и — злая, точно как упыриха, которую он прикончил в горах. Пожалуй, ничем не отличающаяся от нее — кроме разве лишь того, что ее можно убить холодной сталью.

Меч у Конана не отобрали, он так и висел у пояса. Проверив бдительность врага, варвар осторожно двинул руку к эфесу — и тотчас отдернул, потому что шипы на венке больно укололи шею. Чародейство следило за северянином лучше человеческих глаз. Принужденно рассмеявшись, Конан убрал ладонь с рукояти.

— Вот так-то, — заметила Эрглен. — Теперь слушай меня, шадизарец! Сегодня у Марагара должен был состояться большой обряд. Он купил еще одного Бога в Чаше, но покупку отчего-то не доставили вовремя, не знаю почему...

— Зато я знаю, — перебил Конан. — Я встретился с ними в горах... В живых остался только я один.

— Что?! — Эрглен даже приподнялась. — Ты... убил... Бога из Чаши?!

— Какой это бог! — презрительно бросил Конан. — Жалкий кровосос, ничего больше. Его тащили двое каких-то бедняг... Он перервал им глотки. А потом я прикончил его. Если не лень, можно сходить в ущелье и посмотреть...

— Можно и не ходить, — медленно проговорила правительница мертвого города. — Сейчас все сами увидим. — Она прищелкнула пальцами, и девочка-колдунья, проворно выскочив из-за плеча правительницы, споро взялась за дело.

— Да, ты настоящий воин, — несколько мгновений спустя произнесла Эрглен, не сводя глаз с трепещущего над столом видения. — Ты справился с Богом из Чаши... И, значит, тебя послала сюда сама судьба.

Конан помолчал. Теперь все смотрели на него совершенно по-другому — с невольным уважением. Здесь слишком высоко ценили магию и с пренебрежением относились к стали. Ничего, он, Конан, еще заставит их уважать его меч!

— Хорошо, Эрглен. Говори. Где мне найти Марагара и Торгующих Богами?..

Глава III

Конан бесшумно скользил между осыпающихся груд коричневого камня. Маги и жрецы, схлестнувшиеся здесь когда-то в поединке, постарались на славу — город жни и впрямь почти что сровняли с землей. Оставалось загадкой, как уцелели шпили, но про это Эрглен рассказывать отчего-то не захотела, а Конан не слишком и настаивал. Ему важно было как можно скорее выпутаться из этой истории — после чего он почитается с теми, кто его впутал, а потом отправится в Шадизар, прихватив с собой столько сокровищ, сколько сможет унести. Не первый раз маги, колдуны и чародеи надеялись, что смогут подчинить себе его, Конана, таким простым способом как угроза смерти. Киммериец не раз выпутывался из подобных передрыг и научился смеяться над самонадеянностью наделенных магическими силами. Правда, смеялся киммериец лишь после того, как голова врага была отделена от туловища — с магами приходилось держать ухо востро.

Красавица Эрглен, холодная, как лед, защищенная угрюмым чародейством мрачной девочки-колдуньи, чьего имени, похоже, никто не знал, держала себя с Конаном надменно и уверенно. Она приказывала, повелевала, требовала — словно за плечами у нее стояла тысячная армия, а не несколько безусых мальчишек, кое-как умеющих держать в руках мечи. Эрглен верила в волшебство. Конан тоже верил, но еще больше он верил в себя самого.

Киммерийцу предстояло проникнуть в обширный подземный храм Спящего. Как ни старались маги правителя Кан-Демура, им так и не удалось обрушить кровлю этого

грандиозного строения. Там все осталось в целости и, наверное, поэтому после окончания магической войны остатками города правили все же жрецы, а не потомки правителей.

Марагар уже поднял тревогу. Похищение пленника, разумеется, не осталось незамеченным. По всем руинам сновали люди, яростно и бессмысленно размахивая сучковатыми дубинами. Искали Конана и иными способами; северянин постоянно ощущал холодный взгляд, что скользил совсем рядом. Марагар привел в действие свою магию и, хотя Эрглен гордо заявила, что чары ее колдуньи способны надежно защитить от любых каверз верховного жреца, Конан не слишком верил гордой правительнице. Марагар был отнюдь не слаб и не глуп.

Вход в подземный храм охранялся. Возле ведущей вниз широкой лестницы толпилась стража — десятка два кражистых мужиков, вооруженных все теми же неизменными дубинами.

«Что же мне, через главный спуск к ним и лезть?» — вспомнил Конан свой вопрос, обращенный к Эрглен.

«Другого пути нет, — надменно ответила правительница. — Тебе придется как следует подумать, потому что если ты попытаешься прорваться силой, тебя тут же прикончат».

Притаившись за грудami обломков, Конан некоторое время смотрел на суету перед спуском. Да, Эрглен явно проигрывала войну. Ей приходилось скрываться и прятаться, с тем, чтобы слуги Спящего ни в коем случае не отыскивали ее убежище, в то время как Марагар ни от кого не скрывался, а, напротив, выставял свою силу напоказ.

...И все-таки не может быть, чтобы у древнего подземного храма не нашлось тайных ходов, секретных тоннелей и тому подобного! Во время войны с Ночными Клинками Конану дважды пришлось пробираться по заполненным дерьмом тоннелям, и подобные приключения были ему не в диковинку. Оставалось самое легкое — отыскать подземный ход, который вел бы к молитвенному залу...

Некоторое время Конан, точно пустынный волк, кружил вокруг громадного каменного холма, в который прератились некогда гордые стены великого храма.

Нет, искать здесь второй вход бессмысленно. Так вся жизнь пройти может. Некоторое время киммериец размышлял. Пришедший ему в голову план был отнюдь не самым лучшим, но в таком положении выбирать не приходилось.

Ждать в засаде северянину пришлось недолго. Вскоре мимо стремглав промчался какой-то стражник Спящего, закинув на плечо увесистую палицу. Куда и зачем он бежал — Конан так никогда и не узнал. Одним движением варвар оказался за спиной стражника и одним ударом оглушил его.

Меховые обноски мерзостно воняли. Отплевываясь, Конан натянул гнилые шкуры. Он был киммерийцем, охотником и знал толк в выделывании меха. Такое мог сделать только никуда не годный раб.

Кое-как спрятав меч в складках своего нового одеяния, северянин закинул на плечо дубину, и быстрым деловым шагом направился к широкой лестнице, по которой народ спускался в молитвенный зал Храма Спящего.

Он шел быстро, придав лицу самое серьезное и в то же время спокойное выражение, какое только мог. Уловка сработала — стражники на ступенях не обратили на варвара никакого внимания. Спустившись вниз, Конан оказался в храме.

Собственно говоря, теперь это был уже не храм, а, скорее, что-то вроде тронного зала некоронованного правителя Кан-Демура, где не молились, а решали каждодневные дела. Впрочем, места для жертвенника хватило тоже.

Храм являл собой низкую и длинную пещеру, потолок подпирали десятки болезненно тонких колонн. Окон не было, по стенам горели факелы — какие-то подозрительные факелы, потому что они светили очень ровно и не давали ни воня, ни копоти. В самом дальнем конце — от входа едва разглядишь — помещался черный куб жер-

твенника. А за ним, в нише, разлеглось уродливое каменное изваяние, нечто вроде носорога: статуя Спящего.

В зале царили суэта и неразбериха. Тащили какие-то чаны, волокли охапки свежих ароматных трав, несли плетеные садки, в которых пищало и скреблось что-то живое. Конан стал осторожно пробираться в глубь храма. Вскоре он уже мог во всех деталях рассмотреть и самого Марагара, устроившегося в глубине древнего-предревнего деревянного кресла. Краска с него облезла, само оно треснулось — но, верно, являло собой некую священную реликвию.

Марагар распоряжался. Видно было, что он чрезвычайно недоволен и разозлен. К нему сплошной чередой бежали люди, согнувшись в угодливых поклонах. Верховный жрец выслушивал первые две-три фразы, после чего, тотчас же обрывал говорившего, давая какой-то приказ. Рядом с Марагаром стояла охрана — десяток вооруженных настоящими мечами воинов самого злобного вида. Кроме воинов имелись еще и двое палачей. У них работы хватало — строгий Марагар редко бывал доволен своими подчиненными, и палачи всю работу плетью. Вопли и стоны избиваемых, похоже, никак не могли потревожить Спящего или же оскорбить его.

Всего по залу сновало никак не менее пяти десятков людей. Конан для вида тоже включился в общую суматоху, внимательно приглядываясь и прислушиваясь. Слова Эрглен были четки и просты:

«Убить Марагара. Статую Спящего — сбросить с пьедестала. Тогда она разобьется на куски и бог погибнет».

Легко сказать — сбросить с пьедестала! Как тут сбросишь, если вокруг — целая туча прислужников, того и гляди заметят, что Конан не из их числа. За себя киммериец не боялся — был уверен, что сумеет прорваться, но вот этот милый венок на шее... Кром! До чего же эти колдуны спесивы и самолюбивы! Всегда стремятся, чтобы грязную работу за них делали другие...

Конан уже совсем было решил идти напролом, то есть долбануть верховного жреца по голове палицей, когда на ступенях лестницы внезапно раздались крики.

— Пропустите! Пропустите! К великому мастеру! Спешное известие! Пропустите!

Гонец вопил так громко, что Марагар даже приподнялся со своего трона.

Расталкивая растерянных стражников, по ступеням в зал кубарем скатился гонец. Глаза его горели безумным огнем, одежда была изорвана и перемазана желтым. Конан тотчас же узнал ту самую глину, на которой разыгралось его сражение с упырихой.

Не требовалось особых усилий, чтобы догадаться, о чем шепчет гонец на ухо великому мастеру Марагару.

Верховный Жрец позеленел. Не в силах сдержаться, он вскочил, резко толкнув черного вестника всей пятерней в лицо. Служитель Спящего не произнес ни слова, однако палачи все поняли по-своему, мигом разложив гонца и принявшись усердно лохматить ему спину плетью.

— Великий мастер, за что?! — взвыл бедняга, однако Марагару было явно не до воплей какого-то жалкого мужика. Брови его сошлись. Конану не требовалось никакой чародейской силы, чтобы прочесть сейчас мысли верховного жреца.

Купленный Бог погиб! Чаша валяется в грязи, расколотая и вскрытая! Ученики Торгующих Богами убиты! Едва ли те, кто держит в своих руках этот странный промысел, оставят подобное без последствий... Как бы то ни было, получать еще одного врага Марагар явно не хотел. Он трижды хлопнул в ладоши. Подскочили несколько посыльных; получив какие-то приказы, тотчас умчались в разные стороны.

Под ударами был незадачливый вестник. Про него, похоже, все забыли, и палачи, не получая знака остановиться, знай себе взмахивали плетками.

Конан продолжал наблюдать. Притаившись в тени за колонной, рядом со сваленными грудой какими-то кожаными мешками, он видел, как посыльные привели к трону Марагара трех жрецов помладше. После этого охрана без всяких церемоний отогнала суетящихся мужиков подальше от трона.

Совещание длилось недолго. Получив торопливые и угодливые кивки сподвижников, Марагар поднялся, простерев руки в знак того, что желает говорить.

В зале тотчас воцарилась мертвая тишина. Умолк даже поротый гонец. Жрец начал речь; очевидно, он пользовался какой-то магией, доносившей его негромкий голос до каждого, кто был сейчас в этом зале.

— Возлюбленные братья, служители Спящего! Прискорбную весть должен сообщить я вам. Бог в Чаше, который должен был помочь нам пробудить Спящего, не появится здесь в должный срок. Мне придется покинуть вас, дети мои, и самому идти за новым Богом. Бдительно храните наш храм! Старшим остается Оодрон, — один из трех приближенных верховного жреца шагнул вперед и поклонился, хотя все его и так отлично знали. — Мы отложим наш великий обряд на несколько дней. А когда я вернусь, мы пробудим наконец нашего Бога! Эвое!

— Эвое! — взревела толпа.

Конан не мог поверить своей удаче. Если ему удастся взять Марагара по пути к Торгующим Богами... А еще лучше — сравить служителей Спящего с теми, кто посылает им упырей в серебряных чашах... Может так выйти, что ему и не придется ничего делать самому!

Без помех выбравшись из подземного храма, киммериец засел в развалинах — поджидать Марагара.

Однако все оказалось совсем не так просто, как представлялось варвару. Жрец не был ни трусом, ни глупцом, и он пустил в ход магию для того, чтобы проверить, чист ли путь; никак иначе Конан не мог объяснить того, что его внезапно окружили почти две дюжины стражников. Волшебство замкнуло слух чуткого, точно волк, киммерийца, он не слышал ни шагов, ни учащенного дыхания загонщиков и спохватился лишь когда отступать было уже некуда.

— Вот он! Оскорбитель! — завyli и завопили поимщики.

Меч пропел короткую свистящую песнь, вырвавшись из своей темницы. Палицу Конан взял в левую руку — послужит щитом. Силой он превосходил любого из вра-

гов — те орудовали дубьем, лишь держа его обеими руками.

— Кром! — бросив в лица окружавших яростный боевой клич Киммерии, Конан устремился на прорыв. Его прыжок был настолько стремителен, что стражник не успел даже мигнуть, не то что поднять оружие для защиты. Меч снес ему голову, а северянин бросился вниз по осыпающемуся каменному склону.

Они не слишком хорошо умели охотиться на подобную дичь, местные стражники. Цепь их оказалась слишком редкой. Пока они развернулись и вновь погнали Конана, его отделяло от них не менее двух десятков шагов.

Поворот, поворот, поворот... Топот и крики отдалялись, и Конан уже был решив, что легко уйдет от погони, когда выяснилось, что Марагар предвидел подобный исход. Северянина ждала вторая цепь стражников, куда плотнее первой. Причем преграждала она путь не только по проходу между каменными завалами, но и дорогу наверх, по самим завалам.

— Держи, держи, держи-и-и!!!..

Меч в руках киммерийца разил с быстротой молнии. Клинок разрубал подставленные под удар палицы, рассекал туловища, сносил головы. Тела валились точно трава под взмахами опытного косаря.

Северянин дрался на узком пятачке. С трех сторон вздымались коричневые стены завалов, с четвертой напирали стражники. Сверху, с осыпей, в варвара старались попасть камнями, но безуспешно — больше доставалось своим.

Дратся здешние стражники умели плохо, но их было много, а камней вокруг — еще больше; кто-то быстро сообразил, что надо не лезть под удары неотразимого меча, а издали забрасывать Конана камнями. Обломки коричневых плит посыпались со всех сторон; и тут киммерийцу пришлось туго. Рыча, точно раненый тигр, он ринулся на загонщиков; один, и другой, и третий стражник упали, не успев отскочить; северянин вторично прорвал заслон. Тут уже выбирать не приходилось — от погони нужно оторваться.

Конана гнали долго, мало-помалу отжимая к краю города. Киммериец бегал куда быстрее своих преследователей, но те лучше знали дорогу, выбирали короткие пути, а кроме того, их было много, очень много — едва ли не сотня.

Киммериец оторвался от них только возле последних, окраинных руин. Переведя дыхание, он осмотрелся. Направо от него вздымался невысокий, заросший кустарником холм; впереди маячили угрюмые стены ущелья; налево, насколько мог окинуть глаз, тянулась зеленеющая пустошь. Руины остались за спиной.

Киммериец ползком пробрался на вершину холма. Острый охотничий инстинкт сам подсказывал, что делать. И никогда не ошибался.

Из зарослей киммериец увидел тропу. Извивистая, но хорошо утоптанная, она петляла между купа́ми кустов, направляясь куда-то к скалам. И сейчас по ней шли люди.

Марагара, великого мастера, верховного жреца Спящего Бога Конан узнал сразу. Негодяй восседал в открытом паланкине, который тащили на спинах шестеро крепких носильщиков. Еще там была охрана — не менее двух десятков, и двое-трое приближенных. Не приходилось гадать, куда направляется эта процессия — к Торгующим Богами. Более удобного момента и пожелать было нельзя.

Конан скользил среди раскидистых, в рост человека зарослей, точно дикий зверь на ловле. Не шевельнулась ни одна веточка, не хрустнул ни один сучок. И, само собой, из охраны Марагара никто ничего не заметил.

Конан не спешил. Помимо всего прочего, он хотел бы еще разведать дорогу к обители Торгующих Богами, и лишь после этого нанести удар. Однако северянин не забывал и о чародействе верховного жреца — подходить к процессии слишком близко было опасно. Второй раз подпадешь под обездвиживающие чары — Эрглен уже не спасет.

Срезав угол сквозь непроходимую поросль, Конан опередил процессию. Теперь было видно, куда направляется паланкин — в узкий распадок, неширокую щель, раско-

ловшую поверхность отвесной скалы. Там начиналась новая тропа.

Северянин скользнул в распадок несколько раньше, чем медлительный кортеж Марагара. Устроить здесь засаду было парой пустяков. Конан стремительно поднялся по почти неприступному склону — и едва ли хоть один человек, родившийся не в Киммерии, сумел бы последовать сейчас за ним! — затаившись на узком выступе скалы. Здесь отвесный склон становился более пологим, появились камни — иные весьма крупные и тяжелые. За оставшееся у него время Конан успел подтащить к краю обрыва почти две дюжины увесистых гранитных глыб.

И все-таки слугитель Спящего что-то учуял. Паланкин замер, не доходя шагов двадцати до того места, над которым засел северянин. Марагар съезжился в носилках, так что из-под прикрывавших лицо ладоней виднелись лишь зло посверкивающие глаза.

— Он здесь! — тонким голосом внезапно завопил жрец, и в тот же миг Конан швырнул вниз первый камень. Киммериец промахнулся совсем ненамного, и пущенный сильной рукой валун раздробил опорный шест паланкина. Сооружение накренилось, затрепало, и еще миг спустя на земле барахталась целая куча мала — носильщики, воины, все запутавшиеся в складках покрывавшей паланкин ткани...

Конан с ревом бросился вниз. Сейчас или никогда!

Обдирая пальцы и живот, он скользил по отвесной каменной стене.

— Чего вы смотрите! — раздался истошный вопль Марагара. — Убейте его! Убейте! — Жрец отчаянно брыкался, пытаясь выбраться из-под придавивших его к земле обломков паланкина.

Стражники и Конан достигли подножия скалы одновременно.

— С дороги! — взревел киммериец. Он понимал, что все висит на волоске — стоит Марагару привести в действие свою магию...

Дубину Конан потерял, в руке остался один лишь меч. Пуще всего опасаясь того, что лезвие пусть на один миг,

но застрянет в теле, а жрец за этот миг успеет наложить на Конана свои чары, северянин не колод, а рубил. Его путь отмечали лужи крови на камнях и снопами валяющиеся мертвые тела. Любые более опытные воины отступили бы, неся такие потери, но на сей раз Конан столкнулся с фанатиками, ни во что не ставившими собственные жизни. Место убитых занимали новые; стражники с размаху бросались на клинок Конана, собственными телами преграждая ему путь к паланкину великого мастера. Конан рубил и рубил, точно бог смерти; не меньше десятка человек полегло под его ударами; стражники пытались повисать на плечах северянина, он расшвыривал их, стряхивая, точно медведь псов; и успел как раз в тот миг, когда вставший-таки на ноги Марагар начал творить какое-то чародейство.

Однако меч Конана оказался быстрее. Мелькнули дико выпученные глаза жреца, раззявленный в крике рот... а затем лезвие пересекло шею, и обезглавленное тело, сделав свой самый последний в жизни шаг, тупо брякнулось на камни.

Бой разом прекратился. Пораженные ужасом, уцелевшие стражники смотрели на тело своего повелителя. Конан шагнул было к ним, вновь поднимая меч — однако они бросились наутек и с такой быстротой, словно за ними гнался сам Бог Смерти, черный Эрлик.

— Ну, полдела сделано... — усмехнулся Конан, наклоняясь над головой верховного жреца.

Мертвая голова открыла глаза.

— Проклинаю... — вырвалось из окровавленных губ. — Проклинаю... Торгующие... узнают... — И тут глаза вновь закрылись. Последние остатки магических сил покинули плоть Марагара.

Глава IV

Киммериец тщательно вытер меч. Окинув последним взглядом обезглавленный труп жреца, он двинулся дальше по горной тропе. Однако, пройдя несколько десятков шагов, варвар внезапно остановился.

Инстинкт охотника подсказывал, что там, у него за спиной, внезапно появилась опасность. Конан резко повернулся — и тотчас одним движением бросил тело за камни на краю тропы.

Над мертвым Марагаром сгустилось облако тьмы, вспухающее и опадающее, точно бьющееся человеческое сердце. Это облако разрасталось, с каждой секундой становясь все больше и больше, угрожая поглотить в ненасытной утробе все окрест — и тропу, и камни, и склоны гор, и даже, верно, самого Конана.

Подняв меч перед грудью, киммериец отступал, не в силах отвести взора от черного бесформенного мешка, напозаввшего на северянина, подобно морскому приливу. В нем ощущалась странная сила, в этом сгустившемся дыме, странная и свирепая, глубоко чуждая этому яркому, солнечному миру... Киммериец множество раз за свою жизнь встречался с самыми причудливыми и удивительными существами. Иные из них, несмотря на грозный вид, оказались совершенно безобидны, другие же — смертельно опасны; попадались северянину и демоны, и колдуны, и драконы, и иные существа, далеко не всегда из плоти и крови. Однако он впервые видел ожившее облако!

Облако же это, раз взявшись за дело, останавливаться на полпути не собиралось. Полотнища дыма тянулись и тянулись в стороны, точно крылья, словно чудовище вознамерилось стиснуть киммерийца в своих объятиях. Чем могло кончиться подобное объятие, Конан старался не думать. Верхний край черного облака поднялся до самого края ущелья; поднялся — однако дальше не пошел. Там, на высоте, гуляли свежие ветры, и черный, пропитанный злобой дым оказался не в силах бороться с их веселой и беспшибашной мощью. Впрочем, это чудовище и не интересовало. Северянин оказался в дымном полукольце, ему оставалось либо принять неравный бой, либо бежать — по единственной оставшейся у него дороге. Туда, в глубь горной страны, куда вела извилистая тропа — на дальнем ее конце обитали таинственные Торгующие Бо-

гами, с которыми Конан был отнюдь не прочь познакомиться поближе...

Так что же делать? Рубить эту проклятую тварь мечом? Но у нее же нет тела! Какой ущерб сможет нанести летучему дыму его железный клинок? Для верности Конан рубанул пару раз сплеча по ползущим темно-серым струям — без всякого результата. Меч прошел сквозь дым, как и полагалось, не причинив последнему никакого вреда. Киммериец развернулся и побежал. Не в первый раз ему приходилось отступать, оставляя поле боя врагу — правда, еще ни один из этих врагов не сумел насладиться плодами своей победы... Конечно, нет ничего хорошего в том, чтобы показывать врагу спину, но хорошо известно, что мертвые умеют только умереть, а не мстить за обиды.

Бежать по ровной, хоть и узкой тропе было легко. Конан в совершенстве владел искусством длительного бега и вполне мог потягаться с волками — что ему, кстати, один раз и пришлось проделать в молодости. Не останавливаясь, Конан оглянулся — облако медленно ползло следом. Тягаться в быстроте с северянином оно явно не могло.

Конан перешел на быстрый шаг. Похоже, Марагара можно сбросить со счетов. Правда, перекрыта обратная дорога — но всегда остаются скалы, а в умении подниматься по их пусть даже и отвесным склонам варвар не имел себе равных в южных хайборийских землях.

Окончательно успокоившись, вторично Конан обернулся уже чисто порядка ради. Облако ползло следом. Оно двигалось, словно невиданное морское чудовище, выбрасывая вперед длинные струи дыма, точно спрут — свои щупальца. Оно, однако, было далеко. И Конан решил, что больше об этом всклубенном духе убитого им жреца думать незачем. Ползет где-то там сзади — и пусть себе ползет.

Дальше он шел, уже не оглядываясь. Мало-помалу облако отстало, затерявшись где-то за изгибами петлявшего ущелья. Тропа просматривалась не более чем на три десятка шагов; казалось, небесные силы задались целью

узнать, сколько поворотов может встретиться в одном отдельно взятом ущелье?

Облако скрылось окончательно, и Конан выбросил его из головы. Он шел своим привычным, волчьим неутомимым шагом. Если все пойдет как сейчас, он достигнет обители Торгующих Богами без особых хлопот, сохранив силы — и тогда они узнают, каково натравливать упырих на Конана, варвара из Киммерии! А кроме того, северянин был не прочь и запустить руку в сокровищницу этих неведомых Торгующих, которые наверняка накопили кое-что за годы занятий своим необычным промыслом! Сейчас Конан уже почти не вспоминал про смертоносный венок на шее. С правителями и правительницами он разберется позднее — а пока вперед!

...А далеко позади широко шагавшего киммерийца следом за ним ползло и ползло черное непроглядное облако, мало-помалу меняясь на пути. В нем замелькали знакомые черты лица верховного жреца Марагара, только гротескно увеличенные. Физиономия врага Конана заняла все ущелье, от края до края...

* * *

Киммериец шел по горной тропе до самого вечера. Ледники на вознесшихся к поднебесью вершинах уже зарозовели под закатными лучами, когда ущелье внезапно кончилось. Прямо под ногами у Конана разверзлась пропасть. Тропа вела в никуда, точнее — на дно, тонувшее в голубоватой дымке. Сквозь нее смутно виднелись лоскутья желтевших полей. А еще дальше, за полями, там, где мгла становилась почти что непроглядной, острые глаза Конана сумели различить смутные контуры какого-то коллосального строения — наверное, в таких жили сказочные горные великаны, которыми матери Киммерии пугали непослушных детей...

Северянин невольно присвистнул. Вниз уходила совершенно отвесная стена, и похоже было, что ее камнесты немало потрудились, стараясь сделать этот склон еще более неприступным, чем его сотворили боги. Взгляд Конана напрасно шарил по серой скале в поисках малей-

ших трещин, выступов, зацепов, по которым он мог бы спуститься вниз — ничего. Похоже, кто-то положил огромный труд на то, чтобы уничтожить даже малейшую возможность для спуска.

«Но ведь этот Марагар направлялся явно сюда! — мелькнуло в голове Конана. — Дураком его не назовешь — значит, он знал способ спуститься. А до чего смог додуматься какой-то жалкий южный жрец, не укроется и от меня».

Пожалуй, эти слова показались бы кому-нибудь слишком самонадеянными и заносчивыми — но Конан отнюдь не лукавил и не красовался. Ему не раз уже приходилось отыскивать выходы из совершенно, казалось бы, безвыходных положений, когда пасовали его более «цивилизованные» спутники из таких стран, как Аквилония, Бритуния, Туран... Вот и теперь — устроившись на животе, Конан пристально разглядывал поверхность стены внизу, стараясь понять скрытый в ней секрет. Он понимал, что времени у него не так уж много — облако, в которое превратился покинувший тело Марагара дух, быть может, все еще ползло по его следам, приближаясь к краю тропы... Задерживаться здесь не следовало.

Легко сказать, да вот только как спустишься? Конан умел подниматься на новехонькие крепостные стены, но здесь не помогал и все его с детства впитанное умение. Веревки с собой у него не оказалось. И все-таки он должен был спуститься!

Конан подобрал валявшийся неподалеку камень, размахнулся, несильно бросил его в пропасть. Камень, как и положено, полетел вниз, быстро исчезнув в дымке. Затем снизу донесся еле слышный удар — земля была далеко, очень далеко. В задумчивости Конан поднял еще один камешек, бросил не так сильно, поближе — и ему показалось, что камень полетел не совсем так, как должно. Он попробовал еще раз, кинув совсем слабо — камень поплыл вниз едва-едва, словно его поддерживала снизу какая-то сила.

«Вот оно!» — подумал северянин. Правда, радоваться было рано. Что-то уж слишком просто все получалось у

тех, кто сотворил здесь этот магический спуск. Что же, никто никогда не мог догадаться бросить камень с обрыва? Едва ли. Или тут рассчитывали, что на укромную, затерянную в горах долину могут наткнуться только совсем уж робкие пастухи или тому подобный народ и никак не ожидали, что в гости к Торгующим Богами пожалует сам Конан Киммерийский? Нет, нет, тут что-то не так. Уж слишком явно было приглашение — шагни вниз, пришелец из внешнего мира, и наложенные неведомо кем заклятья плавно опустят тебя на землю! В подобное гостеприимство Торгующих варвар верил не больше, чем в щедрость короля Илдиза.

Конан перекидал вниз десятка два камней, пока не обозначил для себя некий коридор, в пределах которого действовала неведомая сила. Оставалось проверить, окажутся ли действительными чужие чары, если этим спуском воспользуется он, Конан. Правда, само существование этой магической лестницы наводило на размышления — насколько же тогда велика истинная мощь Торгующих Богами, если им под силу устраивать такие ворота на путях в свои владения? Не окажется ли Конан со своим простым железным мечом бессильным против магов и чародеев, засевших в этой долине?

Киммериец огляделся. Заходить во владения врага через парадный вход ему совершенно не хотелось. Неужели нет никакого иного выхода? Он взглянул вверх — там склон не был столь же гладок и неприступен. Обычная скала, при достаточном умении по ней можно подняться...

Дело было в том, что неведомые создатели зачарованного спуска загладили скалу шагов на двадцать в обе стороны от устья ущелья, по которому вилась тропа. Дальше шла обычная скала. Теперь оставалось только пройти эти два десятка шагов, вися на отвесной каменной стене и слыша лишь свист ветра в острых вершинах...

Конан уже ступил на узкий, в пол-ладони, карниз, что отходил в нужную ему сторону, когда Марагар вновь напомнил о себе. Из-за поворота тропы к обрыву потекли, вытягиваясь по камням, черные щупальца, сотканые из густого, непроглядного дыма.

— Кром! — вырвалось у киммерийца. Из глубины тучи на него злобно смотрело лицо убитого жреца — точь-в-точь такое же, как в последние мгновения Марагара. На северянина повеяло могильным холодом. Его клинок, перерубив шею верховного жреца, дал вырваться на свободу куда более мощным силам. Невольно ему вспомнился незабвенный Бодей и император воров Велед, приковавший к собственному телу заклятиями могучего демона. Веледу это, правда, не помогло...

Однако на сей раз киммериец понимал, что угодил в куда более серьезный переплет. Его оружие было бессильно против неведомых демонических чар, заключенных в этом облаке. Тут было не обойтись без помощи хорошего волшебника, а еще лучше (чародеев киммериец недолюбливал, даже тех, которые помогали ему самому) — какой-нибудь чародейский амулет. Но — увы! — ни амулета, ни даже волшебника под рукой не было, а туча все надвигалась и надвигалась — медленно, но неумолимо и неостановимо. Непоглощенными осталось каких-нибудь два десятка футов узкой тропинки.

Конан рванулся было к склону, попытавшись подняться наверх — однако оказалось, что туча — или же заключенный в ней дух Марагара далеко не глуп. Наперерез Конану выметнулись щупальца дыма, отрезая дорогу к спасению. Дымная тварь проделала это с неприятно поразившей Конана быстротой. Северянин оказался в ловушке.

Выставив бесполезный меч, Конан шаг за шагом пятился к пропасти, лихорадочно пытаясь отыскать путь к спасению. Его не было, ни хорошего, ни плохого — вообще никакого. Северянину оставалось только одно — отдаться смертельным объятиям дымного спрута или же рискнуть, вверив свою жизнь создателям магического спуска в долину... И, когда за спиной киммерийца осталось не более двух футов горной тропы, а на запечатленной в облаке физиономии Марагара появилось выражение злобного торжества, Конан резко развернулся и прыгнул вниз, навстречу своей участи, моля в тот миг сурового

покровителя его родины не дать ему, Конану, промахнуться мимо заветного коридора.

Он не промахнулся. Мягкая сила подхватила его, он словно проваливался в вязкую глину — но при этом прозрачную. Его тело плавно опускалось вниз.

«И всего-то? — подумал киммериец. — Неужто все здесь так просто?»

Он взглянул вверх. Черная туча нависала над обрывом, и в сложенных из дыма глазах Марагара Конан читал неподдельное отчаяние — добыча ускользала...

Киммериец быстро освоился с необычным положением и даже начал находить в нем известные преимущества. Конечно, куда приятнее летать, чем ползти по скале, постоянно рискуя сорваться вниз. Вопрос только, чем закончится это столь мило начавшееся путешествие...

Он погрузился в сырую, влажную мглу. Пробил ее, точно соломенную крышу, и вот наконец ноги Конана мягко коснулись земли.

Наверху сквозь пелену слабо просвечивало солнце. Далеко впереди, за купами фруктовых деревьев, вздымались громады построек. Конан усмехнулся и, поправив меч, запягал по направлению к зданиям.

Он беспрепятственно преодолел весь путь от гор до неведомых сооружений. Мало-помалу здания поднимались все выше и выше; Конан видел бесчисленные статуи, что украшали широкие карнизы и фронтоны. Сами постройки не казались ни дворцами, ни храмами, — высокие, сложенные из серого камня стены вздымались чуть ли не вровень с окружающими долину скалами.

Дорога киммерийца пролегла мимо тщательно возделанных полей — такого старания в землепашцах он не встречал за все время странствий по хайборийскому югу. Кое-где виднелись хибарки и шалаша, в которых, верно, обитали здешние пахари. Однако, против собственных ожиданий, Конан не встретил на пути ни одного человека. Богатая, плодородная долина, где хлеба вымахивали по грудь, казалась совершенно безлюдной.

Узкой — но аккуратно ухоженной дорожкой, словно в дворцовом парке Илдиза — киммериец подошел вплот-

ную к стене. Ни окон, ни дверей. Правда, по обильно украшавшей стену резьбе можно было легко подняться вверх — там сквозь дымку смутно проглядывали темные проемы окон. Недолго думая, Конан полез вверх.

Он успел подняться уже довольно высоко, прежде чем сообразил, что глаза на сей раз подвели своего хозяина — то, что он принял за окна, оказалось всего-навсего глубокими нишами в стене, пустыми и, по мысли северянина, совершенно бессмысленными. Тем не менее, в них можно было отдохнуть.

Конан с некоторым трудом втиснул мощное тело в проем. За всеми его действиями молча наблюдала неподвижная каменная горгулья, уродливое чудовище-водосток, устроенное на карнизе, что нависал над приютившей северянина нишей. Неожиданно каменная шея изогнулась, слепые глаза со впадинами-зрачками ожили, осветились ядовито-желтым светом, и тварь, мерзко усмехнувшись, в упор уставилась на варвара.

Конан среагировал мгновенно. Он не удивился, не испугался (об этом и речи идти не могло!); его рука в стремительном выпаде выбросила вперед меч. Острие рассекло внезапно обретшую подвижность каменную плоть так же легко, словно горгулья была из мяса и костей, а отнюдь не из крепчайшего красного гранита. Крови не было; отсеченная уродливая голова, кувыркаясь, полетела вниз, а северянин вполголоса выругался. Чародеи — если здесь обитали чародеи — любили пошутить. Что ж, мы еще посмотрим, кто сохранит голову на плечах, для того чтобы шутить впоследствии...

Конан поднимался все выше и выше. И ему по-прежнему не встречалось ни единого окна. Стена, сплошь покрытая игривыми завитушками — и все.

Бесконечный подъем начинал утомлять даже необычайно выносливого киммерийца. Эдак он вскоре доберется до крыши — и что дальше? Конечно, крыш без чердачных окон не бывает, — однако он совсем недавно думал, что дворцовых — не крепостных! — стен без окон тоже не встречается. Однако вот встретилась...

Как и предполагал Конан, в конце концов он достиг кровли. Было непросто после долгого и утомительного подъема перебраться через нависавший над головой широкий карниз — однако варвар одолел и это последнее препятствие и, облегченно вздохнув, растянулся на теплой плоской крыше. Теперь можно было отдохнуть и подумать, что делать дальше...

Однако долго предаваться этому занятию ему не позволили.

Оказалось, что местные хозяева тоже не дремлют. И слуги у них таковы, что почернели бы от зависти все величайшие из числа земных королей.

Ожили статуи, щедро расставленные по краям крыши. Бронзовые позеленевшие драконы, воители с длинными мечами, сказочные существа самого зловещего вида — все это разношерстное металлическое воинство бесшумно сошло с пьедесталов и двинулось к Конану. Правда, шагали они не слишком быстро — казалось, на спине каждого из бронзовых бойцов навешен тяжкий груз. Они шли плотной цепью, отрезая киммерийцу дорогу от края кровли.

Северянин сорвался с места, точно лось, потревоженный рогами охотников. Варвар понимал, что его спасение сейчас — в быстроте, если только его клинок не срубит головы этим тварям так же легко, как он срубил ожившей каменной горгулье.

В ушах засвистел ветер. Гибкая шея громадного лебедя, вся в пятнах зеленой патины, потянулась было к киммерийцу, странный, усеянный металлическими зубами клюв громко клацнул, и варвар в ответ походя рубанул чуть ниже голову чудовищного создания. Стальной меч оставил глубокую зазубрину на мягкой бронзе, но не рассек ее. Эти статуи, обретя жизнь, сохранили прочность материала, из которого были отлиты изначально.

Теперь Конана могла спасти только ловкость. Он увернулся от одной атакующей пасти, другой, третьей... Ему не впервой было прорываться через такие вот зверинцы — только там чудовища были обычными, из плоти и крови, и стальной меч в умелой руке служил

надежной защитой. Здесь же северянину едва ли не впервые в жизни пришлось полагаться на ловкость, а не на силу.

Однако долго так продолжаться не могло. Конан не видел и малейших признаков усталости у бронзового воинства. Не попадалось также и ведущей вниз лестницы. В конце концов северянин оказался в кольце врагов. Тяжелая дубина обрушилась на его голову, и все померкло.

Глава V

Очнулся Конан отнюдь не в цепях и не в мрачной темнице, где с потолка капает вода, а по стенам неведь зачем гоняются друг за другом улитки. Напротив. Северянин сидел в низком удобном кресле, на широкие плечи его чьи-то руки накиннули пурпурную тунику. Старые, выдавшие виды сандалии исчезли, замененные новыми, весьма элегантного вида. Как ни странно, оружие Конана тоже осталось при нем — меч по-прежнему висел на левом боку, что казалось тем более странным, потому что пояс ему заменили тоже. Новый — широкий, мягкой кожи — был весь изукрашен серебряными и золотыми бляхами, что превращало его в некое подобие оружия.

Перед Конаном стоял низкий столик на украшенных прихотливой резьбой ножках, покрытый пурпурной же скатертью и уставленный драгоценной утварью настолько плотно, что Конан насилу разглядел саму скатерть между бесчисленных кубов, фиалов, чаш, блюд, тарелок и прочего столового добра. Сверкало начищенное золото; другие металлы сюда не допускались.

Под стать золотым тарелкам оказалась и еда — Конан едва ли смог бы назвать два-три из оказавшихся перед ним яств.

Просторный покой без окон был роскошно разубран. Стены задрапированы золотистыми гобеленами. В глубоких нишах застыли каменные скульптуры — все из маляхита, яшмы, оникса, нефрита и других редких пород

камня. Изображали они людей — разных людей, но каждый держал в руках громадную чашу, очень похожую на ту, в которой тащили упыриху два незадачливых ученика ордена Торгующих Богами... Конан поднялся — его не связали, оставив свободным. Не отобрали меч — да что же, безумцы тут живут, что ли? Или они настолько уверены в своем чародейском могуществе, что простые железки клинков им уже не страшны? Если так, то он, Конан, докажет этим гордецам, насколько они ошибаются!..

Однако выяснилось, что привести это намерение в жизнь киммерийцу будет не столь просто — в роскошном покое не оказалось ни окон, ни дверей. Свет давали несколько масляных ламп, развешанных тут и там по стенам.

Первым делом Конан оборвал все до единого гобелены — напрасно. Его взорам открылась лишь тщательно оштукатуренная каменная кладка, покрытая прихотливой росписью. Стиснув зубы, варвар принялся простучивать эфесом меча стены — с тем же результатом. Напрягшись и закричав от натуги, сбросил с пьестала одну скульптуру, другую, третью — не отыщется ли в их подножиях тайного хода? Бесполезно.

Но ведь как-то они ж меня заманили в эту клетку! — злясь на самого себя, Конан вновь и вновь обходил углы роскошной тюрьмы. Нет, выход должен найтись! Иначе...

— Иначе тебе придется, наконец, признать, что впервые в жизни ты потерпел поражение, киммериец! — раздался откуда-то сверху сильный, уверенный мужской голос. Конан поднял голову — опять ничего. Украшенный лепниной потолок. И все. От злости и бессилия варвар готов был завывать, точно затравленный волк. Проклятые чародеи! Его бы воля, он извел бы этот поганый род под корень, до десятого колена, не пощадив даже младенцев в колыбелях. Который уже раз они становились у него на пути! И каждая победа обходилась варвару очень и очень недешево.

— Кто ты такой, сожри тебя Эрлик?! — рявкнул в ответ Конан, отнюдь не собираясь признавать свое поражение.

Этого они от него не дождутся — он проиграет только когда расстанется с жизнью.

— Кто я такой, для тебя совершенно неважно, мой юный друг. Мое имя тебе ничего не скажет. Я никогда не стремился к славе. Можешь называть меня хозяином, потому что все в этой долине — и живое, и мертвое — принадлежит мне! Ты понял меня? Твоя жизнь — как и то, что последует за ней — в моих руках, киммериец!

— Ну, хорошо. А что тебе тогда от меня надо?

— Я могу задать тебе тот же самый вопрос, — парировал незримый собеседник. — Ты явился ко мне незванным — зачем? Я не сделал тебе ничего плохого. А теперь...

— Я и теперь не сделал тебе ничего плохого, — соврал Конан.

— Как ничего? А горгулья?

— Подумаешь, горгулья! Разве такой могущественный чародей, как ты, не может сотворить новую? А, кроме того, когда внезапно оживают камни, то поневоле пускаешь в ход меч!

— Хорошо, забудем! — великодушно сообщил волшебник. — Ты прав, сотворить новое украшение на моей стене мне ничего не стоит. Но теперь давай поговорим о другом. Расскажи мне о себе. Кто такой, кем был твой отец, где твоя родина? Ты ведь не из южных королевств, я вижу.

— Обычно чародеи не прибегают к словам, чтобы узнать подобное, — пожал плечами Конан. — А я про себя никому и ничего не рассказываю.

— Напрасно, мой горячий друг, очень напрасно! Ведь от твоих слов будет зависеть, чем закончится для тебя это приключение... — Тон незримого собеседника стал напыщенно-зловецким, точно у уличного актера в За-море. — Не следует вот так, сразу, отказываться говорить со мной. Здесь упрямство стоит очень дорого!

Конан равнодушно пожал плечами.

— Мне бесполезно грозить, — сообщил он чародею. — Говорить с тобой я все равно не стану.

— А я так надеялся расположить тебя к себе! — лицемерно вздохнул маг. — Я оставил тебе твой меч, на столе перед тобой — самые изысканные вина и кушанья, какие только можно измыслить. Я вправе был рассчитывать на твою откровенность! Разумеется, я могу заставить тебя сказать мне все, но... это же так примитивно! Подобным занимаются только тупоголовые правители этих ничтожных королевств, что окружают мои владения...

— А что тебе в моем рассказе? — в свою очередь спросил Конан (разговаривающий враг — уже полврага!). — Зачем тебе знать все про меня? Тебе, могущественному чародею? Ответь мне, для чего?

Казалось, чародей обрадовался.

— Давно бы так, — одобрительно промолвил он. — Слушай же! Я собираюсь даровать тебе, дерзкий воин, новую, прекрасную жизнь. Я сделаю тебя богом!

Признаться, Конан не ожидал ничего подобного. С таким предложением к нему еще не обращались.

— Богом? — не веря своим ушам, переспросил киммериец.

— Богом, богом, — радостно подтвердил волшебник. — Ты не ослышался. Ты смел, силен и красив... ты будешь отличным богом!

В душе Конана зашевелились первые, пока еще смутные, подозрения.

— Я все-таки не понимаю тебя, назвавшийся хозяином! Что значат твои слова? Или ты мнишь себя могущественнее Митры, Индры, Сета и прочих небожителей? Берегись, они завистливы и ревнивы и им едва ли понравится такое деяние!

— За меня не беспокойся, — высокомерно проронил чародей. — Думай лучше о себе. Тебе придется выбирать — либо покориться мне и стать тем, кем тебе предначертала судьба, или же... — Он выразительно умолк, давая воображению пленника возможность самому дорисовать картины пыток и мучений.

Но на Конана подобные приемы не действовали. Он только вновь пожал плечами и поудобнее устроился в

кресле. Разумеется, ни пить, ни есть со стола своего пленителя он не собирался. Киммериец хотел выждать. Здепшему хозяину явно было что-то от него нужно — что ж, пусть говорит. А там видно будет.

— Так что же ты мне скажешь? — собеседник киммерийца начал терять терпение.

— Ничего, — последовал спокойный ответ. — Я не играю в такие игры. Расскажи все толком, и тогда, быть может...

— Никогда не встречал столь наглых бродяг, — задумчиво произнес чародей. — Но да ладно, сегодня у меня по-настоящему хорошее настроение, ты — отличная добыча, и потому я готов пропустить мимо ушей твои дерзости. Слушай же, воин! Как я уже сказал, ты станешь богом. Ты обретешь вечную жизнь. Да-да, именно так, вечную! Ты станешь бессмертным. Тебе будут поклоняться людские племена. Приносить тебе жертвы. Приводить самых прекрасных девушек — девственниц или, напротив, утонченных развратниц, как ты пожелаешь. Золото будет течь к тебе рекой. Окруженный всеобщим поклонением, непогрешимый, неуязвимый, вечный, станешь ты править отданным твоему водительству народом, пока не исчахнут усталые звезды и Всеотец не низринет сей несовершенный мир в горнило Первозданного Пламени, где сгинут и боги, и смертные, и начнется новый жизненный цикл... И это — вместо жалкой участи смертного! Подумай — еще один-два десятка лет, и тело твое откажется служить тебе. Болезни подточат несокрушимое здоровье, мускулы утратят былую силу. Ты превратишься в дряхлого, беззубого, трясущегося старика, не помнящего даже свое собственное имя. Мальчишки будут швырять в тебя камнями и кричать — «плешивец, плешивец!»... хотя нет, постой, это совсем из другой истории... Одним словом, ты понял меня? Или те старики, которых ты встречал, не служат самым ярким доказательством моих слов?

— Стариков я, конечно, встречал, — невозмутимо ответил Конан. — Но у моего народа есть присловье — тот не мужчина, кто доживает до старости и умирает в собственной постели. Я не успею состариться, не бойся. Я

падаю в честном бою, и мой дух отправится в небесные чертоги Крома! — Конан осекся, сообразив, что проговорился, но было уже поздно.

— А, так ты из Киммерии! — обрадовался волшебник. — Очень хорошо, очень! Ты-то мне и нужен! И у меня уже есть для тебя отличное место... — Он сделал паузу, словно чтец, отыскивающий нужный свиток. — Ага, вот оно. Ну да, так и есть — прекрасное место, воинственное и многочисленное племя... Женщины его страстны и красивы, мужчины — храбры и кровожадны. Ты именно тот бог, что им нужен!

— И что же ты требуешь взамен всего этого великолепия? — поинтересовался Конан. — Власть, бессмертие, богатство, женщины... Кстати, как насчет них? Тело я сохраняю или как? Без этого я не согласен!

— Сохранишь, сохранишь! — радостно воскликнул волшебник. — Ну конечно же, сохранишь! Иначе вся затея была бы лишена смысла! А суть именно в том, чтобы тебя могли лицезреть восторженные верующие! Не каждый день, конечно же... по праздникам... но могли бы!

— А женщина мне нужна каждый день! — заупрямился Конан, изо всех сил пытаясь сыграть как можно лучше — волшебник должен был уверовать в согласие киммерийца и выболтать побольше — глядишь, и из его слов Конану удастся понять, как с ним бороться... Шанс ничтожный, но иного у северянина просто не было.

— Ну, ты слишком многого хочешь! — чародей принялся торговаться, словно мелкий разносчик на рынке. — Виданое ли это дело — женщина каждый день! Хватит и одной ночи в месяц...

— Тебе, может, и хватит, — отпарировал Конан. — Но не мне. Каждые два дня — это мое последнее слово!

— Но тогда утратится вся твоя божественность! — возмутился чародей. — Получится, я зря старался?!

— Ну, это меня не волнует, — Конан откинулся на спинку кресла.

После долгого препирательства они в конце концов сошлись на каждой четвертой ночи.

— Только учти — твоих любовниц тебе придется или есть живьем, или поджаривать на медленном огне и пожирать уже потом, — злорадно предупредил волшебник. — Иначе тебя не будут бояться, а если тебя не бояться — то какой же ты бог?

— Пожир-а-ть?—удивился Конан. — Вот еще! Я же не дикарь. Нет, так дело не пойдет.

Чародей, похоже, начал терять терпение. Голос его внезапно загремел, словно самый исполинский водопад. Задражали стены, с потолка посыпалась какая-то крошка, качнулся даже пол под ногами варвара.

— Ты окончательно забылся, червь! — грянуло под сводами покоя. — Ты что, не понимаешь, что полностью в моей власти? Я смогу превратить тебя в кого захочу! В змею, которую отправлю в вольтер с голодными мангустами! В вола, навечно прикованного к мельничьему колесу! Наконец, я могу тебя просто убить!

— Если бы все это было так, как ты говоришь, ты бы не торговался со мной так долго, — заметил киммериец, не теряя присутствия духа. — Значит, я тебе нужен. А коли нужен — то ты будешь выполнять мои условия, а не наоборот. А грозить мне — пустое дело. Разве ты этого еще не понял?

Вместо ответа раздался дикий рев и грохот. Каменные блоки стен разлетались в пыль под чьими-то исполинскими ударами; за несколько мгновений в противоположной стене появился широкий пролом. Там во тьме смутно мерцали алые огни, тянуло сухим жаром. И еще — оттуда неслись стоны, вопли и горестные проклятия тысяч и тысяч голосов. А потом всех их заглушило рычание Зверя. Миг спустя он появился и сам — туловище тигра, голова слона, лапы дракона, хвост скорпиона, пасть акулы... Глаза-блюдца, бивни отточены, словно копыта, когти на лапах крошат каменные плиты пола... Чудовище было готово к броску.

Конан вскочил на ноги. Кажется, эта тварь не из металла — что ж, наконец-то пришло время поговорить на знакомом ему, Конану, языке!

Меч с шипением вырвался из ножен. В следующий миг бивни пронзили пустоту на том месте, где секунду назад стоял киммериец. Растопыренные лапы загребли воздух — и тоже напрасно. Конан не стоял на одном месте, он танцевал, он парил над полом, и его клинок со всей отпущенной варвару силой вонзился в уязвимое место чудовища — под мышку, по самый эфес погрузившись в свисавшие мягкие складки кожи. Остальное туловище твари было надежно защищено чешуйчатой броней; тигриные полосы поверх нее казались бредом сумасшедшего живописца.

Раздалось хлопанье и мокрый плепок. Северянин вырвал меч из раны и в тот же миг вонзил его снова, проворачивая вокруг своей оси. Тварь взвыла дурным голосом, завертелась на месте, слепо шаря вокруг себя чудовищными лапами и впуская щелкая когтями. Однако Конану было не впервой встречаться с подобными монстрами. Не раз и не два самонадеянные чародеи выпускали против него таких вот великанов, обильно оснащенных клыками, когтями, хоботами и прочим смертоубийственным инструментом; однако всякий раз выяснялось, что тяжелые, неповоротливые чудовища проигрывают легкому и подвижному северянину.

Из рваной раны хлынула темная вонючая кровь. Капли ее обжигали, словно в жилах чудовища струился крутой кипяток. От рева раненой твари можно было оглохнуть.

Киммериец ловко уклонился от машущего жала, ткнул острием клинка в его основание (новый взрыв воя и рева) и оказался с другой стороны чудовища. Поднырнув под чудовищную лапу, он опять повторил раз удавшийся прием. Меч вспорол складки кожи в подмышечной яме и, похоже, дошел до одной из жил — кровь хлынула, точно из пробитой бочки. Теперь оставалось только ждать, когда тварь ослабеет от потери крови. Горло, еще одно уязвимое место, у этой твари закрывали толстые роговые чешуи — ее создатель оказался хитрее прочих. Главным было не подвернуться под лапу монстра; его хваленое жало на хвосте бессильно повисло.

Обрывая драгоценные гобелены, кроша яшмовые и малахитовые скульптуры, чудовище вертелось на одном месте, пытаясь зацепить Конана когтями или же пронзить бивнями. Слоновий хобот яростно сжимался и вновь раскручивался. По отвислым губам стекала слюна. Бока твари обильно покрывала кровь. Еще некоторое время — и киммерийцу останется только добить чудовище.

Однако у так и не появившегося хозяина этой твари был предусмотрен, оказывается, и этот исход. Слабо взбрыкивая, тварь внезапно устремилась обратно к пролому, ненавидяще глядя на киммерийца алыми, как закат, глазами. Ей на смену из темноты двинулись уже знакомые варвару бронзовые чудовища. Конан скрипнул зубами — для его меча эти бестии были неуязвимы — и, собрав все силы, ринулся на прорыв. Жесткая бронза ободрала бок, но киммериец сумел ужом проскользнуть между сходящихся металлических тел, устремляясь к единственному открытому для него пути бегства — к пролому в стене, к той самой темноте, где зловеще вспыхивали алые зарницы. Только там у него еще оставались шансы. Только там — в полной неизвестности.

Провал встретил киммерийца разверзшейся навстречу ему исполинской бездной без дна и краев. Казалось, здесь открывается проход к тайным иномировым царствам подземных богов. Казалось, комната, в которой очнулся киммериец, располагалась на исполинском столбе, чье основание терялось где-то внизу, во мраке темных преисподних.

За спиной тяжело топал развернувшийся строй бронзовых тварей. Конан обернулся и глубоко вздохнул. Синие глаза киммерийца по-прежнему горели яростным боевым огнем, однако он понимал, что на сей раз столкнулся с силой, намного превосходящей мощь его мускулов. Этот волшебник не ошибался. Сам он так и не дерзнул появиться перед северянином, действовал чужими руками. И добился полного успеха. За спиной — неуязвимые бронзовые воины, перед лицом — беспредельность

провала. Выбирай, киммериец! Шаг вперед или шаг назад? Плен или смерть? Смерть или плен? Решай быстро!

И Конан решил.

Впервые в его жизни он столкнулся со столь страшным противником. С противником, который не допускал ошибок. И теперь ему, Конану, чтобы избежать позора, что хуже смерти, осталось только одно — сделать шаг вперед, в бездонную пропасть.

Северянин шагнул. На миг все его существо взорвалось истошным воплем, воплем не желавшего умирать тела — нет! повернись! сдайся! согласись! Чудовищным усилием воли варвар загнал вглубь этот жалкий и постыдный крик. Нет, он не опозорится в эти последние мгновения. Кром, отец Киммерии, смотрит на своих сыновей, и нельзя опозориться в последнюю секунду...

Под ногами варвара разверзлась пустота. Стало внезапно легко-легко, только очень свистел, оглушая, ветер в ушах. Багровая тьма распаивала падающему свои мягкие объятия, готовая принять и растворить в себе еще живое человеческое тело.

Огни, огни, огни... Огни, мрак и бездна. Любимые игрушки тех, кто гордо именовал себя черными магами, мня себя властителями человеческих племен и целых империй. И вот теперь одному из таких игроков для чего-то потребовался Конан...

Он все падал. Мгновения утекали одно за другим, а последнего страшного удара все не было. Напротив, ветер внезапно перестал выть, мягкая невидимая ладонь подхватила Конана, замедляя его стремительное падение. Потом появилась твердь. Совершенно черная, гладкая — как будто отполированный камень. Только это был отнюдь не камень, и Конан отлично знал это. Знал, потому что чувствовал своим чутьем варвара, пусть и странствовавшего немало лет по цивилизованным хайборийским краям, но так и не утратившего то редкостное, присущее лишь его народу чутье на совершенно чуждые нашему миру магические силы. Они испокон веку окружали предков Конана, и племя киммерийцев мало-

помалу научилось и чувствовать их, и бороться с ними. Иначе сородичи Конана никогда не смогли бы выжить.

Конан, целый и невредимый, стоял посреди мрачного подземного царства. Над головой переливались сполохи алого пламени. Все вокруг казалось совершенно одинаковым, все пути походили друг на друга как новенькие монеты, только что вышедшие из рук чеканщика. Куда идти? Киммериец поднял глаза, отыскивая тот столп, с вершины которого он и попал сюда — не нашел, все вокруг окутывал мрак.

— Ну вот ты и пришел ко мне, — раздался знакомый голос. Мага по-прежнему не было видно. Звучал лишь холодный голос, полный злобного торжества. — Теперь нам осталось лишь довершить дело.

Конан не ответил. В глядом он искал врага — и не находил. Вокруг по-прежнему был один лишь мрак, озаряемый беспорядочными алыми вспышками. Ни дорог, ни путей, ничего; не с кем сражаться, некого рубить, остается лишь слушать этот гнусный усмешливый голос, слушать до тех пор, пока не появится нечто вроде той твари с бивнями, которую можно будет пронзить мечом!

— Я испытал тебя — и ты отлично прошел испытание, — высокопарно продолжал тем временем волшебник. — Ты будешь отличным богом! У меня, как я уже сказал, есть для тебя отличное местечко. Плата уже получена. Так что ничто не мешает тебе пройти трансформацию и отправиться в путь! Тебе даже не придется шевелить ногами. Мои слуги доставят тебя на место, так что ты даже ничего не почувствуешь!

Конан мрачно усмехнулся. Он уже догадывался, зачем волшебнику потребовалась его скромная персона. Стать Богом-из-Чаши, быть проданным какому-то дикому племени, чтобы ему поклонялись — а он, Конан, в свою очередь, превратится в куклу засевшего в этом замке чародея, чтобы выполнять все его приказы.

И все-таки волшебник не мог осуществить свой замысел немедленно. Иначе он давно бы уже привел его в

исполнение. Что-то мешало ему, какая-то мелочь, которая, тем не менее, до сих пор хранила киммерийца, вынуждая его врага вступать в долгие и бессмысленные разговоры. Или же маг просто развлекался? Скука — самый страшный враг сильных мира сего, потому что от нее нет спасения.

— Ну хорошо! — крикнул Конан. Надо было заставить этого колдуна сделать очередной ход. — Что мне делать? Куда идти?

— Давно бы так! — удовлетворенно заметил голос. — Иди прямо вперед, куда — неважно. Я сейчас прибуду сам, и мы быстро со всем справимся.

Глава VI

После этих слов все сразу и резко изменилось. Исчез мрак, исчезли алые сполохи; взорам Конана открылся хоть и громадный, но все же вполне обозримый подземный зал, чем-то очень похожий на недавно покинутый киммерийцем храм Спящего бога. Только здесь, в царстве Торгующего Богами, не было вовсе никаких колонн. В дальнем от Конана конце располагался громадный очаг — не менее полусотни шагов в поперечнике, он занимал место от стены и до стены. Перед ним стояло несколько человек в серых хламидах, а чуть левее, на возвышении, небрежно опершись локтем на каменный столбец узорного мрамора, замер невысокий человечек, маленький, тщедушный, почти что карлик.

— Ну вот, все и готово, — услышал киммериец голос карлика — того самого грозного волшебника, что наводил ужас на самого Марагара, верховного жреца Спящего бога и не последнего чародея! Конан усмехнулся. Что ж, этого следовало ожидать. Чем меньше телесных сил, тем больше злобы и желания отомстить всем вокруг.

Повинуясь командам волшебника, северянин неспешно пошел вперед. Меч болтался у бедра, однако Конан понимал, что на сей раз его спасет хитрость, а не оружие. Его верный меч, не раз выручавший его в схватках с

демонами, на сей раз оказался бессилён. Серебряный шар превратился — кто знает, на время или навсегда? — в самое обычное украшение эфеса, ничего более.

Приближаясь к своему врагу, Конан увидел, что сгрудившиеся помощники чародея уже держат наготове знакомую северянину большую чашу. Судьба варвара казалась решенной — сейчас на него обрушится магическая атака, его человеческая сущность будет уничтожена, и он превратится в жуткого и кровожадного Бога Чаши, подобного той упырихе, которую он убил в ущелье. Теперь Конан понимал, что сразил не страшного монстра, неведомо как вырвавшегося на волю из иномировых бездн, а такую же, как и он сам, смертную — несчастную девчонку-рабыню, то ли купленную на шадизарском базаре, то ли просто плененную разбойниками на одной из караванных троп в Карпашских горах...

Шагая, варвар не отрывал пристального взгляда от тщедушного колдуна. Бывало, что все силы такого чародея оказывались сосредоточены в каком-то кристалле, кольце, амулете или еще чем-либо подобном. Разбив или захватив такой предмет, можно было разрушить и все созданные с его помощью злые чары. Однако на сей раз все оказалось не так. У карлика не было (по крайней мере, на виду) никаких священных предметов. Он, похоже, довольствовался одними лишь словами да собственными руками. Больше ему ничего нужно не было.

— Ну, давай же приступим! — чародей потер сморщенные ладони, более напоминавшие птичьи лапы. — Уверяю тебя, мой дорогой гость, это будет совсем не больно и потребует очень немного времени. Хотя... постой... а это что еще за штука у тебя на шее?!

За всеми приключениями и происшествиями Конан совсем забыл о надетом ему на шею убийственном венке. Он делал то, что обещал, и выбросил из головы все посторонние мысли. Однако оказалось, что прощальный подарок девчонки-колдуньи был вовсе не так прост — Торгующий Богами явно не пришел в восторг, увидев его на шее Конана. Просто удивительно, что венок не попался

здесь хозяину на глаза раньше — пока Конан лежал без сознания, например.

— Постой-ка, мой дорогой! — Волшебник вытянул руку и наморщил лоб, пристально разглядывая венок на шее киммерийца.

— Откуда это у тебя, мой дорогой?

— Неважно, — Конан продолжал медленно идти к чародею. — Тебя это не касается.

— Ошибаешься, мой дорогой, ошибаешься... И стой, когда я тебе приказываю!

— Я выполняю приказы только одного человека — а именно свои собственные, — равнодушно сообщил Конан, не замедляя шага.

Волшебник, если и хотел что-то сказать или сделать, то явно опоздал. Бросок Конана был подобен броску разъяренного тигра из зарослей на спину ничего не подозревающей антилопы. Мощное тело киммерийца сбило тщедушного чародея с возвышения, руки Конана сомкнулись на тонкой шее врага; сейчас, еще один миг — и разъяренный северянин попросту оторвет магу голову напрочь.

Однако вместо податливой стариковской шеи варвар ощутил под пальцами самый настоящий камень. Конан невольно поднял глаза — его ладони обхватывали не горло волшебника, а мраморный столб!

Чародей стоял в сторонке и надрывался от хохота.

— Зачем... зачем же ты стал душить мертвый камень?..

Конан выпрямился. Будь что будет, он не позволит загнать себя в какую-то там чашу! Да будь ты хоть трижды волшебник... Выхватив одним движением меч, варвар вновь бросился вперед, только на сей раз он атаковал не чародея, а его слуг, что так и стояли с чашей возле громадного очага. Согнувшийся пополам от смеха волшебник прозевал прыжок Конана, а когда опомнился, было уже поздно.

Эти несчастные хоть и умели сражаться и имели при себе свои посохи, удержать киммерийца не могли. Наверное, в тот миг с подобным не справилась бы и

сотня обученных солдат. Обезглавленные, разрубленные надвое, даже четвертованные тела так и полетели в разные стороны. Иные с шипением падали в огонь. Миг — и за ними последовала приготовленная для Конана Чаша. Огонь лизнул ее серебряные бока — и они внезапно поплыли, расплавляясь, теряя форму и очертания. Видно, в очаге горел не простой огонь.

Волшебник отсмеялся и выпрямился. Глаза его широко открылись.

— А где же все эти бездельники, именующие себя моими учениками? — спросил он пустоту.

— В огне, — коротко бросил Конан. С лезвия его меча медленно стекала кровь.

— О, да ты и в самом деле славный боец! Ну, учеников мне не жаль — наберу новых... Так, Чашу ты тоже расплавил... Охо-хо, сколько трудов — и все придется теперь делать мне самому!

С этими словами чародей, кряхтя, нагнулся над полом и щелкнул пальцами. Каменная плита немедленно перевернулась; на ее обратной стороне стояла серебряная Чаша, точь-в-точь такая же, как и только что брошенная в огонь киммерийцем.

— Та-ак... Чаша есть... теперь осталось только произнести заклинание...

— Что, и все? Я считал, что превращение в Бога требует несколько больших усилий! — стараясь сохранять спокойствие, заметил Конан.

— Сперва я должен снять с тебя это нелепое украшение... — волшебник указал пальцем на венок. — Пока она на тебе, ничего не получится...

Он кичился своей силой, этот странный, неведь откуда взявшийся Торгующий Богами. Ему нравилось говорить правду своей жертве.

Конан замер. Он понимал, что с чародеем такой мощи ему не совладать. По крайней мере, в тот момент, когда внимание мага сконцентрировано именно на нем, Конане. Однако кое-что начало внушать надежду — серебряный шар эфеса, разогревшись около магического пламени, что

пылало в очаге Торгующего Богами, начал мало-помалу светиться пока еще слабым, тусклым, но хорошо заметным светом, и у Конана враз полетчало на сердце. По крайней мере, он умрет — если он умрет — не как бык на бойне, а сражаясь!

Маг кривился, шипел, плевался и дергался, словно у него рвали гнилой зуб. Очевидно, та малолетняя колдунья оказалась далеко не неумехой, и снять надетый ею смертельный венок оказалось не так просто. Пользуясь тем, что волшебник совершенно перестал обращать на него внимание, Конан шаг за шагом начал подкрадываться к нему, оставаясь внешне совершенно спокойным, словно являясь богом из чаши было его заветнейшей мечтой.

Венок на шее северянина тоже не остался безучастным к происходящему. Сперва он стал ледяным, потом — почти нестерпимо горячим. Потом раздался легкий треск, и Конан понял, что Торгующий Богами все-таки начал одолевать. Рушилась последняя преграда, отделявшая варвара от заключения в серебряной чаше.

Конан вновь прыгнул. На сей раз это было прыжок отчаяния, прыжок загнанного волка на копыта и стрелы охотников, когда благородный зверь ищет лишь одного — быстрой смерти. В отличие от волка, Конан хотел жить — однако был готов и к тому, что этот его бой окажется последним.

Волшебник встретил киммерийца страшным встречным ударом, словно опытный кулачный боец. Суховатый кулачок врезался в прикрытый броней упругих мускулов живот варвара, отшвырнув того шагов на пять. Клинок же Конана, нацеленный в голову врага, оставил лишь длинную кровавую царапину на плече колдуна.

— О-ох! — вырвалось у чародея. — Меч!.. Твой меч!.. — Лицо его исказилось. — Ожил, проклятый!..

Нечего и говорить, насколько воспрял духом Конан после таких слов. И, хотя удар волшебника потряс варвара так, как не потрясали самые сильные удары, когда-либо полученные им за всю жизнь — он вновь поднял меч и

замахнулся, готовясь к новому броску. Однако на сей раз волшебник опередил его.

Рука чародея внезапно удлинилась, и кулак его вновь ударил киммерийца в грудь. Перед глазами варвара взорвался ослепительный сноп искр — и, теряя сознание, Конан распростерся на полу. В один миг чародей оказался возле поверженного, сорвал с него тот самый мешавший ему венок и, сопя от натуги, потащил тело к очагу.

Роковая чаша стояла рядом. Сквозь боль Конан чувствовал, как умелые, жесткие руки чародея начинают уминать его тело, точно пекарь — тесто; казалось, еще миг — и он, Конан, окажется внутри.

Мертвящая хватка ослабла внезапно. Боль отступила, и Конан, подняв глаза, понял причину остановки — стены в дальнем конце зала рушились, а в пролом, распыривая беспорядочно мечущихся бронзовых зверей, медленно и торжественно вплыло черное облако, заключавшее в себе злобный дух мертвого жреца Марагара.

— Он мой! — По залу поплыло мерзкое, еле слышное шипение, все пропитанное ядовитой злобой. — Он мой, и я должен отомстить за себя!

— Нет, он мой! — выкрикнул в ответ карлик. — Марагар, что стало с тем богом, что я тебе продал?

— Твой бог оказался барахлом. Он, — темное дымное щупальце указало на Конана, — он убил его. А потом сумел коварно и подло убить мое тело. Но дух мой жив, и я пришел сюда за справедливо принадлежащей мне добычей!

— Как бы не так! — рявкнул Торгующий, и Конан невольно поразились мощи заключенного в столь жалком теле голоса. — Уходи отсюда, добыча демонов! Ты проиграл, а я выиграл. Кан-Демур теперь мой! Я пошлю туда своего нового бога, и все склонятся перед ним!

Облако-Марагар не ответил. С невесть откуда взявшейся прытью он рванулся вперед, словно чудовищный спрут, выбрасывая вперед струи дыма, служившие ему щупальцами. Первый его удар смял защиту чародея, отшвырнув того от лежащего Конана. Воспользовавшись этим, северянин вскочил на ноги.

О нем, похоже, все тотчас забыли. Перекатившись через голову, карлик тоже вмиг оказался стоящим. Лицо его дико перекосилось, глаза метали молнии. Сжав кулачки, он походил на ободранного бойцового петуха, — но на очень опасного петуха, досконально знающего все тонкости боя.

Голубой огонь заметался между сжатыми кулаками волшебника. Прежде, чем туча-Марагар успел нанести новый удар, сгусток сияющего пламени грянул прямо между глаз демона. Тот взвыл, в середине его лба мгновенно образовалась глубокая воронка, расширявшаяся с каждой секундой. Щупальца забились, точно в агонии — однако до агонии этому существу было еще очень далеко. Дымные струи потянулись вдоль дальних стен, вдоль потолка, со всех сторон устремляясь к сжавшемуся возле очага волшебнику.

Торгующий Богами торжествующе усмехнулся и бестрепетно опустил руку в огонь своего очага. Когда Конан вновь увидел его ладонь, на ней горел, извиваясь, словно змея под музыку базарного заклинателя, длинный и тонкий язык пламени. И этим языком, словно мечом, колдун с размаха рубанул по самому дерзкому щупальцу Марагара, что протянулось существенно дальше других. Удар был хорош, однако дым просто расступился перед магическим оружием, и пламенное лезвие, выбросив целый сноп разноцветных искр, врезалось в пол, погрузившись в камень на всю длину клинка.

Марагар тотчас воспользовался этим. Здесь, возле очага, где горел колдовской огонь, демон явно набрался новых сил. Во всяком случае, двигался он куда быстрее, чем на поверхности земли. Его бесчисленные щупальца со всех сторон устремились на колдуна, и вот первое захлестнуло карлика поперек груди...

Впрочем, тот не остался в долгу. Весь скривившись от усилий, он, не в состоянии вытянуть застрявший в камне огненный меч, сломал его возле рукояти и обломком клинка полоснул по стремительно уплотнявшемуся шу-

пальцу, как будто демон перекачивал в него свою ново-создленную плоть.

Это действовало. Щупальце лопнуло, превращаясь снова в дым; освободившись, чародей вновь замахнулся, посылая вперед созданный из запасов его внутренней силы шар голубого огня. Марагар встретил оружие врага в воздухе сплетением нескольких струй дыма; они исчезли в пламенной воронке, но дело свое сделали. И тотчас же новый удар демона вновь поверг колдуна наземь.

Однако это стало последним успехом того существа, что унаследовало память и ненависть Марагара, верховного жреца забытого бога. Вскочив на ноги, карлик, несмотря на текущую из носа и ушей кровь, больше не стал уклоняться, прятаться, или же пытаться решить дело, состязаясь в меткости и мощи магических снарядов. Вместо этого он решительно бросился навстречу демону, словно намереваясь схватиться с ним врукопашную. За ним тянулся алый шлейф из тонкого огня; и вцепившиеся было в него щупальца вспыхнули, словно пуки соломы, брошенные в огонь. Карлик кинулся прямо к распахнувшейся пасти демона-Марагара и исчез в ней.

Чудовищная физиономия жреца мигом исчезла. Туча забурлила и закипела, словно сеть, полная живой, бьющейся рыбы. По стенам побежали трещины; рядом с Конаном упал здоровенный обломок камня. Из пещеры надо было убираться, и поживее.

Шар на эфесе Конана раскалился добела.

Киммериец не мог трусливо бежать, воспользовавшись тем, что оба его врага заняты схваткой. Широко размахнувшись, северянин обрушил клинок на один из клубистых отростков тучи — и на сей раз оружие, добытое в покоях императора Веледа, не подвело своего хозяина.

Меч оставил на боку тучи широкий алый разрез. Из раны — если только это была рана — со свистом ударил упругий поток ветра. Туча начала стремительно сжиматься, корчась и содрогаясь, точно в агонии. Из ее середины, точно детский мячик, выкатился карлик — его физионо-

мия была разукрашена синяками и ссадинами, точно у мальчишки после уличной драки.

А трещины на стенах и потолке все расширялись и расширялись.

Черный дым стремительно уплотнялся, сжимаясь в некое подобие человеческой фигуры. Проявлялось и лицо — лицо Марагара.

Не давая врагу опомниться, Конан вновь замахнулся. Заветный клинок развалил дымного демона надвое; верхняя часть туловища — рот твари был оскален в усмешке — оказалась под ногами киммерийца.

— Наконец-то я достану тебя! — успел произнести демон за миг до того, как серебряный шар на эфесе врезался ему в пасть, разнося подобие головы на мелкие черные ошметки не то слизи, не то пара.

— А теперь твоя очередь! — взревел Конан, поворачиваясь к карлику — и едва успел отбить клинком посланный в упор огненный шар. Шар взорвался с треском и пламенем, а меч киммерийца уже летел над полом в длинном, стремительном выпаде, начисто снес врагу голову с плеч.

Обезглавленное тело, однако же, поднялось. Руки зацепили киммерийца за плечо — прежде чем их отсекло напрочь гибельное лезвие. Варвар упал; удар потряс его до глубины. Меч вырвался из ослабшей кисти и отлетел в сторону. Безголовый карлик навис над раздираемым болью Конаном; даже могучее тело северянина не могло сопротивляться этой муке. Захрипев, Конан что было сил ударил ногой; пятка погрузилась в пах карлика, отшвырнув того к самому краю очага. На миг он застыл на каменном бордюре, отчаянно размахивая руками в тщетной попытке удержать равновесие — а затем рухнул прямо в пламя.

И тотчас же начал рушиться и пещерный свод.

Колдун в ужасе поднял обрубки рук, словно пытаясь удержать падающую сверху массу камней и земли — напрасная попытка. Его жалкий стон заглушил торжествующий рев подземных духов, обретавших нако-

нец решительную победу над ненавистной им пустотой в их владениях...

Конан же только и успел, что подобрать свой меч и, в инстинктивной попытке защититься, вскинул его острием вверх. Ярko-ярко засиял серебряный шар — и все рушащееся сверху, падая, миновало киммерийца.

Вокруг него громоздились завалы, а он оставался цел и невредим.

Когда же все кончилось, оказалось, что он стоит на самом дне глубокого и узкого — в ширину его плеч — колодца. Подъем будет долгим и трудным, но зато там, над головой, синело ласковое небо. А на шее киммерийца не было больше гибельного венка.

Вступление

Королева Зенобия, задумчиво расчесывая свои прекрасные волосы, сидела у зеркала. Лицу женщины, отражавшемуся в отполированном металле, могла позавидовать любая красавица Аквилонии. Даже прожитые годы не смогли изменить этого гордого разлета бровей и согнать со щек нежный персиковый румянец. Рядом с зеркалом были разложены драгоценности. Солнечный луч, заглянувший в окно, как ребенок, играл жемчугами, загораясь в рубинах и обжигаясь бриллиантами.

Проворная служанка принесла кувшин сладкого питья, вазу с фруктами и в ожидании застыла около стола.

— Иди, Фрасина, сегодня я сама себе сделаю прическу, — не оборачиваясь произнесла Зенобия. Подождя, пока за девушкой закроется дверь, королева взяла со столика небольшую шкатулку с затейливым узором. Она не хранила в себе никакой тайны, и браслет, который там лежал, не нужно было прятать от посторонних глаз, как дар тайного возлюбленного. Широкое кольцо, усыпанное рубинами и искусно переплетенное золотыми нитями, было свадебным подарком ее мужа — короля Конана. В последнее время Зенобия, всегда обладавшая сильным сдержанным характером, просто не могла сдерживать слез при взгляде на этот знак внимания ее любимого. Гордость и занимаемое положение не позволяли показывать свою слабость подданным, хотя в королевском дворце, — и это мало отличало его от деревенской усадьбы, — трудно было что-либо скрыть. Самый последний забитый помощник помощника младшего подавальщика утренней обуви мог с ходу ответить, сколько ночей за прошлый месяц оставалась безмолвной королевская супружеская спальня, и после которого кувшина вина прошлым вечером его величество изволили метким выстрелом из арбалета сбить большую парадную люстру.

Королева нахмурилась. Что-то неладное творилось в Аквилонии. Да и не только в ней. Страшные истории приносили из самых разных мест испуганные странники. Неузнаваемо изменился король. У Зенобии хватало ума

смотреть на него не только глазами обиженной женщины, — уже не раз ей приходилось брать на себя ответственность за очень важные решения, от которых Конан отмахивался, как от надоедливой мухи.

Лицо человека, которого вели на казнь, выражало нечто большее, чем просто страх смерти. Живые умные глаза его, полные отчаяния и боли, с надеждой смотрели в толпу. Он как будто искал кого-то, словно безумный, повторяя одно и то же:

— Почему я не вижу короля? Где наш справедливый король Конан?

Мрачные стражники, лениво подталкивая осужденного в спину, не обращали никакого внимания на его вопросы. И только когда на площади был прочитан приговор и последняя искра надежды угасла на лице несчастного, один из охранников, зевнув, огляделся по сторонам и насмешливо бросил:

— Забудь ты эти сказки про справедливого короля.

— Да он и так уже скоро все забудет, — хохотнув отозвался другой, наблюдая за приготовлениями к казни.

— Но он должен разобраться, — скорей по инерции тихо проговорил человек, опускаясь на колени.

— Ну и глуп же ты, парень. Господа нам ничего не должны. А уж воля короля — и вовсе не наше дело. Хочет — суд вершит, а не хочет — вино пьет.

Веселый стражник двусмысленно хмыкнул, давая понять, что он-то об этом знает больше других.

Глава I

Конан сам не знал, зачем они заехали в такую глушь. Обуявшая его в последнее время скука гнала его из дворца, заставляя делать необдуманные и зачастую опасные или просто глупые поступки. Сколько золота было уже выкинуто на ветер во время диких развлечений короля Конана, скольких женщин оставил он в слезах и сколько мужчин вернулись домой покалеченными. Выпитое измерялось морями, съеденной дичью можно было заселить огромный лес, необъятные

хлебные поля и бескрайние сады опустошались ради праздных пустых пиров. Проверенные в боях воины теперь получали раны во время пьяных драк, а назавтра снова сидели за столами со вчерашними обидчиками и бахвалились своими прошлыми победами. Юноши, еще не знающие запаха битвы, в сотый раз выслушивали истории о героизме старших товарищей, но, зная о нем только с их слов, не испытывали особого уважения. Когда вино уже проливалось мимо ртов, начинали чесаться кулаки, летела посуда, падали лавки, и какой-нибудь достойный воин отползал в сторону, чтобы забыться тяжелым пьяным сном, а наутро, обводя мутным взглядом грязный стол, пытался вспомнить, за что вчера его так огрел по уху лучший друг.

Конан смутно помнил, чем закончилось последнее веселье, но утро оглушило его такой черной тоской, что, вылив на себя два ведра ледяной воды и наспех надев самую простую, но чистую одежду, он растолкал первого попавшегося слугу и приказал немедленно готовиться к охоте.

Они выезжали из города, провожаемые опасливыми взглядами жителей, хорошо знакомых с буйным нравом богатых господ. Уже на самой окраине Конан, которого начинала мучить жажда, остановился около небольшой лавки и, не слезая с коня, потребовал вина. Пожилая полная женщина с широким добрым лицом вынесла кувшин. Вино было холодное и терпкое. С наслаждением допивая последний глоток, Конан почти прогнал свою утреннюю тоску. Теплая волна благодушия уже начала разливаться по телу. Расщедрившись, он достал несколько серебряных монет, и, предвкушая радость женщины, небрежно кинул их на землю. Она спокойно, без суеты, собрала деньги, сдула с них пыль, а потом, зажав в кулак, подняла на Конана взгляд, полный такого презрения, что у него закружилась голова и зашумело в ушах. С трудом сдерживая бешенство, он прищипорил коня и большие часа скакал в таком темпе, что наверняка загнал бы, не окажись на его пути река. Дорога обрывалась на крутом берегу так, как будто была проложена толпами самоубийц, подь-

езжавших по ней к реке и с ходу бросавшихся в воду. Нигде не было видно ничего даже похожего на мост или переправу. Глядя вниз с высоты, трудно было представить, что в этом месте находится брод. Запыхавшийся слуга догнал, наконец, Конана и в недоумении остановился на краю обрыва.

— Ничего не понимаю, — сказал он, — здесь всегда был мост. Мы с братом еще мальчишками вечно тут торчали, с него на рыб глазели. — Лицо его прояснилось. Со свойственной всем простолюдинам непосредственностью он переключился на воспоминания детства. — Хорот — богатая река! Сколько рыбы здесь брали! Бывало, после хорошего улова что съедим, а что и стухнет — впрок-то — не готовили — вся деревня провоняет — мочи нет!

Конан остановил его болтовню одним суровым взглядом. Начинаясь понемногу отступать бешенство вновь поднималось в нем. Он не привык, чтобы в его спокойном королевстве творились такие странные дела. Он все-таки король Аквилонии и никому не позволит над собой издеваться и сносить мосты на его дороге!

На другом берегу, совсем недалеко, призывно зеленел лес, наполненный хлопотливыми птичьими голосами и шорохами издавна пуганной дичи. Прохладные тени высоких деревьев манили к себе, обещая отдых больной душе и работу зорким глазам и сильным рукам. Конан нетерпеливо дернул плечами:

— Как нам перебраться на другой берег? Слуга засопел и важно выпятил подбородок: — Есть тут путь, внизу, через брод, да только никто им не ездил, через мост-то ближе, — тут он снова оторопело посмотрел на реку. — Куда ж он подевался-то? Да и вода какая-то мутная...

— Показывай, — коротко приказал Конан. Слуга покорно повернул коня и поехал по обрыву вдоль реки. Временами он что-то бурчал себе под нос, то ли опять вспоминая детство, то ли продолжая удивляться исчезновению моста.

Брод оказался недалеко. Слуга, видно, хорошо знал местность, уверенно спустившись к реке узкой тропинкой,

которую Конан никогда бы не заметил, проезжая мимо. Мутные волны плескались о берег, быстрое течение вертело какие-то обломки досок, вырванную с корнем траву, тряпки. Река выглядела неприветливо, киммериец засомневался, смогут ли они перейти на другой берег, но упрямство уже заговорило в нем, не в привычках короля было поворачивать назад. Кони неохотно пошли в воду, на середине реки, когда вода уже дошла им почти до брюха, жеребец Конана внезапно рванулся в сторону и, оступившись, чуть не упал. Довольно сильное течение подтолкнуло его в бок и удержало на ногах, но и хорошенько окатило седока. Киммериец ругнулся сквозь зубы, хотя в жаркий день после бешеной скачки это было даже приятно. Удивляло поведение коней — Конан не помнил, чтобы его вороной так боялся воды. За спиной одновременно захрипел конь и раздалось сдавленное «Ох!». Обернувшись, он не сразу сообразил, что случилось, и собрался, как обычно, прикрикнуть на туповатого малого, жалея, что в спешке взял с собой его. Но, проследив за остекленевшим взглядом слуги, проглотил вдруг появившийся в горле кислый ком. Мимо проплывала бледная распухшая человеческая рука. Жутко покачиваясь и мотаясь, она, как живая, куда-то показывала, маня за собой. Конан понял, что еще немного, и он останется без слуги. Парень бросил поводья и мог вот-вот сползти с коня. Ему бы сейчас помогла хорошая оплеуха, имей киммериец руки раза в два длиннее. Медлить было нельзя. Набрав в легкие побольше воздуха, Конан гаркнул что есть мочи:

— А ну, держи коня, придурок!

От его мощного крика вздрогнули, кажется, не только кони и одуревший от страха слуга: вдалеке послышался тяжелый грохот, река, и без того бурная, заходила мутными волнами. Животные оказались храбрее человека, хрипя и рассекая грудью волны, они почти одновременно вынесли всадников на берег, вслед им, словно зверь, злящийся на упущенную добычу, плеснула огромная волна.

Король уже почти жалел, что отправился на охоту. Глядя на слезшего с коня парня, очумело ворочавшего головой, он сердито спросил:

— Ты что, рук отрубленных никогда не видел? По возрасту-то, небось, не мальчишка, что войны на тебя не хватило? — и, сообразив, что тот его до сих пор не слышит, спешился, подошел к слуге и, тряхнув его за плечо, повернул к себе. На лице у парня был написан такой детский ужас, что король не стал повторять свой вопрос, а только подтолкнул его к коню, решив в следующий раз не уезжать так спешно, а найти кого-нибудь из верных слуг.

Лес оказался дальше, чем думал Конан. Места казались незнакомыми, что было странно для короля, знавшего свою страну вдоль и поперек. Мелкий кустарник, полный стрекота потревоженных насекомых, отвлек внимание киммерийца, а когда он снова поднял голову, лес, словно подкравшись, неожиданно накрыл их своей прохладной тенью. Но встретил не веселым пением птиц и жужжанием мошек, а неестественной пугающей тишиной. Зоркий глаз бывалого охотника выхватывал из сочной буйной зелени следы зверей, казалось, только что сорвавшихся с места. Обломанные ветки, вывороченный пласт дерна, тяжелый запах кабана, клочок рыжей шерсти — как будто неведомый вихрь, пронесшийся по лесу, унес все живое. Впрочем, больше это походило на бегство, в укромном гнезде остался крошечный птенец, беззвучно открывавший рот, словно от страха затянув глаза лиловой пленкой.

Все это было очень странно, голова была пустая, не хотелось думать ни о чем. Конан обратил внимание, что слуга, вытянувшись, как в столбняке, сидит на своем коне, не обращая внимания ни на хлещущие по лицу ветки, ни на неровный шаг коня по тропе.

— Эй! — при этом крике короля парень вздрогнул, но, видимо, пришел в себя, ухватившись за поводья и испуганно обернувшись. — Тебя как зовут-то?

— Зубник, господин, — громко и охотно ответил тот, словно радуясь звукам своего голоса. У него было широкое

глуповатое лицо с большим подвижным ртом и торчащие в разные стороны непонятного цвета волосы.

— Что за дурацкое имя! — Конан раздраженно ударил коня по бокам.

— А у нас вся семья — Зубники, — начал слуга, поудобней устраиваясь в седле, и Конан понял, что оторопь с парня уже сошла и сейчас начнется возбужденная болтовня. Он не ошибся, но прерывать не стал, деревенский говорок нарушал неприятную тишину леса, ехать было веселей. — А деревня наша называется Лекаря, на Чудном Холме стоит. Старики его Эолуйоном зовут, а простому люду разве такое выговорить? Там давным-давно жила одна жила, еще до королевства нашего, то есть, королей вообще, как есть, не было. — Зубник опасливо покосился на Конана. — Она чудеса всякие делала, со зверями дружбу водила, с нечистью всякой — и водяной, и подземной, ох, — теперь он оглянувшись по сторонам, выпустил поводья и, крепко зажмурившись, растопырил пальцы левой руки, а правой сильно дернул себя вначале за одно, потом за другое ухо. Киммериец с усмешкой наблюдал, как суеверный простолюдин отгоняет от себя злых духов. На своем веку он уже повидалу столько чудес и сталкивался с такими нечеловеческими силами, что подобные ухищрения выглядели просто смешными.

— Да, трусоват ты, парень, ладно тебе, продолжай, кому ты нужен в этом заброшенном лесу?

— Ох, господин, не говорите, нужен не нужен, а поопаситься надо. Да и лес-то, ваша правда, заброшенный, нехороший.

— Хватит трястись, рассказывай, — Конан чуть повысил голос.

— Я и говорю — волшебница жила. Людей не любила — жуть. Если кто придет к ней за советом, или с просьбой, а то и нечаянно забредет — все, считай, нет человека!

— Куда ж она их девала? Ела, что ли?

— Не-е, есть не ела, а так — взглядом поведет, тот и вовсе без ума, в лес ушел и сгинул, — легко объяснил Зубник. — Вот она и решила, чтоб не досаждали ей,

собрать все хвори людские, да и наслать на мир. Слуг своих темных разослала, чтоб никакая гадость от нее не ускользнула. И все в шкатулку складывала. Да только куда уж бабе против мира идти, хоть и волшебнице! Нашелся чародей, вовремя подоспел, да и все ее козни против нее и повернул: только она свою шкатулку открыла, мордой ее туда и сунул! Тут-то она от злости поганой слизью по холму и растеклась! — Парень довольно ухмыльнулся, и Конан решил, что в родных Лекарях женщины не особо баловали его вниманием, а, скорей всего, и обижали. — А потом уж, много лет прошло, позабыли ее, тут и люди поселились, да только замечать стали — кто на холме живет, тот не простую силу имеет — и боль заговаривает, и кости правит, и корешки-травки разбирает. Так наша деревня и пошла. Да только каждая семья по-своему умеет, и свое лечит. Раньше это просто прозвища были, а потом уж и имена забылись, зато и понятно: зубы схватило — иди к Зубникам, живот крутит — Брюхачи через дом от нас живут...

Конан, запрокинув голову, с удовольствием захохотал, представив, как зовут некоторых жителей этой необычной деревни, а отсмеявшись, с интересом спросил:

— Так говоришь, силу имеешь?

— Хвастать не буду, а что правда, то правда. — Зубник расплылся в довольной ухмылке.

— А доказать можешь? — Конана забавлял этот пустой разговор с недалеким деревенским парнем.

— Что ж тут доказывать? — удивился тот. — Сам я зубами никогда не маялся, да и у вас, господин, с ними все в порядке. Правда, с год назад помучил один, но, видно, знающий человек заговорил.

Конан не сразу сообразил, о чем идет речь. Потом вспомнил свои мучения, когда ноющий зуб трое суток не давал ему спать, заставляя метаться по дворцу в поисках хотя бы минуты покоя, и непроницаемое лицо стигийского лекаря из пленных, произносящего странные тягучие слова у его изголовья. Ни одна рана не приносила киммерийцу столько мук и никогда еще он не испытывал такого облегчения, когда боль отступила. Конечно, из этой

истории никто не делал тайны, но как мог этот ограниченный увалень так ловко вставить ее в свою хвастливую байку? Конан нахмурился. Он терпеть не мог пустых болтунов. Не дело, конечно, королю спорить с подданными, но этого он выведет на чистую воду. С силой проведя языком по зубам, Конан нащупал клык, так досаждавший ему, и с издевкой спросил:

— Ну, умник, может, скажешь, какой именно зуб болел?

— А что тут скрывать? Вы сами изволили его только что языком потрогать, клык это наверху справа. — Прорехавший чуть вперед парень обернулся и внимательно посмотрел в лицо королю. Конан почти с ужасом почувствовал, как чьи-то сильные пальцы сдавили и покачивают зуб. «Наваждение», — подумал он, тряхнув головой, и, сильно прищиприв коня, поскакал дальше. Разговаривать расхотелось, наступившее молчание вновь напомнило о странной тишине, заполнившей лес. Обычные вещи приобрели зловещий смысл: корни, вылезшие из-под земли, походили на заколдованных змей, знакомые деревья сменились странными небывалой высоты стволами с удивительной светлой корой, напоминавшей шелушащуюся кожу. Хруст сучка под копытом, казалось, грохотом разносился по всему лесу. Скоро исчезла трава, верхушки совсем закрыли небо. Кони стали все чаще, вздрагивая, останавливаться.

— Простите, господин, — осмелился заговорить Зубник, — мы заехали уже слишком далеко, здесь нет дичи. Скоро начнутся болота, там кони не пройдут. — Лицо слуги выражало тревогу, он нервно оглядывался, несколько раз украдкой вытер потные руки о короткие охотничьи штаны. Конан замечал странности окружающего леса, но какая-то незведомая сила гнала его все дальше, несмотря на повисшую вокруг тревогу. Постепенно в звенящую тишину леса стал проникать легкий гул, как будто где-то далеко по степи неслись табуны коней. Насколько помнил Конан, нигде в округе не было не то что степей, но и просто открытых пространств. Местность понижалась, и

похлюпывающая почва под ногами предвещала болото, но никак не поля. Киммериец двигался вперед уже не ради охоты, а из-за тревожного, почти болезненного любопытства. Никогда еще он не забирался так далеко, местность была совершенно незнакомой.

Мрачный лес внезапно кончился, сменившись нежно-зеленым ковром мхов с часто воткнутыми чахлыми деревцами, но светлее не стало. «Неужели уже вечер?» — удивился Конан. Гул усилился, от него кружилась голова и закладывало уши. Кони переступали ногами, Зубник, втянув голову в плечи, криво сидел в седле, всем своим видом показывая, что страшно трусит и, будь его воля, вихрем умчался бы домой.

Земля заходила ходуном, верхушки деревьев мелко затряслись, кони попятнулись, приседая на задние ноги. Конан, почему-то не испытывая ни малейшего страха, только краем глаза заметив, что слуга свалился и лежит на земле, жадно смотрел вперед, где посреди болота происходило что-то ужасное. Вначале мшистая поверхность задышала и задвигалась, как хорошо забродившее тесто, потом в центре лопнул огромный пузырь, раскидав опметки травы и мокрой земли. Что-то огромное двигалось из глубины, сотрясая все вокруг. Кони не выдержали напряжения, первым ускакал в лес гнедой Зубника. Сам лекарь лежал на земле, не реагируя на происходящее. С трудом сдерживая рвущегося вороного, Конан боролся с искушением спешиться и отпустить обезумевшее животное. Он чувствовал, что должен остаться и досмотреть, чем все кончится, но понимал и рискованность такого шага, ведь в случае опасности далеко убежать он не сможет. Конь кружился на месте, вставал на дыбы, стараясь сбросить всадника. Не соображая, что делает, и чуть не свернув себе шею, Конан соскочил на землю. В одно мгновение конь умчался в лес, скорей всего проклиная сумасшедших двуногих, готовых ради любопытства рисковать собственной шкурой.

Болото ходило ходуном. Наконец, выворачивая целые пласты влажной почвы, медленно и натужно из-под земли

появилась целая скала. Не веря своим глазам, Конан с удивлением обнаружил, что формой она напоминает чудовищной величины руку с указательным пальцем, вытянутым к небу. Невольно проследив за ним, киммериец, запрокинув голову, посмотрел вверх. Плотные низкие тучи, казалось, цеплялись за верхушки деревьев. Прямо по направлению каменного перста в грязно-серых облаках голубела идеально круглая дыра ясного неба. Недоумевая, что бы это могло значить, король огляделся. Гул утих, земля больше не дрожала под ногами. И тут же, как по команде, зачирикали невесть откуда взявшиеся птицы, заяц, прижимая на бегу уши, прошмыгнул мимо, совсем рядом с ногой скользнула змея.

Запелвился и Зубник, опасливо приподнял голову, быстро огляделся и встал.

— Ох, ну и дела, господин, — отряхиваясь, все еще дрожащим голосом обратился он к Конану. — Жуть-то какая! — Обернувшись, парень инстинктивно сделал резкий шаг назад и чуть не упал. Что и говорить, скала, поднимавшаяся из болота, производила сильное впечатление. Так же, как и Конан, Зубник посмотрел вверх и с криком снова рухнул на траву, закрывая голову руками, словно ожидая, что гнев богов сейчас обрушится на него через это голубое окно. Однако, ничего страшного или необычного больше не происходило. Более того, скоро в лесу послышалось веселое ржание, и вороной Конана, как ни в чем ни бывало, прискакал и стал рядом с хозяином. Позднее нашелся и конь слуги — взмыленный и все еще дрожащий, под стать своему хозяину.

В отличие от Зубника, происшедшее несколько не испугало Конана, а, скорей, позабавило. За свою бурную жизнь киммериец привык обращать внимание на события, реально грозящие его жизни. Судьба уже не раз сводила его с магами и чародеями, демонами и ведьмами, но таков уж был характер варвара — больше доверять своей силе и хитрости, чем ухищрениям волшебников. Недаром в свои сорок с небольшим Конан был королем, его слава давно перешагнула границы Аквилонии, а от

побежденных им магов остались, в лучшем случае, лишь имена.

Ни о какой охоте уже не было и речи. Бурно проведенная ночь давала о себе знать. Конан устал и проголодался. Вскочив на коня и взглядом приказав слуге следовать за ним, король утлубился в лес.

Глава II

На обратном пути они немного сбились с дороги и выехали из леса в незнакомом месте. Невдалеке виднелась река. Куда-то подевались плотные низкие тучи, над путниками ясно голубело совершенно чистое небо. Невидимая пичуга что-то хлопотливо объясняла на своем птичьем языке. Местность повышалась, и за холмами в голубоватой дымке можно было даже разглядеть горы.

— Эй, — Конан обернулся к Зубнику. Пережитое в лесу состарило лекаря лет на десять. — Где-нибудь рядом есть деревня? У меня в животе бурчит, и язык уже присох к небу.

Голос короля, как всегда разом вывел слугу из оцепенения, в котором тот пребывал всю обратную дорогу.

— А как же! Во-о-он там, на берегу. Онда называется.

Конан и сам уже заметил какие-то строения у подножия холма и пустил коня вскачь. Чем ближе подъезжали они к деревне, тем медленнее становился их шаг. Не заметно было никакого движения, хотя Конан прекрасно помнил, что такие деревни всегда напоминали ему муравейники, наполненные шумом, гомоном, смехом и криками оравы ребятишек, звонкими голосами переговаривающихся через несколько домов женщин. Ясно было, что случилось что-то неладное. У первого же дома лежал мертвый человек с разбитой головой. При появлении всадников от него с визгом отбежали несколько собак. Дома выглядели нежилыми, хотя иногда Конану казалось, что он слышит то ли плач, то ли тоскливое пение. Несколько раз дорогу им преграждали лежавшие посреди

дороги разбитые лавки, видимо, выкинутые из окон. Еще двое мертвецов с посиневшими лицами, вцепившись друг другу в горло, словно обнявшись, лежали у дверей богатого дома. Улица сбегала к реке, заканчиваясь широкой площадью и небольшой пристанью. Выехав на открытое пространство, киммериец даже присвистнул: видно, жаркий бой кипел здесь совсем недавно. Вокруг валялись обломки досок, камни, ножи и пики. И не меньше десятка трупов. Один из них, привязанный за ногу к причалу, трепала и била о бревна мутная быстрая река.

— Давай-ка, посмотри, есть кто живой, — приказал Конан Зубнику, спешиваясь. Теперь стало понятно, откуда появилась отрубленная рука, так напугавшая его слугу на переправе. Но что здесь произошло? На всем лежал отпечаток какой-то нечеловеческой злобы. Раны были ужасными, самое страшное, что у некоторых Зубник обнаружил следы укусов. Но не звериных, а человеческих.

— Кром! Чего же они не поделили? — воскликнул киммериец, убедившись, что живых здесь искать бесполезно.

Словно отвечая на его вопрос, из-под перевернутой лодки с трудом выполз человек. Лицо его напоминало багровую маску с узкими прорезями для глаз. Подтягиваясь на руках, он волочил за собой перебитые ноги. Из горла вырывалось хриплое дыхание. От него не удалось добиться ничего путного. Всего два слова вытолкнул он из разбитого рта:

— Ненавижу... всех... — После чего обмяк на руках у Зубника.

— Умер, — констатировал лекарь. — Хотя я только по зубам могу, но чую, внутри у него все разбито. Ногами били. И дубиной.

Судя по одежде, все убитые были не воинами, а простыми людьми: пастух в короткой овечьей безрукавке мехом наружу, трактирщик в фартуке, на котором пятна вина теперь смешались с пятнами крови, несколько ремесленников. Непонятно, кто мог напасть на мирных людей и с такой жестокостью их уничтожить? Конан почувствовал, как внутри начинает медленно закипать

ярость. Жители Онды были его подданными, а, значит, могли рассчитывать на его помощь как короля, и просто как смелого человека. Правда, в этом уже никто здесь, вроде, не нуждался. Неужели никто?

— Надо осмотреть деревню. Должны быть живые, — коротко приказал король и первым, привязав коня к какому-то забору, пошел вверх по улице. За высокими белыми заборами, насколько он помнил, скрывались уютные дворики, прохладные даже в летнюю жару. Из первого же такого дворика бледный, как смерть, Зубник прямо-таки вывалился обратно на улицу:

— Упаси меня, Митра, еще раз увидеть такое! — Судя по всему, в этом доме проживала многодетная семья. Трупы семи или восьми детишек самого разного возраста валялись на земле. Здесь же лежала в луже крови, видимо, мать с горлом, перерезанным от уха до уха. От такого зрелища замутило даже видавшего виды Конана.

— Да что же здесь произошло?! — Вопрос повис в воздухе.

Слуга наотрез отказался заходить куда-либо еще. Руки у него тряслись, на лбу выступила испарина. На подгибающихся ногах он шел позади короля, борясь с желанием если не убежать, то хотя бы схватить киммерийца за руку.

Внезапно чей-то громкий голос нарушил мертвую, во всех смыслах, тишину деревни. Из-за угла показался крупный краснолицый мужчина, который, держась за стену и распевая лихую песню, двигался прямо на них. Конан резко остановился и инстинктивно схватился за нож. Зубник за его спиной икнул от страха. Судя по всему, встретившийся им человек был совершенно здоров, но в стельку пьян. Увидев киммерийца со слугой, он радостно ухмыльнулся, попытался поклониться, но не удержался на ногах и рухнул на колени.

— Кто ты такой? — сурово спросил Конан, все еще сжимая кинжал. — Что здесь произошло?

Пьяный тарачил глаза, глупо хихикал, по его напряженному лицу было видно, что он бы хотел ответить, но не может произнести ни слова. Он не походил на безум-

ного, и уж совсем не был похож на виновника случившейся трагедии.

— Ты будешь говорить, или я разрублю тебя на куски! — рявкнул король, закипая от злости. — Кто-нибудь здесь мне скажет, что случилось?!

— Мне кажется, я смогу ответить на твой вопрос, Конан, — произнес печальный голос справа.

Киммериец мгновенно обернулся. Ему показалось, что часть белой стены отделилась и движется на него.

Это был высокий худой старик в белоснежном одеянии. Красивое скорбное лицо его покрывала густая сеть морщин. Длинная седая борода спускалась почти до колен. На руках он нес грудного ребенка. Тот спал, положив голову старику на стиб руки.

— А ты — кто такой? — Конан уважал пожилых людей, но терпеть не мог магов. Он был готов поклясться, что этот человек только что вышел прямо из стены. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Кто же не знает Конана-варвара, — в тихом голосе старика послышались ироничные ноты.

— Я — король Аквилонии, — киммерийцу самому не понравилась та надменность, с которой он это произнес, но сбавлять тон не стал. — Может, все же представишься и объяснишь, наконец, в чем здесь дело?

— Рассказ мой будет очень долг, но, увы, на разговоры у нас совсем нет времени. Сейчас ты должен спасти свою столицу. Река отравлена, и вода эта совсем скоро польется в ведра и чаши жителей Тарантии. — Старец чуть повернул голову в сторону пьяного, который все еще безуспешно пытался встать. — Ему повезло в одном: со вчерашнего вечера он не пил ничего, кроме вина. Но разум вернется к нему ненадолго, он не успеет похоронить и половины своих родственников и друзей, как сойдет с ума. — Проведя рукой по светлой головке ребенка, лежащего у него на руках, странный прорицатель добавил: — Этому повезло больше: мать успела покормить его перед смертью своим молоком. И я позабочусь о том, чтобы он ничего не узнал о страшной судьбе деревни Онда.

Тут голос его стал властным и сильным. Глядя прямо в глаза Конану и, словно гипнотизируя, старик произнес:

— Поспеши. Поставленная мной плотина скоро не выдержит. Я дам силу твоему коню, ты должен опередить отравленную воду и не позволять никому приближаться к реке три недели. Выставь охрану. А самым недоверчивым можешь рассказать о том, что ты здесь видел. Все эти люди пили из реки воду, зараженную ненавистью. Матери убивали детей, мужа — жен, старики — молодых, невесты — женихов. В живых осталось только двое. Спеши, не допусти еще большей трагедии.

С этими словами старик повернулся и, пройдя мимо Конана, стал спускаться к пристани.

Вороной мотал головой, пытаясь вырваться и ускользнуть с этой жуткой площади, но, увидев мага, тут же успокоился и потянулся к нему мордой. От прикосновения тонкой руки конь чихнул и так выразительно посмотрел на хозяина, будто удивляясь, что тот еще не в пути. Конан, словно не по своей воле, взлетел в седло и, уже уносясь прочь, ясно услышал тихие слова:

— Меня зовут Гардевир. Мы еще встретимся с тобой, король Аквилонии.

Глава III

В Тарантии царила паника. Вороной конь короля, вихрем промчавшийся по улицам, до полусмерти напугал мирных обывателей, но то, что последовало за этим, заставило сомневаться в его рассудке. Отборные воины, сильные и до зубов вооруженные, были расставлены вдоль берега Хорота на расстоянии пяти шагов друг от друга. Под страхом смертной казни им запрещалось пить из реки и подпускать кого бы то ни было к воде. Томящиеся от жары солдаты вяло переругивались друг с другом, недоумевая, что могло найти на Конана, отдавшего столь странный приказ. Одновременно с этим, юркие шемиты, испокон веков состоявшие при дворе в качестве кладовщиков и менял, шныряли по городу, выспрашивая и записывая на огромные листы количество

воды, вин, соков, молока и любых других жидкостей, годных для питья. Под ошарашенными взглядами горожан самые сильные воины с непроницаемыми лицами выносили из домов и грузили на телеги кувшины с обнаруженными излишками. Они не отвечали ни на какие вопросы и только иногда стражник, непреклонно отодвинув особо разбушевавшуюся хозяйку, не разжимая зубов, цедил: «Приказ короля». Повсеместно запрещалось мыться, стирать белье и поливать цветы. Люди выходили на улицы, бестолково бродили от дома к дому, спрашивая у таких же ничего не понимающих соседей, какая такая злобная муха укусила умного и справедливого короля Конана, чтоб так издеваться над подданными. Самые отчаянные головорезы из Шумных кварталов подбивали народ сопротивляться «произволу одуревших от своего богатства господ». Ночью было отмечено несколько драк охранников с особо горячими и недоверчивыми жителями. Самые жуткие и нелепые слухи несколько раз облетали город. Кроме детей и маломощных стариков почти никто в эту ночь не ложился спать.

Добравшийся, наконец, Зубник застал столицу полной огней и тревоги. Больше всего ему хотелось забиться в какой-нибудь тихий укромный уголок и отдохнуть как следует от событий прошедшего дня, а еще лучше — сейчас же рвануть в родную деревню, как обычно, лечить и заговаривать зубы, ловить рыбу с братом и жениться, наконец, на рыженькой Ушиньке. Это, к сожалению, было совершенно невозможно, потому что именно для выполнения последнего желания Зубник и оказался в Тарантии. Дальний родственник его соседей Задырей, уже давно живший при дворе и сменивший имя на более благозвучное Альтернуций, но не утративший специализации, пристроил его охотничьим слугой. Работа была не тяжелая, денежная и на воздухе. Зубник особо не выделялся из толпы, трудился на совесть, в свободное время либо тихо сидел в уголке, разговаривая с собаками, либо прогуливался по столице, обходя стороной веселые кварталы, полные соблазнов большого города. Сейчас он проклинал тот утренний час, когда попался на глаза королю.

Нарочно медленно подъезжая к дворцу и почти падая от усталости, Зубник надеялся, что в поднявшейся суматохе Конан забудет о своем скромном попутчике, не догадываясь о том, что вихрь самых невероятных и удивительных событий уже захватил его и вот-вот оторвет от родных мест, унося... Митра знает, куда.

Дворец бурлил и кипел, как разноцветный бестолковый суп. Растерявшиеся придворные толкались по залам и коридорам, старательно мешая тем немногим, кто все-таки занимался делом.

В большом зале-столовой несколько самых верных и сдержанных соратников короля молча наблюдали, как Зенобия уговаривала Конана поесть. Мрачный киммериец осушал уже четвертый кувшин вина, нисколько не пьянел и только молча отодвигал очередное блюдо, предложенное женой. Королева, наконец, отступилась и, сев рядом с мужем в резное старинное кресло, вглядом разрешила придворным говорить с королем.

— Нужно собрать у людей излишки воды и сделать запасы во дворце!

— Охрана может не выдержать, если начнется бунт!

— Люди не верят, что вода отравлена, ходят слухи, что король готовит новый налог на воду!

— Горожане стоят у воды и уговаривают солдат уйти!

— Надо выйти к народу и объяснить, что происходит!

Король как будто не заметил поднявшегося вокруг шума. С прежним мрачным выражением на лице он сидел за столом, полностью уйдя в свои мысли. «Если окажется, что проклятый маг меня обманул, я окажусь полным идиотом в глазах своих подданных, надутым индюком, который утопает в роскоши и бесится с жиру в своем дворце. Да, я видел зверски убитых людей, но никто не подтвердил мне, что в этом виновата река. Что значит — отравлена ненавистью? — Конан видел самые разные болезни — и человеческие, и магические, но что-то не припоминал такого массового помешательства. — Маг, — как его там? — Гардевир, скорее всего, настоящий. Без его помощи конь никогда бы не смог

так быстро и без отдыха доскакать до столицы. Плотины на реке тоже были. Но это все не доказательства».

У Конана мелькнула гадкая мысль, что кто-то из его врагов связался с магом и пытается таким образом подорвать авторитет короля. В нем говорило как вечное недоверие к волшебникам, живущим по своим странным законам, и так и не ставший привычным опыт придворных интриг.

На улице послышался все нарастающий шум. Ясно было, что целая толпа движется к дворцу. «Начинается», — тоскливо подумал киммериец и подошел к окну. За спиной он услышал громкий топот бегущих ног и, обернувшись, увидел начальника стражи Малгуина. Крепкий высокий мужчина, забыв, что к королю нельзя входить с оружием, сжимал в руке короткий кинжал. Одежда на нем была изорвана в клочья, багровые полосы покрывали грудь, правый глаз распух и почти закрылся.

— Мой король, — с трудом переводя дух, заговорил Малгуин, ничуть не смущаясь нарушением этикета, — двое солдат, охранявших реку, поддавшись на уговоры толпы, попробовали воду из реки! — Он кинул взгляд на окно позади Конана, из которого несясь рев и крики, и быстро продолжал: — Я не знаю, сколько они успели уничтожить людей — они ведь были хорошо вооружены, — нам удалось скрутить их. Народ приволок их сюда, ко дворцу.

Решительно отдернув тяжелую, расшитую золотом портьеру, Конан вышел на широкий балкон. Прямо под ним на площади волновалось освещенное сотнями факелов людское море с крохотным островком посередине. На земле лежали двое связанных мужчин. Один из них, то ли мертвый, то ли без сознания, неловко уткнулся лицом в пыль. Другого, спутанного по рукам и ногам ремнями и веревками — видно, всем, что попало под руку, — трудно было даже принять за человека. Грязный и окровавленный, он извивался всем телом, как огромный червяк, издавая жуткие визгливо-хлюпающие звуки. Видно было, что люди, стоящие вокруг, сдерживаются из последних сил, ожидая только знака своего короля, чтобы растерзать преступников.

Через минуту на площади воцарилась полная тишина, в которой особенно страшно слышались стоны связанного солдата.

— Я не люблю и не умею говорить, я привык действовать, — начал Конан. Великолепная акустика позволяла слышать его негромкий суровый голос в каждом уголке огромной площади. — Вы хотели знать, что происходит в городе? Вот вам ответ. Вы сами притащили их сюда. Запомните, такими людей делает отравленная вода. В человеке остается только ненависть, и он убивает все, что видит. Река будет непригодной для питья еще три недели. — Он не знал, что еще добавить. — Берегите воду. И не забывайте, что солдаты охраняют вас от вас самих, не опускайтесь до паники.

Тяжкий вздох прокатился по толпе. Конан повернулся, чтобы уйти, но вдруг заметил внизу знакомое лицо.

— Пусть-ка Зубник расскажет, что видел в деревне Онда. В живых там остались только пьяный мужик и грудной ребенок. Я сделаю все, чтобы не допустить этого в Тарантии.

Народ заколыхался вокруг тут же ставшего центром внимания простого деревенского лекаря. Начальник стражи дал знак унести с площади отравившихся солдат. Никто не знал, можно ли их вылечить, но и отдать несчастных на растерзание толпы тоже было бесчеловечно.

Остаток ночи прошел в заботах. Каждую минуту возникали тысячи самых разных и, порой, неожиданных вопросов. Испуганные и ошарашенные люди, видя в короле спасителя, шли со своими проблемами прямо к нему. Немного растерявшись, Конан вначале терпеливо выслушал несколько человек, но после вопроса молодой женщины, где ей брать воду для подмывания ребенка, обжеванного зелеными яблоками, рассвирепел. Но тут вмешалась Зенобия и предложила все запасы воды разделить на несколько частей, которыми будут распоряжаться поставленные королем люди.

— Я могу взять на себя женщин и детей, — мягко закончила королева, с любовью глядя на мужа. Тот ответил ей благодарным взглядом. На мгновение Зенобия

забыла об опасности, нависшей над городом. Горячая волна радости прокатилась по всему телу, чуть не выплеснувшись слезами. Снова рядом был прежний Конан — сильный, немногословный, чуть грубоватый, но живой и родной.

Глава IV

Солнце, словно издеваясь над осажденным городом, палило немилосердно, в секунду слизывало каждую упавшую каплю и с легкостью заправского вора проникало в плохо накрытые ведра. Лошади, с трудом дотащив до города бочки, наполненные в окрестных колодцах, готовы были выпить всю привезенную воду. Люди держались из последних сил.

На двадцатый день вечером, когда уже стало казаться, что беда никогда не уйдет из города, на Тарантию обрушился ливень. Потоки воды торжествующе барабанили по крышам, выгоняя жителей на улицы, моя, смывая всю пыль и тоску, накопившуюся за эти показавшиеся вечностью два десятка дней. Взявшись за руки, люди танцевали под дождем, понимая, что пришло избавление и жизнь продолжается, ах, нет, как будто начинается снова.

У огромного дворцового окна стоял похудевший усталый король и счастливыми глазами смотрел на улицу. Испытания не состарили Конана, наоборот — мужчина в простой одежде с царственной осанкой мог бы сойти за сына того, двадцать дней назад усакавшего на охоту за реку. Синие глаза, может, лишь чуть-чуть потемневшие к сорока годам, почти незаметная седина в жестких черных волосах и только горькая складка у губ могла выдать, сколько пережил этот все еще молодой человек. «Я должен благодарить судьбу, которая в тот странный день увела меня так далеко от дворца, — думал киммериец, всей грудью вдыхая свежий влажный воздух. — И, конечно, странного мага, ведь это его заслуга, что Тарантия живет, а не превратилась в кровавое побоище».

— Моя заслуга здесь невелика, — произнес у него за спиной знакомый тихий голос.

Проклиная дурацкую привычку волшебников появляться внезапно, Конан обернулся. Старик сидел в кресле с высокой спинкой.

— Велика твоя заслуга или мала, я должен поблагодарить тебя. Будь моим гостем, располагайся. Я прикажу принести вина и еды. — Из своего опыта общения с магами киммериец знал, что повелители и темных, и светлых сил не чужды человеческих слабостей и могут быть настоящими гурманами.

— Благодарю тебя, король, я бы предпочел немного фруктов.

Старик молчал, пока счастливые мокрые слуги расставляли на столе вазы, взял яблоко, но есть не стал, а задумчиво на него посмотрел.

— Завтра после полудня река очистится, — сказал он после продолжительной паузы. — Я думаю, тебя, все же, интересует, откуда на ваш город обрушилась такая напасть?

— Любопытно было бы знать, — не скрывая сарказма, ответил Конан. Все трудности были позади, и теперь он мог послушать и какую-нибудь страшную сказку.

Не сводя взгляда с яблока, словно читая на его румяной коже, Гардевир начал свой рассказ:

— Давным-давно ужасная катастрофа унесла на дно океана огромный материк Атлантиду. Многие погибли, но многим удалось спастись. У атлантов был хороший флот, беженцы сотнями высаживались на новый надежный берег. Никто не знает, как это случилось, но однажды, прошло уже много времени после того, как последний корабль бросил якорь и высадил людей, прибой выбросил на песок бесчувственную женщину. Ее нашли, откачали. Женщина напрочь потеряла память. Она не помнила, кто она, откуда, как оказалась в море. Решили, что ее смыло волной с одного из кораблей, а счастливый случай помог добраться до берега. Никого ее судьба особо не занимала — забот и так хватало. Если бы они знали, кого спасли, то немедленно выбросили бы чудовище обратно в море. Хотя это уже не помогло бы. Прошло время, люди понемногу стали устраиваться на новом месте, но тут их

настигла новая беда: однажды ночью ужасной силы землетрясение снесло недавно построенные убогие дома. Из трещин в земле выплескивалась раскаленная лава, заживо сжигая людей. Никто не видел, как на совершенно не тронутом клочке земли при вспышках багрового света эта странная женщина родила двоих детей: мальчика и девочку. Так они и появились на свет — Октогирум и Панора, одни из самых злобных волшебников на земле. Их отцом был Од'О — демон Океана, а матерью — низкая развратная женщина из атлантов, давно уже продавшая не только свое тело, но и душу черным силам.

Од'О — один из самых могущественных демонов на свете. Но вся его сила в воде — от крошечного родника, родившегося из трещины в камне, до страшных океанских штормов. Не поручусь, что именно он приложил руку к ужасной гибели Атлантиды, но знаю, что просто так море никогда не пойдет против земли. Великие Боги, создававшие мир, были мудры и добры. Изначальный Мир пребывал в согласии с самим собой, и только последующие распри Богов и Демонов привнесли в него противоречия и страдания.

Я не знаю, как и когда получил Од'О свою огромную власть над океаном, но то, что это один из самых злобных и дерзких демонов в мире, известно всем живущим ныне волшебникам. Не раз он пытался бросить вызов даже Богам, но, видно, ему не хватало могущества. Все его замыслы отличаются дьявольской изобретательностью. И двое его детей не были плодом любви или страсти к земной женщине, они должны были помочь Од'О утвердиться на земле.

Его дочь — Панора — не отличалась особой магической силой. От матери она унаследовала непомерную похоть, а от отца — демонические знания и ненависть к людям. Ее коньком были всевозможные болезни и хвори, особенно мастерски она насылала мор на скот и губила на корню урожай. Другое дело — Октогирум. Он появился на свет первым, и вся сила страшного землетрясения, унесшего тысячи жизней, перешла к нему. Не зря он был любимцем Од'О, если только этот злодей способен на

такое человеческое чувство. Главным развлечением сына стало переделывание земли. Он мог за ночь сровнять или возвести гору, мог расколоть равнину, — добрый панана услужливо заполнял трещину водой, — и появилась новая река...

Но мир давно бы рассыпался в пыль, не будь Великого Равновесия. Раз в пять столетий на земле появляются на свет мальчики, которого, независимо от страны рождения, называют Гардевир. Его главная задача — а последние четыреста лет, и моя — следить за братом и сестрой и не давать им вершить свои гнусные дела. Пока все получалось неплохо. Панору даже удалось уничтожить, ну, ты об этом уже знаешь...

Конан, удобно устроившись в кресле и потягивая вино, при этих словах недоуменно взглянул на мага. По лицу старика промелькнуло что-то, похожее на улыбку:

— Это та самая злодейка, которую мой прапрапрадед ткнул лицом в ее же собственную мерзкую шкатулку. Зубник тебе все правильно рассказал.

Король чуть заметно нахмурился. Забавная история, но уж больно не любил киммериец, когда все так гладко да тесно скручивалось вокруг него. Не заметив недовольства Конана, волшебник продолжал:

— Октогирум был существом на редкость склочным. Кроме гадостей людям он норовил напакостить и своим. Но маги обидчивы и очень мстительны. — Тут взгляд Гардевира стал задумчивым, словно упевшим в далекое прошлое. — Среди диких гор, почти на границе Гандерланда и Немедии, давным-давно стоял храм. То есть, храмом его называли те немногие люди, которым посчастливилось увидеть это удивительное сооружение на вершине. На самом деле, там стоял Магический Замок Демона Небесных Вод. Даже я не знаю его имени. Не часто он жалует своим посещением, хотя каждая капля дождя, пока она еще не упала на землю, повинуетеся ему, туман над рекой и горячий пар над котлом, облака и грозовые тучи — все в его власти. Он один знает великий секрет Радуги. Демон Небесных Вод — великий меланхолик, всегда равнодушно взирал он на земную

суегу, может, и не догадываясь, какую лютую ненависть испытывал к нему Од'О. То ли сам Октогирум полез на рожок, то ли панана получил способного сына, но однажды среди бела дня Магический Замок рухнул в пропасть. Весь мир содрогнулся от такого страшного злодеяния. Но и виновник получил свое: превратился в глыбу льда. И поставлен был в самой глубокой пещере в горах, чтобы и памяти о нем не сохранилось. — Гардевир чуть улыбнулся. — Для меня настала спокойная жизнь. Я бродил по земле, придумывал новые цветы, помогал влюбленным, укачивал беспокойных детей. Но вот недавно что-то страшное почудилось мне в багровом закате, а потом и случилось: Гора вдруг раскололась ровно пополам, как будто разрезанная ножом. Глыба-Октогирум покати-лась прямо на ледник, а оттуда — в реку. Я был далеко, и чуть не опоздал. Ведь замерзшей-то не вода была, а одна сплошная ненависть.

— Ничего не понимаю, — перебил плавный рассказ Гардевира Конан, — ну, понятно, ненависть. Но лед ведь плавает. А она, что — утонула, что ли? Почему мы тут три недели мучаемся?

— Глыбу вынесло на камни немного выше Онды по течению. Хорот там еще мелкий. Она лежала и таяла. Я рассчитал, сколько это будет продолжаться, и не ошибся.

— Подожди-ка, — Конан поразился, что эта мысль не пришла ему в голову раньше, — но если река отравлена, то что сейчас творится внизу, в Мессантии?

— Не тревожься, вода Хорота к тому моменту уже многократно разбавлена другими реками, да и я, — скромно добавил Гардевир, — кое-чем помог тем, кто ниже по течению. Тяжелые испытания выпали только на долю Окды и Тарантии, и тут уж моя вина, — не успел.

— Кром! — начал злиться киммериец. — А нельзя было просто расколоть эту ледышку на куски и сплавить, по-быстрому, в море?

— У нас свои правила, — высокомерно ответил старик и откусил-таки яблоко. — Это вы, люди, работаете руками, инструмент магов — голова.

— То-то из-за твоей головы я чуть не лишился своей столицы, — буркнул Конан. — А каменными пальцами из болота в небо тыкать — это тоже твои штучки? Какой-нибудь недоступный людям вид развлечений?

Гардевир выглядел не просто удивленным, он страшно испугался.

— Где ты видел каменный палец?!

— Я думал, ты знаешь. Не очень далеко от Онды, в лесу, на самом краю болота.

Маг внезапно заторопился. Странно было видеть его суетящимся. Забыв свои трюки с прохождением сквозь стены, он бросился к двери, успев крикнуть на ходу:

— Берегись, Конан! Идут страшные времена!

Киммериец равнодушно посмотрел ему вслед и задумчиво произнес:

— Эх, не зря я этих магов не люблю. Вот, пожалуйста! пришел — не поздоровался, и ушел — не попрощался.

Глава V

Дверь королевской спальни была приоткрыта. Зенобия, сидевшая на краешке кровати, устала прислушиваться, в коридоре было тихо. С улицы доносились крики, шум и громкое пение — в городе праздновали. С обычной беспечностью людей, только что переживших горе, все радовались избавлению, строили планы на будущее, будто кто-то верно пообещал им: это ваше последнее испытание, дальше вы будете жить долго и счастливо.

Голова была легкая, а настроение бесшабашное, как в юности. За обедом королева выпила несколько бокалов легкого вина. Уходя в спальню из столовой, она спиной почувствовала тот знаменитый взгляд Конана, которым он раздевал любую поправившуюся ему женщину. Но сейчас она была уверена — причиной этому было не простое влечение, подогретое вином. К ней возвращался прежний любящий муж.

Темная фигура, внезапно появившаяся рядом с Зенобией, заставила ее вздрогнуть. Тут же сильные, но ласковые руки обняли ее так, что перехватило дыхание.

— Я ждала, но не слышала, как ты вошел, — слабея, проговорила королева в самое ухо Конана.

— Ты забыла, милая, что я в молодости был вором. Прокрадываться незаметно — моя профессия.

— И что же ты хочешь украсть сейчас? Золото, драгоценности? Ты выбрал удачно — в королевском дворце есть что взять, — Зенобия получала острое наслаждение от этого ночного разговора с любимым мужчиной, не выпускавшим ее из объятий. В каком-то странном тягучем сладострастном подобию танца они двигались к постели, — умудренные опытом, а потому оттягивая сладкий миг близости.

— Нет, сегодня я пришел не за сокровищами, — голос Конана чуть прерывался, ему самому нравилась эта игра, — где-то здесь во дворце, я слышал, есть женщина. Говорят, красивей ее нет во всей Аквилонии. Я украду ее.

— Женщина? — притворно удивилась Зенобия. — И кто же она?

— Королева! — жарко выдохнул ей в ухо ночной гость и, подхватив на руки, почти теряющую сознание, отнес на кровать.

Наступившее утро можно было бы назвать настоящей идиллией. За столом все казалось удивительно вкусным и свежим. Король и королева, сидя за поздним завтраком, как новобрачные, вздрагивали от любого прикосновения рук и не смели поднять друг на друга глаза. Когда Зенобия говорила что-то, обращаясь к мужу, он так откровенно смотрел на ее губы, что она тут же, покраснев, умолкала. Заметив на руке жены золотой браслет, Конан вспомнил, что давным-давно это был его свадебный подарок. К своему стыду, он не смог бы точно назвать дату. Проследив за взглядом мужа, Зенобия улыбнулась и тихо сказала:

— Он всегда был для меня талисманом. Я почти никогда не снимала его. — Она умолчала о том, что значило «почти», хотя в это короткое слово вместились ее бессонные ночи, черное от пьянства лицо мужа и очередная наглая красotka, с хозяйским видом ерзающая у него на коленях. Но даже самая гордая женщина умеет

прощать. Во взгляде Зенобии, обращенном на короля, не было ни следа упрека. Так же тихо, но вливши всю свою прошлую горечь, она закончила: — Я надеяла его, как только беда ушла из нашего города. И надеюсь больше не снимать.

Конан оценил тактичность жены и понял намек. Разряжая обстановку, он, притворно хмурился, спросил:

— Так это, значит, своему свадебному подарку я обязан царанкам на спине?

Зенобия вновь покраснела. «Я чувствую себя девочкой под его темным взглядом», — подумала она, и радуясь, и боясь спугнуть вновь обретенное счастье.

Конан вызвал слугу и приказал немедленно вызвать во дворец самого лучшего ювелира в городе.

— И пусть захватит все самое лучшее и дорогое, что у него есть!

После этого на площади перед дворцом было объявлено, что в ближайшие три дня певцы, музыканты, акробаты и фокусники получают деньги из королевской казны, если будут без устали развлекать горожан, и награду лично от короля за лучшее посвящение королеве.

Дворцовая кухня напоминала жерло вулкана. Горы мяса и овощей лежали на столах в ожидании умелых рук кулинаров. Кондитеры, задыхаясь в облаках сахарной пудры и ароматных специй лезли из кожи вон, стараясь поразить гостей праздничного ужина своим искусством. Придворные дамы загоняли слуганок, примеряя многочисленные платья, досталось и нерадивым мужьям, не позаботившимся вовремя о новых нарядах и украшениях.

Вечером, кроме королевского стола, накрытого в парадном зале, сотни изысканных блюд и кувшинов тончайшего вина были вынесены прямо на площадь перед дворцом.

В память о спасенной столице король первой осушил чашу, наполненную водой Хорота.

Королева сияла во главе стола рядом со своим повелителем, и никто из присутствующих ни на мгновение не усомнился бы в том, что это самая красивая женщина в Аквилонии.

— Любый твой каприз будет исполнен немедленно, только прикажи, — шепнул Конан, любуясь маленьким кокетливым ушком любимой.

Зенобия ответила ему сияющим взглядом, в котором так ясно читалось ее желание, что киммерийца пробрала дрожь до самых кончиков пальцев.

— Но мы не можем сейчас оставить праздник...

— Хорошо, — смеясь, сказала королева, откровенно любуясь его заманчивостью, — тогда лучше я тебе что-нибудь подарю.

— Что? — удивился Конан.

— Прикажи нарисовать мой портрет и повесь его в парадном зале!

— Прекрасная мысль! Завтра же найду лучшего художника!

Пир продолжался. К общей радости, он не имел ничего общего с теми недавними застольями без повода и без меры. В середине вечера король с королевой, как им показалось, незамеченными, покинули праздник. Придворные переглянулись: кто понимающе, кто удивленно, а кто — и с завистью.

Вызв на площади в компании веселых горожан был ино счастливый Зубник, изредка проверяя широкий боковой карман, где позвякивали в кожаном мешочке пожелованные королем золотые монеты, и борясь с искушением немедленно побежать домой и пересчитать. Он уже заранее прикидывал, на сколько сможет сократить срок его службы благодаря щедрому подарку Конана.

Веселье заканчивалось, горожане возвращались к своим обычным делам, лишь во дворце праздник, казалось, задержался надолго. Каждое утро, тихо напевая, Зенобия сама украшала столовую цветами, сияющим взглядом встречая Конана, вернувшегося с утренней конной прогулки или кутанья. Все государственные дела улаживались сами собой, отнимая совсем немного времени, после чего, уминая от любопытства, король спешил на южную галерею дворца, узнать, как продвигается работа над портретом жены.

Художник — черноволосый коренастый мужчина с большими руками и грубоватыми повадками, похожий, скорей, на кузнеца, работал молча и даже на вопросы отвечал коротко и не сразу. Он почти не улыбался и в разговоре никогда не смотрел в лицо собеседнику. Несмотря на это даже те короткие ответы, которые удалось вытянуть из него любезной Зенобии, говорили о хорошем воспитании и недюжинном уме мастера. Он назвался Иш-иш и о себе сообщил только, что родом из Турана. При взгляде на неоконченный портрет жены Конана каждый раз охватывало детское чувство восторга, почему-то смешанного с тревогой. Казалось чудом, как из хлопотливых маленьких мазков краски на холсте получается улыбка, глаза, волосы красивой молодой женщины. Однажды киммериец случайно застал художника смеющимся какой-то шутке Зенобии и неприятно поразился почти полному отсутствию у него зубов. Заметив пристальный взгляд короля, тот смешался и пробурчал что-то невразумительное о долгой жизни на севере, голодных краях и болезни. Наконец, портрет был готов. Стоя рядом с мужем, Зенобия любовалась прекрасной работой, даже чуть-чуть сомневаясь, что изображенная красавица с цветами в руках — она сама. Был тихий теплый вечер из тех, что располагают к негромкой душевной беседе и называют дремоту.

— Завтра утром повесим его в парадном зале, — заглядывая в глаза Конану, сказала королева и улыбнулась.

— Если хочешь, мы можем это сделать прямо сейчас.

— Нет, нет, пусть постоит здесь. Пойдем, у нас еще много дел, — Зенобия взяла мужа за руку и потянула за собой. Киммериец в очередной раз поразился произошедшей в них обоих перемене. Как будто светлая сила содрала с них груз прожитых лет и обид, выколоскала души, согрела сердца и вновь соединила их руки. От одного взгляда на стоящую рядом с ним женщину кровь начинала кипеть в жилах, губы пересыхали от страсти, в голове мутилось.

— Не забудь щедро наградить Иш-ишу, — говорила Зенобия, уже идя по коридору в спальню.

Утро деликатно заглядывало в королевскую спальню. Солнечный луч, пройдя сквозь тонкий полог кровати, казался, порозовел от смущения, увидев разметавшихся по постели обнаженных любовников. Оба проснулись быстро.

— Прикажи сейчас же повесить портрет и накрыть стол. Я сегодня хочу завтракать в парадном зале, — Зенобия с улыбкой собирала разбросанную по полу одежду. — Если хочешь, можешь искупаться вместе со мной, а я потом позабочусь о цветах.

Конан с интересом наблюдал, как мастер вставляет картину в приготовленную дорогую раму. Художника рядом не было, и никто из слуг еще не видел Иш-ишу нынешним утром. Повесить портрет на стену король решил сам, он не хотел, чтобы даже нарисованной его жены касались чужие руки. Двое слуг помогали ему, поддерживая раму снизу. Конан снова zalюбовался прекрасным лицом Зенобии.

В тот самый момент, когда картина заняла свое место, душераздирающий вопль, проникая сквозь стены, донесся до короля.

Глава VI

Никто не смог бы узнать в этом жутком вое голос Зенобии, но сердце подсказало Конану: что-то случилось именно с ней.

Сбивая с ног слуг и придворных, король бежал в покои жены. Дверь была заперта, Фрасина, молоденькая служанка королевы, без сознания лежала в коридоре. От нечего добиться не удалось, придя в себя, она не смогла даже говорить, а только мычала и бестолково махала руками. Разума в ней осталось не больше, чем у новорожденного котенка. Начиная терять терпение, Конан приказал ломать двери. Но тут с другой стороны послышался глухой голос, едва напоминавший голос Зенобии:

— Не надо ломать. Я открою. Войдет только мой муж. Любого другого, кто попытается это сделать, я убью.

Послышался короткий шорох, и одна из створок немного приоткрылась. В другое время киммериец надолго бы задумался, если бы у него спросили, что такое страх. Он догадывался, что там, за дверью с его близким человеком произошло что-то ужасное. Сейчас ответом на этот вопрос было бы его теперешнее состояние, когда нога не поднимается, чтобы шагнуть в приоткрытую дверь. Эти мысли вихрем пронеслись у Конана в голове, но он взял себя в руки и вошел в темноту. Почему-то плотными шторами были закрыты все окна, первые несколько шагов он сделал, не видя, куда идет, и больно ударился коленкой. Тут же за спиной послышался шум: дверь снова задвинули чем-то тяжелым. Рядом прошуршали одежды.

— Зенобия! — позвал король в темноту. — Ты здесь? Что случилось? — Ответом ему был тяжелый то ли вздох, то ли вскрик. Глаза быстро привыкли к темноте и уже можно было различить женский силуэт в глубине комнаты около низкого столика.

— Зенобия! Не молчи! Скажи что-нибудь, — Конан двинулся прямо к ней. Хриплый голос, захлебываясь словами, заставил его остановиться:

— Не смей подходить! Стой там, где стоишь! Я не знаю, что я с собой сделаю! Найди скорее этого проклятого художника! Это он, он сделал!

Наливаясь яростью, киммериец сделал шаг вперед:

— Что он сделал?! Почему здесь темно? Ты боишься подойти ко мне? Говори, что он сделал?

— Он колдун, найди его, спаси меня, спаси! — Голос сорвался, послышались рыдания, и король снова попытался подойти к жене.

— Нет! Не подходи! Я убью себя, если ты сделаешь еще хоть шаг!

Конан стал сомневаться в рассудке Зенобии. В конце концов, мужчиной здесь был он, поэтому, не слушая истонченных криков, он двумя прыжками преодолел разделявшее их расстояние, крепко схватил женщину за руки — она выронила кинжал, но сопротивлялась, как пантера, глухо рыча и извиваясь всем телом. Сильно обхватив ее

правой рукой, король протолкнул упорно сопротивляющуюся женщину несколько шагов к окну и рванул портьеру.

Два вопля прозвучали одновременно. Кричал Конан и испанно перепуганный упавший на пол неопределимый монстр, которого он выпустил из рук. Огромная шимпанзеобразная тварь, покрытая зеленоватой кожей с темными бороздками, пустые тусклые глаза, дыра на месте носа — самым жутким было то, что на чудовище было надето женское платье и, наконец, похолодев, киммериец заметил на деупалой склизской клешне золотой браслет жены. Желтые дымящиеся слезы хатились по его лицу, если эту уродливую, вызывающую содрогание маску можно было назвать лицом.

— Это... Ты кто?.. — Конан уже не испытывал страха, а только сводящее скулы омерзение.

Вместо ответа чудовище вскрикнуло и отвернулось.

— Почему на тебе браслет моей жены? — Киммериец обманывал сам себя, зная ответы на свои вопросы, но не решаясь в этом признаться.

— Не смотри на меня, — глухо попросил оборотень. — Задержи штору, тебе будет легче меня выслушать.

Конан послушно зашторил окно. Комната снова погрузилась во мрак, чудовище отступило в глубь комнаты, растворившись в темноте.

— Ты ушел в столовую, я приказала готовить купальню. Служанка была какая-то неуклюжая, все роняла, мне показалось, что вода слишком горячая, — голос вновь сорвался на рыдания, — я только попробовала воду! Мне показалось, что она закипела! Что-то плеснуло мне в лицо, а потом, потом...

Конан стоял, боясь пошевеливаться. Где-то совсем рядом рыдала Зенобия, он ясно слышал ее голос, интонации, безысходность, но не мог заставить себя подойти. В глазах оставался кошмарный образ чудовища в женском платье.

— Я слышала, есть такие колдуны, они насылают порчу через портреты. Зачем я только все это придумала! Найди его, Конан, спаси меня! Я не перенесу такого ужаса, Фрасина вошла и потеряла сознание, а когда я увидела

себя в зеркале, я думала, что умру на месте! — Голос стал захлебываться, переходя в леленящий душу вой. Киммериец вновь засомневался, настолько нечеловечески были эти звуки.

— Зенобия? — неуверенно позвал он. — Зенобия? Ты думаешь, тебя заколдовал Иш-ша?

— Это он, он! — Странное существо металось в сумраке комнаты, как раненый зверь, но горе его было неподдельным и человеческим. — ОН так странно смотрел на меня в последний день и говорил что-то вроде: «конец красоте...» тихо-тихо, но я услышала!

— Я уничтожу этот проклятый портрет, а с этого подлого колдуна буду живьем сдирать кожу, пока он не скажет, что он с тобой сделал! — Конан резко повернулся, чувствуя, как от бешенства начинает шуметь в голове.

— Нельзя! — завопил ему вслед изменившийся голос. Нельзя трогать картину! На ней чары, ты погубишь меня!

— Зенобия, — звенящим от напряжения голосом сказал он, не глядя на темную фигуру в глубине комнаты, — я клянусь, что спасу тебя, чего бы это мне ни стоило. — Жалобный плач был ему ответом.

Стопившиеся около покоев Зенобии слуги в ужасе отшатнулись, когда дверь с грохотом открылась и на пороге показался король. Вид его был не просто страшен, казалось, взгляд его может убить на месте. Сжатые кулаки заставили многих попятиться, чтобы не быть покалеченными под горячую руку. Несколько минут, видно, собираясь с мыслями и успокаиваясь, Конан стоял перед испуганными людьми, а затем ледяным голосом, отчеканивая каждое слово, приказал:

— Художника Иш-шу найти. Привести ко мне. В покои королевы никому не входить. Служанку запереть под замок, никуда не выпускать, кормить, поить, не разговаривать. Королева больна, но если хоть слово просочится из дворца в город, разбирать, чья вина, не буду, отрежу язык каждому второму. — Он помолчал, размышляя, еще минуту. Звенящее спокойствие и уверенность, как от острого клинка, зажатого в руке, приходили к нему, выстраивая мысли в четкую логичную цепь. — Немедленно

доставить королеве плотное темное покрывало, глухонемую служанку, — Конан на секунду задумался, не изменились ли вкусы Зенобии после страшного превращения, — и хороший завтрак.

Пройдя мимо расступившихся слуг, король, меряя коридор тяжелыми шагами отправился в парадный зал. Ему было абсолютно все равно, куда идти, но там, на стене висел злополучный портрет, ненавистный, но, хоть и обманом, сохранивший прекрасные черты жены.

Навстречу ему бежал запыхавшийся начальник стражи.

— Мы схватили его! Иш-ша пойман!

Конан удивился, как быстро это удалось, и поспешил за Малгуином. Посреди парадного зала стоял испуганный связанный художник. Он ошарашенно вертел головой, открывал рот, но не решался ничего спрашивать. Свежий кровоподтек на лице говорил о том, что горячие солдаты Малгуина уже объявили Иш-ше его права. Первым желанием киммерийца было схватить этого беззубого колдуна за горло и встряхнуть его черную душу, а потом раздавить, как поганое насекомое. К сожалению, пока убивать его было нельзя. Конан хорошо знал, что не все чары исчезают со смертью Черного. Во время своих многочисленных странствий он встречал и тех, кто победил хитростью и терпением, и тех, кто поплатился за свою торопливость, понадеявшись только на силу. Конечно, король вынужден был, хотя бы пока, оставить злодея в живых, но никто никогда не заставил бы его разговаривать вежливо с этим адовым отродьем. Видавним видом солдатам охраны пришлось отойти в сторону, пока их король отводил душу, изрыгая такие проклятья, что даже у громилы Буздыря покраснело единственное ухо. Конан остановился, заметив, что связанный художник вот-вот потеряет сознание от страха. Это заставило киммерийца немного умерить свой пыл и начать переговоры:

— Отвечай, гиеново отродье, что тебе нужно? Из какой самой мерзкой дыры ада мог появиться такой ублюдок, как ты, который использует для своих низких целей беззащитную женщину?

Иш-ша открывал рот, причем вид его черных беззубых десен только распалил гнев Конана:

— Что молчишь? Не набивай себе цену! Я отплачу тебе за каждую минуту мучений Зенобии, ты еще будешь умолять меня сократить тебе жизнь!

Тут глаза художника закатились, и он мешком осел на пол. Король, не удержавшись, пнул бесчувственное тело ногой.

— Принесите воды, да окатите его хорошенько, мы не договорили, — бросил он стражникам. Собственное бессилие угнетало Конана сильнее всего. Брезгливо наблюдая, как захлебнувшийся Иш-ша пытается подняться, он перебирал в уме все возможные варианты спасения Зенобии. Внезапно какая-то новая мысль осенила короля. Он позвал Малгуина:

— Найдите мне Гардевира. Это Белый маг. Кром его разберет, где он обитает, но мне он нужен как можно быстрее.

На бесстрастном лице начальника стражи ничего не отразилось, но он чуть помедлил. Как любой человек, он предпочитал не связываться с магами, какого бы они ни были цвета. Эта заминка снова вывела короля из себя:

— Я сказал: найти мне Гардевира! — не сдерживаясь, заорал он, в глубине души понимая, что Малгуин ни в чем не виноват.

— Не гоняй понапраску людей, — тихий голос, как всегда, заставил вздрогнуть всех присутствующих. — Я уже здесь. И я предупреждал тебя.

— О чем?! О чем ты меня предупреждал?! Как я ненавижу эти ваши тайны! — прямо скажем, Гардевир получил не самый радушный прием у короля, который только что хотел его видеть. — Нельзя прийти, по-человечески сказать: Конан, береги жену, Иш-ша — не художник, а колдун, вот это я называю предупреждением! А твоими страшными сказками только детей загонять спать!

Маг, склонив седую голову, терпеливо выслушал гневную тираду Конана и, подойдя к лежащему в луже воды человеку, коснулся его рукой. Конан ожидал чего угодно, вплоть до вспышки молнии, но связанный художник

только глубоко вздохнул и сел. Глаза у него были ясные, но по-прежнему испуганные.

— Разляжите его, — обратился Гардевир к Малгуину. Огорченный воин не посмел ослушаться. Конан обратил внимание на странное спокойствие, которое разливалось вокруг в присутствии мага. В другое время начальник королевской стражи рассмеялся бы в лицо любому, посмевшему что-то ему приказать. Сейчас же он просто подошел и легким взмахом ножа перерезал веревки на руках Иш-ши. Куда-то улетучился весь гнев самого ким-морийца, исчезла гримаса некависти, стягивавшая лицо. Внутри осталось лишь обида да тоскливое недоумение: «За что?»

— Отпусти этого человека, он невиновен. — Старик поднял на короля свои глубокие печальные глаза.

— Ну, уж нет! — борясь с самим собой, возразил Конан. — Он колдун. Зенобия сама слышала, как он говорил: «конец красоте...», разве это не доказательство? Он ответит за свое злодейство!

— Никто не в ответе за чужие грехи. Иш-ша очень хороший мастер. Для него законченная картина уже не интересна, красота для него — в работе, он говорил не о твоей жене, а о своей картине. Он нарисовал портрет. И только. Заколдовал ее кто-то другой.

— Кто? Ты знаешь?

— Пока нет. — Гардевир задумчиво посмотрел поверх головы короля. — Но если бы я не знал совершенно точно, что Панора мертва, я бы сказал, что это ее рук дело. Перед тем, как это случилось, Зенобия собиралась купаться?

— Да.

— Вода показалась ей странной? — Конан кивнул. — А потом вдруг...

— Ей очень плохо, — перебил волшебника король, которому вовсе не хотелось при людях обсуждать то, во что превратилась его жена. — Но почему ты так уверен, что это сделал не он? — кивнул Конан в сторону художника.

— Потому что такие вещи под силу только магам, — терпеливо, как ребенку, объяснил Гардевир, — а это — просто человек. — Он ласково положил Иш-ше руку на голову. — Хотя и очень талантливый.

— Но ведь его могли просто использовать.

— Нет. Я чувствую, здесь дело не в картине. Это простое совпадение.

— Так в чем же дело? — горячий темперамент киммерийца не мог выдерживать долгих объяснений, он требовал немедленных действий. — Что ты думаешь об этом? Что мне делать?

Гардевир помрачнел, всем показалось, что даже в зале стало темнее.

— Боюсь, время моего безделья кончилось. Все говорит о том, что Демон океана Од'О снова напоминает о себе. Но ему нужен не я.

— Кто же? — Конан шагнул к волшебнику, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Два слова, как приговор, упали к его ногам:

— Ты, Конан. — Яркая вспышка на мгновение ослепила и заставила зажмуриться стоящих вокруг людей и самого короля. Лишь Гардевир, не отрывая глаз, обреченно смотрел, как превратившаяся в голубое пламя вода охватила все еще сидевшего на полу художника. С быстротой, недоступной обыкновенному огню, человек, не успев даже вскрикнуть, превратился в кучку пепла.

— Он подтвердил мои слова, — произнес маг, обводя взглядом онемевших от ужаса людей и остановившись на портрете прекрасной женщины с цветами в руках, с улыбкой глядевшей на всех со стены.

Глава VII

Ты не пойдешь со мной? — спрашивал Конан Гардевира, стоя у дверей покоев королевы. После нескольких часов горячих споров маг, употребив,

казалось, все свое красноречие, убедил короля идти к демону Океана.

— Нет. Я — плохой полугутик. Од'О слишком зол на меня, рядом со мной тебя будут преследовать только неудачи. К тому же не забывай, кто-то должен остаться рядом с Зенобией. Женщины могут быть очень сильными, если борются за кого-то близкого. На себя у нее может просто не хватить сил. Ты уходишь, оставляя ей только надежду. Я побуду рядом. Это единственное, что я могу для тебя сделать.

— Скажи хотя бы, куда идти? Где живет это порождение медузы?

Гардевир поморщился:

— Выбирай выражения, не ссорься с Демоном раньше времени.

— Не ссориться?! — Конан сжал кулаки. — Да я к этой гнилой пиявке не на пирушку собираюсь! Ты что, боишься его?

— Боюсь, — виновато признался маг. — Он очень силен. А насчет дороги — если уж ты так нужен Од'О, не заблудишься, любая вода подскажет. Спускайся вниз по Хороту, садись в Мессантии на корабль, дальше не знаю...

— Не пойму, зачем мне куда-то плыть? Если ему надо, пусть сам приходит, поговорим, — проворчал Конан.

— Я не знаю, — ответил Гардевир, — Но у тебя, надеюсь, нет сомнений в моей честности и в моих добрых намерениях?

— Да нет, но бросать все и плыть одному в пасть какой-то морской твари?

— Зачем же одному? — удивился маг. — Возьми с собой слугу, вот хоть Зубника.

— Ну уж посоветовал! Я лучше старую няньку Карлиору возьму, от нее больше пользы будет!

— Я все-таки настаиваю. Он не такой простой, как кажется. Думаю, он еще хорошо послужит тебе, — твердо сказал Гардевир.

— Кром! — взорвался Конан. — Почему за меня все решает кто-то другой?! Куда мне идти, с кем!

Шорох по ту сторону дверей заставил его замолчать.

— Это ты, дорогой? Куда ты уходишь? — Земобия больше не плакала, но, и без того безжизненный, голос ее становился все тише. И даже с мужом она теперь разговаривала только через дверь. Гардевир выразительно посмотрел на киммерийца. Ледяная рука сжала сердце Конана. Стараясь говорить уверенно, он произнес:

— Я должен идти. Это нужно для твоего спасения. Я вернусь. — Он еще немного подумал и добавил: — С тобой останется Гардевир. — Слова любви так и остались невысказанными.

Зубник сидел на корме, завернувшись в теплый плащ, и тоскливыми глазами провожал проплывающие мимо берега. Его бил озноб. Мысленно он уже успел попроситься со всеми родственниками и даже хлопнул пару раз носом, вспомнив сменившую рыженькую Ушиньку. Простым людям не положено задавать вопросы королям, поэтому, покорно приняв очередной удар судьбы, Зубник собрал свои нехитрые пожитки и, не спрашивая, куда и зачем, последовал за Конаном. Велико бы было его удивление, узнай он, что его господин и сам смутно представляет цель их путешествия! Сейчас король перебирал в памяти все то немногое, что смог ему рассказать Гардевир о Демоне океана Од'О.

— Злопамятен, никого никогда не прощает, месть выбирает самую изощренную, — маг скороговоркой произносил нелестные эпитеты в адрес своего заклятого врага, сидя на широком низком диване и глядя мимо Конана, куда-то далеко, в глубину веков, в самое начало их непримиримой вражды. — Ты, наверное, и сам не знаешь, что совсем недалеко от Тарантии есть две деревни — наглядный пример того, что может сотворить злая фантазия Демона океана. Они стоят как раз друг напротив друга. Даже названия их давно забылись, все их знают как Сухую и Мокрую. Обе они заколдованы. Жители Мокрой вынуждены жить по колена в воде, которая по-немногу затопляет дома. Пока последняя крыша не скроется в реке, ни один из людей не может покинуть деревню. Когда-нибудь они все погибнут, но вода наступает очень медленно, и они живут в своих отсыревших домах на

подгнивших сваях. Нынешнее поколение ребятнишек даже и не знает, что значит — сухой пол или цветы на полях. Сухая же, наоборот, лишена каплей влаги. Ни один из ее жителей не может даже прикоснуться к воде, пить они могут только из чужих рук, либо ловя капли дождя. Воду им качают из реки невольники, они же готовят пищу и стирают одежду, хотя эти несчастные, веками немые тела уже больше похожи на звериные шкуры, не нуждающиеся в плаще. — Гардевир немного помолчал. — Запомни еще: Од'О очень хитер, но иногда, увлекшись, может перехитрить сам себя. И ехиден, дьявольски ехиден.

— А есть у него слабые места? — Киммериец готовился к бою, его интересовало все, что касалось соперника.

— Единственное, что, может быть, тебе пригодится — это то, что Демон, хоть и посещает землю, не может находиться на суше долгое время. И всегда его появлению предшествует появление каменной руки, которую ты уже видел на болоте. Что касается борьбы с Од'О — насколько я знаю, для человека он неуязвим. Из магов нашлся только один безумец, который пытался что-то сделать...

— Ты?

— Я. Но и я знаю свои пределы. Я ведь тоже не бессмертен, хоть и возрождался не раз. Я победил Панору, несколько раз крупно насолил Октогируму, но с самим Од'О никогда не встречался. Однажды, по-молодости, решил весь мир от него избавить... Да нет, не хочу рассказывать, крепко я тогда получил.

Конан разочарованно покрутил головой. Немного же он узнал об Од'О.

— Как он хоть выглядит, этот повелитель пиявок?

— По-разному. — Гардевир задумался. — Не знаю, что он представляет собой в океане, но на земле — это, чаще всего, небольшого роста старик. Внешне — даже симпатичный, с тихим добрым голосом, но очень злыми глазами.

Гардевир вдруг хлопнул ладонью по колену:

— Вот еще, чуть не забыл: его любимое развлечение — миражи.

К вечеру киммериец сделал небольшое открытие: их лодкой кто-то управлял. Нет, она слушалась весла, поворачивала и причаливала, где нужно, но, предоставленная сама себе, шла строгим неуклонным курсом, почти посередине реки, благополучно минуя заводи, водовороты и завалы. «Действительно, не заблудишься», — подумал Конан, но со слугой наблюдениями делиться не стал, по-прежнему считая своего полутчика обузой. Зубник и сам так думал, недоумевая, зачем королю понадобилось брать его с собой. «Я и плавать-то не умею», — повторял он про себя уже двадцатый раз, с опаской глядя за борт. Целый день они почти не разговаривали, отчего-то злясь друг на друга, как две мыши в мышеловке.

Вечером Конан немного смягчился. Никакого жилья в округе не было, и он решил заночевать прямо на берегу. Зубник быстро разжег костер, ненадолго отлучился в лес, откуда принес пригоршню каких-то корешков и листьев, побросал все это в котелок, откуда сразу пахнуло пряностями, наломал хлеб, нарезал сушеное мясо и действительно отошел к лодке. Все было сделано ловко и аккуратно. Король с удовольствием поужинал и одобрил:

— Иди поешь, лекарь, — насмешливо позвал он. От наблюдательного взгляда киммерийца не ускользнуло, что Зубник панически боится воды. Он с таким страхом весь день глядел на воду, словно ожидал появления чудовищ. Трудно было найти более неподходящего спутника для похода к Демону океана.

Слуга охотно принялся за еду, нарочно сев спиной к Хороту.

— Послушай, — не выдержал Конан, — ты что, воды боишься? Сам же рассказывал, как с братом рыбу в реке ловил, тогда не страшно было?

— Да не-е, чего ее бояться, — сконфуженно отозвался Зубник, — что я, дикарь какой?

— Не ври, в лодке сидел ни жив, ни мертв, да и сейчас отвернулся. Боишься! — Конану почему-то доставляло большое удовольствие подтрунивать над простым парнем.

— Ох, господин, да вода-то сама не страшна, только люди всякие нехорошие портят ее. И вот еще что я вам

скажу, — Зубник подвинулся к королю с таинственным видом. — Странная стала река, — он чуть скосил глаза в сторону и понизил голос. — Живая будто.

От таких откровений Конан чуть не расхохотался.

— Ладно уж, спи на берегу, а я пойду в лодку, не люблю на голой земле спать. — Конан взял теплый плащ и стал устраиваться на ночлег. Деревянное дно лодки, конечно, сильно проигрывало в сравнении с королевской спальней, но устраивало киммерийца чуть больше холодной земля и влажной травы. Он укрылся с головой, еще немного послушал, как у костра что-то бубнит себе под нос Зубник, и провалился в тяжелый тревожный сон.

Вот он бежит куда-то, задыхаясь горячим воздухом, нос забит пылью, глаза режет от яркого света. Нужно спастись, но усталые ноги подгибаются, он падает. Вокруг сидят и лежат изможденные люди с худыми скорбными лицами, все осуждающе смотрят на него.

Конан лежит головой на коленях у какой-то женщины, мягкими ласковыми руками она гладит его лоб и монотонно приговаривает:

— Спи, спи, вода унеси... — и чуть покачивает, убаюкивая.

Истинный крик ворвался в сон Конана. Тут же вскочив, он схватился за нож и огляделся. Его действительно качало. Киммериец точно помнил, что вечером они с Зубником вытащили лодку далеко на берег, сейчас же вокруг плескалась река. На носу происходила какая-то возня, оттуда снова слышался крик. Страхнув остатки сна, Конан бросился вперед. Обезумевший от страха Зубник, стоя по пояс в воде, пытался удержать лодку, которую уносило течением. Он орал благим матом, но канат, привязанный к носу лодки, из рук не выпускал.

Вдвоем они быстро вернули своеправную лодку на место, а окоченевший Зубник еще долго дрожал, сидя у костра и кидая злобные взгляды на реку. Конану тоже не спалось. Если это происшествие не простая случайность, то вывод напрашивался один: их хотели разъединить. Может, и впрямь, этот деревенский лекарь не так прост, как кажется? К тому же верный слуга, который, позабыв

свои страхи, спасает короля. Киммериец оценивающе посмотрел на Зубника, прикидывая, стоит ли посвящать его в свои планы. Парень не задает вопросов, но и у него, похоже, с водой свои счеты. Конан уже открыл рот, чтобы окликнуть слугу, но заметил, что тот заснул.

Утром, совершенно разбитые, они продолжали путь. Река становилась шире и спокойней. На левом берегу хорошо были видны горы Пуантена. Зубник после ночного промешивания, казалось, преисполнился к реке презрения и уже не глядел опасливо на воду, а зачарованно смотрел на прикрытые голубой дымкой вершины. Управлять лодкой не составляло никакого труда, можно было в свое удовольствие смотреть по сторонам. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда путники заметили две деревни, расположенные друг напротив друга на противоположных берегах. Дома одной из них, прилепившиеся на самом обрыве, казалось, чудом удерживаются от падения в реку. Другой берег, более пологий, тоже был заселен: здесь несколько десятков хрупких с виду строений сгруппировались у самой воды. Поднявшись ближе, путники убедились, что дома стоят прямо в реке на толстых деревянных сваях. Несколько первых домов погрузились в воду почти до окон. К великому удивлению Конана, все они были обитаемы. Поднимая тучи брызг, носились ребятишки, плавно ходили деловитые женщины, подоткнув повыше подола, мужчины сидели на высоких лавках, подобрав под себя ноги. Никого тут, похоже, не смущало то, что вся жизнь происходит в воде. Вокруг слышались оживленные голоса и смех. От хижины к хижине были переброшены мостки, кое-где уже тоже скрывшиеся под водой, но местные жители, явно хорошо знавшие их расположение, шлепали, не глядя, безошибочно попадая на положенные доски.

На приплывших Конана и Зубника никто не обращал внимания. Киммериец заметил, что местные жители были не слишком приятны на вид: бледные и одутловатые лица с красными воспаленными глазами, отеки ног, даже улыбки открывали гниловатые желтые зубы. Люди совершенно не напоминали жителей Пуантена, какими их

помнил киммериец — загоралых черноволосых весельчаков с крепкими сильными руками и живыми темными глазами.

— Не нравится мне здесь, — тихо подал голос Зубник, пригвоздив лодку и закатывая штаны. Конан был с ним согласен, но промолчал. В последнее время ему вообще ничего не нравилось в этой жизни, начиная с происков загадочного Демона и кончая всеми подробностями этого путешествия. Как бы то ни было, жители по виду были вполне дружелюбны, а кроме небольшого стыда и сносной еды путешественникам ничего и не требовалось.

Внутри небольшой харчевни киммерийцу понравилось еще меньше: все вдруг было каким-то влажным, склизким, покрытым то ли плесенью, то ли просто грязью, а при взгляде на хозяйку есть и вовсе расхотелось. Вся она была какая-то раздутая, ее лицо, похожее на подушку, выражало странную смесь тупости и хитрости, сменившейся, впрочем, алчностью при виде серебряных монет.

— Не беспокойтесь, господа, — затараторила она высоким противным жирно-булькающим, под стать ей самой, голосом. — Гостям всегда рады, накормим, приютим, будете как дома.

Невесть откуда взявшийся полуголый мальчишка кинулся вытирать стол, за который сели Конан с Зубником. Толку от этого было мало, но делал он это очень старательно. Отчаянно косые прозрачные глаза его перебегали с киммерийца на слугу, выражая испуг.

Хозяйка принялась накрывать на стол, расхваливая свое харчевню и не сводя с Конана жадного взгляда. Невесело было только, что ее привлекало больше — звон монет в кошельке путника или его мужественный воинственный вид. Нетрудно было заметить, что на фоне сутулых местных красавцев с кривыми ногами и узкими плечами Конан выглядел просто сказочным героем.

Ужин состоял из пресной вываренной рыбы и плохо припеченного хлеба. На вопрос о вине хозяйка пожала плечами и раздраженно бухнула на стол кувшин воды. Зубник удивленно наблюдал, как его король выкладывает серебро за еду, не стоявшую и медяка, но у киммерийца

был свой расчет. Он знал, что деньги делают разговорчивыми даже немых, а у этой толстой теткой он бы хотел кое-что узнать.

Действительно, на лице хозяйки отразилась такая радость, будто Конан не переплатил ей за скверный обед, а, по меньшей мере, предложил выйти за него замуж. Узнав, что богатые господа желают поговорить с ней, она, что-то крикнув мальчишке у очага, охотно присела за их стол.

— Как живем? Да обыкновенно, всегда так жили. Нет, воды раньше меньше было, и мостки лежали, и в домах было сухо.

— Так что ж вы не уходите? — удивился Конан.

— Куда ж нам уходить? — настала ее очередь удивляться. — Некуда, да и нельзя нам...

— Почему нельзя? Поставьте дома подальше от реки, или вон, на том берегу, там ведь тоже деревня стоит.

Лицо толстухи перекошилось от злости:

— А вы нам не указывайте, господа проезжие! Поели, попили, да и плывите дальше! — Она расплилась и уже открыла рот для новых воплей, но тут, видно, кто-то позвал ее по имени, звучавшем то ли как чих, то ли как удар мокрой рукой по голому телу. Вернулась она очень быстро, на широком плоском лице ее играло с полдюжины улыбок, поставив на стол небольшой кувшин, она неожиданно-приветливо забулькала что-то про старые запасы и плохую память. В кувшине оказалось хорошее вино, которое недоверчивый Зубник наотрез отказался пить. Беседа продолжилась.

— Да если все наши предки здесь прожили, куда же мы денемся?

— Почему ты сказала: нельзя уходить? — допытывался Конан.

— Ох, господин, — кокетничала хозяйка, — так старики говорят, зачем сказки повторять?

— Какие сказки? — поинтересовался киммериец и неожиданно для себя зевнул. Видно, сказывалась тяжелая прошедшая ночь. Он уже несколько раз ловил на себе тревожный взгляд Зубника, но не придавал этому никакого

значения. Парень трусоват, да и своему чутью Конан доверял больше, чем страхам деревенского лекаря. Сейчас он был совершенно спокоен, его даже забавлял этот разговор с расплывшейся теткой, отчаянно строившей ему глазки.

— Когда-то давно, говорят, деревня еще от воды далеко стояла, старичок какой-то зашел, воды попить попросил, да только заняты все были, женщина какая-то возьми да и скажи: неохота мне за водой идти, хочешь, так сам иди к реке и пей. — Хозяйка вдруг замолчала, посмотрев куда-то за спину Зубнику. Тот мигом обернулся, но ничего не увидел. Скучным голосом она закончила: — Ну, а старичок-то непростой был, взял да заколдовал деревню. Теперь, сказал, далеко не нужно будет ходить, вода сама подойдет, а пить ее не я, а вы будете: пока всю реку не выпьете, отсюда — ни ногой. Так вот и живем с тех пор... — Заметив очередной зевоту Конана, женщина засуетилась: — Может, господа отдохнуть хотят с дороги? Я могу комнатку приготовить.

Еще час назад предложение задержаться в этом гнилом болоте даже не рассмешило бы киммерийца, но сейчас известие откуда взявшееся благодушное настроение не позволило отказать.

— Так и быть, хозяйка, отдохнем, надеюсь, за наше серебро у тебя найдется местечко посуше?

Не обращая внимания на умоляющий взгляд слуги, Конан проследовал в отведенную им комнату, тут же повалился на жесткий тюфяк и, недоумевая, где же это он успел так утомиться, заснул. Где-то далеко, на грани сознания он улыбался вначале тревожный голос Зубника: «Господин, на тот берег пошла лодка, они что-то затевают!» и уже совсем во сне его толкали и пихали, знакомый булькающий тенорок с сожалением сказал: «Я бы лучше его себе оставила...»

Пробуждение принесло массу неожиданностей. Конан очнулся на полу в совершенно незнакомом доме без малейших следов сырости, крепко связанный по рукам и ногам. С ним не было ни кинжала, ни мешочка с деньгами. Голова кружилась, язык с трудом ворочался в пересохшем рту. Рядом лежал Зубник и обреченно глядел в потолок. Киммериец хотел окликнуть слугу, но убедился, что голос ему не повинуется. Скрипнув зубами, он рванулся изо всех сил, пытаясь освободить руки, это не удалось, но Зубник повернул голову на звук и радостно вскрикнул:

— Очнулись! Я уж совсем испугался, что умилили они вас!

Заметив отчаянные гримасы Конана, слуга понимающе закивал:

— Знаю, знаю, сам слышал, как они говорили: очухается, но говорить еще день не сможет. Да вы не волнуйтесь, господин, мы им живые и здоровые нужны. Ох, я вам скажу, и злые тут люди живут! Мы еще у этой тетки обедали, а гонца уже на тот берег послали, я сам видел лодку. — Зубник разглагольствовал, лежа связанный на полу, охотно сообщая все, что ему удалось узнать. — Потом вы изволили вина выпить, отдохнуть решили. Я сразу догадался, что вино непростое, глаза у вас стали, как у коровы, — хитрый слуга старательно не замечал гневного взгляда короля, который, казалось, метал молнии, — а я что? — человек подневольный. Ну, когда вас уже вязать стали, я, конечно, заступился, да их человек пять было — тут и мне досталось. Я им говорю: это же Конан, король Аквилоний, а они ржут! Так по баншке дубинкой огрели, — до сих пор гудит!

Скрипучая дверь внезапно распахнулась, в комнату вошли двое мужчин. Они составляли резительный контраст людям, которых Конан видел в сырой деревне на берегу реки. Худые, с темной нечистой кожей, очень жилистые, как будто из них хорошенько отжали воду. Мрачные глаза их горели темным огнем, несмотря на то,

что углы плотно сжатых губ у обоих были опущены, лица явно выражали радость.

— Смотри, проснулся! — глухим низким голосом сказал один и, присев перед Конаном, стал бесцеремненно ощупывать его ноги и руки. Осмотром он, судя по всему, остался доволен. — Да, Гранода не обманула, отличный самец!

Услышав, что его называют самцом, киммериец так рванулся в своих веревках, что чуть не оторвал кисти рук. Он, по-прежнему, не мог сказать ни слова, но глаза его готовы были испепелить наглецов.

— Не рыпайся, не порвешь, — добродушно похлопал его по щеке незнакомец, легкомысленно сокращая срок своего пребывания на земле. Вдобавок, у этого гнусного вора на поясе висел кинжал короля Аквилоний. Еще мгновение, и Конан бы, рванувшись, вцепился ему зубами в горло, так велико было оскорбление. Он не успел этого сделать, обидчик уже встал и повернулся к товарищу:

— И зачем только Гранода отдала такого мужика? — спросил он. — Ее-то раз в двадцать хуже будет. Мокрица и есть мокрица!

Приятель ответил громким хохотом:

— Свой, видать, роднее. А этот, гляди, гляди, как зыркает! Такой и горло перегрызет — не пикнешь!

На Зубника особого внимания не обратили, видно, не было в нем никаких особых достоинств. Дверь снова противно скрипнула, мужчины ушли. Конану казалось, что от бешенства у него лопнет голова, лишенный голоса, он не мог отвести душу даже в проклятьях. Какие-то люди, напоив его отравленным вином, словно вещь, меняют на другого, наверняка прикарманив все деньги и вещи, находившиеся в лодке! И без того странное путешествие затягивалось по вине отвратительной толстухи и ее коварного гостеприимства! Зубник молчал, то ли чувствуя за собой вину, то ли думая о чем-то своем. Лежать было неудобно, связанные за спиной руки затекли и саднили, натертые крепкими ремнями.

Довольно скоро вернулись те же двое, ловко и быстро, несмотря на сопротивление Конана, перевязали пленных,

дав им свободу передвижения, но, к сожалению, не нападения: ноги соединили короткими веревками так, чтобы можно было делать маленькие шажки, правую руку киммерийца накрепко притянули к левой Зубника. То же проделали и с ногами. В такой клоунской упряжке их заставили встать и пинками вытолкали за дверь. Все проделывалось молча и с большой сноровкой, отчаянная попытка Конана ударить головой одного из мужчин закончилась ощутимым ударом по шее. Заметив, что Конан облизывает пересохшие губы, один из сторожей одобрительно хмыкнул:

— Водички хочешь? Сейчас получишь. Если заработаешь.

Выйдя из дома, они оказались на небольшой каменной площадке. Рядом стояло еще несколько убогих хижин, далеко внизу виднелась река. Киммериец сообразил, что сейчас они находятся на другом берегу, в деревне, прилепившейся над обрывом. Поминутно спотыкаясь и падая, подгоняемые суровыми охранниками, они прошли мимо домов и стали спускаться по неровной каменной лестнице, спирально уходящей вниз. В тот момент, когда свет сверху померк и уже стало казаться, что пленников ведут в какое-то подземелье, их путь снова осветился. Грубо вырубленные древние каменные ступени, истертые тысячами шагов, привели к странному сооружению, стоявшему в широкой нише у самой воды. Покосившееся подобие деревянного ворота с натугой крутили двое изможденных мужчин. Третий зачерпывал воду широкой бадьей и сливал ее в желоб, ведущий к вырубленной прямо в скале вертикальной шахте. Там стоял еще один высохший, похожий на скелета человек и подставлял под струю висящие на веревках ведра. Конан догадался, что таким способом наверх в деревню подается вода. Все это выглядело крайне примитивно. Самым странным было то, что несколько вполне крепких мужчин, явно из местных, просто наблюдали за происходящим со стороны, не принимая в работе никакого участия. При появлении пленников все оживилось и принялись громко обсуждать достоинство вновь прибывших.

Конан в бессильной злобе переступал с ноги на ногу. Если бы он только мог говорить! Для начала он бы высказал этим высунутым наглцам небольшую часть из того, что о них думал, а потом, уж точно, объяснил бы Зубнику, что могут сделать двое крепких мужчин, даже с приязанными друг к другу ногами и руками. Сам этот деревенский уталец, конечно, не додумается, почувствовав напрягшиеся мышцы, упереться правой ногой и нанести хороший двойной удар связанными ногами. Особой пользы это, вероятно, не принесло бы, но хоть душу отведешь.

В этот момент тот самый, который уже наверху осматривал киммерийца, как рабочую скотину, снова подошел, чтобы продемонстрировать товарищам добытого пленника. Встав сбоку и довольно скалясь, он несколько раз несильно пихнул Конана кулаком в живот, проверяя, наверно, мышцы живота, а затем больно ущипнул за плечо. Он, верно, забыл, что сам перевязал руки пленника вперед. И напрасно. Зубник стоял совершенно расслабленно. С коротким выдохом киммериец резко ударил стоящего мужчину локтем по ребрам. Послышалось изумленное: «Хо-о!» и громкий хруст костей. Для человека с реакцией Конана заминки, образовавшейся после этого небольшого происшествия, вполне хватило для того, чтобы, присев, вытащить свой же кинжал из ножен, висевших на поясе упавшего. Он молился только об одном: чтобы выдержали нервы Зубника и впечатлительный лекарь не грохнулся в обморок, потащив его за собой. Первым же движением Конан перерезал ремни, освобождая ноги. Слугу мотало, как тряпичную куклу, хорошо было слышно, как лязгают его зубы. На мгновение удача отвернулась от пленников: из туго связанных онемевших рук короля, звякнув, выпал кинжал. Двое мрачных мужчин одновременно двинулись на них. Но тут, видно, решительность и сила Конана передались его спутнику: подождав, когда нападающие приблизятся и, не глядя друг на друга, в едином броске Конан и Зубник головами двинули сбидчиков в животы. Отбоданных мгновений оказалось вполне

не достаточно, чтобы поднять кинжал и отделить, наконец, короля от слуги.

Зубник, окрыленный первым успехом, рвался в бой, повизгивая от нетерпения. Конан знаком приказал ему отойти в сторону. Врагов было пятеро, не считая уже лежащего на земле со сломанными ребрами. Небольшие размеры площадки не позволяли нападать сразу всем. Первые двое отошли немного в сторону, восстанавливая сбившееся дыхание. Сзади у Конана была река, справа — не слишком опытный боец Зубник, в руке — верный кинжал.

Сигнал к началу боя дал, как ни странно, новичок. С пронзительным воплем, изображавшим, по-видимому, боевой клич, лекарь подскочил к застывшему, как изваяние, работнику, вырвал у него из рук бадью и, размахивая ею, двинулся на врагов. Эффект был потрясающий. Первому же попавшемуся человеку Зубник чуть не снес голову. Стоявший рядом отвлекся на долю мгновения и тут же был страшно удивлен, почувствовав в животе холодное лезвие клинка Конана. Остальные, решив не испытывать судьбу, толкаясь, бросились к лестнице. Первым желанием киммерийца было последовать за ними и если не высказать, то показать свое отношение к местным правилам приема гостей. Слуга остановил его разумным доводом:

— Не надо, господин, Митра им судья, вдруг они за подмогой побежали? Уходить надо. — Высказав верную мысль, Зубник осекся: уходить можно было только по реке. — Ох, лихо-то какое, я ведь плавать не умею!

Конан сорвал с раненого свои ножны, вытер и вложил в них кинжал и посмотрел на слугу взглядом, который ясно говорил: «Захочешь жить — научись!» Тут же взор его потеплел и, указав на бадью, которую лекарь все еще держал в руках, киммериец, подняв бровь, одобрительно улыбнулся.

Неизвестно, что сильнее действовало на Зубника: молчаливая ли похвала короля или приближающийся шум на лестнице, но, выпустив из рук свое необычное оружие, он решительно подошел к реке и, зажмурившись, прыгнул в воду. «Ох, топор ты деревенский, — подумал

киммериец с неожиданной для себя теплотой, — тебе же плавать надо, а не тониться!» Слуга, пуская пузыри, с головой ушел под воду. Но тут же снова появился на поверхности, отплываваясь и отчаянно молотя руками. Конан уже был готов последовать за ним, но замешкался. Какая-то неестественность в окружающей обстановке заставила его еще раз осмотреться. Действительно, от его удара локтем человек отлетел довольно далеко и должен был упасть в воду. Киммериец понял, что не понравилось ему в позе лежащего: голова его находилась в реке, но вода, отступив, обтекала его, как жирное пятно. Желая подтвердить свою догадку и уже почти рискуя жизнью, — возбужденные голоса на лестнице становились все громче, — он плеснул водой из бадьи на своего давешнего обидчика. Ни капли не попало на человека, как если бы между ними стояла прозрачная стена. «Интересные люди живут в местных деревнях», — подумал Конан, отплывая от берега под вопли и ругань выбежавших людей. Теперь можно было не торопиться. Если на этом обрыве все жители такие, погони он не боялся, разве только они пойдут за ним по дну.

Он плыл, не торопясь, стараясь держаться поближе к Зубнику. Тот по-собачьи молотил руками, сильно выставив голову из воды, и шумно дышал. Киммериец, если бы мог, посоветовал ему плыть поспокойней, но слуга, с непривычки, еще не верил, что вода уже держит его, и не рассчитывал силы. Река в этом месте была широкой, и Конан понял, что скоро ему придется плыть за двоих. Течение сносило их за деревню, но это было и неплохо. Уже несколько раз голова Зубника скрывалась под водой, он тут же, фыркая, выныривал с круглыми от страха глазами, уверенность стала его покидать. В подплывшего на помощь короля он вцепился мертвой хваткой.

До берега они добрались, совершенно выбившись из сил. Почувствовав под ногами топкое дно, Конан с трудом оторвал от себя слугу и, тяжело дыша и увязая в иле, побрел на сушу. Не самым лучшим местом для отдыха можно было назвать кусок глинистой почвы, покрытой жесткой травой, но Зубник раскинул руки и упал на

землю, целуя ее, словно стены родного дома. Потом они еще долго отдыхали, сидя на берегу. То есть, по-настоящему, отдыхал один слуга, блаженно подставляя заходящему солнцу счастливое лицо, перемазанное глиной. Высохнув, оно стало похоже на разбитую грязную гипсовую маску, с которой при каждом движении стескивались куски. Конан в это время напряженно обдумывал планы возвращения лодки. Конечно, для него украсть лодку не составляло никакого труда, недаром одна из первых профессий, которой овладел в своей жизни киммериец, было воровство. Конан задумал бы любого, кто посмел бы прилюдно обсуждать молодые подвиги короля Аквилонии, но кое-что из опыта прошлого сейчас могло бы очень пригодиться. Идти, безусловно, нужно было одному. Зубник, конечно, неплохой парень, но хорошего вора из него не получится. К тому же, киммериец все еще не мог говорить, а растолковать на пальцах такую тонкую вещь, как кража, неопытному деревенскому лекарю было делом весьма затруднительным.

Когда, наконец, стемнело, Конан со всей возможной убежденностью, на которую был способен в своих жестах, объяснил Зубнику, что уходит в деревню. Мысль, что ему предстоит остаться одному, привела парня в паническое состояние. Киммериец в очередной раз удивился, как быстро может меняться настроение лекаря — от полного блаженства до неописуемого ужаса за какое-то одно неуловимое мгновение. Вот и сейчас, узнав, что господин собирается добираться до деревни вплавь, Зубник тут же примирился с неудобным глинистым берегом и угрожающим шуршанием камышей.

— Я так думаю, и лодка наша, и денюжки у толстухи этой, — заговорщицки прошептал он. — Я хорошо запомнил: третий дом с того края.

Конан коротко кивнул и растворился в темноте. Раздался короткий всплеск, еще, и наступила тишина.

Киммериец плыл, доверившись только своему чутью. Мощные взмахи рук почти не производили шума. Возшедшая луна услужливо повесила свой слабый фонарь, осветив низкий топкий берег и деревню невдалеке. Конан

удивился той легкости, с которой преодолевал расстояние: он готов был поклясться, что плывет не против течения, словно кто-то остановил реку! «Не знаю, чьи это шутки, — подумал Конан, — но даже если этот гнилой моллюск Од'О решил так дешево мне помочь, благодарности все равно не дождется, и от своей смерти не уйдет». Бешенство переполняло его. По воле какого-то водяного царька король Аквилонии вместо того, чтобы милостиво править и любить жену, вынужден плыть ночью, как вор, чтобы отобрать у продажных негодяев свою лодку и вещи! Будь Конан в этот момент на суше, а не в прохладной воде, немного остудившей его пыл, сильно не поздоровилось бы жителям так и оставшейся безымянной деревни на топком берегу Хорота.

Видно, спать там ложились рано — ни в одном окне не было видно света. Свою лодку киммериец узнал сразу, даже в темноте она выделялась среди жалких низко сидящих в воде местных посудин. Как и следовало ожидать, все вещи были вытащены. Конан вовсе не собирался удовольствоваться возвращением себе только средства передвижения, оставив безнаказанными людей, нарушивших долг гостеприимства.

Бесшумно выбравшись на деревянные мостки, ночной мститель быстро сориентировался благодаря хорошей зрительной памяти и лунному свету. Сжимая в руке кинжал и стараясь не хлопать мокрыми досками, он подошел к злополучной харчевне. В доме не спали. Тонкие стены хорошо пропускали звуки голосов, и Конан невольно прислушался.

— До чего ж ты все-таки хилый, Бергрудий, — лениво тянул знакомый женский голос. То есть, теперь киммериец знал, что противный жирный говорок принадлежит хозяйке, неискушенному слушателю эти звуки могли показаться бульканьем на плите пригорающей каши. Трудно сказать, почему Конану виделась именно пригорающая каша, но, в любом случае, это было что-то неаппетитное. — И кости-то у тебя торчат, и все не там, где нужно.

— Да где ж тебе нужно? — спрашивал слабый мужской голос.

— А ты и не знаешь, где! — В голосе женщины появились визгливые нотки. — Такого мужика за тебя отдала! Никогда таких не встречала, ну, прям, как во сне: высокий, глазюки синие, грудь — во! руки — во! — «Интересно, — подумал Конан, видит ли хлинкий Бергрудий в темноте, что значит “во!”?»

За стеной завозились.

— Ох, да ты лучше и не пытайся, а то смех один! — послышался звук падения, и женщина снова мечтательно зажурчала: — Ну, как есть — дура, такого мужика своими руками этим сушнякам отдала. Хорошо хоть денежки оставила, барахлишко кое-какое.

— Вот его-то мне и нужно, — произнес у нее над ухом тихий властный голос, и к своим воспоминаниям о синих глазах незнакомца хозяйка харчевни теперь могла смело прибавить ощущение сильных мужских рук. Ну, и холодного лезвия на шее.

Вся она была какая-то рыхлая, от страха ноги ее подкосились, Конан чуть не упал под тяжестью неожиданно обмякшей у него на руках туши. От исходявшего запаха кухни и влажных невымытых волос перехватывало дыхание.

— Поторапливайся, жирная, я не привык ждать, — киммериец недвусмысленно шевельнул лезвием ножа по горлу. Конечно, убивать ее Конан не собирался, но она этого не знала и теперь мелко тряслась от страха.

— Н-и-не уб-б-бизайте, г-г-господии, я все отдам, — заскулила она, — не со зла ведь, люди-то мы добрые, что подделаешь, если сушняки у нас мужчин забирают... Да и их понять можно, озлишься, если вся деревня заколдованная, ни попить, ни в руки воду взять, помереть ведь можно, они и крадут людей, те им воду и таскают... Хорошо, проезжего какого утянут, а так — все из наших... Вот и муженька моего увели, а у нас детишки...

— Семеро... — подпискнул откуда-то с пола хлипкий Бергрудий.

— Мне это не интересно, — прервал эти жалобы Копан, — верните мне деньги и вещи, лодку я и сам заберу. Живо! — прошипел он в самое ухо многолетней матери.

Слабо причитая, она быстро нашла и кожаный мешочек, и ворох одежды, и королевский меч.

— Это уж точно не для твоего силача, — съехидничал Конан, отбирая у женщины оружие. — А на будущее запомни: не продавай так запросто своих гостей, среди них могут оказаться весьма знатные господа. Жаль, нет у меня сейчас времени с вами разбираться.

Ошарашенные супруги услышали легкое позвякивание уходящих от них монет, затем уже не таящееся хлюпанье ног по воде и громкий издевательский голос из отплывающей лодки:

— Не будь так строга с Бергрундием, женщина, раз у вас семеро детишек, значит, все-таки, торчит там, где надо!

Глава IX

Зубник, уже привыкший к тому, что у его повелителя пропал голос, чуть не свалился в воду от страха, когда услышал с реки хриплый рык:

— Лекарь! Давай сюда! — И острый нос лодки ткнулся в берег рядом с ним. Узнав Конана, слуга несколько раз подпрыгнул от радости и, мешком свалившись на дно лодки, возбужденно заговорил:

— Ух, ты, и лодка наша, и одежда! Правду говорят, что умней и сильнее нашего короля ни у кого нет!

Конан улыбнулся в темноту, понимая, что это не грубая лесть, а просто мысли вслух.

Заночевали они немного ниже по течению, там, где берег был не таким тонким. В первый раз за последнее время после всех неприятностей, свалившихся на него, Конан не ломал себе голову, вспоминая о Зенобии, Од'О и историях Гардевира. Он был просто голоден и страшно устал. Вдвоем с Зубником они, не разжигая костра, быстро доели те немногие запасы еды, которые нашлись в лодке, залили водой из реки, — киммерийца чуть кольнула

опасливая мысль, что они пьют воду из рук врага, но тут же исчезла, — и провалились в глубокий сон.

На следующее утро, проснувшись, Конан с удивлением обнаружил своего слугу мирно спящим у него на животе. Лицо у Зубника было настолько безмятежно счастливым, и солнце так ласково пригревало еще слабыми лучами, что на мгновение ему показалось, что все случившееся — лишь глупый сон, и они — просто господин со слугой, заночевавшие после охоты вдали от дома. Воспоминания постепенно возвращались, как и злость, и страстное желание поскорее вернуться домой и снова увидеть красоту жены и тот самый, зовущий, долгий взгляд Зенобии из-под опущенных ресниц.

От резкого подъема киммерийца лекарь несильно стукнулся головой о дно лодки, поэтому его пробуждение не было столь радужным. Для простого человека нахождение вдали от родных мест проходит гораздо тяжелее, чем для такого вечного странника и искателя приключений, как Конан-варвар, ныне король Аквилонии.

На этот день у Конана были обширные планы. Он знал, что скоро Хорот примет в свое русло Тайбор, бурную своенравную реку, берущую начало в горах и так и не согревшуюся под щедрым Аквилонским солнцем. Примерно в полдня хода вниз по реке к ним присоединится Красная, которая, как хорошая мудрая жена, придаст, наконец, Хороту величавость и спокойствие. Между этими двумя притоками в плодородной долине, захватившей часть Аквилонии, широкий клин Офира и узкую полосу Кофа, испокон веков селились люди. Деревни на пологом левом берегу так незаметно сменяли одна другую, что с годами только старожилы могли точно сказать, где заканчивается одно поселение и начинается другое. Конан собирался запастись там едой, немного передохнуть и, если удастся, найти кого-нибудь из старых друзей и попытаться разузнать что-нибудь о цели их путешествия — Демоне Океана Од'О.

Действительно, очень скоро им стали попадаться вначале одиночные дома, потом все чаще и чаще. Киммериец

боролся с искушением пристать около первого же дома и купить еды для завтрака, но решил немного потерпеть и, несмотря на умоляющие взгляды Зубника, не поворачивал к берегу. Внезапно впереди показалось широкое водное пространство и сильная боковая волна толкнула лодку.

— Это Тайбор, — сказал Конан, показывая на впадавшую слева реку. Хорошо было видно, что изменился цвет воды Хорота: текущий с гор Тайбор добавил ему зеленовато-синей глубины. Киммериец сразу вспомнил этот необычный оттенок, который так поразил его в Шамаре — крупном городе выше по течению. Конан невольно улыбнулся, вспомнив, как со старинным другом и отчаянной смелости воином Кастеджо, вдоволь отведав знаменитых аквилонских вин, они на спор переплывали Тайбор туда и обратно. Мальчишество, конечно, Зенобия сердилась на обоих, переводя гневный взгляд с мужа на Кастеджо, но вместо того, чтобы утихомирить разбуянившихся мужчин, ее горящий взгляд только сильнее разжигал это странное соревнование. Потом уже, когда все благополучно завершилось и двое совершенно заочевенных безумцев, хохоча друг над другом, продолжили дегустацию вин, Конан еще несколько раз замечал, как подрагивают крылья хищного носа Кастеджо при взгляде на Зенобию. Киммериец слишком хорошо знал своего друга, чтобы воспринять это как оскорбление. Сердце снова тоскливо сжалось: Конан так ясно увидел жену сидящей на огромном камне посреди Тайбора и ее счастливое лицо и детский восторг при виде крошечных речных крабов, которых шустрые мальчишки приносили ей в плетеных корзинках. Король тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и сильнее налег на весло.

Зубник, опустив руку в воду, сразу почувствовал, насколько она холоднее обычного, и сразу же решил, что в такую реку не полезет ни при каких, даже самых жутких, обстоятельствах. Он был страшно горд собой, что не утонул в первый раз, но повторять такие попытки не собирался, как и совершенствовать свое умение плавать.

Конан, к великой радости Зубника, начал поворачивать к берегу. Именно здесь, у слияния двух рек, расположилась большая деревня Саусалья, которая так и не стала городом: здесь накоротко встречались и расставались, быстро улаживали торговые сделки или разрывали старые контракты между двумя глотками вина или после сытного ужина. Никто не задерживался надолго на этом перекрестке, поэтому-то основными строениями в Саусалье были трактиры с комнатами для ночлега и большими подвалами.

Кинув несколько медных монет подозрительного вида однорукому старику, Конан предупредил, что если тот плохо будет смотреть за их лодкой, то лишится и второй руки. Зубник недоверчиво оглядываясь, последовал за господином. Он сам не доверил бы такому сторожу даже стоптанные башмаки. Конан рассеял его сомнения:

— Да у них у всех здесь такие хитрые рожи, но свое понятие о профессиональной чести они все-таки имеют, хоть и берут деньги всегда вперед. Ничего с нашей лодкой не случится, вот увидишь.

Жизнь вокруг кипела. Люди с озабоченными или веселыми лицами куда-то спешили, громко разговаривая на ходу, волокли мешки, тащили упиравшихся коз и овец, всюду сновали пронырливые собаки с не менее деловыми и хитрыми мордами. И вся эта толпа рычала, блеяла, смеялась и ссорилась, производя неповторимый шум большого базара.

Конан уверенно проталкивался к невзрачного вида заведению, из раскрытых окон которого слышалось гнусавое пение. Войдя, Зубник увидел битком набитую людьми большую комнату. Посередине стоял старик-горбун и противным голосом тянул одну ноту. Судя по его самозабвенному лицу, он это делал не ради денег, а просто для души. На певца никто не обращал внимания. За длинными столами шумно выпивали и закусывали несколько десятков человек, от обилия аппетитных запахов рот моментально наполнился слюной. Голодные путешественники одновременно сглотнули. Но вместо того, чтобы по-

скорее найти свободное место и приказать одному из юрких, как ящерицы, мальчишек-слуг поскорее принести поесть, Конан с просиявшим лицом двинулся в угол, где сидел черноволосый красавец с перевязанной рукой. По пути, к великому удивлению Зубника, его господин хлопнул по плечу горбатого певца со словами:

— Рад видеть тебя, Оллердален, ты все не меняешься, узнаю веселые мотивы Ванахейма! — На что, ничуть не смутившись, старик, будто только и ждал Конана в этой харчевне, прервав пение, скрипуче отозвался:

— А тебе, видать, наскусило в королях ходить? Решил снова к нам вернуться?

Но Конан уже сидел за столом и, не скрывая радости, разговаривал с незнакомцем. Слуга подошел поближе, надеясь таким образом напомнить о себе и о своем голодном животе. Действительно, все распоряжения уже были сделаны, на столе появился хлеб, кувшины, двое мальчишек старательно суетились вокруг, уловив, что один из гостей — настоящий король.

— Кастеджо! Какая встреча! — Киммериец не мог поверить, что рядом сидит старинный друг, тот самый отчаянный храбрец и любитель ледяной воды, которого он вспоминал совсем недавно. С таким спутником он бы отправился хоть в Серые Миры. Эта идея, вдруг пришедшая в голову Конана, так захватила его, что он чуть было не выпалил ее Кастеджо. Присмотревшись к другу повнимательней, он все же решил подождать с разговорами, а пока стал торопливо есть, почти не чувствуя вкуса пищи. Примостившийся на краешке стола Зубник, утолив первый голод, маленькими глотками пил вино и с любопытством разглядывал сидящего напротив человека. Мужчина был бесспорным красавцем, но какая-то болезненность, — то ли проступавшая сквозь природную смуглоту кожи бледность, то ли мучительный излом бровей, — портили безупречное лицо. Перевязанная тряпкой рука доставляла ему большое страдание, это было заметно по той старательности, с которой он пытался примостить ее на столе. Но самыми странными были взгляды, которые Кастеджо

бросал на Конана. Казалось, старинный друг мучительно выбирает, что ему сделать: броситься ли на шею киммерийцу или тут же перерезать ему горло. К тому же Зубник с неприязнью заметил, что, несмотря на утренний час, этот человек уже довольно сильно пьян. Конан тоже заметил все эти странности в Кастеджо, быть может, чуть позже слуги, обрадованный неожиданной встречей и, как все люди, не желавший признаваться себе в том, что сидящий напротив близкий человек ему неприятен. Но он же прекрасно помнил, что в годы их молодости одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что творится с другом, поэтому, резко отодвинув кувшин с вином, положил руку Кастеджо на плечо и спросил напрямик:

— Ты не рад меня видеть? Говори, я же вижу. — Аквилонец только криво усмехнулся и чуть отодвинулся в сторону. Конан чувствовал странную скованность, чей-то неприятный взгляд жег ему лопатки, но оборачиваться не хотелось. Все больше мрачняя, он еще раз обратился к Кастеджо: — Чем, интересно, я заслужил такой теплый прием у старого друга?

— А разве у королей бывают друзья? — наигранно удивился тот, отхлебнув из кружки. — Мне казалось, вам нет дела до нас, простых смертных.

Конан озадаченно посмотрел на сидящего напротив обозленного человека и только и смог что презрительно сказать:

— И после какого кувшина ты начал делить нас на высших и низших? — Зубника тихонько затошнило от страха. Он хорошо понимал, что сейчас между двумя сильными людьми произойдет что-то очень нехорошее, но вмешаться не мог. Слуга умоляюще посмотрел по сторонам и встретился взглядом с горбатым певцом, которого его господин назвал Оллердален. Тот уловил молчаливый призыв, так как и сам уже несколько минут присматривался к сидящим за столом, чувствуя неладное. Будучи человеком без родины, — кем были его родители и где его произвели на свет, никто никогда не знал, а первыми его воспоминаниями о детстве были холодные

ветра Бритунии и приютившее его полудикое племя, кочевавшее по степям, перейдя Кезанкийские горы, — он не признавал никаких законов, хотя постоянно вступал с ними в конфликты в самых разных странах, и то, как Оллердален обращался к человеку, зависело исключительно от его настроения, а не от положения собеседника. Поэтому, неожиданно резво подскочив к столу, он подвинул слугу и без приглашения сел, обнажив в ухмылке короткие черные пеньки зубов. «Ох, помогай, горбатый, — мысленно взмолился лекарь, — я тебе все твои гнилушки во рту повылечу, только выручай!» Глаза Кастеджо уже метали молнии, криво улыбаясь, он начал вставать из-за стола. В этот момент Оллердален хлопнул ладонью по столешнице и неожиданно звонко сказал:

— Ну, как есть — мальчишки! Только встретились и уже что-то не поделили! — Озадаченные напористой нелепостью этих слов, все посмотрели на него.

— Какие мы тебе мальчишки... — свирепо начал Конан.

— А такие: твоя мамаша еще и в глаза не видела твоего отца, а моему горбу уже завидовали все верблюды Стигии!

Вокруг захохотали, а с соседней лавки даже свалился краснолицый туранец. Кастеджо слабо улыбнулся, Конан, тряхнув головой, не выдержал и рассмеялся.

— Я вижу, ты с дороги, король-путешественник, — бодро продолжал певец, — забирай своего друга, пошли ко мне в крысятник, отдохнешь, а там, глядишь, и спорам вашим — конец.

— Что я слышу? — изумился Конан. — Бродяга Оллердален обзавелся собственностью? О каком это крысятнике ты говоришь?

— Не смей обзывать мой дом собственностью, — выскомерно ответил горбун, вставая. — Захватите вина, мои винные подвалы вчера залило дождем. Пошли, лопухий, — ласково обратился он к Зубнику и пошел к выходу.

Киммериец с облегчением последовал за Оллердаленом, убедившись, что Кастеджо тоже идет с ними. Уже перед самым выходом Конан все же обернулся, чтобы узнать, кто это так пристально смотрел ему в спину.

За столом, стоящим у окна, в компании огромных волосатых парней сидела девушка. Светлые глаза ее ничего не выражали, но смотрели прямо на него, вызывая легкую дрожь, как от взгляда в пропасть. Высоко поднятые волосы, полные губы, длинная шея кого-то смутно напоминали. Тут один из сидящих что-то спросил у нее, она отвернулась, и наваждение исчезло.

Зубник проследил за взглядом своего господина, но так и не понял, почему тот так пристально смотрел в сторону угрюмых жующих мужчин у окна. Никакой девушки он за столом не увидел.

Глава X

Они сидели в низкой деревянной лачуге, с трудом разместившись вокруг странного сооружения, которое Оллердален громко называл столом. Словно разом сговорившись не ссориться и не трогать никакие серьезные темы, Конан с Кастеджо говорили о старых добрых временах, обильно запивая воспоминания вином. С каждым часом холодная рука недоброго предчувствия все сильнее сжимала сердце киммерийца. Он будто шел по колену в снегу, пытаясь дойти до вершины и страшась того, что может оттуда увидеть. Вино не туманило мозг, наоборот, мрачная истина, уже давно ходившая кругами, прочно засела, наконец, в голове, готовая вот-вот сорваться с языка. Оллердален подливал вино, изредка вставлял язвительные замечания и, казалось, просто отдыхал в столь изысканном обществе. Зубник, если бы мог, забился в самый дальний и темный угол, но в этом, как его называл хозяин, «крысятнике», все углы были близкими и в меру светлыми. Его не покидало отвратительное ощущение, будто все присутствующие знают про него какую-то постыдную тайну и сейчас начнут хором обсуждать и осуждать его. Лекарь поймал себя на том, что уже доволь-

но долго рассматривает замотанную руку Кастеджо. Неловко лежащая на столе, она притягивала внимание Зубника, словно гипнотизируя его. Окружающие отделились куда-то, звук голосов Конана и Кастеджо превратился в невнятный гул, голова сильно кружилась. Такое неприятное состояние ему было знакомо: точно так же его мучило однажды, когда, уже на службе при дворе, он долго смотрел на старшего ловчего, мучимого неизвестной болезнью. Красивый молодой парень сидел тогда на псарне, скрючившись в три погибели, и держался за живот. Слуги сбились с ног, пытаясь помочь бедняге, несколько раз приходил королевский лекарь, зачем-то пустил кровь и ушел, бессильно пожимая плечами. У ловчего болели не зубы, но он был славным парнем и никогда напрасно не обижал помощников, поэтому Зубник решил попробовать ему помочь. Так все и получилось: и гул, и головокружение, а потом четкое видение: черноволосая женщина со злыми глазами что-то кладет в еду. Ее быстро нашли, обиженная возлюбленная старшего ловчего решила, оказывается, просто проучить неблагодарного кавалера и всыпала ему яду. Парня спасли, Зубник проспал сутки и решил, несмотря на успех, больше не пробовать лечить таким образом.

Сейчас все получилось помимо его воли. Видно, он очень переживал за своего господина и его друга. Видение было очень странным. Маленький старичок, какая-то река, потом Кастеджо, вместо руки которого висело отвратительное бледно-зеленое щупальце. Потом дворец, — Зубник сразу узнал Тарантию, — королева Зенобия с сияющим лицом опускает руку в бассейн, тот же неприятный старик у нее за спиной и сразу — омерзительное чудовище, в которое она превратилась.

Зубник медленно, как во сне, встал и, перебив говорившего в этот момент Кастеджо, глядя поверх голов невидящим взглядом, мертвым голосом произнес:

— Не скрывайтесь друг от друга, у вас один обидчик...

Ошарашенные такой неожиданной выходкой доселе молчавшего слуги, все превратились в большой открытый

рот. Без интонаций, монотонно Зубник закончил свою неожиданную мысль:

— Маленький старичок сделал с вашей женой то же, что и с его рукой...

Тут уж вскочили все. Перекрикивая друг друга, Конан и Кастеджо накинулись на слугу, враз очнувшегося от их криков и обалдело глядящего по сторонам.

— Откуда ты знаешь, что с ней?! Кто посмел проговориться?!

— Что с Зенобией?! Ты не смог уберечь такую женщину!

— Что ты мелешь, лекарь доморощенный?!

— При чем здесь моя рука?!

От такого шквала вопросов и криков сдали бы нервы, и не у такого тихони, как Зубник. Бестолково потыкавшись в стены, он все-таки нашел дверь и, сорвав ее с хлипких петель, кубарем вывалился из «крысятника». Ол-лердален решительно встал на пути разгневанных мужчин и тихо, но жестко сказал:

— Он вам сказал то, что думал. Держу пари, что он попал в точку. Мне кажется, вам пора поговорить начистоту. — И, уже выходя, с непонятной интонацией добавил: — И почему это, интересно, люди с такой готовностью верят любому подлецу, оклеветавшему их друзей?

В сгустившихся сумерках хорошо были слышны все суетливые звуки ни на миг не замиравшей жизни торговой и бродяжьей Саусальи. Сидящие рядом в тесной каморке двое хмурых мужчин, не поднимая глаз и ни разу не повернувшись друг к другу, рассказывали о постигших их бедах. Ох, не прост, не прост, оказался бесхитростный с виду лекарь Зубник, навязанный в спутники Конану седовласым Гардевиром. Все правильно понял житель странной деревни Эолуйон, в просторечии — Лекарей, не случайно появившейся на месте гибели злобной Паноры. И не дрогнул мужественный король Аквилонии, когда его друг Кастеджо, скрипя зубами от боли и злости, размотал тряпицу и положил на стол изуродованную руку. Только голос киммерийца стал глуше, и даже в сумрачной

хибаре было видно, как страшно заходили на его лице желваки:

— Я такое уже видел.

Не решаясь задать следующий вопрос, чтобы хоть немного отсрочить страшные слова, о которых он уже догадывался, Кастеджо первым начал свой рассказ:

— Ты помнишь Белую лестницу в Шаморе, ту, что ведет от дворца Ришарно к Тайбору? — не дожидаясь ответа, потому что именно в прохладном строгой красоты дворце советника Ришарно останавливались во время поездки в Шамор король и королева Аквилонии в последний раз, он продолжал: — Я стоял у воды и как раз думал, откуда у нас в городе появилось столько беженцев из Немедии? Целыми семьями едут, грязные, испуганные, ничего не говорят, только плачут. И тут меня отвлекли дети, их много всегда играет на лестнице. Они сильно спорили, я прислушался. Какой-то мальчишка уверял остальных, что ступенек стало меньше. Митра, они орали так, что я чуть не оглох! Конечно, я тут же забыл об этом, а ночью проснулся от сильного толчка. У нас горы недалеко, бывает, покачивает, я все еще ничего не понимал. Но когда пошли слухи, что река залила уже несколько лавок на берегу, и я сам увидел, как скрылось под водой поваленное дерево, мне это очень не понравилось. Ну, а потом появился этот отвратительный старик.

Кастеджо снова скрипнул зубами и стал неловко заматывать ужасную руку тряпкой.

— Мы со стражниками обходили дозором восточные окраины, в последнее время там было особенно неспокойно. Он сидел на камне, ты представляешь, на ТОМ самом камне, где она... — Аквилонец запнулся, но вопрос о судьбе Зенобии так и не сорвался с его губ, он продолжал свой рассказ: — Вначале я услышал какое-то бормотание с реки, он, явно, поджидал меня, потому что теперь я хорошо его слышал, обычный скрипучий старческий голос, я даже подумал, что какой-то выживший из ума старикашка решил утопиться, и строго окликнул его. Он не ответил, да я больше и не звал, потому что мне вдруг стало страшно. Вокруг все как будто замерло,

мне показалось даже, что Тайбор остановился, а этот, так спокойно, раздумчиво говорит про себя: не нравится мне, говорит, этот город, как его там, Шамар-Машар, только реку мне мутят, суета да грязь одна, лучше, говорит, пусть тут озеро будет, Панорой назову. Я в темноте смотрю: он рукой повел, и снова — бах, толчок, будто все под землю проваливается! Тут я очнулся, как заору на него: ты что это, колдун проклятый, гадости всякие говоришь?! А ну, брысь отсюда! Я тебе покажу — озеро! Смотрю: а он уже около меня стоит и тихо-тихо говорит: «Дружка своего Конана благодари, по его вине город погибнет. Король твой, видно, на прогулку по реке вышел. Найдешь его в Саусалье — предупреди: если он не поторопится, я здесь сам через месяц буду рыб в озере разводить». Я его; конечно, схватил, а он легонечко так по руке меня хлопнул и исчез. Вот. Не знаю, кто это был, и что вы там не поделили, а рука у меня сразу пузырями пошла, а потом...

— Ты его рассмотрел? — помедлив, спросил Конан, просто чтобы подать голос.

— Да. А вроде и нет. Темно было. Мелкий такой старичок. Ты знаешь, кто это?

— Теперь знаю. Это Демон океана Од'О. Мне маг один рассказал. — Киммериец начал свой рассказ, все лучше понимая две очень важные вещи. Во-первых, дело касалось уже не только короля Аквилонии и его жены, и, во-вторых, времени, оказывается, осталось не так много, этот злобный старик уже потираливал его. Конан подробно рассказал обо всем, что случилось за последний месяц, особенно тяжело продираясь сквозь подробности, связанные с Зенобией. В комнатке стало уже совсем темно, поэтому киммериец, к счастью, не видел лица Кастеджо в это время. Какой-то непривычный звук, похожий на всхлип, почудился ему на мгновение, но Конан не стал спрашивать друга, что с ним.

— И вот теперь, когда ты все знаешь, — закончил свой рассказ киммериец, — я предлагаю тебе идти с нами. Зубник, конечно, неплохой парень, но с тобой мы точно одолеем этого водяного ублюдка.

Кастеджо ответил не сразу. Затем раздался тяжелый вздох и, положив свою здоровую руку на руку Конана, он медленно проговорил:

— Не сочти меня трусом, друг, я думаю, у тебя были возможности убедиться, что это не так, но... Гардевир, — так ведь звали того мага? — сказал тебе правильно: кто-то должен остаться с Зенобией. Если уйду я, кто останется с моим Шамаром? Он каждый день все сильнее погружается в воду! Там люди! Я должен вернуться. Пойми меня и не осуждай. — Кастеджо помолчал еще немного и, словно отвечая на немой вопрос друга, добавил: — Я и здесь-то очутился — искал тебя, мне сторжача показалось, что это ты во всем виноват, прости меня, но я тебя знаю, вечно ты что-то делишь с волшебниками! Теперь я все понял. Еще раз, прости мне мое недоверие. — И сильно сжал руку друга.

Они долго еще сидели молча. Конан знал, что сейчас он отправится в путь, и эта встреча может оказаться последней. Его заполняла странная смесь решимости и горечи, злости и печали.

Так, рука в руке, их и застали вернувшиеся Оллердален и Зубник. Издалека можно было разглядеть колеблющийся свет и услышать нестройное пение.

— Поскольку мой новый друг, хм, повредил дверь в крысятник, — заплетающимся голосом начал хозяин хибары, — то я позволю себе войти без стука. Господа обсудили все свои дела? Господа желают вина и песен? — Этот кривлявшийся горбатый шут умел моментально разрядить любую тяжелую обстановку. — Мы с приятелем выучили несколько превосходных зембабвийских народных песен!

Светильник, поставленный на стол, помог увидеть сразу две удивительные вещи: во-первых, совершенно пьяного Зубника и, во-вторых, ослепительную улыбку Оллердалена, во рту которого красовались новехонькие белые зубы!

Они попрощались совсем коротко, непривычным было рукопожатие левых рук, забинтованную правую Кастеджо неловко прижимал к себе. Никто уже не уговаривал Ко-

нана остаться на ночь в Саусалье, киммериец сразу по приходу слуги приказал Оллердалену собирать припасы и грузить бесчувственного Зубника в лодку. Сна не было в помине, а ночной реки он не боялся, — если уж Од'О так понадобился именно король Аквилонии, пусть заботится об этом сам.

Строгое лицо Кастеджо и непроницаемое — горбатого певца Оллердалена, стоявших на берегу, быстро скрыла ночная тьма. Небо было ясное, и скоро на их путь легла блестящая лунная дорожка. Усталость, но не физическая, а душевная, все же давала о себе знать. «Спешить, — думал Конан, сидя на корме и глядя вдаль, — мне надо спешить.»

Ночь прошла спокойно, несколько раз на короткое время Конан проваливался в тяжелый сон, моментально просыпаясь от любого тихого всплеска. Необычно было ночью идти по реке, особенно неприятным это стало после захода луны. По расчетам киммерийца, до Мессантии им еще предстояло не меньше семи дней пути. Вынужденное безделье злило Конана, о том, что он будет делать, достигнув моря, не хотелось даже думать. Куда ведет их лодку злобный демон? Какие гнусные цели преследует? От безответных вопросов голову начинало ломить, стараясь отвлечься, он начинал смотреть по сторонам, хотя что можно увидеть темной южной ночью с середины широкой реки? На дне лодки похрапывал Зубник, изредка жалобно вздыхая во сне.

Утренний туман, накрывший реку, заставил киммерийца поплотнее закутаться в теплый плащ. Бледно-голубое сонное небо обещало жаркий день, а пока сырость пробирала до костей. Слуга подобрал под себя ноги, холод добрался и до него. Далеко на берегу уже распевались ранние птицы. Конан наклонился вперед, и, усмехаясь про себя, накрыл ноги слуги толстой курткой. Когда он выпрямился, то от неожиданности вздрогнул. Бесшумно рассекая речной туман, совсем рядом с ними шла лодка. Огромная, богато убранная, с сидящими по бортам темнокожими гребцами, она легко догнала их простую посудину и теперь шла борт о борт, словно для того, чтобы

ее можно было лучше рассмотреть. Конан несколько раз сильно ущипнул себя за руку, но фантастическое зрелище не исчезло: на роскошном сидении, украшенном причудливой резьбой, в полупрозрачном платье, которое струилось, меняя цвета, сидела Зенобия и задумчиво перебирала в руках ожерелье. Ни один солнечный луч еще не коснулся драгоценных камней, но оно горело в руках темноволосой красавицы, бросая разноцветные блики на ее лицо. Вот она улыбнулась спокойной счастливой улыбкой и, повернув голову, подставила губы целующему ее мужчине. Задохнувшись, Конан, не веря своим глазам, увидел того, кто властно обнял ее за плечи.

Это был он сам. Забыв осторожность, киммериец вскочил на ноги, чуть не перевернув лодку, но крик застрял у него в горле. Подскочил и разбуженный испуганный Зубник. Протирая глаза, он заорал дурным голосом и схватился за борт. Вопль слуги не разрушил наваждения. По-прежнему двое в лодке целовались, гребцы, подняв весла, бесстрастно смотрели вперед. Конан, — настоящий Конан, в бешенстве сжав кулаки, — видел, как его двойник, легко отстранив Зенобию, с улыбкой протянул руку к воде, чуть шевельнул ладонью, — и огромная волна понеслась от борта на берег. Женщина звонко рассмеялась, щелкнула пальцами, гребцы согласно опустили весла, и через мгновение, набрав скорость, мираж исчез в тумане.

— Кром! — заревел киммериец вслед этой злой насмешке. — Он еще смеет издеваться надо мной! Низкий трус! Тюфяк, набитый гнилыми водорослями! Покажись, повелитель мокриц, я утоплю тебя в твоём собственном болоте! Так глумиться надо мной, королем Аквилонии! Зря ты затеял со мной эти подлые игры! Ты, верно, не знаешь, кого дразнишь! Ну, теперь не жди быстрой смерти, это было бы слишком милосердным, ты будешь до конца жизни по три раза в день мыть ноги мне и моей жене своей собственной кровью, или что там у тебя течет в жилах! Я еще найду для тебя достойную медленную смерть!

Конан размахивал кулаками и ревел на всю реку. Случись это лет двадцать назад, гнев киммерийца могла бы унять только разбитая в щепки лодка. Нынешний король Аквилонии уже не был молодым горячим варваром, чуть что — громящим врагов, пробивающим стены и идущим напролом. Останься он таким же простым, как в юности, любой из ловких и изворотливых врагов, — а их к пятидесяти годам накопилось немало, — с легкостью бы его одолел. Нет, судьба одарила синеглазого гиганта звериным чутьем и отменной реакцией, а уж жизнь добавила к этому изворотливый практичный ум и богатый опыт. Несколько глубоких вдохов, и, все еще сжимая кулаки, Конан сел в лодке, бешеными глазами глянул на слугу:

— Видел? Он издевается надо мной! — И тут же по оторопелому взгляду парня понял, что тот ничего не видел. — Мираж! Там в лодке был я и Зенобия! — В этот момент отразившаяся от берега волна, поднятая рукой призрака, сильно качнула их лодку, оторвав руки Зубника от борта. Лекарь, в который уже раз за время путешествия, свалился на дно и замер там, уставившись круглыми глазами в небо.

— Чувствуешь? Волна-то настоящая! — Конан наклонился над ним и понял, что до смерти напуганный, тот быстро-быстро молится Митре. Значит, Зубник действительно ничего не видел. Что это могло значить? Киммериец еще раз, спокойно, припомнил все пригрезившееся ему в тумане. Кром! Что значит — пригрезившееся? Он мог подробно, до мельчайших подробностей, описать и лодку, и людей, которые в ней сидели. Он никогда не целовался перед зеркалом, но был совершенно уверен, что это был именно его жест, его властная рука, обнимающая, — проклятое наваждение! — плечи Зенобии. Сердце рвалось на куски, но усилием холодного разума он заставил успокоиться вновь поднимающуюся волну гнева. Это помогло и даже принесло странную догадку. Что, если это видение не было простой издевкой? Ехидный демон сделал уже вполне достаточно для того, чтобы как следует

разозлить Конана. Непривычно и неприятно было чувствовать себя во власти нечеловеческой темной силы и пытаться разгадать мотивы его поступков. Своими грязными и жестокими действиями Од'О все время к чему-то подталкивал киммерийца. К чему? Несомненно, злодей тщеславен, все, что он натворил на земле, должно было продемонстрировать его силу. Да уж, насмотрелись. Конана вновь замутило от воспоминаний. Но он не привык бороться с невидимым, ускользающим соперником, заманивающим его непонятно куда, оставляя за собой следы бессмысленных злодеяний! Что же хотел сказать Демон океана, показав богато украшенную лодку, Зенобию с драгоценностями в руках? Король мог поклясться, что никогда не видел этой картины в прошлом. Не было у его жены такого странного платья и удивительного горящего ожерелья, никогда не ходили они по реке в лодке с темнокожими гребцами... И, самое главное — здесь киммериец на мгновение остановился в своих рассуждениях и сильно сжал виски ладонями. Сейчас сейчас, он, кажется, понял: больше всего его порастил жест двойника, — вода, послушная мановению руки!

— Да он торгуется со мной! — удивленно воскликнул Конан.

Ему послышался тихий смехок. Быстро взглянув на Зубника, он убедился, что парень не способен хихикать, он лежал, закрыв глаза и скрестив руки на груди. На всякий случай киммериец огляделся: на реке, естественно, никого не было. Туман понемногу рассеялся, широкая водная гладь расстилась вокруг.

— Ну, уж с ума-то меня свести не удастся, — пробормотал Конан про себя. — Раз я тебе так нужен, попробуем поиграть по твоим правилам. Гардевир сказал, что ты злопамятен, что ж, посмотрим, у кого память злее.

Он замолчал, медленно поднялся и, повернувшись назад, туда, где осталась накрытая трауром Тарантия, неожиданно широко и уверенно улыбнулся.

Ночь сменяла день, ленивые речные волны монотонно покачивали лодку, словно уставшая мать беспокоило дитя. Ненадолго приставая к берегу, чтобы немного размять затекшие ноги, Конан с Зубником не прерывали свой путь длинными стоянками и ночлегами. Спали по очереди, киммериец, в основном, днем, так как убедить слугу, что ночное плавание по реке совершенно безопасно, было невозможно. Они почти не разговаривали: деревенский парень, подавленный столь дальней дорогой и огромным расстоянием до дома, которое с каждым часом все увеличивалось, и король, полный мрачной решимости, словно копивший силы для борьбы с сильным врагом.

Хорот после впадения в него двух крупных рек — Красной и Алиманы, разлился так широко, что держаться середины уже не имело смысла, к тому же неуютно было болтаться в легкой лодке, почти не видя берегов. Конан решил держаться правой стороны, и теперь Зубник целый день, до мельтешения в глазах, мог любоваться поросшими лесом холмами, переходящими, казалось, совсем рядом, в Рабирийские горы.

К середине пятого дня далеко впереди засинело, еле заметный левый берег и вовсе отодвинулся в дымку. Проснувшийся Конан, наскоро плеснув в лицо прохладной водой, встал и приготовился всей грудью вдохнуть свежий морской воздух.

Ни один человек, попробовавший хоть раз в жизни соленого вкуса морской романтики, не забудет этого, живи он хоть самой распрекрасной и благополучной жизнью на суше. Конан, которого один вид синего горизонта всегда приводил в прекрасное и боевое расположение духа, расправил плечи.

Услужливый ветер с готовностью пахнул с моря прямо в лицо. Но что это? Вместо свежего живительного глотка, пахнущего солью, душная волна застоявшейся вони заставила киммерийца скривиться.

Зубник сидел на носу и во все глаза смотрел на открывавшуюся перед ним величественную панораму.

— Это море? — неуверенно спросил он, тоже морщась от тяжелого запаха.

— Море. — В голосе Конана не было уверенности. Он даже засомневался, не морочит ли их снова Демон океана. Однако, раздумывать было некогда, широкими взмахами весла киммериец начал поворачивать лодку к берегу.

Залитые ослепительным солнцем белые стены Мессантии равнодушно приняли еще двоих беспокойных путешественников, которых, — кто спросит? — гонит из дому жажда славы, алчность или просто тоска по приключениям.

Тут же на небольшой речной пристани они продали лодку ловкому малому. Быстро осмотрев дно и борта и отсчитав деньги, он засунул руки в просторные грязные карманы и, ухмыльнувшись всем дочерна загорелым лицом, спросил:

— Дальше морем пойдете?

Этот простой вопрос сразу поставил Конана в тупик, хотя времени на раздумье у него в дороге было достаточно. Действительно, куда двигаться теперь? Найти неплохой корабль в Мессантии никогда не составляло проблем, но что он скажет капитану? Каким курсом пойдет судно? Не отвечая на вопрос, киммериец взглядом указал Зубнику на вени, сам закинул на плечо свернутые плащи и шапгал в город. Слуга семенил сзади, постоянно что-то роняя и восторженно озираясь. Мессантия была вторым в его жизни крупным городом. Совершенно не похожая на Тарантию, шумная, полная запахов, криков, песен, она сразу же одурманила парня, и, словно горячая южная красotka с обнаженными плечами и дерзким ртом, повела, потянула за собой, нашептывая сказки о небывалом блаженстве.

Конан намеренно выбирал гостиницу поближе к порту. Он чувствовал себя своим в этой толчее и разноголосом шуме, воспоминания затопили его, потеснив нынешние заботы, но заменив их тоской по молодым годам. Перед глазами живо стал помощник капитана Зельтран и галеон

«Вострель» — быстроходный красавец, которым командовал Конан в Кордаве. Неужели то самое море, которое всегда было киммерийцу другом, сейчас станет врагом?

Разношерстная толпа двигалась по набережной, богатые вельможи, обмахиваясь веерами, лениво разглядывали прохожих, полуголые мальчишки с бесенятами в глазах зорко следили за происходящим, в надежде стянуть то, что плохо лежит, самые разные языки мешались в удивительный и всем понятный портовый говор. Все было, как обычно, и не так. Не пахло морем на этой набережной. Ни одного знакомого запаха не почувствовал киммериец. Оглядев бухту, он удивился еще больше: она была пуста. То есть, корабли, — несколько десятков самых разных, больших и малых, сгрудились у берега. «Ждут шторма», — решил Конан, заходя в невысокую, приличную на вид гостиницу. Залихватский вид ей придавала ярко намалеванная вывеска «Приют одноглазого» с нарисованной тут же ухмыляющейся рожей с повязкой через глаз.

Внутри было чисто и уютно, несколько человек, по виду — матросов, что-то громко обсуждали за столом, постукивая кружками. Вкусно пахло жареным мясом. Хозяин с готовностью выбежал навстречу гостям. Среднего роста, с аккуратным круглым брюшком, огненно-рыжий, он любезно улыбался, хотя при взгляде на его лицо почему-то думалось, что на вывеске изображен кто-то из его родственников. Оба глаза у него были на месте, но смотрели в разные стороны, гладко выбритое розовое лицо выражало радушие. «Пройдоха», — решил киммериец, доставая мешочек с деньгами. Улыбка хозяина стала еще шире, он просто светился радостью.

— Как тебя зовут? — строго спросил Конан, давая понять, что не собирается платить деньги только за безмерное проявление радости.

— Санлукар, господин.

— Перенеси наши вещи в лучшую комнату, — приказал Конан, — и позаботься о хорошем обеде для двух мужчин, проделавших долгий путь.

Он сел за стол и с наслаждением вытянул ноги, сковавшиеся по обыкновенной лавке. Заметив, что Зубник несколько раз сглотнул слюну, мечтательно сказал:

— Надеюсь, нам подадут бульбарилью. — И пояснил для неискушенного лекаря: — Это знаменитая рыбная похлебка, в нее кладут десять сортов рыбы и секретный корешок бараккьеччо. Он придает блюду неповторимый вкус, а еще говорят, с его помощью можно приворожить. — Заметив мигом погрузневшие глаза Зубника, заинтересовался: — Не хочешь приворожить какую-нибудь местную красавицу?

— Ах, нет, господин, — вся тоска по дому вдруг прорвалась в парне, заблестев слезами на глазах, — меня в Лекарях ждут.

— Да ну? — заинтересовался Конан. — Просто девушка или невеста? Как зовут?

— Ушненька, — тихо ответил Зубник, умолчав о том, что родители давно сговорили их и радуясь интересу господина к его жизни.

Вспомнив несбыточные имена родной деревни своего слуги, киммериец чуть было бестактно не засмеялся, подавившись неуместной шуткой. Тут обсуждение личной жизни Зубника было прервано появлением хозяина. Санлукар успел переодеться в чистый фартук, и теперь он, церемонно выпагивая на кривоватых ногах, балансируя огромным подносом и кувшином, словно исполняя ритуальный танец, подошел к их столу и начал расставлять миски и кружки. К великому удивлению Конана, в глиняной миске оказались тушеные овощи, а на плоской тарелке сиротливо прижались друг к другу два тощих кусочка мяса. Все это пахло аппетитно, но выглядело жалко, ожидали-то другого.

— Что за странное меню в вашей одноглазой харчевне? — невежливо осведомился киммериец, разглядывая принесенную еду. — Где знаменитая бульбарилья? И что это за хилые обрезки? На твой кухне не нашлось хотя бы хорошего куса жирного тунца?

Подвижное лицо хозяина отразило целую гамму чувств.

— Приезжие господа давно не были на побережье... Жизнь у нас теперь не та, что раньше. — Он смотрел на Конана чуть не с жалостью. «Скряга», — добавил к своему мнению о хозяине киммериец. Вытащив из мешочка несколько серебряных монет, он небрежно кинул их на стол и распорядился:

— Вот тебе на трудное время и принеси нам еще столько же. Надеюсь, винные подвалы Мессантии еще не оскудели? — и, удивившись странному замешательству Санлукара, переспросил строже: — Что тебе еще? Бери деньги и выполняй, я голоден и не намерен больше выслушивать твои жалобы.

— Э-э-э, господин, — замямвшись, начал хозяин, — я... э-э-э...

— Ну, что там еще, хватит мямлить! — Конан хорошо знал силу своего сурового взгляда, от которого начинали заикаться выдавшие виды аквилонские вельможи.

— Осмелюсь заметить, — Санлукар перебирал в пухлых ладошках серебряные монеты, — но этого мало за ваш обед.

Нависшая над ним гора мускулов с пронзительным синим взглядом совершенно лишила его речи. Конан стоял, опираясь кулаками на стол, готовый немедленно разнести гостиницу в щепки. Положение спасла выскочившая откуда-то невзрачная женщина с пронзительными воспаленными глазами. Она решительно бросилась к столу и горячо заговорила, невпопад жестикулируя маленькими сухонькими ручками:

— Ваша воля, господин, да ведь врать-то нам негоже, мужа моего и нашу гостиницу все побережье знает, сам герцог Эстепонато у нас изволили откушивать, вы, сразу видно, издалика, и не знаете ничего, — голос ее стал срываться на плач, но она сдержалась и продолжала еще быстрее: — Вот уж чем кого прогневили, не знаю, беда за бедой на наш город сыплется, рыба вся ушла, море гниет, корабли в водорослях вязнут, пятьдесят человек морские блохи покусали, как один, все померли, ох, горюшко, день и ночь Митре молимся, да все бестолку... Вы уж не сердитесь на нас, мы и так себе в убыток

работаем, крестьяне озверели, два золотых за коровью тушу требуют, а мы что? — приезжих кормить надо... Вот и вы недовольны... — От ее скороговорки у Конана звенело в ушах. — А на прошлой неделе и того хуже: герцог, отец наш родной, решил сыночка рыбкой побаловать, награду большую обещал, ох, лишенько, рыбаки далеко в море уходили, кто пустой вернулся, слава Митре, а кто и сгинул, доставили-таки несколько штук, говорят, чуть не к Черному острову ходили... Так и опять нехорошо: сыночек на радостях косточкой подавился, теперь не ест, не пьет, чахнет... Его светлость с горя ни один корабль в море не пускает, уже и бунты начались, а по мне, что туда идти, гиблое стало море, или штормом разобьет, или в гнилье этом завязнешь, а то и змей водяной на дно утянет... — Женщина, наконец, выговорила, и мелкие, как бисеринки, слезы покатались у нее из глаз.

Из всего этого сумбурного монолога Конан вынес главное: корабли в море не выходят. Он давно был наслышан о самодурстве местной знати, но перекрыть такой важный порт, как Мессантия, — на это мог решиться только очень сильный человек с огромной властью. Занятый своими мыслями, киммериец не обратил внимания на реакцию своего слуги. Зубник внимательно выслушал всю сумбурную речь хозяйки, не переставая попутно жевать, а затем, удовлетворенно кивнув, выразительно посмотрел на господина.

— Ты хочешь что-то сказать? — удивился Конан, заметив, наконец, обращенный на него взгляд.

— Нам ведь в море надо? — начал Зубник издалика.

— Надо, — терпеливо согласился король.

— А корабли не ходят.

Конан промолчал, надеясь, что так слуга будет развивать свою мысль быстрее. Зубник поудобней уселся на лавке и неторопливо начал рассуждать, получая, видно, огромное удовольствие от того, что сам король внимательно его слушает. Деревенская основательность давала себя знать:

— Корабли не ходят, потому что герцог... — важно обернувшись к хозяевам, зачарованно слушавшим его, Зубник вопросительно поднял бровь.

— Эстепонато, господин, — послушно отозвался Санлукар, догадавшись, что интересуются именем герцога.

— Его светлость Эстепонато расстроен болезнью сына. Значит...

— Значит? — не выдержал занудливого тона слуги Конан.

— Значит его нужно вылечить! — торжествующе закончил Зубник, шлепнув ложкой по тарелке. Хозяин разочарованно выдохнул и сердито вытер попавшую в глаз овощную кляксу.

— И откуда ты такой умный? Мы здесь сидим и не знаем, как быть, а ты пришел и все объяснил!

— Да я не просто, — растерявшись, проговорил Зубник, — я и сам могу попробовать...

— Ты что, лекарь?

— Вообще-то я по зубам, но горло, наверно, тоже могу...

Хозяин оценивающе рассматривал Зубника. Что и говорить, простодушный паренек не производил впечатления мудрого врачевателя. Санлукар представлял себе лекаря седобородым старцем в синей мантии, вытканной таинственными знаками, и с полным мешком звякающих жутких инструментов. К тому же зубами в Мессантии испокон веков занимались цирюльники, готовые за несколько мелких монет выдрать своими варварскими щипцами хоть всю челюсть. Зубник правильно истолковал его сомнения и попытался говорить более уверенно:

— То есть, я говорю: если что простое, так я везде лечу, а уж зубы — это наше семейное, — чем окончательно сбил с толку Санлукара. Он уж решил было не связываться с ненадежным доктором, чтобы не угодить под гнев герцога, но тут Зубнику пришла в голову, как ему показалось, удачная мысль. Он решил тут же, не сходя с места, продемонстрировать свое искусство.

— Да вы не сомневайтесь, господин хозяин, я правда, могу. Хотите, и вас вылечу? — и, не давая тому открыть

рот, деловито продолжал: — Вы ведь уж третью неделю дурной болезнью маетесь, от жены ночью отказываетесь, верно? — определив по разинутому рту хозяина, что попал в точку, лекарь радостно засмеялся и, повернувшись к Конану, торжествующе закончил: — Ну, вот, а они не верили!

Лицо киммерийца побагровело от с трудом сдерживаемого смеха. То, что происходило сейчас перед ним, сильно смахивало на первый бой неопытного гладиатора. Лицо Санлукара побелело, как снег, рыжие волосы потускнели, он как будто стал меньше ростом и даже уютный круглый животик словно опал. Страх выдал его с головой. Маленькими шажками отступая от стола, он судорожно пытался прикрыть руками то голову, то пораженный дурной болезнью орган. Действия хозяйки выдавали большой опыт ведения боевых действий. В одно мгновение в ее руках оказалась увесистая кочерга, и теперь, отрезая Санлукару путь к выходу, она медленно заходила справа. Сидевшие у стены матросы, оторвавшись от своих кружек, с интересом наблюдали за происходящим. В этот момент нервы хозяина не выдержали, и, издав прощальный визг зарезанной свиньи, он кинулся к двери, ведущей в кухню. Грохот падающей посуды и вопли несчастного слились с оглушительным хохотом, потрясшим гостиницу. Смеялись все, кроме Зубника. Он растерянно переводил взгляд с Конана на веселящихся матросов, обескураженный такой неожиданной реакцией на его врачебные познания.

— Так... ты... и это... можешь? — задыхаясь от смеха, с трудом выговорил киммериец.

Зубник внезапно обиделся. На службе в королевском дворце он беспрекословно выполнял любые приказы старшего ловчего, не гнушаясь самой тяжелой работой, но к своему настоящему призванию относился очень трепетно. У себя в деревне, несмотря на бедность, он был уважаемым человеком. Громовой хохот он принял на свой счет и оскорбился не на шутку.

— Я вам не шут! — перекрывая шум, звонко сказал он. — Я людей лечу! — После чего, натужно краснея,

неуклюже вылез из-за стола и с гордо поднятой головой пошел к выходу.

— Постой! — Конан даже не успел подумать, что королю негоже бегать за подданным, он просто видел, что парень здорово обиделся. За свою долгую и бурную жизнь киммериец научился ценить людей и, даже достигнув вершины власти, не стал, к счастью, высокомерным снобом. Догнав Зубника у двери, он дружески хлопнул его по плечу: — Ты зря рассердился, никто и не думал над тобой смеяться, мы потешаемся над этим рыжим пройдохой Санлукарсом. Не уходи, боюсь, твоя помощь ему очень скоро понадобится. — Конан кивнул головой в сторону кухни, откуда доносились звуки ударов и жалобные вопли.

В дверях появилась раскрасневшаяся хозяйка. Она поправила фартук, пригладила растрепавшиеся волосы и почтительно подошла к Зубнику.

— Простите, любезный господин, — голос ее еще немного срывался, — Вы и правда ему поможете? Ну, от этого... — Румянец еще сильнее запылал у нее на щеках. — Вот ведь, паразит? И когда только успел?

Лекарь, важно расправив плечи, солидно кивнул.

— Ох, да вы и не покушали толком, — спохватилась женщина. — Садитесь, садитесь. Альехо! Супрас! — перед ней тотчас же появились двое симпатичных чумазых мальчишек. — Принеси господам вина из дальней бочки, — обратилась она к одному. — Да кран потом закрой хорошенько! А ты — беги ко дворцу герцога Эстепонато, скажи: в гостинице «Приют одноглазого» лекарь остановился, хочет сыночка ихнего осмотреть. Только сейчас он занят, вечером прибудет. Запомнил?

Заново накрытый стол приятно отличался от предыдущего. Прекрасное вино, знатные куски мяса и даже огромное блюдо с фруктами, хозяйка лично прислуживала господам путешественникам, не сводя с Зубника взгляда, полного надежды.

После обеда Конан отправился в отведенную им комнату, оставив лекаря разбираться с семейными проблемами «Одноглазого Приюта».

Высокие стены замка не казались мрачными или тяжелыми, искусно выложенные из белого камня, они радовали глаз, а огромные ворота, казалось, для того и были поставлены, чтобы постоянно гостеприимно распахиваться. Нельзя сказать, что Зубнику с Конаном был оказан слишком теплый прием, видно, далеко не первый лекарь переступал порог замка в надежде вылечить сына герцога. Киммериец долго колебался, идти ли ему со слугой: он не хотел ввязываться в это дело, и не потому, что не верил в успех, просто при дворе Эстепонато могли быть люди, знающие короля Аквилонии в лицо. Меньше всего сейчас ему хотелось официальных церемоний, Конану нужен был только корабль и разрешение на выход из порта. Но и оставить Зубника один на один с грозным герцогом он тоже не мог, поэтому через высокие резные ворота киммериец прошел вместе со слугой, надеясь как можно дольше сохранять инкогнито.

Мессантия, стоявшая на перекрестке морских путей, в дельте одной из самых крупных рек материка, каждый день пропускала через себя сотни путешественников и, как бойкая торговка, стоящая в центре рыночной площади, знала все про всех. Здесь всегда можно было узнать новости, — пусть и не самые свежие, — из любого конца света.

Богатые вельможи портовых городов никогда не отличались изысканным вкусом. У проезжавших торговцев покупалось все самое яркое, новое и необычное, смешение стилей и традиций разных стран создавало ту неповторимую атмосферу богатых приморских дворцов, которая всегда напоминала Конану нечто среднее между лавкой старьевщика и шатром фокусника. Герцог Эстепонато, судя по всему, не был исключением. Даже в передних покоях, где было приказано ожидать, все кричало о богатстве и размахе хозяина дворца. Скромная одежда в сочетании с окружающей роскошью пробудили в киммерийце давнишние воспоминания о воровской юности,

когда такой дворец, наверняка, не остался бы без внимания лучшего вора Шадизара.

Дверь отворилась, и бесстрастный слуга в темном проводил их в зал. Герцог Эстепонато, немолодой мужчина с умным печальным лицом, выдающим сильный характер, не вставая, указал на низкие табуреты, обтянутые малиновой тканью, стоявшие чуть сбоку от его кресла.

— Мне передали, что один из вас — лекарь, — на удивление неприятным голосом прокрипел он. Конана покорило такое обращение, равно как и ковер на полу, при взгляде на дикий зелено-желтый узор которого у киммерийца свело челюсти.

— Это я, — смело ответил Зубник. Эстепонато недоверчиво оглядел его, видимо борясь с искушением сразу выгнать необычных посетителей. Его светлости не нравилась эта странная парочка: мрачный синеглазый гигант, нагло рассматривающий ковры на стенах, и глуповатого вида вихрастый парень, называющий себя лекарем.

— Ты можешь вылечить моего сына? — Парень оказался настоящей деревенщиной. Он всплеснул руками и, безо всякого почтения уставился на герцога с нескрываемым удивлением:

— Да как же я скажу, если я его и не видел?

Герцог тут же разозлился и на себя за глупый вопрос, и на неприхотливую реакцию лекаря. Он резко встал и раздраженно бросил:

— Идемте. Оружия, надеюсь, с вами нет?

Два рослых стражника последовали за ними. Пройдя через несколько светлых комнат, они вышли во внутренний дворик. В круглом бассейне задумчиво плавала морская черепаха, стая ярких птиц, рассевшись на деревьях, громко обсуждала свои пернатые дела. Конан с Зубником шли рядом, лишь ступив на узкую дорожку, выложенную бирюзовой плиткой и огибающую бассейн, киммериец на мгновение замешкался, пропустил слугу вперед и посмотрел в бассейн.

Черепаха, высунув из воды свою тупорылую кожистую голову, подмигнула ему одним глазом.

Никто больше этого не заметил, а Конан долго еще ломал себе голову, пытаясь объяснить это явление то ли повадками странного морского животного, то ли новой ехидной шуткой Демона Од'О.

На огромной кровати, завешенной легким пологом, полулежал мальчик. Его, скорей, можно было назвать некрасивым: бледный, с синими кругами под глазами и большим капризным ртом, он смотрел прямо перед собой, по-стариковски перебирая худыми руками складки ткани. Длинные темные волосы сбились набок, открывая маленькое детское ухо. Горло закрывал несвежий шелковый платок. Заметно было, что мальчик недавно плакал. В углу комнаты сидели две молодые женщины в черных платьях.

— Баджо... — тихо позвал герцог. Конана поразило, как изменился враждебный голос Эстепонато, сколько появилось в нем страдания и любви.

Ребенок поднял глаза на вошедших. Ничто не отразилось в этих бездонных, полных боли озерах.

— Я привел лекаря, — повернувшись к Зубнику, герцог нетерпеливо дернул плечами. Киммериец с любопытством наблюдал за действиями слуги. Совершенно другой человек сейчас стоял перед больным ребенком. Откуда-то взялась гордая осанка, уверенность в движениях. Отодвинув полог, Зубник присел на край кровати и внимательно посмотрел на Баджо. Мальчик скривился, беззвучные слезы покатались по его лицу. Лекарь придвинулся ближе и начал что-то тихо приговаривать, его ловкие руки вытерли слезы, откинули покрывало с ног, сняли платок, быстро прошлись по горлу. После недолгого молчания Зубник повернулся к герцогу и требовательно сказал:

— Мне нужен кусок свежесдобитого хлеба, мускус и много молока.

Завороженный его решительными действиями, Эстепонато сделал неуловимый знак одной из сидящих женщин. Она быстро вышла. Лекарь продолжал что-то тихо говорить, обращаясь к Баджо. К тому времени, когда появился поднос с хлебом, мальчик уже не сводил с Зубника глаз. Дальнейшее происходило быстро: отломив

кусоч мякиша, лекарь немного пожевал его, вынул изо рта, помял в руках, скатав небольшой шарик, и положил его в рот ребенка. Конан хорошо видел, как исказилось от боли лицо мальчика.

— Глотай! — громко приказал Зубник. В тот момент, когда, вытянув худую шейку, Баджо с усилием почти проглотил хлебный шарик, лекарь неожиданно сунул ему под нос коробочку с мускусом. От неожиданности Баджо задохнулся, лицо его посинело, и тут, сильным рывком схватив ребенка за ноги и перевернув вниз головой, Зубник несколько раз сильно его потрянул. Тот изогнулся, закашлялся, хлеб вылетел изо рта. Лекарь тут же перехватил мальчика под спину и уложил в постель. Все замерли. На глазах Баджо еще блестели слезы, но по лицу уже расплывалась счастливая улыбка. Зубник наклонился и поднял с пола мякиш с торчавшей из него огромной рыбной костью. Казалось удивительным, как такой величины кость могла поместиться в детском горле и не проткнуть его насквозь.

— Заговоренная, — уверенно сказал лекарь, протягивая виновницу страданий сына отцу. — Теперь ему еще дватри дня нельзя говорить, а пить давайте только теплое молоко и побольше.

Всем сразу показалось, что в комнате стало светлее. Герцог подбежал к кровати и, упав перед ней на колени, плача, обнял сына. Зубник же, выполнив свой врачебный долг, моментально превратился в прежнего деревенского нескладеху, и, страшно засмущавшись, спрятался за спину Конана. Киммериец тоже почувствовал некоторую неловкость при виде трогательной сцены отцовского счастья и собственной непричастности к этому. Затем он решил, что король полностью разделяет как поражения, так и победы своих подданных, и стал спокойно наблюдать за бурными проявлениями радости герцога и набежавших слуг.

Внезапно мысли его приняли иной оборот. Конан успел рассмотреть Эстепонато и пришел к выводу, что даже если не обращать внимания на следы бурной жизни, отчетливо читавшиеся на лице его светлости, герцог явно его старше.

Маленькому Баджо было, от силы, пять лет. «Для такого немолодого человека сын, наверняка, самое большое сокровище», — подумал киммериец и сердце его почему-то сжалось. Каким же беспомощным должен был чувствовать себя герцог, чье могущество и богатство оказались бесильны перед болезнью ребенка!

Тем временем взрослые, толпившиеся вокруг кровати Баджо, наконец-то сообразили, что, несмотря на счастливое избавление, ребенку все-таки нужен покой. Герцог подошел к Конану с Зубником. Руки его дрожали.

— Не считите меня невежливым, господа, но сейчас у меня пока не хватает слов, чтобы хоть немного выразить вам свою благодарность. Надеюсь, вы не откажетесь погостить в моем дворце, чтобы убедиться, что ваши необыкновенные таланты оценены в полной мере? — неизвестно, за кого он принимал Конана — за господина Зубника или за старшего лекаря, но обращался к ним обоим. Киммериец сдержанно кивнул, он сильно сомневался, что до слуги дошел полный смысл витиеватой фразы Эстепонато. Гостить они, конечно, не собирались, но и просить разрешение на выход из порта сию минуту было, прямо скажем, не очень вежливо.

Стройная девушка в дорогом темном платье пригласила их следовать за ней. Во время долгого пути по галереям и анфиладам дворца Конан не устал удивляться богатству и роскоши, что касается Зубника, то, несмотря на службу при дворе в Тарантии, не самой бедной столице мира, он был совершенно подавлен блеском золота, тускло посвечивающего из каждого угла, и обилием дорогих драпировок. Под конец Конан настолько устал от вычурности и помпезности, что с раздражением подумал, сколько же пыли накапливается во всех этих декорациях.

Навстречу им все время попадались суемящиеся придворные, некоторые уже успели сменить траурные одежды на веселые яркие наряды, откуда-то слышалась музыка. Сопровождавшая девушка, играя ямочками на щеках и пряча улыбку, почтительно открыла перед киммерийцем

и лекарем одну из дверей и, препоручив заботу о почетных гостях пожилому слуге, радостно упорхнула, спеша, видно, скорей переодеться и принять участие в общем веселье.

Зубник робко присел на краешек дивана, легкомысленный вид и размеры которого наводили на самые фривольные мысли. Парню было, явно, не по себе находиться в одних покоях со своим королем.

— Ты молодец, — великодушно похвалил его Конан. — Вижу, Гардевир не зря посоветовал взять тебя с собой.

Слуга польщенно улыбнулся, но в глубине души, наверняка, помянул недобрым словом главного виновника своих приключений. Немного помолчав, он решился и задал давно мучивший его вопрос:

— Простите, господин, я хотел бы спросить... А куда мы поплывем? — Весь страх деревенского парня перед неведомым и огромным морем прозвучал в этом вопросе.

— Куда глаза глядят, — честно ответил Конан и тут же пожалел о своей откровенности. Губы у парня задрожали, киммериец испугался, что тот разрыдается. Тогда, чтобы немного исправить положение, он быстро и зло проговорил:

— Я ищу своего обидчика, ты и сам давно уже понял, что это не человек. Это Демон океана Од'О, папаша, кстати, твоей волшебницы, что на вашем холме жила и людям жизнь портила, помнишь, ты мне сам рассказывал? У меня к нему накопилось много вопросов и он мне ответит на все, — заметив мутнеющий взгляд Зубника, Конан уверенно добавил: — Ты не бойся, дальше я один пойду, ты здесь ни при чем.

Он сам удивился этому своему обещанию, но внутри уже окрепла уверенность в том, что слуга ему больше не понадобится. Что-то подсказывало киммерийцу, что главное свидание уже близко, и теперь нужно рассчитывать только на себя. Нет слов, наделенный необычными способностями Зубник помог Конану в его путешествии, он привык к этому бесхитроустному доброму парню, который создавал рядом ощущение тепла, хоть и не стал ему

другом. Но с демонами Конан привык встречаться: один — на один.

У Зубника запылали уши, когда он увидел, что сам король Аквилонии, подойдя к нему, протягивает руку. Их крепкое рукопожатие было прервано деликатным поклонением у двери.

— Пока накрывают праздничный ужин, его светлость хотел бы предложить вам свой бассейн, напитки и легкие закуски, — сладким голосом произнес вошедший слуга.

Благодарный Эстепонато позаботился и об одежде для дорогих гостей, поэтому поздним вечером Конан и Зубник появились в парадном зале посвежевшие, повеселевшие и переодетые в легкие светлые костюмы. Конан, которому после долгих препирательств все же позволили оставить на поясе кинжал, все еще немного хмурился, чувствуя себя почти голым в легчайших тканях. Несколько раз он было порывался сообщить хлопочущим вокруг слугам, проявляющим, кроме почтения к великим лекарям, еще и массу фамильярностей, кто он, собственно, такой, и прекратить эти дружеские похлопывания, шутки и игривые прикосновения молоденьких служанок. Зубник, наоборот, купался в успехе, как кот в сливках, с трудом успевая пробовать напитки и сласти, вертеть головой и улыбаться девушкам.

Сомнения Конана разрешились довольно быстро. Усадив их обоих на почетные места, герцог Эстепонато поднялся с чашей в руках.

— Я, как правитель Аргоса, а сейчас, в большей мере, как счастливый отец, благодарю судьбу, которая привела в наш город короля дружественной Аквилонии вместе с его удивительным лекарем. Прошу стоя поприветствовать короля Конана и спасителя моего сына... — Его светлость на мгновение смутился, сообразив, что так и не узнал имени благодетеля.

— Его зовут Зубник, — тихо подсказал киммериец, тоже поднимаясь и обводя взглядом восторженные лица. Тут словно дуновение сквозняка коснулось его щеки: он узнал ощущение, это был чей-то напряженный взгляд.

Так смотрела ему в спину незнакомая девушка, в той самой харчевне в Саусалье, где Конан встретил Кастеджо.

— За великого лекаря Зубника! — громко провозгласил Эстепонато, поднимая свою чашу. Праздник начался.

Немного позже, поискав глазами, киммериец среди разноцветного вороха гостей, заполнивших зал, нашел-таки ту, что без улыбки неотрывно смотрела на него. Теперь она была великолепно одета, затейливую прическу украшали драгоценные камни, складки прозрачного платья успешно не скрывали изящных линий тела. Для пятидесятилетнего Конана все выражения, мелькающие на женских лицах, были давно уже пройденным букварем. Но эти глаза не говорили ничего. Действительно, больше всего они напоминали пропасть с клубящимся на дне туманом, мешающим сказать, где дно. Все больше мрачней, киммериец пытался убедить себя, что его совершенно не занимает эта странная девушка, беззастенчиво и неотрывно глядящая на него. Будь в ее взгляде хоть капля желания или призыва, он, отвернувшись, немедленно забыл бы о ней, но его задевало ощущение странной неженской силы, таившейся в нем. Чуткий Зубник заметил перемену в настроении короля и, немного расслабленный обхождением и вином, спросил напрямик:

— Вы кого-то увидели, господин?

Решив проверить свои ощущения, Конан тихо ответил, глядя перед собой:

— За столом у окна, лицом к нам, сидит девушка, посмотри, в голубом платье, высокая прическа, светлые глаза. Что ты о ней скажешь?

Зубник, не особо церемонясь, привстал и, вытянув шею, долго смотрел в указанном направлении. Наконец, сел и разочарованно сказал:

— Простите, господин, может, для вашего возраста это и девушки, но, по-моему, старые коровы. — Увидев бешеный взгляд Конана, он живо добавил:

— А в синем там вообще никого нет!

— Да ты куда смотрел, деревня? — начиная закипать, спросил киммериец.

— Куда сказали, во-он, у окна стол. Два мужика там сидят, рожи красные, потом женщина толстая с бородавкой на носу, опять мужик, старуха в драгоценностях, аж к земле ее клонит, сколько повесила... — Зубник честно перечислял всех, кого видел. Никого похожего на ту, которая леденила Конана взглядом, он не назвал. «Снова мираж?» — подумал киммериец, открывая для себя еще одну необычную способность Зубника. Вернее, его НЕспособность видеть миражи.

В конце концов ему надоела эта странная игра взглядов, и он решительно поднялся, чтобы подойти к девушке. Конан не знал, можно ли схватить мираж за руку, но ситуация должна была разрешиться: либо наваждение исчезнет, либо он вытрясет из этой холодной красотки, кто она и откуда. Увы, с высоты своего огромного роста киммериец хорошо разглядел и старуху в драгоценностях, и краснолицых мужчин, и всех женщин за столом, отметив про себя, что эпитет Зубника насчет коров довольно близок к истине, но... Девушка в голубом бесследно исчезла.

Эстепонато выжидающе смотрел на Конана, и тот сообразил, что стоит почти во главе стола. Пришлось срочно произносить тост за дружбу народов Аквилонии и Аргоса.

После, уже во время непринужденной беседы, Конану удалось, наконец, изложить герцогу свою просьбу.

— О чем речь, многоуважаемый Конан! — Эстепонато изобразил на лице самую доброжелательную улыбку. Он чувствовал некоторую неловкость и легкое раздражение. Несмотря на счастливое избавление сына, его все еще немного удивляло столь необычное появление во дворце могущественного короля Аквилонии: без свиты, в простом платье, в сопровождении лишь молодого лекаря. Герцога грызло любопытство, но он скорей откусил бы себе язык, чем позволил о чем-либо расспрашивать высокого гостя. Про себя он решил, что лучше вызовет Конана на разговор и, может быть, сможет вывести причину этого неожиданного визита.

— Я немедленно отменю свой приказ, и вы сможете выйти в море так быстро, как только захотите. Однако, — герцог озабоченно-многозначительно посмотрел на киммерийца, — не сочтите мои слова вмешательством в ваши королевские планы, но я с трудом представляю себе человека, который по собственной воле отважится выйти из порта. — Теперь лицо его светлости выражало скорбь. «Из него мог бы получиться великолепный актер», — мельком подумал Конан и внимательно прислушался.

— Мне шестьдесят два года, — издалека начал Эстепонато, — и за всю свою жизнь я не удалялся в глубь континента больше, чем на день пути. Я знаю море лучше себя. То есть, — поправился он, — я думал, что знаю. Что происходит сейчас — загадка из загадок! Вы, наверняка, обратили внимание на ужасный запах... — Конан согласно кивнул. — Нет слов, в жаркие годы бывало, море начинало цвести, однажды, лет, кажется, тридцать назад, сильнейший шторм забил всю бухту гниющими ядовитыми водорослями... Но все это были, так сказать, дела житейские... — Герцог вдруг отвлекся, жеманно разулыбавшись кому-то, в сторону и Конан окончательно сделал для себя вывод, что Эстепонато ему не нравится. — Извините, приехала сестра моей покойной жены. О чем я? Да! То, что происходит с морем сейчас, — это просто ужасно! Впечатление, будто океан разом выплюнул все то, что мы выливали и выбрасывали в него сотни лет! Даже в нескольких милях от берега вода напоминает, простите, отхожее место! Я скажу больше: если вы знаете моряков, — киммериец свысока посмотрел на собеседника: соображает тот вообще, с кем говорит! — это бесстрашные люди! Так вот, у меня полный город этих бесстрашных людей, которые опустошают винные подвалы, каждый день устраивают несколько десятков драк на улицах и в трактирах, на суше они сходят с ума, но в море не выходят. И причиной тому не только мой запрет. — Герцог монизил голос и, сделав страшные глаза, сказал:

— Они боятся!

С утра, оставив разомлевшего Зубника валяться в постели, киммериец отправился в порт. Нет нужды объяснять, что ночевали они в разных комнатах. Еще во время пира, рассыпавшись в извинениях, герцог сообщил, что для Конана отведены королевские покои рядом с опочивальней его светлости. Киммериец милостиво принял извинения, но сдержанно отреагировал на предложение Эстепонато отрядить его собственный корабль для нужд короля Аквилонии. Весь вечер киммериец упорно уходил от наводящих вопросов его светлости о цели морского путешествия, поэтому, не дождавшись окончания праздника, но отсидев положенное по этикету время, Конан отправился спать, имея при себе разрешение герцога Эстепонато на выход из порта Мессантии на любом поправившемся ему корабле, и полными ушами всяческой светской чепухи. Похоже, его светлость не утратил детской любви к страшным историям, потому что большую часть вечера, перебивая сам себя дворцовыми сплетнями, он потчевал киммерийца леденящими кровь историями из жизни моря.

Конан медленно шел по набережной, придирчиво рассматривая корабли. Он снова переделался в ставшую уже привычной простую одежду, с презрением оставив на полу в спальне ворох подаренного разноцветного тряпья. Вокруг было тихо, видно, даже птицам свойственно чувство брезгливости, он и сам с трудом дышал ртом. За исключением нескольких древних развалюх, навечно притулившихся к причалу, суда были хорошие, на любом можно было смело выходить. Киммериец решил пойти другим путем. Если даже небольшая толика из рассказанного вчера герцогом — правда, Конану нужно искать не корабль, а капитана, верней, того смельчака, который решится идти в море, да еще и неизвестно куда.

В первом же кабаке, куда он зашел, после кувшина дрянного вина в компании синеватых от пьянства матросов, ему в один голос посоветовали искать Бо Деревяшку.

— Этот поведет свою посудину хоть в глотку к дьяволу! — таким было единодушное мнение кабака.

Найти этого легендарного человека оказалось проблемой, потому что из каждого трактира он либо только вышел, либо еще не дошел. А в двух местах Конану доходчиво объяснили, что собираются сделать с Деревяшкой, если он вздумает туда заявиться.

Проходя кривой улочкой в очередную харчевню, одуревший от жары, вони и плохого вина Конан споткнулся и чуть не упал через лежащего на земле человека. Вначале ему показалось, что здоровенный детина просто пьян, но, обойдя лежащего, киммериец заметил наблюдающий за ним хитрый глаз.

— Ну, что встал? Проходи! — недовольно буркнул человек, судя по одежде, тоже моряк, отползая в сторону. — Всю охоту испортил!

— Кром! Какая тебе охота, пьяная морда? — После длительного похода по кабакам Мессантии Конан настолько проникся портовым духом, что сейчас король в нем уже почти уступил место бывалому морскому волку.

— Сам ты — пьяная морда! — охотно вступил в разговор человек, продолжая лежать. — Идет, под ноги не смотрит!

У Конана знакомо зачесались кулаки. Он слегка наклонился, чтобы рывком поднять и тут же сильным ударом снова уронить наглеца. Но детина оказался ловок и сообразителен. Легко вскочив, он увернулся от руки киммерийца и занял боевую стойку.

— Не поохотился, так хоть подерусь, — добродушно сказал он, сжимая огромные волосатые кулаки. — Для Бо Деревяшки всегда найдется дело по душе.

Конан отступил на шаг назад. В глазах моряка мелькнуло изумление.

— Ты чего? — искренне удивился он. — Давай, бей.

— Это успеется, — киммериец вовсе не хотел начинать знакомство таким способом. — Так ты и есть знаменитый Бо Деревяшка? Как раз тебя-то мне и нужно.

— Ну, во-от, — разочарованно протянул моряк, — ты мне все настроение испортил. И собаку спугнул, и драться не хочешь.

— Зачем тебе собака? — удивился Конан.

— Как — зачем? Рагу сделаем.

К вечеру бирема «Праведный путь» была готова к отплытию. Капитан, придирчиво осматривая всех собравшихся матросов, зычным голосом отдавал команды и был совсем не похож на того любителя собачьего рагу, с которым Конан познакомился днем. Впрочем, и собравшаяся на судне разношерстная команда, хоть и выполняла все приказы капитана быстро и слаженно, но никаким боком не наводила на мысли о праведном пути.

Бо Деревяшка был из той породы людей, которым достаточно знать, что предстоит делать и сколько это будет стоить. Он не мучил себя вопросами, зачем и куда пойдет корабль, его вполне убедил мужественный и серьезный вид Конана и увесистый мешочек золотых монет. К тому же синеглазый незнакомец предъявил приказ самого герцога, что и вовсе исключало какие-либо вопросы. Во время разговора в харчевне, куда Конан с Бо зашли после необычного знакомства, быстро выяснилось, что в морском деле они понимают друг друга с полуслова, после чего капитан окончательно успокоился, поняв, что путешествие его пассажира — не прихоть заевшегося вельможи, и этот мрачноватый не очень молодой человек знает, что делает, выходя в гниющее море, полное опасностей.

Стоявшие на пристани немногочисленные зеваки кто с удивлением, кто со страхом наблюдали, как «Праведный путь», тяжело придираясь сквозь грязь и водоросли, двинулся к выходу из бухты.

Зубкина мutilo. Он глядел на уходящий корабль, с трудом выдерживая тяжелый запах, и не знал, радоваться ему или грустить. Король сдержал свое обещание и ушел в море один. На прощание слуга получил мешочек с деньгами.

— Этого тебе хватит на обратную дорогу и на хороший подарок для твоей... Глазоньки? Носочки? Кром, никак не привыкну к вашим именам!

— Ушиньке, — тихо ответил Зубник, проглотив комок в горле.

— Ну да. В общем, прощай. — Конан заметил заблевшие от подступивших слез глаза слуги и, хлопнув его по плечу, быстро ушел. Еще не хватало, чтобы подданный рыдал на груди короля!

Настроение было тревожное, но приподнятое, как перед предстоящим вскоре боем. Конан с нетерпением ждал того момента, когда, наконец, проклятый демон сойдется с ним один на один. Ему надоела и долгая дорога непонятно куда, и загадки на каждом шагу, киммериец предпочитал честный бой, когда противник весь перед тобой, а не таится по углам, подсовывая дешевые игрушки в виде миражей и творя гадости ни в чем не повинным людям.

Герцог оказался прав, даже через три дня пути море ничуть не изменилось, по-прежнему, напоминая ведро с помоями. Команда легко приняла необычного пассажира, сразу оценив и его силу, и простоту в обращении, и знания. Вечером второго дня Конан выиграл двадцать монет у Коротышки Пулькано, чем вызвал буйный восторг матросов.

Утром, на третьи сутки плавания киммериец с капитаном стояли на фордеке и, как старые друзья, обсуждали достоинства и недостатки «Праведного пути». Несведущий человек, не зная, что разговор идет о корабле с таким необычным названием, мог бы сильно подивиться словам и выражениям, которые употребляли собеседники.

— Тяжеловат, тяжеловат, — соглашался Бо Деревяшка. — Сейчас уже появились и полегче, но я с ним уже сроднился, не могу оставить.

— Я смотрю, и люди неплохие...

— Головорезы отчаянные! Но работу знают, да и выпить-погулять не дураки, а я что — против? Я и сам могу, одна беда: как выпью, все драться тянет, и с тобой вот тоже, — капитан сразу признал Конана за своего, но в этом-то и состояло великое умение бывалого морского

волка: не церемонясь особенно с людьми, высказывать, тем не менее, свое уважение.

Бирема шла строго на запад. По расчетам капитана, скоро справа по борту должны были показаться Барахские острова, издавна имевшие дурную славу, как логово пиратов. Конан не раз бывал в этих местах и знал, что, будучи помянуты, пираты, как шkodливые демоны, тут же появляются на горизонте. Не то чтобы он сильно верил в приметы, об этом, скорей, говорил богатый жизненный опыт.

Киммериец сидел в своей каюте на корме, рассеянно разглядывая взятую у капитана карту. Куда дальше? При мысли, что зловредный демон мог просто пошутить, заманив его в океан, киммерийца начинало трясти от злости. Задумавшись, он не сразу услышал крики на палубе. И только когда грохот раздался за дверью каюты, Конан сообразил, что что-то неладно.

Справа, наперерез их галере шел галеон. Никаких сомнений не возникало относительно его намерений. Удивляясь, почему пиратов заметили так поздно, капитан понимал, что тяжелый «Праведный путь» не успеет сманеврировать, и готовился к бою.

— Откуда он выскочил, этот разбойник, — бормотал себе под нос Бо Деревяшка, раздавая оружие матросам. — Я думал, они уже все перемерли на своих островах от голода и скуки, кто же сейчас ходит по морю? И какой шустрый! Как будто только нас и ждал!

Пираты подошли уже совсем близко. Капитан, понимая, что сейчас галеон начнет ломать им весла, приказал убрать их внутрь. Бирема медленно останавливалась. Хорошо можно было разглядеть зверские рожи, выстроившиеся у борта, среди них выделялся дочерна загорелый верзила, явно главарь. Он напряженно всматривался и вдруг заорал, указывая пальцем на галеру:

— Проклятье! Да это же Бо Деревяшка! Я так и думал, что только ты, сухой сучок, можешь болтаться в этой помойной яме!

Судя по искажившемуся лицу капитана, он тоже узнал главаря разбойников. Глаза его загорелись мрачным огнем, рука, сжимавшая меч, побелела.

— Убийца-Сансельмо! — воскликнул он. Конан заметил, как попятились некоторые матросы, услышав это имя. — Я думал, ты давно кормишь рыб, да, видно, ни одна морская тварь не сможет переварить такого мерзавца, как ты!

— Узнал, узнал! — довольно проорал пират. — Как это удачно, что мы встретились! Не поверишь, но у меня к тебе дело!

— Какое дело может быть у негодя к мирному капитану?!

— Да ты не бойся, твое корыто меня не интересует, пусть твои молодцы уберут свои страшные кухонные ножи, — Сансельмо, явно, глумился.

— Ну так и проваливай!

Стоя на бэке, Конан своим острым зрением видел даже гнилые зубы во рту главаря. Больше всего ему не понравились несколько лучников, стоявших у бортов пиратского галеона. Их стрелы были обмотаны промасленными тряпками. Киммериецу приходилось неоднократно наблюдать, с какой ошеломляющей скоростью сгорали корабли, подожженные с помощью этих стрел.

— Я и сам бы не стал задерживаться, давай поладим побыстрее, и вали обратно на берег, в любимый кабак!

— Не мне с тобой ладить! — теряя терпение, прокричал Бо.

— Придется, придется, иначе морские твари сегодня пообедают тобой! — Главарь что-то тихо сказал стоящему рядом пирату, тот моментально исчез. — Повторяю, ты мне не нужен, да и груза у тебя никакого. Пассажир твой меня интересует! Важную особу везешь? Так ты отдай его мне, у меня и судно побыстрее, и обхождение получше, ты, небось, и не знаешь, как с королями обращаться?

— Ты спятил, Убийца, голову, что ли, напекло? Или взбесился, как собака? Тебе у меня нечем поживиться, а пассажиры нужны, так иди в Мессантию, богатых дамочек вдоль берега катать!

Конан подошел к капитану и положил ему руку на плечо.

— Кажется, это уже мои дела. — Бо Деревяшка резко обернулся, в недоумении уставившись на него. — Я, действительно, король Аквилонии, хотя откуда это известно пиратам, ума не приложу. — Капитан выпучил глаза и только крикнул.

Времени на удивление и рассуждения уже не было. Повернувшись к пиратам, он даже не крикнул, а просто зарычал:

— Вот что, собака, ты меня знаешь, тебе со мной не договориться, можешь захлебнуться своей бешеной слюной, но с «Праведного пути» ты не получишь и обломка старого весла! Проваливай!

Сансельмо, кажется, надоели эти переговоры, к тому же, заметив подошедшего к капитану Конана, он догадался, что это и есть та самая важная особа, которая его интересует. Глаза его полыхнули темным огнем, и он дал знак лучникам. Те выступили вперед. Киммериец услышал, как Бо тихо выругался. У Конана не было времени объяснять ему все свои проблемы, он понимал, кто стоит за главарем. Сейчас его больше беспокоила судьба корабля. Зная буйный и злобный нрав пиратов, он был уверен, что, даже получив пленного, просто так «Праведный путь» они не отпустят. Крепко сжав руку капитана, он быстро заговорил:

— Слушай меня, Деревяшка, я иду к ним. Видно, и сегодня тебе не удастся подрасться, надеюсь, ты будешь на меня не в обиде. Эти шакалы сейчас получают небольшую потасовку, у тебя будет время. Уводи корабль.

Столько решимости было в голосе стоявшего перед капитаном человека, так страшно полыхали его удивительные синие глаза, что Бо оставалось только сжать его руку в ответ.

Убийца-Сансельмо с кривой торжествующей усмешкой наблюдал за тихими переговорами капитана с пассажиром. Он был уверен, что выиграл. Сейчас он получит свою добычу, а потом и денежки, неплохие, надо сказать, за

одного человека, хоть и короля. Напрочь лишенный принципов, главарь пиратов всегда с удовольствием имел дело с благородными. Недоступные ему понятия о чести заставляли сильных и мужественных людей совершать абсолютно детские, с его точки зрения, поступки. Сансельмо доставляло огромное удовольствие наблюдать эти маленькие забавные спектакли, когда взрослые мужчины, вместо того чтобы грызться и спихивать друг друга за борт, церемонно спорили за право с достоинством умереть первым. Он хорошо видел прощальное рукопожатие капитана и мускулистого красавца-короля и только сплюнул на палубу.

— Я иду, — крикнул Конан пиратам, подходя к борту. На поясе его висел устрашающего вида меч, но, опьяненный легкой победой Сансельмо легкомысленно решил, что даже такого гиганта маловато на целую банду крепких парней.

Киммериец не спешил. Его острый взгляд оценивал обстановку. Он слышал, как за спиной уже тихо отдает команды Бо Деревяшка. С облегчением заметив, что любопытные пираты сгрудились у борта, он отметил себе центр нападения среди лучников и приготовился ловить брошенный канат.

Ошарашенному Сансельмо показалось, что огромная темная птица взлетела на палубу, таким стремительным был бросок Конана. С размаху повалив нескольких пиратов, киммериец обнажил меч и занял позицию спиной к мачте. Не давая разбойникам ни мгновения передышки, чувствуя, как мускулы горят в предвкушении боя, он с наслаждением опустил меч на башку ближайшего человека. Раздался характерный хрустяще-хлопающий звук и, не успев даже поднести руки к располовиненной голове, тот упал под ноги шарахнувшихся товарищей. Следующими были несколько лучников. Согнувшись от страшного удара в живот, один из них здорово помог Конану, опрокинув ведро с маслом, тем самым лишив остальных возможности быстро передвигаться по скользкой палубе.

— Окружай его, окружай! — вопил опомнившийся Сансельмо, зверея при виде окровавленных матросов, падающих под ударами его законной добычи. — Живо, несите сеть! Взять живым, шакалье отродье!

Конан прекрасно понимал, что не выстоит один против целой команды разбойников, привыкших, отнюдь, не выращивать цветы на берегу. Несколько человек стали обходить его справа. Коротко свистнул меч, и один из них резко согнулся, чтобы больше уже никогда не разгибаться. Усталости не было, но нападавших было слишком много. Ошалевшие при виде окровавленных трупов, пираты, несмотря на крики капитана, теснили Конана к борту, уже не думая о том, чтобы взять этого вооруженного гиганта живым. Еще двоих успел он уложить страшными ударами, когда услышал свист. Неловко брошенная сеть не задела его, но попала на меч. Короткой заминки, во время которой киммериец высвобождал оружие, оказалось достаточно, чтобы юркий малый, подобравшийся к нему, бросился в ноги. Конан покачнулся. Тут же налетели остальные. Несколько раз киммерийцу удавалось встать, раскидав навалившиеся на него тела, но страшный удар в спину, а потом и по голове, кинул его на палубу.

Глава XIV

Тебе не кажется, моя красавица, что цена немного возросла? — отвратительный слащавый голос заполнил гудящую голову, как тухлый сироп. — Этот мерзавец уложил десяток моих парней. Где я возьму им замену? Не жадничай, я же вижу, как он тебе нужен.

Конан пошевелился, чувствуя, как крепко впились в тело веревки, и открыл глаза. Он лежал на палубе, лицом вниз. Первое, что он увидел, были изящные женские ступни, перетянутые тонкими ремешками сандалий. Одна нога нетерпеливо постукивала по залитым кровью доскам. Аккуратные маленькие ноготки были небесно-голубого цвета.

— Не смей со мной торговаться, пес, — женский голос напоминал звенящие удары клинком по льду. — Твои молодцы сами виноваты, я предупреждала, что он очень опасен.

— Спокойней, спокойней, милашка. Уж ты-то будешь не опасней своего бешеного приятеля. Мы люди мирные, — послушался глухой смешок, и Конан узнал в говорившем главаря пиратов, — но если моих ребят сильно рассердить, их не остановит и скала. Я бы не поручился тогда за твою безопасность. К тому же они так давно не видели женщин...

Неудобная поза не позволяла Конану рассмотреть собеседницу Сансельмо, но от ее смеха между лопатками киммерийца пробежали мурашки:

— У вас бы сказали, — заговорила она, сделав ударение на первых словах, — что ты играешь с огнем. В данном случае это полная бессмыслица, поэтому я просто предупреждаю тебя: вы должны повиноваться мне, иначе даже те из вас, кому когда-нибудь повезет увидеть женщину, не испытает при этом никакого удовольствия.

— Не надо, не надо, — издевательски продолжал пират, — мне уже страшно. Может, хочешь, чтобы я сам построил своих ребят, и ты попробуешь выполнить свои угрозы?

— Приготовь шлюпку и помоги мне погрузить пленного, — не слушая Сансельмо, приказала женщина.

— Сию минуту, моя госпожа, — в голосе главаря слышались стальные ноты. — Пикар! Боле! Швырните-ка этого мясника за борт, а красотку доставьте ко мне в каюту! Мне надоело с ней пререкаться!

Конану удалось, наконец, перевернуться на бок, поэтому все произошедшее далее он увидел. Два дюжих молодца двинулись к стоявшей рядом с ним девушке. Лица ее киммериец разглядеть не смог, увидел только короткую голубую тунуку и то, что она совершенно безоружна. Разбойникам оставалось сделать три шага, когда девушка вдруг вскинула руки, ладонями вперед. Страшный вопль потряс весь пиратский галеон. Вся нижняя часть туловища обоих мужчин превратилась в кусок омерзительного студ-

ня, тут же растекшегося по палубе. С жутким хлопом два торса погрузились в это месиво. Несколько мгновений их руки еще скребли по доскам, потом вопли затихли, и оба ничком упали в белесую слизь.

— У тебя еще есть вопросы? — спокойно спросила она, опуская руки.

— О-о-о... — только и смог выдавить из себя Сансельмо. Ноги его подгибались от страха.

— Не заставляй меня потерять терпение, — теперь она говорила почти ласково. — Ты помнишь, что надо делать?

Главарь несколько раз кивнул и знаком подозвал матросов. Видно, голос его не слушался. Ни один человек не тронулся с места. Десятка два перепуганных пиратов жалась друг к другу, как перепуганные дети. Срывающимся голосом Сансельмо закричал на них:

— Живо, придурки! Шлюпку! — Стараясь не смотреть на то, что осталось от их товарищей, несколько человек подошли к Конану и неловко, причиняя сильную боль в связанных руках, поволокли по палубе.

Перед тем, как сесть в шлюпку, девушка обернулась. Увидев, что она вновь поднимает руку, Сансельмо, почти падая в обморок от ужаса, упал на колени и, размазывая слезы по щекам, взмолился:

— Пощадите, госпожа, это я по дурости, клянусь, не буду больше убивать и грабить!

— Да ну тебя, дурак, — презрительно бросила девушка, — мне до этого нет никакого дела.

Конан неловко сидел в шлюпке. Наконец-то он увидел лицо его странной спасительницы.

— Узнал? — равнодушно спросила она, садясь напротив.

— Впервые вижу, как мираж расправляется с пиратами, — не отвечая прямо на ее вопрос, заметил киммериец. Это была та самая загадочная девушка, которую он видел в Саусалье и на балу у Эстепонато.

— Ну какой же я мираж? — тем же ледяным голосом спросила она, притрагиваясь к щеке Конана. Он тут же вспомнил двух изуродованных пиратов, и лицо его непроизвольно дернулось.

На галеоне слышались истерические крики, но раньше, чем пираты подняли паруса, шлюпка, в которой сидели Конан с девушкой, сама, словно влекомая сильным течением, начала удаляться от корабля. Киммериец успел подумать о судьбе «Праведного пути», когда девушка принялась развязывать ему руки. Он поморщился, растирая затекшие кисти и вполголоса ругаясь, принялся сам распутывать ноги. Ни разговаривать, ни расспрашивать о чем-то не хотелось. Когда Конан поднял голову, пиратский галеон почти скрылся за горизонтом. Море вокруг незаметно изменилось. Оно было как раньше, чистым и прозрачным, густо-синим в глубине. Далеко впереди, у самого горизонта спокойная гладь незаметно переходила в бледно-голубое небо. Темная стая каких-то рыб прошла под самым дном. Солнце немилосердно пекло и без того гудящую голову. Конан с удовольствием бы искупался, но лодка быстро двигалась, а просить о чем-либо сидящую напротив совершенно не хотелось. На мгновение родилась безумная догадка, не сам ли Демон Од'О прикинулся девушкой, рука инстинктивно потянулась за кинжалом, но тут он вспомнил, что совершенно безоружен, кидаться же голыми руками в углой лодке на повелителя воды было чистейшим безумием.

— Может, все-таки, объяснишь что-нибудь? — решил-ся на вопрос киммериец, с ненавистью глядя на девушку. Несмотря на необычную и яркую красоту, она вызывала в нем только отвращение.

— Не думаю, что ты настолько глуп, чтобы не понять, куда мы направляемся, — нехотя ответила девушка, неприятно скривив рот. Она, несомненно, тоже не чувствовала симпатии к Конану. Почему-то это его задело.

— Тогда, может, ответишь, что от меня понадобилось вашему водяному царьку?

— Не смей так говорить об отце, — прошипела она. — Ты вместе со своим убогим королевством не стоишь и пучка водорослей со дна океана!

— Тогда к чему такая трогательная забота о моей персоне? — К Конану возвращалась его прежняя решительность, он не боялся этой горящей ненавистью красавицы,

которая, к тому же, оказалась в близком родстве с Од'О. На языке вертелась подходящая по случаю гадость по поводу Демона и его детей, но киммериец решил придержать ее до лучших времен, ему совершенно не хотелось вступать в перебранку с девицей, пусть даже могущественной колдуньей. Он лишь бросил на нее презрительный взгляд, которым, обычно, с легкостью приводил в бешенство и ставил на место важных господ. И на этот раз подействовало великолепно. Ее лицо исказилось, красиво очерченные губы скривились, произнесла какие-то невнятные слова, видно, какое-то специальное морское ругательство. После этого вся она как-то изогнулась, вскинула руки и с нечеловеческой грацией выскользнула из лодки. Темный силуэт мелькнул в воде, и девушка пропала.

Конан почувствовал и облегчение, и раздражение. Спутником она была, прямо скажем, не самым приятным, но это было все же лучше, чем остаться одному в легкой шлюпке посреди открытого моря. Он огляделся по сторонам, вокруг до самого горизонта, еле различимого в дымке, была только вода. Стало прохладней, хотя солнце потускневшим шаром по-прежнему высоко стояло на небе. Какие-то неуловимые изменения стали происходить с морем. Оно стало совершенно прозрачным, лодка будто парила над песчаным дном, тишина, окружавшая Конана, не нарушаемая ни единым звуком, давила на уши, трудно было даже определить, движется ли лодка. От долгого однообразного плавания Конана потянуло в сон. Тяжелые веки закрывались сами собой, виски ломило, он несколько раз широко зевнул. Трудно сказать, сколько прошло времени, но когда, наконец, устав бороться с дремотой, киммериец решил немного освежиться, он с удивлением обнаружил, что воды за бортом нет.

«Я сплю», — подумал Конан, с силой уцепив себя за руку. Ничего не изменилось. Лодка по-прежнему висела в каком-то полупрозрачном тумане. Где-то вверху, в светящемся размазанном пятне угадывалось солнце, но ни по сторонам, ни внизу что-либо различить было невозможно. Снова разгоревшаяся злость на выходки Демона

океана, — а киммериец не сомневался, что это его рук дело, — моментально согнала сон. На всякий случай он крепко взялся за борт, опасаясь, что такими уловками враг пытается усыпить его бдительность.

Легкий толчок заставил Конана вздрогнуть, лодка словно ткнулась носом в невидимую преграду. Теперь уже ясно было видно, что она стоит на твердом. «Приехали», — с издевкой подумал киммериец, осторожно ступая на песок. Его все еще мучили подозрения, не очередной ли это мираж повелителя океана. Все тело было странно скованным, но мысли лихорадочно вертелись в голове. Где он находится, что делать дальше, куда ему, безоружному, теперь идти? Конан неожиданно представил себе Зубника, который, оказавшись в таком странном месте, наверняка свернулся бы калачиком на дне лодки и заплакал. Ничего ужасного или угрожающего вокруг не было. Честно говоря, не было просто ничего. Единственным предметом, на котором останавливался взгляд, была привезшая его сюда шлюпка. Конан, не привыкший долго раздумывать, сделал то, что казалось ему самым верным: он пошел в ту сторону, куда указывал нос лодки. Затекшие ноги плохо повиновались, все еще болели руки, на которых остались багровые следы веревок. Плохо себе представляя, куда он идет и где, вообще, находится, киммериец вначале не обратил внимания на легкое движение справа, а когда наконец разглядел, то некоторое время просто не мог двигаться. Он остолебенел.

Мимо Конана, чуть не задевая его ухо нежными розовыми хвостами, чинно проплыла стая рыб.

Первым инстинктивным движением киммериец потрогал одежду. Она была совершенно сухая. Не следа влаги не ощущалось вокруг, дышалось легко, но после того, как еще несколько морских обитателей пронесли мимо, стало очевидным, что он стоит на дне океана. Когда прошло первое изумление, Конана даже позабавило его новое приключение и, с любопытством озираясь, он двинулся дальше, уже не думая, куда.

Мир вокруг становился все разнообразней, появились водоросли, кое-где из-под песка виднелись камни с при-

лепившимися ракушками, вскоре справа, невиданным безлистненным лесом стали коралловые заросли. На некоторое время мальчишеский восторг захватил Конана при виде такого сказочного зрелища. С удивительной грацией мимо проплыла огромная рыба с длинным гибким телом и чешуей, которая при движении переливалась всеми цветами радуги. Стайка любопытных мальков, словно мошкара, резвилась перед глазами, киммериец махнул рукой, они кинулись врассыпную, но скоро вновь собрались и принялись назойливо вертеться, норовя залезть в ухо. Большой темный силуэт показался невдалеке. Вначале Конану показалось, что это просто скала, но, подойдя поближе, он различил форштевень, потом облепленный мелкими ракушками борт, ряды обломанных весел, и, наконец, вся затонувшая трирема предстала его взору. Корабль лежал на боку, несколько больших пробоин в бортах давно стали дверями в новом обиталище морских тварей, которые с хлопотливым видом шастали туда-сюда.

С опаской заглянув в одну из дыр, Конан увидел во мраке несколько скелетов, дочиста объеденных рыбами. Медленно обходя погибший корабль, он вдруг заметил на бэкдеке какой-то знакомо блеснувший предмет. Не веря своим глазам, он вскарабкался по прогнившим доскам, несильно ободрав руки об острые края ракушек, и без труда вытащил застрявший меч. Странно, но разрушающие силы моря почти не тронули великолепное оружие. Клинок не потускнел, рукоять пришлась по руке, сразу придав уверенности. Даже не потрудившись удивиться столь странным обстоятельствам, позволившим ему вооружиться, Конан лишь бросил благодарный взгляд на останки триремы и отправился дальше.

Под ногами появлялось все больше камней, а вскоре и целая скала преградила дорогу киммерийцу. Он решил обойти ее справа, где среди густых зарослей неприятного вида мохнатых водорослей виднелся проход. Внимательно глядя под ноги, Конан чуть не стукнулся головой о нависающий камень. Это его и спасло. Подняв глаза, он в тот же момент резко отшатнулся: из круглой темной дыры в скале прямо к нему тянулось жуткое щупальце.

Фиолетово-черное, усеянное двумя рядами лиловых присосок, оно почти коснулось плеча киммерийца. Его реакцию нельзя было назвать мгновенной, рука с мечом словно продиралась сквозь вязкий сироп, но и этой скорости оказалось достаточно, чтобы омерзительная конечность, выпустив облако голубоватой крови, упала на песок. Конан быстро отступил, ожидая нового нападения. Трудно было представить, что обладатель симпатичного щупальца так просто смирится с этой потерей. Некоторое время ничего не происходило, потом из той же дыры на киммерийца уставился круглый черный глаз. Конан мог поклясться, что в этом нечеловеческом взгляде ясно читалось огромное удивление. Наверное, так могла бы смотреть кошка на пойманную мышь, которая внезапно откусила ей лапу. Стараясь не думать о мести кошки, киммериец отступил на несколько шагов назад. Ему показалось, что из скалы начала выпливаться густая черная жидкость. Неторопливо, даже торжественно, потревоженный обитатель выбирался из своей норы. Еще несколько мгновений он принимал нужную форму, а затем, уже безо всякого выражения, вперив в Конана взгляд единственного глаза, двинулся на него. У киммерийца не было опыта борьбы с морскими чудовищами, тем более, стоя рядом с ними на дне, поэтому он сразу начал с ошибки: крепко сжав рукоять меча, Конан с силой погрузил, в отвратительно податливое тело. Судя по всему, никакого заметного вреда этот удар одноглазому не причинил, а клинок тут же завяз. Сразу же холодные щупальца обвились вокруг ног человека, вокруг потемнело, темная масса наваливалась на него, гипнотизируя взглядом. Какая-нибудь безмозглая рыба уже давно бы, мысленно попрощавшись с родными, смирилась со своей судьбой, но противник Конана явно не часто общался с людьми. Не выпуская из правой руки меча, киммериец протянул левую вперед и железной хваткой, содрогаясь от отвращения, схватил круглый глаз чудовища. Успев еще заметить треугольный безгубый рот, он с силой рванул на себя.

Ощущение было такое, будто его на мгновение окунули и тут же вынули из ледяной проруби. Видимо, это было последним предсмертным объятием чудовища. Издав низкий ухающий звук, оно выпустило черное облако и медленно осело на дно. Конан брезгливо выпустил плотный скользкий глаз и, стараясь не подскользнуться, выбрался на чистый песок. Грязное облако клубилось над черной кляксой поверженного монстра, и только теперь киммериец смог оценить размеры своего противника. Он и не знал, что в океане есть такие огромные создания, хотя среди моряков ходит немало легенд о жутких чудовищах, обитающих в глубине. «Ну, вот, с одним мне уже посчастливилось познакомиться», — подумал он, рассматривая меч. Все еще непривычно было осознавать, что находишься под водой, поэтому Конан немного удивился, убедившись, что клинок совершенно чистый. Ни на руках, ни на одежде не осталось ни малейшего следа только что произошедшей схватки. На всякий случай, он еще раз обернулся, перед тем как уйти, чтобы убедиться, что одноглазое чудовище ему не приснилось. Нет, у самой скалы, раскидав пятнистые щупальца, действительно лежала бесформенная груда.

Конан почувствовал сильную усталость. Вокруг не стало темнее, по-прежнему ровный рассеянный свет, не дающий теней, позволял хорошо видеть на несколько сотен локтей. Сколько прошло времени с того, земного утра, когда он проснулся на борту «Праведного пути»? Как долго еще нужно идти? Киммериец задумался об отдыхе, но при мысли о том, чтобы заснуть у какой-нибудь столь же гостеприимной скалы, его кинуло в дрожь. Вложив меч в ножны, он медленно двинулся дальше.

Несмотря на усталость, голова работала четко. Заманив его в океан, мерзкий старик, — а Конан даже в мыслях старался наградить Демона Од'О самыми обидными эпитетами, — наверняка, захотел устроить еще несколько проверок, надеясь, видно, что суровый незнакомый мир быстро укротит грозного короля. «Ждешь, что я приползу к тебе побитой собакой? Этого ты от меня никогда не дождешься!» Своим хитрым изворотливым умом Конан

понимал, что идти дальше без отдыха — это верный путь угодить в какую-нибудь очередную ловушку. Но что же придумать? На земле можно было бы забраться на дерево или развести костер, чтобы отпугивать диких зверей... Киммериец усмехнулся. И тут же нахмурился. Диких зверей?

Уже через мгновение Конан решительно возвращался к месту недавней схватки. Наверняка, все окрестные обитатели прекрасно знают грозного хозяина этой скалы и в ближайшее время не станут проверять, как он поживает. Наступая прямо на мягко пружинящее тело чудовища, киммериец, ловко цепляясь за выступы скалы, забрался в темную нору. Он впервые оценил преимущества жизни под водой: ни запаха, ни грязи не было в просторном жилище. Только в углу, видно, на память, одноглазый хозяин сваливал выжатые останки своих жертв. Сдавленные нечеловеческой силой, они были похожи на обрывки тканей или ковров. Еще раз усмехнувшись, Конан нашел выступ поудобней, сел, привалившись к камню, и погрузился в сон.

Глава XV

Проснувшись, Конан потянулся и, оглядевшись по сторонам, сразу вспомнил, где находится. Ни одна морская тварь не потревожила его сон, и сейчас он чувствовал себя совершенно отдохнувшим и бодрым.

При появлении киммерийца из норы целая стая крупных и мелких рыб, собравшихся на пир у останков морского чудовища, бросилась врассыпную. Лишь одна из них осталась, не испугавшись появления человека. Золотисто-оранжевая, с огромными плавниками и хвостом, тронутыми по краям черной каймой, она походила на диковинную птицу. Подплыв к самому лицу Конана, она, как ему показалось, с любопытством заглянула в глаза, потом, грациозно повернувшись, чуть отплыла, словно приглашая за собой. «По крайней мере, не придется снова гадать, куда идти», — подумал киммериец, спускаясь со скалы.

Его необычный проводник, едва шевеля плавниками, плыл чуть впереди, изредка оборачиваясь, проверяя, следует ли за ним человек. Так они двигались довольно долго, пока Конан не остановился перед невысокой скалой. Она была почти скрыта длинными водорослями. Киммериец хотел было обойти ее, но тут золотистая рыбка, затрепетав всеми своими плавниками, быстро закружилась вокруг его головы. Конан остановился. Она явно хотела привлечь его внимание. Внимательно осмотревшись, киммериец не обнаружил ничего необычного. Тогда рыбка, несколько раз ткнувшись ему в щеку, чуть отплыла назад. Он послушно последовал за ней, все еще не понимая, чего же хочет его странный провожатый. Здесь могла оказаться очередная ловушка, но чутье подсказывало Конану, что это удивительное морское создание, похожее на земной цветок, хочет помочь ему. С удивлением он обнаружил, что обычно пустые и холодные рыбы глаза сейчас смотрят на него чуть ли не с мольбой. Сосредоточившись, он цепким взглядом вновь обшарил все окружающие предметы. Ничего. Рыбка заметалась, она доплыла до скалы, вернулась, вновь повторила этот маршрут, потом вцепившись в длинный стебель водоросли, сильно его дернула. Ее усилия ни к чему не привели, растение почти не шелохнулось. Догадавшись, что здесь нужна его помощь, и проверяя свою догадку, Конан подошел к скале и крепко взялся за жесткую плеть, усеянную узкими коричневатыми листьями. Растение крепко сидело в песке, но под мускулистыми руками киммерийца поддалось. Медленно показался бледный корень, извиваясь, как умирающая змея, стебель опустился на песок. Рыбка меж тем уже теребила следующий. Недоумевая, зачем понадобилось выдирать водоросли около этой скалы, Конан не спеша принялся за работу. Ему понадобилось немало времени, чтобы расчистить довольно большую площадку. Отойдя назад, чтобы полюбоваться результатами, киммериец чуть не вскрикнул от удивления. Длинные стебли больше не скрывали скалу. В ней легко можно было узнать ту самую каменную руку с поднятым вверх пальцем, которая появилась из болота во время его

последней охоты в Аквилонии. Конан вспомнил, что именно упоминание о загадочной скале привело в страшное волнение Гардевира. Что это могло означать? И зачем золотистая рыбка привела киммерийца сюда? На всякий случай он тщательно осмотрел всю доступную поверхность камня, но ничего интересного не нашел. Понимая нелепость своих действий, Конан повернулся к плавающей рядом своей морской спутнице и спросил:

— Что это за скала? — Звук собственного голоса показался ему гулким и странным. Но рыбка, похоже, поняла его. Она посмотрела киммерийцу в глаза, легонько ткнулась ему в грудь, потом подплыла к самому каменному пальцу и вдруг резко взмыла вверх. Проследив за ней взглядом, Конан увидел только, как мелькнули в вышине окаймленные черным золотистые плавники. Что этим хотела сказать рыбка, так и осталось неясным.

Оглянувшись по сторонам, киммериец решил идти направо, туда, где сквозь дымку пробивалось сияние. Конан заметил его уже давно, недоумевая, что может так светиться на дне океана. Рыбка не возвращалась, на всякий случай он запомнил, где расположена необычная скала, и отправился на свет. Песок под ногами стал плотным и ровным, вскоре Конан стал замечать, что и водоросли не растут уже, как попало, а выглядят, словно посаженные опытным садовником кусты. Мимо них шли дорожки, выложенные по краям разноцветными ракушками и мелкими камушками. Что-то знакомое почудилось киммерийцу в темно-красных камнях. Он поднял один и с удивлением убедился, что у него в руках — настоящий рубин. «Богатый же хозяин у этого подводного парка, что украшает дорожки драгоценными камнями», — подумал Конан, но тут же вспомнил, к кому, собственно, шел, и с отвращением отбросил рубин. Теперь уже хорошо было видно, что сияние исходило от огромной лестницы. На нижней ступеньке сидел бедно одетый старик и кормил с рук мальков. Разноцветные блестящие рыбешки суетились вокруг него, дрались, хватая крошки, и издали походили на стайку птиц. В отличие от пернатых, весь

переполох происходил бесшумно, слышно было только, как ласково бормочет старик: «Не балуй, не балуй, говорю, всем хватит...»

Конан остановился, озадаченно глядя на эту неожиданную идиллию. Старик поднял голову, заметил стоящего киммерийца, тяжело встал, разогнав мальков, и приветливо сказал:

— А, варвар! Дошел-таки!

Начиная тихонько звереть, Конан сообразил, что перед ним тот самый Демон океана, из-за которого вся его устроенная счастливая жизнь в последнее время пошла кувырком. Успев подумать, что этот гнусный старик зря так самоуверенно себя ведет, киммериец сделал только два мимолетных движения: он выхватил меч и что было сил рубанул, надеясь сразу рассечь злодея пополам.

Разноцветными искрами брызнули в разные стороны любопытные мальки, от страшного удара меча на широкой белой ступени появилась трещина.

Улыбающийся Од'О, как ни в чем ни бывало, сидел на лестнице в нескольких локтях левее.

Бешенство Конана не имело границ, одним прыжком он вновь оказался рядом с Демоном и рубанул еще и еще раз. Казалось, вода вокруг сейчас закипит от сумасшедших взмахов меча. Он опомнился только тогда, когда осколком мраморной крошки ему оцарапало щеку. Лестница выглядела так, будто ее покорежило сильнейшим землетрясением. Ни малейших следов убитого или хотя бы покалеченного Демона океана не было. Киммериец стоял совершенно один, сжимая в дрожащей от ненависти и бессилия руке бесполезный меч. Стиснув зубы, он несколько раз вдохнул, поймав себя на мысли, что до сих пор не знает, каким образом дышит на дне, вложил меч в ножны и начал подниматься вверх. Борьба еще только начиналась.

Наверное, это был тронный зал. Непонятно, где начинались и заканчивались стены, то ли покрытые затейливыми узорами, то ли увитые водорослями, несколько рядов изящных тонких колонн уходили вверх, потолок

отсутствовал, рассванный жемчужный свет лился со всех сторон, порой казалось, что откуда-то прямо в уши проникает мягкая заунывная музыка. По ногам всеми цветами радуги переливался мозаичный пол. На мгновение странная скованность появилась в движениях, Конан остановился и обнаружил, что вместо простой одежды, порванной и залитой кровью во время стычки с пиратами, на нем теперь великолепные доспехи изумрудно-зеленого цвета. Легкий, необычный на ощупь плащ скрепляла тяжелая цепь, судя по всему, золотая. Первым желанием Конана было сорвать эту дешевую подачку, но, сдержавшись, он, стиснув зубы, двинулся дальше, решив не действовать больше сгоряча.

Зал был огромен. Через несколько десятков шагов перед киммерийцем внезапно вырос трон. Величественное сооружение, высеченное из черного с золотыми прожилками камня представляло собой пирамиду с широкими пологими ступенями, на вершине которой в креслах с высокими спинками сидели трое. По центру, чуть возвышаясь над двумя остальными, располагался мужчина с жестким некрасивым лицом. Справа от него неестественно прямо и неподвижно сидел другой, помоложе и покрасивей, но такой мертвенной бледности, что это наводило на мысль о тяжелой болезни. И, наконец, слева, чуть прикрыв обнаженное тело прозрачной голубой накидкой, зло кривила красивые полные губы его старая знакомая.

— Наша первая встреча прошла не очень удачно, — звучным голосом начал сидевший по центру мужчина. — Не могу не заметить, что ты сильно испортил мою лестницу. Чего это ты вздумал наскакивать на меня? И, кстати, откуда меч? Панора сказала, что ты остался в лодке совершенно безоружный...

— Мне кажется, вопросов многовато даже для второй встречи, хотя я не помню, где мы с тобой виделись раньше, — презрительно ответил Конан, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на сидящих на троне. Он уже догадался, что заговоривший с ним и есть Демон Од'О, который просто умеет превращаться в старика. Кто

были остальные двое, его не сильно интересовало, хотя имя Панора смутило. Гардевир точно говорил, что уничтожил зловредную колдунью, но эта красotka сама называла Од'О отцом...

Пауза затягивалась. Гость не задавал никаких вопросов, да и хозяева, расположившиеся на троне, не спешили начать разговор, откровенно рассматривая киммерийца. Конан, внешне совершенно спокойный, стоял, чуть расставив ноги, сжимая рукоять меча, и глядел прямо в глаза врагу. Перед повелителем океана предстал уверенный в себе король Аквилонии. Лицо Од'О вдруг странно дернулось, словно он пытался улыбнуться, но не знал как. Он заговорил, и киммериец вновь удивился несоответствию сильного красивого голоса и отталкивающей внешности Демона. Весь он в своих великолепных одеждах, богато украшенных драгоценными камнями, походил на плохо сделанную куклу с грубо вытесанной головой из желтого камня. При разговоре еле двигалась только нижняя челюсть, глаза же вовсе походили на куски серо-голубого льда.

— Вы, люди, ужасно любите всякие церемонии. Признаюсь, я тоже перенял у вас некоторые приемы. К тому же у нас сегодня высокопоставленный гость. Если не ошибаюсь, король... — Демон неуклюже пощелкал пальцами, словно ожидая, что ему подскажут забытое слово. Никто не принял его игру и он нехотя «вспомнил» сам: — Аквилонии?

Конана сильно подмывало ответить какой-нибудь подходящей гадостью, которых за время своего долгого пути он приготовил немало, но он лишь неслышно скрипнул зубами и продолжал слушать разглагольствования Од'О.

— Я думаю, — монотонно говорил тот, — что, следуя этикету, мы сейчас отправимся за стол, — киммериец отметил про себя, какая скука отразилась на лице девушки. — А о наших делах поговорим позже. Нашему гостю нужно отдохнуть, мне кажется, сегодняшнюю ночь он провел не самым лучшим образом? — Последний вопрос

не понятно к кому относился, как, впрочем, и вся тягучая речь Демона. — Прошу прощения, что не представил сразу: моя дочь Панора, — затем последовал легкий кивок влево. — Октогирум. Сын.

Видно, Конан не сумел скрыть удивления, услышав эти имена, потому что хозяин издал неопределенный звук, лишь слегка похожий на смех:

— Ну, как же, как же, старый болтун Гардевир уже успел напеть о своих успехах в борьбе с моими детьми? Соврал, соврал...

Од'О поднялся с трона и начал медленно спускаться по ступенькам. Его угловатые движения напоминали походку краба.

— Чтобы раз и навсегда положить конец всяческим недоразумениям и неразумным выходкам со стороны нашего гостя, хотел бы заметить, что нападать на меня нет никакого смысла: земные железки не могут причинить мне никакого вреда. — Тут он снова безуспешно попытался скривить лицо в улыбке и доверительно добавил: — К тому же, моя смерть, увы, не разрушит никакие чары. Это там, на земле, достаточно треснуть второсортного мага дубинкой по голове, чтобы все его колдовство рассыпалось в пыль. Я же привык делать все добротню.

Конан невольно сделал шаг назад, когда спустившийся Демон подошел к нему почти вплотную. Од'О был почти на голову выше киммерийца, но очень худ и узок в плечах. Неловкая его фигура, казалось, поникла под тяжестью драгоценных камней, тусклыми гирляндами свисавших с одежды.

— Не бойся, не бойся, не обижу... — Од'О протянул киммерийцу руку. Смерив костлявую фигуру презрительным взглядом, Конан только и процедил сквозь зубы:

— Кто тебя боится, говорун? Просто противно. — В этот момент лицо стоящего рядом Демона начало странно покачиваться, тело вдруг сделалось гибким. Извиваясь, как змея, он стал подниматься. Одновременно с этим исчез трон черного камня вместе с сидевшим Октогирумом, сердито плеснув хвостом, уплыла ставшая русалкой

Панора. Растаяли колонны, сверху быстро опустилось мутное облако, в котором и пропал Од'О. Конан остался стоять один среди непроглядной белесой мглы.

Глава XVI

По-прежнему ничего не видя вокруг, Конан почувствовал, что ноги отрываются от песка и сильное течение куда-то его несет. Голова закружилась, вспыхнувший ослепительный свет заставил зажмуриться. Когда он открыл глаза, то обнаружил себя сидящим на жесткой лавке. Туман немного рассеялся, киммериец увидел стену, искусно расписанную необычными узорами. Тысячи тонких стеблей с крошечными цветами и бутонами сложно переплелись друг с другом, производя на смотрящего поистинне гипнотический эффект. Начинало казаться, что вся картина движется, постоянно меняясь. И вот уже не бутоны и цветы, а маленькие рыбки плавают меж колышущихся водорослей...

Конан тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Он сидел в странной комнате, в углах которой притаился мрак. Прямо перед ним стоял стол, и тут только киммериец понял, насколько он проголодался. «В доме врага горек хлеб», — подумал он, глотая слюну. С другой стороны, верхом глупости было бы закончить жизнь не в битве, а самому уморив себя голодом. Поэтому, отбросив подозрительность, Конан с удовольствием набросился на еду. Он перепробовал почти все блюда, стоявшие на столе. Что-то показалось знакомым, что-то совершенно необычным на вкус, но поел киммериец славно. Не понравились ему только напитки. Конан не мог назвать себя таким уж великим гурманом, но странная густая жидкость только внешне походила на вино, по вкусу это был недосоленный рыбный суп.

— За угощение спасибо, — громко сказал киммериец, ни к кому не обращаясь, и, немного подумав, все же добавил: — Представляю, какая у вас тут тоска, если свою еду вы каждый раз запиваете такой дрянью!

Послышался дребезжащий смех, и тут же невесть откуда взявшиеся гибкие морские змейки, обвив хвостами горлышки, поставили перед ним на стол несколько кувшинов.

— Опять я забыл, что вы на земле пьете совершенно другие напитки! — В голосе невидимого говорившего слышалось искреннее огорчение. — Сам я так и не смог оценить вкус вина. Прошу прощения за мою забывчивость!

— Ничего, ничего, — добродушно заметил Конан, — можешь не извиняться, ты успел уже наделать столько гадостей и мне лично, и людям на земле, что по сравнению с ними несколько кувшинов вина — просто мелочь!

Темное облако в углу странно заколыхалось, запульсировало, потом вдруг сжалось, и киммериец увидел перед собой пожилого человека, сидящего в кресле с высокой спинкой. Старик заразительно смеялся уже знакомым Конану дребезжащим смехом, мелко-мелко трясая головой и всплескивая руками. Внезапно он замолчал, откинулся в кресле и сказал безжизненным голосом:

— Одна из немногих привлекательных черт в людях — это умение смеяться и смешить. Никогда не отказываю себе в удовольствии принять этот образ, — он неловко провел рукой по лицу, — чтобы отреагировать на хорошую шутку!

— Я уже успел оценить твое чувство юмора, — невозможно ответил Конан. Он понимал, что настал, наконец, тот момент, когда Демон океана ответит, зачем ему понадобился король Аквилонии, и спокойно ждал. Вся его ненависть к этому хихикающему старику собралась в плотный тугой комок где-то глубоко внутри, но враг был не так прост и время решительных действий еще не настало.

— Ты мне нравишься, король Конан, — так же без выражения продолжал Од'О, — я наблюдал за тобой, и теперь хочу тебя обрадовать: я уже стар...

— Неужто помирать собрался? — не сдержался киммериец. — Спасибо, это действительно радостная новость.

— Как вы любите перебивать собеседника, — укоризненно глянул на него Демон. — Все горячитесь, спешите куда-то, оно и понятно, живете-то недолго, а желаний мно-о-ого... — Манера Демона говорить медленно, растягивая слова, раздражала Конана, к тому же после хорошего обеда и вина он чувствовал себя уверенно и поэтому продолжал бесцеремонно перебивать занудливого старикана:

— Ты бы, приятель, поменьше вмешивался в наши земные дела, сидел бы на дне да рыбок кормил...

— Я тебе не приятель, — внезапно взвизгнул Од'О, поднимаясь. Теперь перед киммерийцем вновь стоял высокий худой человек в дорогих одеждах. — Не зарывайся, здесь ты в моей власти, мне стоит только мигнуть, и от тебя и песчинки не останется! Ты, кажется, недооцениваешь мое могущество! А не задумывался ли ты, гордо называющийся себя королем клочка суши под названием Аквилония, где ты находишься и как далеко сейчас от тебя ближайший глоток воздуха? Между тем, ты дышишь, разгуливаешь по дну, даже ешь и пьешь вино!

Тут он был прав, Конан не мог с этим не согласиться. Демон продолжал. Голос его стал спокойней и тверже:

— Я сделал так, что ты пришел ко мне. Пришел, как враг. Но я не хочу с тобой воевать, к тому же это совершенно бессмысленно. Сейчас ты зол на меня, король Конан, я оторвал тебя от привычной жизни. Но все это вернется, ты получишь гораздо больше. — Заметив нетерпеливый жест киммерийца, Од'О чуть повысил голос: — Не торопись, выслушай. Тебе пятьдесят лет, ты правишь большой и богатой страной, у тебя красавица жена, десятилетний сын. Видишь, я все о тебе знаю... Я знаю, кем ты был, и никогда не поверю, что время может так изменить Конана из Киммерии, чтобы он стал спокойно доживать век во дворце, разбирая вздорные тяжбы бароков, пересыпая из сундука в сундук золото, которое и украсть-то не у кого, провожая усталым взглядом хорошенькую служанку и завидуя родному сыну, у которого впереди вся жизнь... Ты ненавидишь меня, но ты сам

никогда не был праведником, ты добивался своей цели, чего бы это ни стоило...

— Но я никогда не продавался врагам, — жестко перебил Конан. — Что тебе нужно, говори, хватит читать мне проповеди. Моя жизнь тебя не касается!

— Ошибаешься. Касается. Более того, твоя жизнь в моих руках. И не только твоя. — Од'О немного помолчал, а затем, как бы про себя, задумчиво сказал: — Не представляю, какую душещипательную историю расскажет старина Гардевир малютке Конну, — так ведь, кажется, зовут твоего сына? — когда тот поинтересуется, куда же подевался папа и почему у мамы такое странное лицо...

Конан вскочил, чуть не перевернув стол:

— Что тебе нужно, проклятый водяной? Говори!

— Власти, — кротко ответил Демон, не обращая внимания на гнев киммерийца. — Не тебе объяснять, что это такое. Садись. Разговор будет долгим.

— При чем здесь я?

— Ты правильно заметил, что я водяной. В своем царстве я властвую безраздельно. Теперь мне нужна земля. С твоей помощью я приберу к рукам сушу и стану во главе Мира.

— С моей помощью?

— Да. Ты смел и хитер, достаточно безжалостен. Тебе не хватает только знаний. Я возьму тебя в ученики.

— Меня в ученики? — Конан ошеломленно смотрел на Демона.

— Да. Подумай немного, и ты меня поймешь. Самые заклятые враги могут когда-нибудь стать друзьями, если им нечего будет делить. Ты станешь могущественным магом, я верну тебя на землю, дам бессмертие и огромную власть. Ты ненавидишь меня за то, что я сделал твоим людям? Во время любой войны всегда есть жертвы. Вернувшись, ты сам будешь распоряжаться их судьбой. Ты вернешь красоту своей жене, спасешь Шамар. Одно движение твоей руки и берег в Мессантии снова будут покорно лизать лазурные волны.

Демон океана откинулся в кресле, наслаждаясь нарисованной картиной будущего благополучия.

— Я знаю себе цену, — медленно проговорил Конан, собираясь с мыслями, — но я только человек. Почему ты обращаешься ко мне?

— Ты не глуп. Ладно, буду откровенным до конца. Этот вредный старик, Гардевир, наверняка говорил тебе о Великом Равновесии, — Од'О слегка поморщился. — Любое темное порождение магических сил рождает и свою противоположность. Это Равновесие удерживает Мир от самоуничтожения. Ты уже знаешь о моих детях. Их матерью была земная женщина, но мне удалось передать Паноре и Октогируму огромную силу. Они родились на земле, но в них было больше от демонов, чем от людей. Тогда же появился и Гардевир. До меня ему, конечно, не добраться, но дочь мою он все же победил. Октогируму повезло и того меньше. Видно, скверный характер и ум он взял от матери. Ну и получил. Я сумел вернуть детей в океан. Но на земле они теперь мне не помощники. Панора хоть ненадолго может выходить, правда, не сама, фантома вызывает, призрака. А Октогирум и вовсе больной стал. Но это со всеми магами, кто через лед проходит, случается. Вот и выходит, что снова я без помощников остался. Вы же, люди, живете по своим законам. Вы бессильны против наших заклинаний, но иногда действия самого обыкновенного человека, словно крохотная песчинка, попавшая в сложный механизм, могут разрушить самые хитроумные и сильные чары. Ваша звериная хитрость, безрассудство, совершенно нелогичная жертвенность порой творят чудеса, недоступные нам...

Демон покачал головой и испытующе посмотрел на Конана. Выдержав его холодный взгляд, киммериец глухо вздохнул и медленно проговорил:

— Ты забыл еще об одном: эти жалкие, с твоей точки зрения, существа, населяющие землю и вечно путающиеся у вас под ногами, знают, что такое честь. Если ты

так хорошо все про меня узнал, с чего ты решил, что я могу быть предателем?

— Ну, вот, я так и знал, — в голосе Од'О слышались капризные ноты. — Я не прошу тебя никого предавать, я предлагаю тебе власть, новые возможности, новую жизнь, в конце концов!

— В качестве кого? Твоего слуги? — Конан вновь вскочил.

— Упрямец! У тебя нет выхода! — Теперь стоял и Демон. Глаза его излучали мрачный огонь. — Ты можешь изображать праведный гнев, но для меня твои слова пустой звук! Я даю тебе время подумать, знаю, что люди любят сгоряча бросаться самыми страшными клятвами, тебе надо остыть. Но поторопись, я не привык долго ждать.

Последние слова прозвучали глухо, некрасивое лицо Демона стало исчезать, и уже из темного облака, в которое он превратился, до Конана долетели обрывки фраз:

— Поторопись... Тебя ждут... Аквилония — красивая страна...

Голову словно сдавило железными тисками. Сердце бешено колотилось в груди, перед глазами плыли разноцветные круги. Киммериец в бешенстве сжимал кулаки, стоя посреди подводной комнаты. Этот негодяй дал ему время подумать! Ловушка. Дьявольски хитрая и опасная ловушка! Находясь в самом логове врага, поставленный перед выбором, которого на самом деле не было, ибо как выбирать между предательством и смертью, Конан как никогда был близок к отчаянию. Он думал не о себе, ведь, предпочтя гибель, он ничем не сможет помочь людям, оставшимся на земле!

Давая выход накопившейся злости, киммериец что есть силы двинул ногой стол с остатками еды. В любом земном трактире посуда бы с грохотом полетела на пол, но под водой это получилось медленней и не принесло Конану никого удовольствия.

— А ты злой, — услышал он тихий вкрадчивый голос. Резко повернувшись, он увидел стоявшую Панору. Складки голубого платья колыхались вокруг стройных ног, словно

девушка стояла под струей воды. Странно, но сейчас ее лицо не выражало привычной уже киммерийцу ненависти. За свою долгую и бурную жизнь Конан перевидал сотни женщин и не раз удивлялся тому, как менялись их лица под влиянием внутренних переживаний. Самая простая и неинтересная женщина становилась красавицей, дав волю своему гневу или страсти. Случалось наблюдать и обратное: ослепительные герцогини и баронессы превращались в сварливых торговок, теряя весь свой лоск во время ссор. И вот теперь стоявшая перед ним девушка, — хоть он ни на мгновение не забывал, что это дочь его врага, сама опасная колдунья, — казалась незнакомой, словно умытой свежей утренней росой, и поэтому удивительно красивой. Серо-голубые глаза ее потеплели, легкий румянец играл на щеках, приоткрытые губы, казалось, вот-вот сложатся в слабую улыбку. На ней был тот же наряд, что и в тронном зале, но если тогда киммериец лишь со злостью мимоходом отметил про себя, что девица выставила напоказ свои формы, то теперь при взгляде на ее грудь под легкой тканью платья его обдало жаром. Конан удивился сам себе: давно забытое ощущение мальчишеского волнения заставило опустить глаза.

— Я слышала, вы резко поговорили с отцом... — В голосе Паноры ясно слышалось смущение.

«Что со мной?» — поразился киммериец, с трудом удерживаясь от желания немедленно броситься к девушке, подхватить на руки и забыть всю свою хлопотную жизнь, утонув в этих смущенных и зовущих серых глазах.

Панора сделала к нему несколько робких шагов и продолжала:

— Он не хотел тебя обидеть, вы оба сильные, достойные противники, почему бы вам не попробовать понять друг друга... — Конану было уже абсолютно все равно, что она говорит, он видел только одно: еще немного — и она будет в его объятьях.

Прикосновение ее руки было таким легким, что он даже не почувствовал, а лишь представил его, задохнувшись от нетерпения. Еще мгновение — и в сплетении тел

было уже не разобрать, где Конан, разом помолодевший, горящий от страсти, а где гибкая Панора — отдающаяся и ускользающая.

Словно тяжелые оковы упали с ног — сильные упругие волны подхватили и понесли их, срывая одежды, все сильнее и сильнее кружа потерявшего голову киммерийца. Уже не разбирая, где верх, где низ, не выпуская из рук свою драгоценную добычу, он почти терял сознание, поражаясь ее изменчивости. Как будто десятки разных женщин побывали в его руках: жаркая южная красавица душила его в объятиях, скромная юная девушка покрывала бесчисленными поцелуями лицо, опытная искушенная дама, забыв себя, издавала сладострастное рычание под его сильными руками... Сколько прошло времени? Мягкий ковер из водорослей принял истомленные тела, готовые навеки слиться друг с другом. Не чувствуя ни малейшей усталости, Конан, отстранившись на мгновение, увидел запрокинутое искаженное страстью лицо с закрытыми глазами, приоткрытые зовущие губы...

Что-то с силой ударило его по глазам, заставив зажмуриться. Ничего не понимая, он вновь потянулся к девушке, но вместо горячего страстного рта его губы встретили холодную чешую. Золотая рыбка, его давешняя спутница, металась прямо перед его лицом. Ослепительно яркое воспоминание заставило на миг померкнуть окружающую действительность: Конан увидел Зенобию, державшую на руках сына — совсем еще крошечного, голенького. Малыш вертел головой, недовольно морщился и готовился заплакать.

Наваждение разом оставило киммерийца. Руки разжались, он в недоумении посмотрел на лежащую рядом Панору, заметил царапины на своей груди, судорожно облизнул все еще горевшие губы. Что это было? Какое гнусное колдовство швырнуло его в объятия этой лицемерной ведьмы?

Наблюдавшая за ним сквозь полуприкрытые глаза Панора среагировала быстрее. Сильным ударом ногой в

живот она оттолкнула Конана как раз в тот момент, когда его руки уже были готовы сомкнуться на ее шее.

— Не смей прикасаться ко мне, зверь! — сквозь зубы процедила она и, не ожидая реакции киммерийца, резко взмыла вверх.

Глава XVII

Проклятье, — поднимаясь, подумал Конан, испытывая одновременно и стыд, и злость. Первым делом он схватился за оружие. Странно, что в пылу страсти он еще не успел сорвать с себя меч. При мысли о том, что могло с ним произойти, холодок пробежал у него по спине. Еще немного, и Од'О получил бы тепленького безоружного Конана, готового к обучению подводным премудростям Демона. Киммериец хорошо знал себя и мог полностью отвечать за свои поступки, если только в дело не вступала магия.

Поискав глазами рыбку, он опять удивился, откуда взялся его неожиданный друг и помощник в этом чуждом мире. Золотистое тельце доверчиво юркнуло в подставленную руку, внимательно глядя на киммерийца умными глазами. Затем история повторилась: снова, как и в прошлый раз, рыбка, грациозно помахивая хвостом, куда-то звала Конана, немного стиливая и вновь возвращаясь. По тому, как нервно вздрагивали окаймленные черным плавники и как она пугливо вздрагивала, стараясь держаться к человеку поближе, киммериец догадался, что идти нужно осторожно.

«Од'О, видно, сильно во мне заинтересован, — думал Конан, пробираясь между скал. — Скорей всего, это была попытка разоружить меня, ну и заодно с помощью чар Паноры лишить меня воли». Он старался не думать, что ожидало его дальше, удайся эта попытка, роль какого монстра уготовил ему властолюбивый повелитель океана. Конан постарался вспомнить, как все происходило после ухода Демона. Только ли колдовство лицемерной красавицы было причиной временного затмения, нашедшего на него? Если Панора действительно так сильна, то, —

насколько киммериец знал женщин, — первую попытку соблазнить его она должна была предпринять гораздо раньше. Пусть на земле она могла находиться только как фантом, но, уж наверное, можно вести себя и полубезнее с человеком, которого собираешься затащить в уютную постель из водорослей! Нет, она, явно, терпеть не могла Конана.

— Морская шлюха! — вслух выругался киммериец. Золотая рыбка в испуге шарахнулась прочь. — Прости, малыш, — успокоил ее Конан, — это не про тебя. Я просто снова вспомнил славную дочурку местного царька.

Его золотистая спутница завертелась волчком, выражая согласие с мнением человека. Киммерийцу даже показалось, что она сплюнула от досады, но тут же вновь прижалась к его щеке, призывая к тишине. Конан разозлился на себя за несдержанность и, кивнув, молча последовал за своим провожатым. Около огромной мрачной скалы рыбка остановилась и стала подниматься, глядя на него.

С легкостью, несмотря на свой возраст, киммериец преодолел несколько десятков локтей почти отвесной скалы, пока не оказался на крохотной, в две ступни шириной, площадке. Странно, но нигде не видно было его маленького проводника, не мелькал у его лица хвост с черной каймой. Осмотревшись, он обнаружил узкую щель, в которую, видно, и нырнула рыбка. Изловчившись, Конан протиснулся внутрь, для этого пришлось снять меч и нести его в руке. Сразу же крошечная тьма окружила его, но легкое прикосновение к щеке прохладных шелковистых плавников подсказало, что идет он верно. Несколько раз больно ударившись о низкий потолок, киммериец вдруг уперся в стену. «Неужели тупик?» — мелькнула неприятная мысль, но почти сразу справа в темноте забрезжил свет и, повернув, через несколько шагов Конан оказался перед маленьким окошком. Откуда-то доносилось невнятное бормотание.

Затаив дыхание, киммериец выглянул наружу. Удивительная картина предстала его глазам. В огромной котловине, окруженной скалами, беспорядочными горами

лежали затонувшие корабли. Какая-то страшная сила собрала их здесь, свалив на песок. Еще можно было различить гордые линии некоторых галеонов и бирем, другие же, уже неузнаваемые, разломанные и облепленные ракушками, походили на объединенные туши огромных зверей, оставшихся на месте страшной битвы. Теперь уже ясно можно было различить голоса, доносившиеся откуда-то сбоку. Конан сразу их узнал. Говорили Од'О и Панора. И даже не столько говорили, сколько ссорились. Поминутно срываясь на крик, Панора бесцеремонно выговаривала отцу:

— Что за idiotские мысли приходят в твою старую башку! Зачем тебе понадобился этот Конан? Нашел ученика! Он злой! И старый!

— Но, милая, если он согласится, я верну ему молодость, — мягко возражал Од'О. — К тому же, не забывай, сколько лет тебе.

— Я — другое дело! Я дочь Демона океана, а он смотрит на меня, как на девку из кабака! Мужлан!

— Но ведь у тебя почти получилось...

— Получилось, — передразнила Панора, — если бы он не вспоминал все время свою жену! Отними у него память! А еще лучше — убей!

— Но, дочурка, без памяти Конан мне не нужен, к тому же, пока у него меч Короля Атлантов, я бессилен. Откуда он его взял, ума не приложу.

— А ты приложи! — От ее пронзительного визга у киммерийца заныли зубы. Внимательно ловя каждое слово, он крепче сжал рукоять меча. Вот, оказывается, какой неожиданный дар преподнес ему затонувший корабль! — Только и знаешь, что хвастаться своим могуществом, а первый попавшийся варвар разгуливает по дну у тебя под носом и вытворяет, что захочет! Ты хоть знаешь, где ночевал твой способный ученик? Он между делом убил Червого Малыша и спокойно выснулся в его норе! Не назвижу!

— Ну, ну, не сердись, — Демон говорил удивительно мягко и ласково. Конан подумал, что на его месте он, скорей всего, хорошенько выдрал бы дочурку пучком

крепких водорослей. — Не все еще потеряно. Раз он так хорошо помнит о земле, нам это и пригодится. Я устрою ему такую ловушку, в которой по уши увязнет грозный король Аквилонии! — Стальные ноты зазвучали в голосе Од'О. Киммериец насторожился. Он осторожно придвинулся поближе к окошку, стараясь разглядеть говоривших. Совсем рядом, на каменном выступе словно срезанной ножом скалы спиной к нему стояла Панора. Перед ней колыхалось темное облако, в котором то проступал, то исчезал силуэт человека. От неудобной позы у Конана быстро затекла шея, но он боялся пошевелиться, потому что почувствовал, как довольно большой камень во время его перемещений отделился от стены и уперся в плечо.

— Мне понадобится твоя помощь, — силуэт в облаке пропал, оно потемнело, сгустившись, — нанесем несколько визитов на землю.

— Никуда я не пойду! — Это было уже похоже на истерику. — Ты опять обманул меня! Обещал тако-о-ого мужчину, а привел какого-то бешеного пса! — Конану показалось, что скрип его зубов разнесся по всей котловине. — Мне надоело плескаться с рыбами и валяться на песке со скатами, я хочу мужчину!

— Родная, не прибедайся, я прекрасно знаю, что у тебя в запасе полные трюмы великоленных утесленников, а свои игры со скатами ты забросила еще лет двести назад! Можешь немного развлечься, пока я навещу старых приятелей, но прошу тебя, будь поэкономней, не расходуй Изумрудную жидкость зря, ты знаешь, каких усилий требует от меня получение каждой капли...

— Старый скупердяй, жалеешь для дочери даже крох радости!

— Да нет же, мне для тебя ничего не жалко, но, прошу тебя, потерпи, когда ты получишь живого Конана, ты поймешь, что старик-отец подумал и о тебе. Может, ты пока найдешь Октогирума? Не знаешь, куда он подевался?

— Ах, да где он может быть, шляется где-то здесь по каютам, ищет всякую земную дрянь. Мне иногда кажется, что он меня не слышит. Спрашиваю его, а он молчит,

только смотрит и улыбается, как рыба-луна. Зачем ты его вытаскивал оттуда?

— Он мой сын, в нем заключена часть моей силы. Как и в тебе. Я ведь уже рассказывал тебе. Тысяча лет понадобилась мне для того, чтобы найти Четыре Главных Заклинания, дающие власть над миром. Когда будет закончен мой труд, Первое должен буду произнести я сам, Второе — мои дети от земной женщины, Третье — мой ученик. Лишь тогда можно будет прочесть последнее, Четвертое, уже начертанное невидимыми буквами на каменном пальце, связующем мир Земли и Воды. И я стану Властелином Мира.

— Зачем тебе жся эта суета? — недовольно спросила Панора. — Не проще ли океану поглотить сушу вместе со всем этим сбродом?

— Ты, по-своему, права, дочка. Но подумай сама: от меня тебе досталась ненависть, от матери ты получила неумеренное сладострастие. Что будешь делать ты, бес-смертная, навеки оставшись без мужчин? Перебирать свои запасы?

— Ах, папа, ты издеваешься! Даже твоя Изумрудная жидкость не может вернуть трупы все дыхание жизни! Мне надоела эта возня с разбухшими телами утопленников!

— Милая! Так ты еще не поняла, зачем нам нужен живой Конан? Он же человек, настоящий, горячий, буйный. Именно он вернет тебя на землю!

Киммериец увидел, как Панора подошла к самому краю площадки и задумчиво посмотрела вниз, на подводное кладбище кораблей.

— На землю... — медленно протянула она. — Я снова смогу жить среди людей... — затем, обернувшись, резко спросила: — А тебе это зачем?

— Ах, дочурка, о чем ты спрашиваешь? Для меня нет ничего слаще власти. Мне мало океана! Реки, ручейки, болота... Земля гораздо интересней! Править миром! Самому создавать и разрушать острова, да что — острова! Континенты! Заселять материки и стирать из истории

целые народы, сталкивать и мирить страны... Вот так я себе представляю свое будущее!

Панора благоговейно наблюдала, как облако, извергающее громовые слова,росло, ширилось, по нему пробежали яркие сполохи, как по грозовой туче. Зрелище было впечатляющим, и Конан, скорчившийся в своем тесном убежище, внезапно осознал, какая страшная угроза нависла над миром. Теперь, подслушав разговор Демона с дочерью, киммериец узнал, наконец, планы Од'О. Сознание странно раздвоилось: с одной стороны, Конан ощущал себя затерянным в толщах океана исполнителем чужой злой воли, а с другой — живое горячее сердце бешено колотилось у него в груди, а холодный разум уже решил разрушить этот дьявольский замысел. Одновременно простая и сложная задача стояла перед киммерийцем: уничтожить хотя бы одного из четырех носителей Главных Заклинаний. В самой глубине сознания Конан уже решил для себя, что если понадобится, то этим одним будет он сам. Это был крайний вариант, пока же киммериец внимательно дослушал разговор врагов. Он никогда не сдавался без боя.

Од'О отправился на поиски Октогирума, еще раз попросив Панору беречь Изумрудную жидкость.

— Рассчитывай свои силы, дорогая, — сказал он на прощание, — иначе получится, как в последний раз. Ты устала и заснула, а шестеро оживленных тобой утопленников разбрелись по дворцу. Мы с Кусаргом два часа гонялись за ними, пока не отловили. Не делай так больше, у меня очень много дел, я не хочу отвлекаться.

После чего Демон пропал, а девушка, немного постояв на краю, отошла, пропав из поля зрения Конана. Сгорая от любопытства, киммериец попытался высунуть голову в окошко, но добился лишь того, что камень, до этого удобно расположившийся у него на плече, свалился на ногу. От неожиданности Конан дернулся, сильно ударившись о каменную стену. Послышался скрежет, что-то зашевелилось у него под ногами, и огромный кусок скалы рядом с отверстием двинулся с места и, увекая за собой крупные и мелкие камни, рухнул вниз. Киммерийцу по-

казалось, что вздрогнули все окрестные скалы. Затаив дыхание, он вжался в узкую трещину, чувствуя спиной каждый выступ камня. К счастью, поднявшаяся после обвала туча песка быстро скрыла его от удивленного взгляда Паноры.

— Проклятье! Все горы изъедены, словно сыр мышами! — услышал он недовольный голос. — Надо будет попросить отца поставить здесь новые.

Под прикрытием все еще висевшего в воде песка, Конан быстро нашел новое убежище, откуда можно было незамеченным продолжать следить за Панорой. Колдунья, ничего не подозревая, подошла к скале и положила руку в выемку. Бесшумно открылся проход, в который девушка и вошла. Конан дорого дал бы, чтобы последовать за ней, но сейчас было слишком рискованно покидать укрытие.

Панора появилась довольно быстро. Она несла небольшой замысловатой формы сосуд, на губах ее играла мечтательная улыбка. Не глядя по сторонам, погруженная в свои мысли, девушка стала спускаться по узкой лестнице вниз в котловину. Краем глаза Конан заметил, что золотистая рыбка снова держится рядом. Киммериец крепко сжал в руке волшебный меч. Все это придало ему уверенности и, стараясь ступать бесшумно, он последовал за дочерью Демона.

Вначале она двигалась быстро и уверенно, потом ее шаги замедлились и Панора в нерешительности остановилась между двумя почти одинаковыми галеонами. Конан, выглянувший из-за форштевня какой-то полусгнившей галеры, чуть не присвистнул от удивления: так вот где все-таки встретились корабли заклятых врагов! Умышленно или случайно, друг напротив друга лежали старинные знакомые — «Вастрель», капитаном которого Конан был почти двадцать лет назад в Зингаре, и пиратский галеон «Петрель». Время и морская вода уже основательно потрудились над обломками гордых кораблей.

Панора, что-то про себя решив, приблизилась к пробоине в днище «Петреля» и два раза щелкнула пальцами. Сразу же несколько крупных морских змей появились перед ней, угодливо свивая в кольца отвратительные пят-

нистые тела. Далее девушка произнесла ряд свистящих звуков, судя по всему, отдавая приказ, потому что моментально все чудовища исчезли внутри корабля. Дальнейшее заставило содрогнуться даже Конана, навидавшегося за свою жизнь разного мерзкого колдовства.

Одна за другой, змеи появлялись из пробоины, таща за собой погибших моряков. Аккуратно уложив тела на песке, исполнительные слуги отплывали в сторону и замирали, вытянувшись в струнку. Странно, утопленники выглядели так, будто еще вчера ходили по земле. Конечно, красавцами их назвать было нельзя, но они совершенно не походили на пролежавших десятков лет на дне.

— Прекрасно, прекрасно... — еле слышно бормотала Панора, — Бальзам Белой каракатицы действует отлично. Пожалуй, этих четверых я оставлю на потом, а эту парочку возьму сейчас. — Последовало еще одно шипящее указание, и змеи исчезли, унося лишние, а около дрожащей от вождения колдуньи лежали два трупа. Киммериец со своего места не мог разглядеть лиц тех, на ком остановила свой выбор морская сластолюбивца, ясно было только, что при жизни это были молодые крупные парни. Собственно, среди пиратов редко попадались хлюпики. Мимоходом Конан удивился тому, что все утопленники были совершенно голыми. Неужели эти дрессированные змеи еще и раздевают моряков в угоду своей хозяйке?

Панора очень осторожно открыла сосуд и, держа его на вытянутой руке, наклонила над одним из тел. Киммериец, вытянув шею и затаив дыхание, старался не пропустить ни единого движения девушки. Слабое зеленое сияние появилось около горлышка. Оттуда ничего не выливалось. Сияние стало ярче, изумрудным облаком накрыв моряка. Панора тут же закрыла сосуд и быстро отскочила, так что облако ее не коснулось. Через некоторое время она повторила всю процедуру со вторым утопленником, после чего отошла в сторону и стала ждать.

Конану показалось, что бледные тела стали размягчаться, словно глина, расплываясь по дну. Скоро он понял, что это обман зрения и с ними ничего не происходило, просто вокруг волновалась вода. Панора с горящими гла-

зами следила за воскрешением. Взглянув на нее, киммериец на мгновение вспомнил свое наваждение, такой безумной страстью веяло от девушки.

Первый мужчина сел так резко, что Конан от неожиданности вздрогнул. Глаза моряка были открыты, но ничего не выражали. Он, видно, еще не чувствовал своего тела, потому что руки и ноги его были неестественно вывернуты. Зеленое сияние ослабело, но еще окружало его, отчего кожа приобрела жуткий мертвенный оттенок. Следом сел и второй. Более коренастый и смуглокожий, это был совсем молодой парень. Он напоминал только что проснувшегося младенца. Но вот уже их позы стали естественной, первый оживленный повернул голову, несколько раз сжал кулаки, попытался встать.

— Слушать меня! — громко произнесла Панора, убедившись, что мужчины пришли в себя, а изумрудное сияние пропало.

Оба моментально повернулись на звук ее голоса.

— Встать! — воскрешенные резво вскочили, не сводя с девушки глаз. Панора посмотрела на сосуд с Изумрудной жидкостью, который все еще держала в руке, видимо, решая, отнести его обратно или нет. Пересилило желание, поэтому, оглядевшись по сторонам, она отошла на несколько шагов и аккуратно поставила сосуд рядом с поваленной мачтой галеона. Конан почувствовал, как что-то холодное ткнулось ему в ухо. Но и без этого сигнала его маленького друга он понял, что нужно делать. Киммериец благодарно посмотрел на рыбку и кивнул. Колдунья уже снова стояла перед обнаженными мужчинами и одобритительно их рассматривала. Судя по всему, она осталась довольна.

— Запоминайте: вы никто и пришли ниоткуда. Вы мои рабы и будете выполнять только мои желания. — Сладко зажурившись, она повторила: — мои желания. Вспомните, как вы ласкали своих женщин. Теперь будете это делать со мной. Если мне что-то не понравится, я тут же вас уничтожу.

Не дрогнув, воскрешенные выслушали Панору и сразу же двинулись к ней. Может, в другой ситуации Конан и

не отказал бы себе в удовольствии понаблюдать за постельной («песчаной», — мысленно поправился киммериец) сценой между двумя пиратами и дочерью Демона океана, но перед глазами еще живо стояла картина извлечения трупов из корабля с помощью морских змей, поэтому Конан брезгливо отвернулся. Теперь предстояло выбрать момент и незаметно выкрасть сосуд с Изумрудной жидкостью. Рыбка вертелась перед глазами, явно предлагая свою помощь. Киммериец с сомнением посмотрел на слабое тельце. Нет, дружок, эта ночь не про тебя. Тут ему в голову пришла неожиданная мысль: почему, собственно, нужно прятаться? Девушка, конечно, опасна, — Конан с содроганием вспомнил, как лихо она превратила в студень нахальных пиратов, — но Од'О сам признавал, что бессилён против обладателя меча Короля Атлантов. А Изумрудной Жидкости, похоже, она побаивается сама... Не очень хорошо представляя, что будет делать после того, как захватит волшебный сосуд, Конан решил рискнуть. Это было вполне в его характере. Он медленно встал, разминая затекшие ноги, вынул из ножен меч и под ошарашенным от такой смелости взглядом рыбки шагнул из укрытия.

Занятая собой троица, уже превратившаяся в рычащий и стонущий клубок, не обратила на него никакого внимания. Он беспрепятственно подошел к мачте и взял в руку сосуд. Теперь можно было разглядеть, что странная посуда формой своей походила на голову необычного животного, отдаленно напоминавшего слона. Горлышко-хобот было плотно закупорено блестящей пробкой. Сосуд был тяжелым и теплым на ощупь.

От страшного вопля, ударившего по ушам, киммериец чуть не выронил добычу. Воскрешенные пираты с ошалелыми лицами валялись на песке, а перед ним стояла совершенно голая Панора со встрепанными волосами. Искривленное яростью, ее лицо было неузнаваемым. Казалось, еще мгновение, и она вцепится Конану в горло. Странно, но никакого страха он не испытывал. Приподняв сосуд с Изумрудной жидкостью и указывая на него мечом, киммериец с веселой злостью спросил:

— Это не ты потеряла, милашка?

Глаза Паноры налились мрачным огнем, она вытянулась, завертелась на месте, стройные ноги превратились в рыбий хвост, взмыв кверху, русалка страшным голосом приказала:

— Убейте его! — Словно замороженные, пираты поднялись и неторопливо пошли на Конана.

— Да, у тебя сильные воины! — смеясь, сказал киммериец, легко поигрывая мечом.

— Идиоты! — завопила колдунья. — Куда претесь с голыми руками! Оружие! Возьмите оружие!

Растерянные парни топтались на месте, не соображая, что же им делать. Тот, что помоложе, вдруг резво подскочил к борту галёна и, схватившись за торчавший из пробоины кусок обшивки, легко отодрал здоровенную доску. Ни один живой человек этого сделать бы не смог. С утробным ревом он двинулся на Конана. Краем глаза следя за вторым, киммериец приготовился отразить нападение. К счастью, огромная доска не позволяла пирату быстро двигаться. В тот момент, когда он, размахнувшись, уже готов был опустить ее на голову противника, Конан, увернувшись, глубоко всадил меч ему в живот и с силой дернул вверх. Широкая дыра распахнулась посреди голого белого туловища, колени пирата подогнулись, и он свалился навзничь, уронив на себя обломок доски. Ни одной капли крови не вылилось из несчастного тела, второй раз принявшего смерть.

Все произошло очень быстро, однако, повернувшись, киммериец обнаружил, что второй утопленник успел вооружиться получше. Откуда-то взявшийся в его руке меч выглядел похуже, чем у Конана, но, судя по стойке и хорошо заметным на бледной коже шрамам, при жизни это был опытный боец. Первые несколько взаимных выпадов отражались легко, но тут пират провел необычный хитрый прием и чуть не отсек киммерийцу руку, державшую сосуд. Торжествующий крик Паноры подсказал ему, что здесь не обошлось без магии. Притворившись, что отступает под натиском пирата, Конан сделал несколько шагов назад и внезапно, во время очередного прямого

выпада увлекшегося атакой противника, резко отскочил в сторону и присел, одновременно сильно ударив его по ногам. Король Атлантов знал толк в оружии. Волшебный меч, направляемый уверенной рукой короля Аквилонии, отсек обе ноги врага, словно березовые прутьики.

Конан только и успел, что широко улыбнуться беснующейся Паноре, когда на ее зов из всех щелей полезли морские змеи. Скользкие гибкие твари устремились к киммерийцу, раззевая багровые пасти. Несколько взмахов меча, и вода вокруг него заполнилась кусками пятнистых тел и черной кровью. Ничего не различая в этой каше, он попытался выбраться, но почувствовал, как что-то обвилось вокруг ноги. Конан успел перерубить змею, но равновесие не удержал и кубарем покатился по песку. Чудовища и сами, видно, потеряли его в пылу борьбы, потому что, выбравшись из темного облака крови, киммериец беспрепятственно встал на ноги.

И очутился лицом к лицу с Панорой. Их распаленные лица разделяло не больше локтя. Глядя прямо в глаза демонскому отродью, Конан медленно поднял меч.

Яркая вспышка заставила его зажмуриться, а от громового голоса над головой заложило уши:

— Остановись, варвар!

Глава XVIII

Секундного замешательства Конана хватило Паноре, чтобы отскочить в сторону. На ее месте уже высился Од'О. Сейчас он был раза в три выше человека и выглядел очень грозно, хотя его одежда, несмотря на серьезность ситуации, могла бы вызвать смех: отдельные детали странного вида доспехов были одеты прямо на кружевное белье, на ногах стливали золотом ночные туфли. «Э, приятель, да ты сильно спешил!» — подумал Конан, насмешливо разглядывая Демона. С мечом Короля Атлантов в одной руке и Изумрудной жидкостью в другой, киммериец чувствовал себя уверенно. Чуть поодаль он заметил Октогирума. Все такой же бледный,

как и при первой их встрече, сын Од'О, как показалось, с изумлением рассматривал следы битвы на песке.

— Самонадеянный человечешко! — прогремел Демон океана, глядя сверху на Конана. — Ты пошел против меня? Твоя дерзость будет наказана! Знай же, что я наложил на людей земли страшное заклятье! Его сила настолько велика, что теперь даже я не смогу его снять! — Конан хорошо видел, как за спиной Од'О злорадно улыбнулась Панора. — Гляди!

Од'О протянул руку и выронил на песок небольшой шарик. На месте его падения образовалась воронка, оттуда брызнул яркий свет, затем, — словно раздвинулся занавес, — киммериец увидел перед собой берег моря, город. Не сразу он понял, что перед ним Мессантия. Гниющее море наступало, заливая дома, на улицах лежали разбухшие трупы, тучи мух роились над ними. На широкой площади среди толпы испуганных людей черный стражник спешно зачитывал приговор «колдуну и злодею, гнусному аквилонскому шпиону, именующему себя Зубником». Черные траурные полотнища свисали из окон дворца герцога.

— Мальчик все-таки умер, — услужливо объяснил Од'О. — Виновника быстро нашли. Он обманом проник во дворец, назвавшись лекарем, и даже коварно сделал вид, что вылечил ребенка.

Конан молчал, чувствуя, как внутри начинает закипать гнев. Увы, далее последовали еще более страшные картины.

Изящные дворцы другого старинного города, словно игрушечные, легко ломаясь, падали в реку, знакомый зеленоватый цвет которой мешался с кровью и пылью. Словно обезумевший, Тайбор покинул свое ложе, разливаясь все шире, захватывая новые дома. Жители Шамара, прижимая к себе кто — ребенка, кто — случайно выхваченную домашнюю утварь, бежали прочь. Как будто глумясь над этими беспомощными попытками уйти от стихии, огромные волны догоняли и безжалостно поглощали несчастных. Где-то мелькнуло искаженное лицо Кастеджо и тут же пропало, сметенное толпой.

— Мне очень нравятся большие озера со спокойной водяной гладью, — снова мечтательно прокомментировал Демон. В этот момент Конан уже был готов вцепиться ему в плотку. Ему захотелось тут же проверить, действительно ли проклятый водяной так неуязвим, как говорил. Словно угадав мысли человека, Од'О спокойно произнес: — Не торопись, варвар, еще несколько интересных картинок, а потом уже поговорим.

Сердце Конана упало. Он уже догадывался, к чему клонит его мучитель. На первый взгляд, никаких изменений в королевском дворце Тарантии, появившемся перед его взором, не было заметно. Странной показалась киммерийцу только мертвая тишина. Вдруг со стороны комнат сына послышались жуткие нечеловеческие вопли и завывания. Двое придворных, в испуге прижавшихся к стене, тихо переговаривались, косясь по сторонам. «Несчастный ребенок, — грустно говорил один. — Он совершенно потерял разум. Вчера он выбил себе глаз, пока метался по комнате.» «Да, да, — соглашался второй, — он не смог пережить потрясения. Кто же знал, во что превратилась его мать? Я сам чуть не умер от страха, когда она пробежала мимо меня по коридору перед тем, как кинуться с башни. Вся Тарантия в панике. Никто не знает, что произошло во дворце, но Конан так поспешно бежал... Видно, несчастья еще не миновали. Люди говорят, что король бросил нас».

В этот момент киммериец все-таки не выдержал. Со страшным криком он бросился на Од'О. Казалось, меч Короля Атлантов вот-вот вонзится в живот ухмыляющегося злодею и поразит его на месте.

На самом деле ничего не произошло. Словно стена тумана разошлась перед человеком и снова сомкнулась за его спиной. Конана сильно бросило вперед, обернувшись, он увидел невредимого Демона, уже нормального роста и в его любимом обличье: перед киммерийцем стоял невысокий старичок с ехидным морщинистым лицом.

— Горяч, ох, горяч, — довольно произнес Од'О и, повернувшись к Октогируму, укоризненно сказал: — Вот,

сын, тебе бы хоть малую толику такого темперамента, а то сидишь на своем камушке, как больная медуза, лишний раз и с места не тронешься! — Однако, Демон тут же сменил тон и прежним грозным голосом, который теперь не очень вязался с его видом, продолжал, обращаясь к Конану: — Можешь не тратить напрасно свою энергию, я же предупреждал тебя, что эти игрушки мне ни почем. К тому же, не всегда можно разрешить спор оружием. Ты понял, что я сильнее тебя. Придется с этим смириться. Вижу, вижу, что это не в твоём характере, варвар, но другого выхода у тебя нет. Знай же, что все, кого ты сейчас видел, хе, хе, я имею в виду, оставшихся в живых, закляты твоим именем! И для того, чтобы им помочь, тебе волей-неволей придется пойти ко мне в ученики. — Од'О хитро посмотрел на Конана и, довольный своей каверзой, добавил: — Я думаю, ты будешь прилежно заниматься, ведь чем быстрее ты станешь Учеником Демона, тем быстрее сможешь вызволить своих близких. — Здесь он притворно вздохнул. — Увы, разделяю твою горе, никто уже не вернет тебе Зенобию, но тут уж, я ни при чем, она так решила сама. Я знаю, ты скоро утешись, это ведь не последняя женщина в твоей жизни? Поживешь у нас, пообвыкнешься, там, глядишь, и с Панорой поладите?

От его глумливой речи у Конана сводило скулы. Он лихорадочно соображал, что же можно сделать. В одном этот отвратительный старик, конечно, прав: глупо размахивать мечом против тех, кому это не причиняет никакого вреда. Киммериец решил потянуть время в надежде, что его изворотливый ум подскажет выход. Стараясь говорить как можно спокойней и будто раздумывая, Конан спросил:

— Ну, хорошо, коварный водяной, положим, я согласусь. Почему ты так уверен, что, став Учеником Демона, я не обращу полученные знания против тебя самого?

Од'О захихикал, потирая маленькие ручки, и охотно объяснил:

— Правильно мыслишь, правильно. Но я не такой дурак, чтобы просто так обучать тебя волшебству и раскрыть все мои секреты. Чтобы стать магом, ты отдашь

мне часть своей души. Ты не будешь больше просто человеком, тысячи невидимых нитей свяжут тебя с миром демонов, это не позволит пойти против меня. Но и свою волю ты не потеряешь, уверяю, ты даже ничего не заметишь. Но подумай, какую огромную власть ты получишь в свои руки! Корона Аквилонии по сравнению с твоим будущим могуществом — детский чепчик! К тому же, человек, я оказываю тебе великую честь: ты будешь не слугой, а Учеником!

Конан содрогнулся, представив, что его ожидает. Мысли все быстрее и быстрее вертелись в поисках спасения. Неправильно истолковав молчание киммерийца и приняв его за согласие, Од'О повернулся к Октогируму и громко приказал:

— Отправляйся в Рубиновый Грот. Возьмешь там Железный Обруч и Главную Книгу Воды. Все принесешь во дворец, — затем, повернувшись к Конану, приветливо спросил: — Я думаю, о делах можно поговорить в более приятной обстановке?

«Неужели он думает, что успел сломить меня?» — недоумевал киммериец, наблюдая, как Октогирум медленно поворачивается, чтобы уйти. Все происходящее напоминало ему... нет, даже не сон, но что? Эта странная торопливость, трюки с изменением внешности, страшные картины, родившиеся из упавшего на песок шарика... Кром! Да это же балаган! Дешевый спектакль, наспех придуманный и разыгранный для того, чтобы запугать и сломить волю! Недаром Гардевир предупреждал, что любимое развлечение Од'О — это миражи! Конан быстро припомнил, как развивались события. Демон отправился искать Октогирума, предоставив Паноре развлекаться со своими утопленниками. Он не собирался на землю, хотя и упомянул в разговоре с дочерью о какой-то ловушке, которую готовит киммерийцу. Вот оно! Демон просто не успел бы совершить все те злодеяния, которые он, куражась, демонстрировал Конану! Имея уже богатый опыт общения и борьбы с волшебниками, киммериец понимал, что для того, чтобы наложить заклятие, да еще такое

страшное, даже столь могущественному демону, как Од'О, понадобилось бы время!

Конан наклонил голову, чтобы невольная улыбка не выдала его мыслей. Пусть Од'О считает, что его ловушка сработала.

Демон с удовлетворением наблюдал, как могучий киммериец спокойно вкладывает меч в ножны. Его, конечно, больше устроило, если бы человек вовсе снял это проклятое оружие и оставил его на песке, но для этого еще не пришло время. Люди ужасно упрямы и своенравны! Единственное, на чем можно играть, это на их поразительной сентиментальности. Од'О не раз уже использовал этот прием и не переставал удивляться, во что превращались самые отчаянные и неподкупные воины, стоило хоть чуть задеть их мать или детей. А эти бессмысленные слюни по поводу жен! Демон гадливо поморщился при воспоминании о черноволосой похотливой красотке, родившей ему Панору и Октогирума. Вначале эта ничтожная тварь возомнила о себе невесть что, а потом, валяясь у него в ногах, молила сохранить ей жизнь... Нет, милая, свое дело ты сделала, больше ни на что не сгодишься. Од'О мельком вспомнил искаженное ужасом и болью лицо женщины, по которому пробегали багровые отблески, огромную мутную волну, поглотившую ее... Сам он стоял у скалы, держа на руках двух новорожденных младенцев, и упивался великолепной открывшейся перед ним картиной разрушения: земля ходила ходуном, по ней разбегались трещины, в которые бушующее море тут же устремляло потоки воды. Поднимавшаяся из глубины лава превращала воду в пар, со страшным скрежетом раздиравший трещины еще шире. Все это стонало, грохотало и шипело, будто вот-вот вслед за деггми Демона Океана и земля готовилась родить своего огненного ребенка. Од'О представил себе на мгновение, что видит свое будущее и в его руках, наконец-то, сосредоточена вся власть над миром. Два крошечных комочка, пицавшие над ухом, не вызывали в нем никаких эмоций, они были просто очередным этапом в его сложном демоническом плане завоевания суши. И как это женщины могут испытывать

нежность к таким жалким своим подобиям? Сейчас его новорожденные дети больше всего напоминали Од'О слепых крысят в трюме затонувшего судна...

Конан спокойно ждал, когда Демон оторвется от своих воспоминаний. Маленький золотой блик мелькнул среди поваленных мачт и он догадался, что Октогирум отправился в Рубиновый грот не один, а в сопровождении рыбки. «Молодец, малыш, — мысленно похвалил ее киммериец, — не знаю, откуда взялся этот необычный союзник, но, оказывается, и морские твари могут соображать».

В сопровождении Паноры, вновь обернувшейся русалкой, Конан и Демон океана отправились во дворец. Киммериец крепко сжимал в руке сосуд с Изумрудной жидкостью, несколько раз поймав на себе злобный взгляд колдуньи. По пути Од'О всячески изображал радушного хозяина, пытаясь расспрашивать Конана о самочувствии, предлагая перекусить и проявляя недюжинные познания в винах. Киммериец отвечал скупой, наотрез отказался есть, помня предыдущий застольный опыт, который чуть не закончился для него плачевно. В его голове уже начал созревать план уничтожения этого подводного демонского гнезда. Почти все увиденное и услышанное постепенно складывалось в четкую картину. Не совсем ясно было с Октогирумом. Этот странный отпрыск по-прежнему оставался для киммерийца загадкой. Судя по рассказу Гардевира, сын Демона океана представлялся Конану злобным и жестоким. Поэтому-то его нынешнее поведение и казалось таким странным. И отец, и Панора явно недовольны Октогирумом... Од'О сам признался в разговоре с дочерью, что демоны, прошедшие через лед, теряют свою силу... Значит... Киммериец так задумался, что чуть не упал, споткнувшись о камень.

Гардевир совершенно уверен, что дети Демона океана уничтожены. Он не может врать. Но Демон океана говорит обратное, и рядом с ним находятся живые и невредимые Панора и Октогирум. Кому же верить? Конан запутался. Да нет же, все решается очень просто! Проклятое демонское отродье действительно исчезло с лица земли и может существовать только в океане! Как там говорил Зубник?

«Поганой слизью по холму растеклась...» Ну, конечно, вся злоба колдуньи просочилась сквозь землю, ближайшая же подземная река вынесла ее в океан, где добрый папаша вернул лишенной силы Паноре ее облик. Но на сушу она теперь может являться только призраком, не имея возможности творить свои гадости. Однако, Конан сам наблюдал ее жуткую расправу с пиратами... Выходит, какая-то сила еще осталась в этой красотке. И, скорей всего, это связано с близостью моря. Что еще? Похотливая русалка жить не может без мужчин, для чего ей придется консервировать, а потом оживлять утонувших моряков. Киммериец вдруг четко вспомнил, как осторожно выливали Панора Изумрудную жидкость. Отлично! Она боится! Может быть именно этот замысловатый сосуд и пригодится для борьбы с ней.

Теперь уже мысли работали четко. Октогирум. Жестокый, склочный, с легкостью передвигавший скалы. Од'О вызволил из ледяной глыбы и его. Да вот только каким? Растаявшая ненависть, смешавшаяся с водами Хорота, наделавшая столько бед, уничтожившая целую деревню и чуть не погубившая столицу Аквилонии, тысячекратно разбавленная впоследствии морем, исчезла без следа. Ну, если только стайка мальков, сгоряча хлебнувших слабой отравы, подралась среди коралловых зарослей. Значит, не зря сердится на сына Демон океана. Лишенный и своей силы, и питавшей ее ненависти, Октогирум на самом деле больше всего сейчас напоминает медузу.

Уже входя во дворец, Конан обратил свои мысли к главному сопернику — Од'О. Как выяснилось, даже волшебный Меч Короля Атлантов, защищающий киммерийца, оказался против Демона бессилен. Гардевир предупреждал об этом, но Конан не хотел верить, что поганый воиной на самом деле так неуязвим. С какими только жуткими созданиями не приходилось встречаться могучему киммерийцу, на всех находилась управа. Он твердо знал, что всемогущи и недосыгаемы одни Боги.

К сожалению, пришлось прервать размышления. Конан уже стоял посреди тронного зала.

— Ну, что ж, — Од'О вновь принял облик сурового мужчины с некрасивым лицом в дорогой одежде. — Не будем терять времени. Раз наш гость отказывается от угощения, приступим к делу. — Сквозившее в его словах нетерпение еще раз убедило киммерийца в правильности своей догадки. Демон спешил. Он, видимо, считал, что ему удалось обмануть Конана. «Самодовольная каракатица! — зло подумал киммериец. — Плохо же ты меня знаешь!»

Глава XIX

С точки зрения Демона Од'О, вся церемония посвящения в Ученики проходила весьма торжественно. Мерцающий голубоватый свет пробежал по колоннам, стало светлее. Стены и пол сделались прозрачными, Конан увидел себя словно парящим на огромной высоте. Под ногами плавно проплывали огромные диковинные рыбы, покачивая плавниками. Киммерийцу стало немного не по себе, однако увидев сидящих на троне Демона с дочерью, он вновь разозлился на этот дурацкий балаган. Од'О опять повесил на себя драгоценностей, отчего еще больше стал похожим на ярмарочного шута. Панора тоже принарядилась: переливающееся всеми цветами радуги платье, составленное из узких блестящих ленточек, словно живое, шевелилось и извивалось на ней, то и дело открывая соблазнительные формы. Ее злые глаза горели торжеством. В предвкушении скорой победы над непокорным человеком, дочурка нетерпеливо кусала губы. «Тьфу, жаба, — мысленно выругался киммериец, — да чтоб ты знала, любая замызганная девка из портового кабака милей мне во сто крат!»

— Приготовься, человек земли! — Голос Демона океана гремел. — Сейчас ты будешь посвящен в Ученики. Отбросив свою жалкую оболочку, ты станешь равным нам. Все знания, дающие власть над миром, будут для тебя открыты. Гордись, начинается твоя новая жизнь, без суеты и страхов, с новой силой и новыми целями. Наконец ты сможешь открыть ее новый и правильный смысл!

Конану даже показалось, что где-то раздаётся музыка. Нарастающие по силе мрачные аккорды давили на мозг, сердце сжалось в тоскливом предчувствии.

Внезапно церемония была нарушена появлением Октогирума. Совершенно буднично, словно опоздавший школяр, зажав под мышкой книги, он почти вбежал в тронный зал. Од'О слегка нахмурился. Похоже, своим неподобающим поведением сын срывал ему важный спектакль. Стараясь не сбиться с тона, Демон царственным движением протянул руку и произнес:

— Поддай же мне Главную Книгу Воды, возлюбленный сын мой!

Конан чуть не расхохотался, когда увидел, как тот, послушно подойдя к трону, споткнулся о первую же ступеньку. И тут же, не успев сообразить, зачем он это делает, киммериец негромко окликнул:

— Эй, Октогирум! — Вздрыгнув от неожиданности, сын демона уронил книгу на прозрачный пол и обернулся. Конан смело глядел ему в глаза. Он ясно видел перед собой, нет, не демонское отродье, а лишь растерянного человека.

— Ты что, веришь этому усыпанному стекляшками старому лицемеру? Который за глаза называет возлюбленного сына медузой? А ты не задумывался, кому ты обязан своим нынешним положением?

Вскочивший со своего места Од'О в ярости заорал:

— Молчать, варвар! Октогирум, подними книгу! — Но тот уже внимательно слушал Конана. Мучительная борьба отразилась на его болезненном лице, словно он усиленно пытался что-то вспомнить. Не обращая внимания на вопли Демона и все больше чувствуя свою силу, киммериец продолжал, повысив голос:

— Я пришел сюда не за вашими черными знаниями, а чтобы спасти свою жену, мать моего сына. За них я готов сразиться с тысячей таких злодеев, как твой отец.

— Твоя Зенобия мертва, мертва! — сорвался на визг Демон.

— Лжешь, — спокойно ответил Конан, даже не взглянув на него. Октогирум с горящими глазами, казалось,

впитывал каждое слово человека. — Я знаю, на что иду, и знаю, во имя чего я это делаю. — Вкладывая в слова всю свою ненависть, он жестко закончил: — Вашу мать он уничтожил сразу после вашего рождения. А тобой, словно медной монетой, пожертвовал в борьбе с Демоном Небесных Вод, которому и дела-то не было до этого пакостника!

Больше Конану ничего сказать не удалось. Темное облако, сорвавшееся с трона, накрыло Октогирума. Послышался тяжелый гул, пол под ногами зашатался, киммериец успел заметить Панору, в ужасе метнувшуюся куда-то в угол. Отступив на несколько шагов, он на всякий случай вынул меч. И, как оказалось, вовремя. Словно повинуясь неслышному приказу, из-за колонн начали появляться жуткие твари. Вначале Конану показалось, что это морские змеи — слуги Паноры, но приглядевшись, он убедился, что ошибся. Эти были крупнее, большие шишковатые головы, казалось, состояли из одних огромных пастей, усеянных тонкими острыми зубами. Гибкие тела заканчивались двумя шипастыми хвостами. При движении чудовища отвратительно подергивались, то раскрывая, то убирая иглы плавников. Они надвигались плотной стеной, вызывая дрожь омерзения и гипнотизируя человека мерцанием красноватых огоньков вдоль хребта. Сосредоточившись на первых подплывающих тварях, киммериец чуть было не упустил других, незаметно стелившихся по самому полу. Очень тонкие и гибкие, они напоминали живые веревки и, замешкайся Конан еще хоть на миг, его ноги были бы накрепко спутаны.

Одним резким и сильным ударом киммериец счистил пол вокруг себя и тут же вонзил меч в пасть первому чудовищу. На удивление, зубастые твари были не очень агрессивны, но их становилось все больше, Конан едва успевал поразить двух-трех нападавших, как тут же на их место прибывало пять новых. Одна из плавающих веревочек уже опутала ему правую ногу, но стоило лишь опустить меч, как острые зубы уже оказались у лица. В левой руке киммериец по-прежнему сжимал сосуд, поэтому, отшат-

нувшись, он инстинктивно ударил чудовище прямо по зубам. Раздался отвратительный хруст, и зверюга потеряла интерес к борьбе. Конан медленно отступал, оставляя перед собой изрубленные скользкие тела. Почувствовав спиной стену, он остановился. Рука, державшая меч, стала уставать, а чудовищ не становилось меньше.

Лишь одно неверное движение допустил киммериец, как тут же последовал сильный рывок за ногу. Он поскользнулся на отрубленном хвосте и упал, не выпустив меч. Казалось, еще мгновение — и от человека останутся только кровавые опметки. Но твари лишь окружили его плотным кольцом, вперив холодные немигающие глаза в близкую жертву. Конан попытался встать, но понял, что ноги связаны. Сжав зубы от унижения и бессилия, он сел, опираясь на меч. Не было и речи о том, чтобы освободиться — для этого подошел бы кинжал, но не меч, первым же ударом он перерубил бы себе ноги. Чудовища расступились, открывая заваленный убитыми зал.

Около трона стоял зло улыбающийся Од'О. Лицо Октогирума было пустым и невыразительным.

— Не перестаю удивляться людскому коварству, — вздохнул Демон, взмахом руки разгоняя уцелевших чудовищ. — Но только не пойму, на что ты рассчитывал, пытаясь обмануть меня? — Кинув взгляд на сына, укоризненно добавил: — И зачем было тревожить мальчика? Он и так очень слаб...

Голос Од'О становился все более и более ласковым, даже слащавым. Перед Конаном стоял слабый немощный старик. Поискав глазами, он тихо позвал:

— Панора, детка, где же ты? Мне понадобится твоя помощь.

Откуда-то незаметно выскользнула Панора и стала справа от него. — Помоги мне сесть, милая, и подай поскорее Главную Книгу Воды. Наш дорогой гость не может больше ждать. — Повернувшись к Октогируму, он легонько подтолкнул того в спину: — Действуй, сынок, ты знаешь, что делать.

Конан увидел в руках у Октогирума небольшой обруч. Словно во сне сын Демона двинулся к киммерийцу. Одновременно поддерживаемый под локоть Панорой Од'О, кряхтя, взобрался на трон, открыл поданную книгу и начал вслух читать. Весь зал заполнили странные заунывные звуки, то и дело обрывавшиеся на высокой ноте. Все окружающее стало зыбким и нечетким, стены почернели, с пола исчезли следы только что произошедшей битвы, но ноги Конана по-прежнему были туго стянуты веревками. Он сидел, опершись о меч, не выпуская из рук Изумрудную жидкость, и изо всех сил боролся с подступающим отчаянием. В голове появился слабый шум, мысли начали путаться, сознание покидало киммерийца. Сквозь застилавший глаза туман он увидел подошедшего Октогирума. Еще недавно живые горящие глаза его были сейчас неотличимы от пустых глаз зубастых тварей. На неподвижном мертвенно-бледном лице шевелились бескровные губы. Конан из последних сил попытался рвануться, но безрезультатно. Продолжая слышать заклинания Демона океана, киммериец почувствовал, как на голову опустился тяжелый холодный обруч.

Пропало все. И только в обмякшем безжизненном теле человека, сидевшего у стены, продолжало биться горячее живое сердце.

За тысячи лет своего существования Демон океана не испытывал такого потрясения.

Он еще продолжал читать по Книге Воды, когда увидел, что Конан глубоко вздохнул, не открывая глаз, нахмурился...

Железный Обруч, одетый на его голову, чтобы лишить будущего Ученика воли, с оглушительным звоном лопнул.

И тут же, словно сдернули тяжелый пыльный занавес, стало светло. Веревки упали с ног киммерийца, он встал, опалив Демона взглядом злых синих глаз, и поднял меч. Опустившийся на колени Октогирум разрыдался. Книга выпала из рук Од'О. Через мгновение его самого уже не было в зале.

— А папаша-то твой, оказывается, трус, — весело обратился Конан к остоленевшей Паноре. После чего вло-

жил меч в ножны, мельком безо всякой жалости глянул на раскисшего Октогирума и, раздумчиво взвешивая на руке волшебный сосуд, произнес:

— Кажется, я знаю, где может пригодиться ваша зеленая водичка, и, пожалуй, заберу ее с собой. А пока...

В несколько легких шагов преодолев разделявшее их расстояние, Конан открыл пробку и плеснул из сосуда прямо в лицо колдунье.

— А-а-а... — протяжный звук вырвался из ее горла, тут же превратившись в нечленораздельное бульканье. Черты красивого лица исказились, смазались, тело быстро теряло форму, стекая вниз, как расплавленный воск. Через несколько мгновений под ногами киммерийца валяло копошилось нечто, напоминавшее то ли крупного моллюска без раковины, то ли сбжавшее тесто. С краю бледно-розового комка ритмично надувался и опадал пузырь.

— О, — удивился Конан, брезгливо пиная студень ногой, — да ты еще и живое!

Оглядевшись по сторонам, он с радостью увидел верного приятеля — золотую рыбку, которая приветливо помахивала хвостом, радуясь победе человека.

— У нас с тобой есть еще одно дело, — обратился к ней киммериец, — пока гостеприимный хозяин не очухался, мне надо срочно побывать у той скалы, похожей на руку, помнишь?

Рыбка завертелась волчком, видимо, одобряя решение Конана, и быстро поплыла прочь. Не оглядываясь, он последовал за ней.

Каменный палец был уже совсем близко, когда он почувствовал, что идти стало труднее. Вода вокруг словно превращалась в плотный кисель, сковывая движения. Но могучего киммерийца уже ничто не могло остановить. В двух шагах от скалы он помедлил, оглядел камень, с которого и началось его знакомство с Демоном океана, и задумчиво произнес:

— Четвертое Заклинание, говоришь?

И, вынув из ножен Меч Короля Атлантов, широко размахнувшись, что есть силы ударил по скале. Раздался оглушительный грохот, в котором слились воедино и

скрежет металла, и треск камня, и полный злобной тоски отчаянный вой.

Страшная сила оторвала Конана от дна, выдрала из руки меч, что-то с силой ударило его по унам, он широко открыл рот... И захлебнулся.

Эпилог

Конан сидел около бассейна в уютном внутреннем дворике дворца герцога Эстепонато и с наслаждением вдыхал свежий морской воздух. Даже сюда, сквозь толстые высокие стены доносился тяжелый рокот волн. Чуткое ухо киммерийца уловило, как одна из служанок тихо сказала другой:

— Ну и шторм! В жизни такого не видала — целую неделю беснуется! — Широкая улыбка расплылась по загорелому лицу короля Аквилонии. Мимо с гиканьем промчался его сын Конн. Следом бежал Баджо, заливаясь счастливym смехом и стараясь попасть в приятеля зелеными сливами.

Неслышно подошедшая Зенобия положила Конану руки на плечи.

— Ты получил письмо от Кастеджо? — Этот ласковый голос киммериец мог слушать вечность. Чуть повернув голову, он кивнул.

— Он придет к нам?

— Не сейчас, милая. Наш друг приносит свои извинения, но он очень занят. Берег Тайбора сильно просел, весь Шамар занят восстановлением разрушенных домов. Но как только работы будут завершены, Кастеджо обязательно навестит нас. Он обещал.

На выложенной разноцветными плитками дорожке появилась белая фигура. Конан тут же встал и направился навстречу Гардевиру.

— Я пришел проститься. — В руках волшебник держал сосуд с остатками Изумрудной жидкости. Когда жители рыбацкой деревушки нашли бесчувственного киммерийца, лежащего на песке, им так и не удалось разжать его пальцы, сжимавшие горлышко сосуда. — Это я забираю

с собой. Вам эта жидкость больше не понадобится, — Гардевир с улыбкой посмотрел на Зенобию. Казалось, живительная изумрудная сила сделала женщину еще красивей. — А оставлять такие вещи людям нельзя.

— Ты уже уходишь? — В голосе Зенобии послышалась грусть. Именно этот высокий седобородый маг помог ей выдержать весь ужас и тягость ожидания.

— Мне пора.

Конан не смог бы словами выразить всю благодарность Гардевиру, хотя, с другой стороны, киммериец готов был отдать половину королевских сокровищ, чтобы никогда больше не связываться с магией. Но у него еще оставалось несколько вопросов к волшебнику.

— Почему все-таки Од'О так просто отпустил меня?

— Во-первых, ты пришел к нему по доброй воле, — в своей обычной плавной манере начал маг. — А во-вторых, тебя здорово защищали и Меч Короля Атлантов, и Изумрудная жидкость. Но самое главное, — Гардевир понизил голос, — скорей всего, он понял, что ты сильнее. Недаром лопнул Железный Обруч.

— Да, — задумчиво протянул Конан, — меч был хорош. Жаль, что не удалось его сохранить. А кстати, он-то откуда взялся? И рыбка еще какая-то золотая...

— Да, что уж там, — лукаво улыбнулся волшебник, — мы, чай, тоже не фокусы на ярмарках показываем...

— И, все-таки, жаль, что не удалось уничтожить эту морскую гиену Од'О! Не начнет ли он снова пакостить?

Яркое солнце заливало крышу, слабый ветерок чуть трогал верхушки пальм. Странно поэтому было слышать отдаленный рокот шторма.

— Побесится и перестанет, — добродушно заметил Гардевир, прислушавшись. — Ведь, разрубив каменный палец, ты лишил его главного — возможности выходить на сушу. А шторма... Что ж мы, штормов не видали?

Зенобия звонко рассмеялась. Она подошла к мужу и, одарив его полным любви взглядом, кивнула волшебнику: — Переживем.

День заканчивался. Неяркие еще звезды робко загорались на ясном спокойном небе. Пир во дворце был еще

в самом разгаре, когда Зенобия заметила хмурую складку на лбу Конана.

— Что тебя тревожит, мой повелитель? — ласково-обеспокоенно спросила она.

— Есть один вопрос, который до сих пор не дает мне покоя. — Киммериец выглядел озабоченно. Внезапно он поднялся и, тихо сказав несколько слов сидевшему рядом Эстепонато, вышел из-за стола.

— Я с тобой! — Зенобия порывисто вскочила и бросилась за ним. Герцог удивленно проводил глазами сильную фигуру короля, чуть пожал плечами и продолжил застолье.

По ночной Мессантии быстро шли двое — крупный мужчина, завернувшись в дорогой плащ, крепко держал за руку хрупкую женщину. Случайные прохожие оглядывались на странную пару, недоумевая, как могло занести в портовые трущобы таких разряженных господ.

При виде стоящего перед ним Конана, Бо Деревяшка чуть не свалился с табуретки.

— Митра! Живой!

Но тут же, вспомнив, с кем говорит, вскочил. Открыв рот, он переводил взгляд с улыбающегося короля на Зенобию, не в силах больше вымолвить ни слова. Он лишь молча пожал протянутую руку и в растерянности сел.

— Неужели сбобел? — смеялся киммериец, подзывая хозяина кабака. — Надеюсь, не откажешься выпить со мной хорошего вина?

Бо кивнул. И скоро, забыв свою робость, уже оглушительно хохотал над шутками Конана.

После пятого кувшина вина киммериец, нахмурившись, задал, наконец, мучивший его вопрос:

— Послушай, капитан, не мог бы ты мне сказать, почему тебя зовут Бо Деревяшка?

Просоленный морской волк совершенно неожиданно залился багровым румянцем и, исподлобья поглядывая на Зенобию, смущенно произнес:

— Простите, Ваше величество, но кто ж такие вопросы при дамах задает?

МОЛИТВА КИММЕРИЙЦА

Первый крик младенца затерялся
Среди скал и пепельных снегов,
Но услышал Кром и отозвался;
Был коротким приговор его:

Конан, живи,
Конан, руби,
Не уступай
Путь без борьбы!
Конан, жини,
Конан, руби,
Конан, прими
Жребий судьбы!

И с тех пор и в странствиях, и в битвах,
Свод небес и круг земной круша,
Отзвуками яростной молитвы
Голос бога грохотал в ушах:

Конан, живи,
Конан, руби,
И расшибай
Молотом лбы!
Конан, живи,
Конан, руби,
Головы павших
Вздвесь на столбы!

Кром, суровый бог, неумолимый,
Демон окровавленных снегов,
Кром, твоё священно имя,
Не оставь же сына своего!

Конан, живи,
Конан, руби,
И набивай
Прахом гробы!
Время и боль,
Маг и король
Перед тобой
Будут рабы!

Сколько раз тупилась сталь секиры
Сколько битв минуло, сколько лет
Ни покоя на земле, ни мира,
И по-прежнему гремит в ответ:

Конан, живи,
Конан, руби,
Крови не жаль,
Люди — слабы!
В землю уйдут,
В холмах уснут,
А над холмами
Встанут дубы!

Седина виски посеребрила
Пеплом погребального костра,
Отгорела молодая сила...
Но ещё не кончена игра!

Конан, живи,
Конан, руби,
Не уходи
В тьму без борьбы!
Конан, живи,
Конан, руби,
Конан, внимай
Трубам судьбы!

Глава 1 Рождение Рана Риорды

О времени, называемом в хайборийских королевствах Допотопной эпохой, известно немного: пожалуй, в летописях можно найти сведения о самом последнем ее периоде, да и то они окутаны туманом легенд. Наиболее ранние исторические хроники рассказывают об упадке допотопной цивилизации, хотя процесс этот тянулся не один век. Наиболее могущественными в ту пору были державы Гирканского материка (или Туранского, как именуется он в некоторых источниках) — Валузия, Камелия, Верулия, Грондар, Туле и Коммория. Народы этих стран говорили на одном языке, что свидетельствует об общности их происхождения. Варварами же той далекой эпохи являлись пикты, обитавшие на далеких островах в Западном океане, и атланты, населявшие небольшой цветущий континент между островами пиктов и Туранским материком.

Альмаденские Скрижали, Плита I, строки 35—42

Говорят, что прародитель Гидалла, Великий Кузнец, провидец и старейшина клана Южного Ветра, ковал ее на бесплодной вершине Аи, возносящейся некогда над волнами морскими на две сотни бросков копья. Небо в тот день было безоблачным и ясным, но чудилось, что земля, воды и воздух содрогаются под напором невиданно яростной бури: удары чудовищного молота разносились вдоль побережья подобно грому, а искры, срывавшиеся с наковальни, блистали как всполохи молний. Колебалась почва, трескались несокрушимые прибрежные утесы, во внутренних долинах, зеленых и плодородных, высокие деревья раскачивались словно трава на ветру, реки выходили из берегов либо стремительно мелели, обнажая каменистое дно. Так, в грохоте и водопадах обжигающих искр, то молчаливо погружаясь в пламя гигантского костра, то гневно звеня и шипя под молотом божественного кователя, рождалась Рана Риорда, Небесная Секира, драгоценное наследие потомков Гидаллы.

Великий Кузнец и старейшина ковал ее с рассвета до заката из небесного камня, рухнувшего на безлюдную вершину Айи в незапамятные времена, когда Древние Боги, хранители Равновесия, сошлись в схватке с Демонами Хаоса. Долго бились они в мрачной пустоте, что простиралась за гранью хрустального купола небес, жгли друг друга звездным огнем, морозили глыбами векового льда, метали огромные каменные глыбы; свались такая в Западный океан, пришел бы конец и Островам Пиктов, и цветущей Атлантиде, и, быть может, самому бескрайнему Туранскому матерiku. Но рок и случай благоволили людям — лишь один осколок тех небесных глыб пал на землю, в ослепительной вспышке врезался в гранитную твердь Айи и застыл там словно сваряд из пращи, поразивший намеченную цель.

Увидел то Гидалла, который в стародавние времена властвовал над южным пределом и южным корнем атлантов, и послал слуг своих на вершину Айи. Вернулись они не скоро и сказали старейшине разное: одни утверждали, что камень хранит дыхание грозных богов, ибо горяч он, как накаленный в кузнечном горне слиток меди; другие же опасались, что метнула его длань демона, ибо был он страшен видом и темен, как ночные небеса. Правда, никто из посланных не рискнул подойти к тому камню даже на сто шагов или коснуться его хоть пальцем; разглядывали они камень издали, и потому речи их были неясны, смутны и полны ужаса.

Гидалла же, Великий Кузнец и провидец, поразмыслив, решил: пусть лежит прилетевший со звезд камень на вершине Айи, пока не проявятся его естество и скрытая сущность. Мудрым было то решение, поскольку всякая сущность, полезная либо вредоносная, становится ясной со временем. А времени у Гидаллы-прародителя было сколько угодно; ему, отпрыску Древних Богов, скорая смерть не грозила. И потому мог он ждать, и ждал долго, несчетное множество поколений, пока не увидел, что от павшего с небес камня нет никакого вреда.

А затем, выбрав день из удачных дней, взвалил он на левое плечо свой молот. на правое — наковальню на

спину — мехи и мешки с черным углем, и отправился на гору Айя, самую высокую средь гор благословенной Атлантиды. Тяжела была его поступь; говорят, что в прежние времена, до Первого Потопа и Великой Катастрофы, на склоне Айи всякий мог увидеть отпечатки его следов — огромные продолговатые впадины, что цепочкой тянулись от подножия до самой вершины. Добирался же туда Гидалла ночь, день и еще одну ночь, а когда пришел, поставил наземь наковальню, положил на нее свой молот, сбросил мешки со спины и приблизился к камню. Был тот небесный камень угловат, ребрист и черен, как сердце злого духа, но не устроился Великий Кователю; развел огонь, чистый и жаркий, заклил его Четырьмя Ветрами, Семью Светилами, Ночью и Днем, Светом, Тьмой и собственной божественной силой, а потом погрузил в пламя черный слиток. И спала с него корка, словно звериная шкура, и засиял он лунным серебром, заблестал золотом солнца, заискрился небесной голубизной.

Необычным показался Отцу Гидалле этот металл, ибо в те давние времена знали атланты красную медь, и желтую бронзу, и темное железо, но даже сам Великий Кователю не ведал, сколь ярко сверкает стальной клинок или серп. Поглядел он на слиток и решил, что вид его прекрасен, а свойства — превосходны, ибо лежит на нем божественная печать. И, воздев к небесам свой молот, произнес прародитель:

— Что сделаю я из сего камня? Скую плуг, чтобы без устали, год за годом, бороздил он мягкую землю? Скую якорь, чтобы прочно держал он судно в грозу и в бурю, в шторм и в ураган? Скую чашу для масла и вина, огромную и сияющую подобно полной луне? Или скую цепь, нерушимые оковы для врагов моих пиктов, для вождей Валузии, Туле и Грондара?

Тут он остановился, подумал и сказал так:

— Но вспаханные добрые земли, и быстрые корабли с мачтами и веслами, и драгоценную посуду можно отнять, ибо ни плуг, ни якорь, ни чаша не защитят в годину бедствий; возложить же цепи на врагов своих можно лишь победив их оружием. А потому скую я не лезвие плуга,

а лезвие боевого топора, не острие якоря, а губительное наверхие секиры, не глубокую чашу для вина, а прочные кольца для рукояти — и обратятся те кольца, и лезвие, и острие в цепь и рабский ошейник для недругов моих!

Как сказал Гидалла, так и сделал. С утренней зари до вечерней звенел и стучал его молот, сыпались алые искры, выли и ярились Четыре Ветра, когда Великий Кузнец раздувал мехи. Грохот и черный дым, расползавшийся по склонам Айи, пугали птиц; с криком металась она над морем и скалами, словно неприкаянные души, ускользнувшие с Серых Равнин. Вздрагивала земля, и звери лесные уносились прочь, подальше от берега, от жуткого грома и яростных молний. Рушились хижины, ураган срывал крыши, валил изгороди, калечил рощи фруктовых деревьев; в ужасе ревел на пастбищах скот. Но люди были спокойны. Знали они, что прародитель Гидалла, спустившись с высокой вершины Айи, подарит им нечто. Силу ли, что пересилит сильных, мощь ли, невиданную в веках, защиту ли и крепость, что устоят под ударами жестоких врагов. Не только устоят, но и позволят ответить ударом на удар, кровью за кровь, набегом за набег!

И воины клана Южного Ветра, рослые широкоплечие мужи, черноволосые, с синими глазами, то простирали руки на запад, к островам диких пиктов, то на восток, где за широким проливом лежали богатые туранские земли, где тянулись бескрайние равнины, где, подпирая небеса, высились каменными громадами города Валузии и Туле, Коммории и Грондара. Простирали руки мужи на запад и восток и грозили недругам кулаками; и был для них грохот гидаллова молота слаще нежных напевов флейт.

Солнце склонялось к закату, когда Великий Кузнец отложил свой молот. Небесная Секира, Рана Риорда, сверкала перед ним; искрилось и блестело ее лезвие, похожее на половинку серебряной луны, грозно топорщился четырехгранный наконечник, и два кольца шириной в ладонь были приготовлены для рукояти. На верхнем выбил Гидалла крест, знак старших братьев своих, Четырех Ветров, раздувавших его горн на вершине Айи; на нижнем —

символ семи звезд, Семи Светил, своих младших братьев, что указывали дорогу путникам и мореходам. На лезвии же огромного топора не было ни тайных знаков, ни священных символов, ни украшений, ни рисунков, ни иероглифов, ибо предназначалось оно провидцем Гидаллой для других дел и иных свершений.

Рана Риорда лежала поперек наковальни словно новорожденный младенец, коему боги не успели еще даровать душу. Она была мертва; вернее, еще нежива, потому что смерть означает забвение и тлен, а перед нею простирался долгий путь — столь долгий, что сам Гидалла, кователь-провидец, отпрыск Древних Богов, не мог пройти по нему мыслью и чувством до конца.

Он поднял руки к вечернему небу, потом раскинул их в стороны, над водами и землями, реками и ручьями, скалами и горами, равнинами и лесами. Здесь и там — повсюду! — обитали братья его и сестры, такие же потомки Древних Богов; и всех их молил Гидалла о помощи, просил поделиться частицей своей силы. У неба и небесных светил испрашивал он сияние и блеск; у скал — несокрушимую крепость; у вод — подвижность и гибкость; у ветров — стремительную силу и жестокость; сам же он наделял творимую душу провидческим даром.

Откликнулись стихийные духи, родичи Кузнеца — те, чьи имена исчезли, канули в вечность после Великой Катастрофы. Но в допотопном древнем мире были они еще могучи и сильны, и сила их перелилась в руки Гидаллы; он ощутил ее как тяжкий и жаркий поток, устремившийся от плеч к локтям и запястьям — словно река огненной лавы стекала по жилам его, чтобы выплеснуться куда-то, в воздух, в камень или металл, проникнуть в мертвую бесплодную твердь, наделив ее тайной и могущественной жизнью. Прикрывая ладонями сверкающее лезвие, Кователь сгорбил и застыл, шепча заклятья; дар родичей впитывался в холодную сталь, пробуждал ее от сна. Он чувствовал: то — грозный дар! Страшный!

Потом он резко отвел руки, и капля крови из расщеченного пальца расплылась на серебристом металле. Се-

Глава 2 В темнице Файона

Да будет ведомо тем, кто направляется к берегам Стикса — то ли по делам торговым, то ли следуя похвальному желанию повидать иные страны — что народ в стигийских пределах мрачен и угрюм, как всякое племя, отринувшее светлого Митру. Поклоняются же стигийцы проклятому Сету, Змею Вечной Ночи, и воистину правят ими не светские государи-владыки, а коварные жрецы-чародеи, чьи мерзости, и хитрости, и тайные заклятья способны утешить любого. Что же до их главных городов, то таковых насчитывается три: Кемь, близ самой дельты Стикса, Луксур и обитель мертвых Птейон. За ним же, еще далее к востоку, на правом берегу реки, где она поворачивает в океан, стоит сильная крепость Файон, откуда стигийцы посылают воинов против шемитов. Место то, называемое Сгибом, грозит корабельщикам бедой, ибо воды Стикса бьют с разбега о скалы, и лишь опытный кормчий может провести судно без ущерба мимо гибельных водоворотов и бурунов.

Аквилонский манускрипт «Правдивое и истинное описание краев чужеземных, лежащих на полдень и на восход солнца»

кира будто бы вскрикнула; багровая вспышка метнулась по кромке ее лезвия, и кровь исчезла.

Склонив голову, Гидалла посмотрел на свое творение — уже живое, подавшее голос в первый раз — и произнес: — Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель; ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуков — только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты выполнишь!

И, сказав так, Гидалла увидел, что Небесная Секира легла одним концом к землям Востока, а другим — к островам Запада. И понял он, что это хорошо, ибо и там, и тут были враги. Грозно усмехнулся Великий Кователь и одарил серебристую сталь еще одной каплей своей крови.

Так родилась Рана Риорда — кому на радость, кому на горе.

Упираясь коленом в цербатый осклизлый камень, сжимая толстые прутья решетки, Коная висел на стене словно ящерица-геккон, пойманная в невидимые пути. Снаружи темнело; Стикс, темно-смоляной, стремительный, мрачный, ревел и клочкотал у подножия скалы, увенчанной короной из семи высоких конических башен. Через неширокую щель зарешеченного окошка киммериец не мог разглядеть ни ближайших замковых укреплений, ни узкой каменистой отмели внизу — той самой, где он потерпел крушение пару дней назад. Там его и взяли — пока он валялся без памяти среди обломков своей лодки. Схватили, и без всяких расспросов, даже не накладывая оков и уз, швырнули в этот каменный мешок... Видно, кто-то из стигийцев знал, кого вынесли к стенам Файона темные речные воды! Знал и поторопился

упрятать обезоруженного пленника понадежней, пока тот не очнулся и не пустил в ход кулаки.

Пленника? О, Кром, Владыка! Не стоило обманываться на этот счет. Он не был пленником, он был осужденным. И приговор уже привели в исполнение... За два дня, что он просидел в проклятом каземате, ему не дали и крошки хлеба! Он вообще никого не видел и не слышал, лишь изредка какая-то тварь редела и бушевала где-то наверху, над его темницей. Все, что он помнил, — быстрое кружение в водовороте у скал, обломок весла в руке, удар, погасивший сознание... Очнуться ему предстояло уже тут, в каменной мышеловке, нагому, безоружному, беспомощному. Он валялся на прелой соломе, а рядом стоял глиняный кувшин с водой — отнюдь не знак милосердия, а лишь способ продлить его муки.

Яростно вскрикнув, Конан попытался тряхнуть решетку, но безуспешно: железные прутья толщиной в три пальца были надежно заделаны в камень. Даже если б он стоял на земле, а не висел под сводчатым потолком камеры, с такой преградой не удалось бы справиться голыми руками. Тут нужен молот, мелькнуло у Конана в голове, большой кузнечный молот и зубило, да еще веревка, чтоб привязаться к решетке во время работы... Кром! О чем это он? Какой молот, какое зубило? У него были лишь тряпка на бедрах, кувшин, опустевший еще вчера, и охапка грязной соломы, провонявшей мочой.

Киммериец снова рванул решетку и взвыл — бешено, по-волчьи, как воют серые хищники голодной зимой на ледяных равнинах Асгарда. Крик его раскатился над темной водой, бушевавшей внизу, и сразу же сверху долетел ответный вопль, басистый и гулкий, полный неимоверной ярости. Несколько мгновений Конан прислушивался, жадно вдыхая свежий воздух, свободный от смрадных испарений темницы. Чей голос он слышал? Какую жуткую тварь держали в этой башне, пленником или стражем? Скорее, пленником — хоть вопль и не походил на человеческий, в нем слышались гнев и страдание. Возможно, союзник, брат по заключению?.. Это удалось бы выяснить, если б он сумел выбраться наружу... С другой

стороны, коли б он выбрался, зачем ему союзники? К Нергалу их!

Он спрыгнул вниз, на пол, покрытый изъеденными временем гранитными плитами, рассадив колено о шероховатый выступ. Бормоча проклятья, Конан вытер кровь, стряхнул багровые капли с ладони и, выбрав на ощупь клоч соломы почище, прижал к царапине. Потом он уселся в углу, прислонившись голой спиной к влажному камню, опустил веки и задумался; лицо его было мрачным.

В камере размером пять на пять шагов воцарилась тишина. Кроме охапки гнилой соломы да пустого кувшина, тут было еще отверстие в полу — узкая дыра для слива нечистот, в которую не удалось бы просунуть и ступни. Другое отверстие, шириной в пару локтей, находилось посередине сводчатого потолка; будь у Конана копьё, он мог бы дотянуться до массивной плиты, перекрывавшей этот люк. Вероятно, через него осужденного и сбросили в камеру — к счастью, вниз ногами, иначе он рисковал бы очутиться на полу со сломанной шеей. В наружной стене, на высоте восьми локтей, в темнице имелось окно, забранное толстенной и частой решеткой; к нему Конан подбирался тогда, когда смрадный дух в каменном мешке становился невыносимым.

Странное дело! Он мог поклясться, что в этой камере никто не сидел лет десять, а то и целый век, но вонь от этого не сделалась меньше. Видно, запахи мочи и испражнений, пота и крови, смрадный дух гниющей плоти въелись в древние камни навсегда, пропитав их до самой сердцевины ароматами безысходности, ужаса и муки. Конан, однако, не испытывал страха — лишь яростный гнев леопарда, по собственному недомыслию угодившего в капкан.

Он с раздражением откинул пропитанный кровью пуч соломы, плюнул в ладонь и растер слюну вдоль царапины. Края ранки разошлись; багряная струйка потянулась к ступне, собираясь лужицей на полу. Помянув Сета и всех его грязных стигийских ублюдков, Конан оторвал клоч ткани от набедренной повязки и прижал тряпку к колену.

Да, невесело закончились его приключения в Черных Королевствах! Прежде он тут не бывал; подвизался на севере да в срединных хайборийских землях, истоптав их от Заморы и Бритунии на востоке до Аргоса, Зингары и Пустопи Пиктов, что лежали на берегу Западного океана. Случалось ему попадать и в великие города Турана, к примеру, в Агратур, где он командовал отрядом наемников; сам светлейший Илдиз, туранский владыка, ему доверял, отсылая с непростыми и опасными поручениями то в Меру, то в далекий Кусан, на границу с Кхитаем. Так что в гирканских степях и пустынях, по обе стороны моря Вилайет, ему тоже довелось постранствовать — пока он не распрощался с Тураном, отправившись к себе в Киммерию. Затем была служба в Боссонских топях, на пиктской границе — места мрачные и невеселые, откуда он вскоре перебрался в Бельверус, немедийскую столицу, а потом — в Офир. Благодатная страна, богатая и щедрая — и на золотое, и на вино, и на женскую ласку! Да что толку, коль властитель немощен? Добро бы вокруг трона старого Вальдрика плелись интриги обычными людьми, жадными до власти... Так нет, припутали сюда еще и демона! Да такого, что мог схарчить днем весь Офир, закусив вечером соседними Коринфией и Кофом!

Вспомнив пылающие зрачки Аль-Киира, Конан невольно вздрогнул и крепко стиснул кулаки. С демоном, отрыжкой Нергала, ему удалось совладать, но Ианта, прекраснейший из офирских городов, опостылела в конце; он отправился в прибрежный Аргос, ввязался в драку с королевскими гвардейцами в каком-то кабаке и едва успел унести ноги на купеческой галере, что шла на юг, в Куш. Там, в кушитских водах, он и встретился с Белит...

Белит!

Конан застонал сквозь зубы, словно тигр, потерявший подругу, и раскрыл глаза. В каменном его мешке совсем стемнело, в узкой щели высокого окна мерцали первые звезды. Он скорчился у внутренней стены, от которой тянуло сыростью и холодом, но перебираться к наружной, нагретой за день палящим южным солнцем, не хотел: там сильнее ощущалась жажда. Правда, большой потреб-

ности в воде, а тем более — в пище, он еще не испытывал; он мог голодать подолгу, не теряя выносливости и силы. Вода — другое дело; воду из кувшина он прикончил еще вчера, когда очнулся в вонючей дыре, в одной из десятков темниц Файонского замка. У него гудела голова, болел затылок, расшибленный о камни на речном берегу, и боль усиливала жажду. Звериным инстинктом варвара он понял, что должен пить, чтобы справиться с болью и окончательно прийти в себя; для этого вполне хватило полного кувшина. Голова уже не раскалывалась напополам, лишь изредка постреливало в затылке; все остальное, ссадины да синяки, включая и кровоточившую ранку на колене, не стоило даже упоминать. Еще ночь и день, другую ночь и другой день он продержится без воды, сохранив трезвый разум и телесную мощь... да, пару дней и ночей он вынесет, и за это время надо убраться из стигийского гадючника! Потом начнут путаться мысли и станет не до побега — будут мерещиться реки да ручьи, водопады да озера... Об этом Конан знал по собственному печальному опыту — в гирканских пустынях и в засушливых степях Замбулы водилось не больше влаги, чем в этой каменной крысоловке. Вдобавок там было куда жарче!

Ему полагалось искать сейчас пути к спасению, но в голове по-прежнему кружили мысли о Белит.

О, Белит, Белит! Королева Черного Берега, владычица быстрой и безжалостной «Тигрицы»! Смуглянка с гибким станом и полными грудями! Он видел ее темные пылающие глаза, черную волну локонов, падавших на обнаженные плечи; сквозь гнусные запахи каменного мешка пробивался аромат ее тела, незабываемый, как свежий и чистый запах снегов на склонах киммерийских гор. О, Белит, прекрасная, желанная, потерянная!

Он не расставался с ней и ее чернокожей командой несколько месяцев, если не считать недолгого путешествия в Тайю, в Заоблачный Турхан... Но и туда он попал ради Белит, пытаясь выручить ее брата... И не его вина, что Джихан предпочел смерть воина жизни калеки! Впрочем, что думать сейчас об ошибках и винах... сейчас, когда Белит мертва!

Погибла она плохой смертью, в развалинах древнего города, полного сокровищ, в руинах на берегу сумрачной Зархебы, медленно струившей свои воды среди непроходимых лесов Черных Королевств. Пока Конан блуждал в джунглях, какая-то тварь напала на корабль, перебила черных воинов и добралась до Белит... Он не сумел спасти ее, защитить — ему достался лишь труп, мертвое тело, подвешенное к рее «Тигрицы» на ожерелье из пурпурных алмазов... На смуглой шее девушки они сверкали точно капли крови...

Потом он очутился в Кешане и Пунте, но дальше на юг не пошел. Неудачи преследовали его; добыча выскальзывала из рук, дела двигались не слишком успешно — то ли потому, что думы о смерти Белит гнетущей тяжестью давили сердце, то ли из-за гнусных обычаев и мерзкого климата Черных Королевств. Тут не слышали светлого имени Митры, Владыки Жизни, не ведали о милостивой Иштар и могучем Аримане; и уж конечно ни один из чернокожих нобилей и их подданных-полурабов знать не знал про киммерийского Крома, Повелителя Могильных Курганов. Не то чтобы Конан нуждался в божественном покровительстве, но он внезапно ощутил тоску по краям, где звучит хайборийская речь и где, опуская клинок на вражескую шею, можно воззвать к грозному Крому — в надежде, что он услышит тебя и оскалит зубы в жестокой усмешке.

Итак, позаимствовав пирогу у каких-то рыбаков, обитавших на границе Зембабве и Пунта, Конан направился вниз по течению. Цель свою он представлял достаточно хорошо: добраться до Сгиба, где Стикс почти под прямым углом поворачивает на запад, к океану, и высадиться там берег. На правый берег, разумеется, туда, где высилась горная цепь, отделявшая восточную Стигию от Шема и Турана. Область эта была сравнительно безлюдной, и Конан надеялся без хлопот миновать сторожевые посты в горных ущельях, не без основания полагая, что стигийские копейщики, в шлемах и броне, с тяжелыми щитами, не угонятся за ним на скалистых склонах, среди коварных осыпей и ненадежных тропинок, ведущих к высоким

перевалам. Перейдя горы, он мог направиться либо на восход солнца, к Замбуле и далее, к великим туранским городам, Аграпуру, Шангаре и Хоарезму, либо на закат, в шемитские пределы, к Эруку и Асгалуну. Можно было уйти и на север, в Коф, Офир или в Замору, которую Конан покинул лет семь или восемь назад; он был бы не прочь навестить давних приятелей в Пустыньке, самой разбойной части Шадизара, где прошла его юность. Возможно, опустошив винные запасы в ее кабаках и приглубив дюжину-другую заморанских красоток, он забыл бы и про Черные Королевства, и про Белит, и про корабль ее, быструю «Тигрицу», что гнил сейчас на побережье Куша или Стигии... Возможно, все возможно!

Если возвратиться к путешествию по реке, то особых сложностей тут не ожидалось. Пирога, небольшое суденышко, плетенное из прутьев, обтянутое толстой кожей гипнопотама, была надежной и крепкой; течение — быстрым, солнце — палящим и жарким, а ночи — умеренно прохладными и свежими. Кроме меча, кинжала и метательных ножей, у Конана имелся добрый аргосский самострел, а в дичи на речных берегах недостатка не наблюдалось; подстрелив антилопу, путник мог не заботиться о пище три-четыре дня. Конечно, он помнил о Файоне, стигийской семибашенной крепости, что высилась на скалах у самого Сгиба, но с чего бы беспокоиться на сей счет? Он собирался бросить пирогу в половине дня пути от Файона и сразу же углубиться в предгорья, где целая армия стигийских латников могла безуспешно выслеживать его хоть целый год.

Но видно проклятый Сет решил подшутить над ним! Сету, владыке этой земли, повелителю стигийских пирамид, городов и башен, хозяину мрачного Стикса, чужаки были не по нраву. Особенно киммерийцы! Тем более, один из них, самый дерзкий, чей меч и кинжал положили немало стигийских солдат, жрецов и магов Черного Круга!

Злобный Сет, вонючий червь, безногая ящерица, отвел ему глаза... Или в том виноваты воды Стикса, что внезапно устремились вперед с невиданной резвостью, кипя и бурля, словно похлебка в адском котле? Конан не мог

разглядеть еще и кровель файонских башен, когда мощный поток подхватил его суденышко и понес на север, волоча будто на туто натянутом канате. Выгрести к берегу из этой стремнины не удалось бы и на пятидесятивесельной галере; оставалось ждать и надеяться на лучшее.

Надежда, однако, покинула киммерийца, когда взгляду его открылся Файон — семь гигантских каменных зубцов, соединенных стенами в двадцать длин копия вышиной, воздвигнутых из черного стигийского гранита. Древняя цитадель высилась на широкой и плосковатой у вершины скале, отроге тянувшегося к северу горного хребта; с южной стороны утес круто спускался к неширокой отмели, заваленной огромными валунами. Среди них ревела, буйствовала вода — тут набегавший с юга стремительный поток лоб в лоб сталкивался с каменной преградой, метал в нее струи-копья, бил в гранитный щит покрытыми пеной кулаками и, усмиренный, изнемогший, круто сворачивал к западу.

Пирогу Конана закружило в водовороте, затем понесло прямоком на темные валуны. Он еще успел разглядеть фигурки лучников, спускавшихся к отмели по вырубленным в скале ступенькам, успел удивиться, отчего они не стреляют, успел заметить блестящий шлем военачальника и черную хламиду жреца, шагавших во главе отряда... Через мгновение последовал сокрушительный удар, жалобный треск сломанного весла, стон рвущейся кожаной обшивки; затем наступила тьма.

Конан поднял голову, всматриваясь в узкий вытянутый прямоугольник окошка. Взошла луна; бледные холодные лучи ночного светила падали на руки и плечи киммерийца, на стиснутые кулаки, на хмурое лицо с насупленными бровями. Он слушал, смотрел — так, как слушает и смотрит дикий зверь, попавший в охотничий капкан; он походил сейчас на барса, решавшего, то ли отгрызть зачехленную злым железом лапу, то ли вцепиться клыками в неподатливый металл ловушки. Где-то над ним, в верхних этажах чудовищной башни, раздавались едва слышные стоны и вздохи — не то ветер посвистывал меж зубцами парашета, не то некое существо, неведомый монстр, жа-

ловалось на судьбу, или проклинало ее, или молилось своим жестокосердным богам. Один миг киммерийцу чудилось, что он различает звон цепей и скрежет железа; потом неясные звуки стихли, и над его камерой воцарилась тишина.

Он потер ссадину под коленом, содрал пропитанную кровью тряпку и бросил ее на пол. Поднялся, погрозив потолочному люку огромным кулаком и бормоча: «Ублюдки Нергала! Выберусь, каждому вырву печень... или вспорю брюхо... Жаль только пачкать клинок в вонючих стигийских кишках... забить бы кол в задницу, и все... » Он понимал, что угрозы эти бессильны, и оттого ярился еще больше; он знал, что не погрузит свой меч в животы стигийцев, ибо клинок его, и кинжал, и арбалет со стрелами покоились скорее всего на речном дне. Вот об этом стоило в самом деле пожалеть: доброе было оружие! Но даже с ним не одолеешь каменные стены и железную решетку...

Может, уцепиться за прут, упереться ступнями в стену и согнуть железный стержень? Вдохновленный этой идеей, он шагнул к окну, коснулся изъеденной временем поверхности камня, затем разочарованно покачал головой. Нет, не выйдет... Узкая бойница была прорезана горизонтально, и каждый из десятка прутков не достигал и локтя в высоту. Такой не согнешь! Тем более, что его могли заделать в камень на пару ладоней и заковать крепкими чарами... Тут надо рубить! Вот только чем? Осколками глиняного кувшина?

Вдруг Конан резко обернулся, разобрав чуть слышный шорох за спиной. Пол у внутренней стены, где он сидел еще недавно, освещала луна; свет был неярким, но его глаза, острые, как у степного коршуна, различали пучок соломы, который он прижимал к ссадине, и окровавленную скомканную тряпку. Неожиданно ему показалось, что она шевелится, будто под набухшую кровью ткань забрался мышонок. Шевеление сопровождалось странными звуками — так шуршит, шелестит и попискивает сохшаяся губка, впитывая морскую воду или масло.

Губка? Откуда здесь губка? Конан замер, стиснув челюсти и вперившись взглядом в пол. Что-то там было неправильно, неверно... что-то было не так...

Внезапно он понял, что. Кровавая лужица, темневшая раньше у его ступни, исчезла; клоч соломы тоже казался сухим. И тряпка, мокрая от крови! Она высыхала прямо на глазах!

Колдовство?

Киммериец отступил и прижался к стене под самым окном, чувствуя, как холод подбирается к сердцу. Ему немного было известно о Файонской цитадели, но он помнил, что крепость эта была древней, очень древней, выстроенной в незапамятные времена еще тем народом, что обитал в долине Стикса задолго до стигийцев — возможно, еще до Первого Потопла. А раз так, здесь, в этом мрачном старом замке, могла водиться всякая нечисть — демоны и монстры, порождения минувших веков, призраки, зомби или грешные души, что не могли упокоиться на Серых Равнинах, либо злобные твари, прислужники Сета и Нергала. Что угодно — хотя бы камни, высасывающие кровь из узников! И можно было не сомневаться, что любое из таких жутких чудищ сейчас подвластно магам Черного Круга, ибо они вынюхивали и выискивали в старых руинах, лабиринтах и тайных камерах следы всяческого древнего зла, дабы обратить его к своей пользе.

Конан стиснул кулаки, напряг плечи, словно готовился к смертельному прыжку. В варварской его душе мужество сражалось с отчаянием и страхом; как все киммерийцы, он был суеверен и предпочитал не связываться с чарами, колдовством, злыми магами и существами загробного мира. Но если уж ему приходилось встречаться с подобной нечистью, он не отступал; он бился как разъяренный тигр, полагаясь и на силу свою, и на острый меч, на меткую стрелу, на боевой топор или окованную железом дубину. Однако сейчас он был безоружен. В этих четырех стенах он мог рассчитывать лишь на то, чем обладал с рождения: на крепкие мышцы, хитрость и неистребимую яростную тягу к жизни.

В воздухе, над полом, освещенным луной, наметилось зыбкое призрачное трепетание. Что-то неясное, полупрозрачное возникало там, медленно поднимаясь над истертыми гранитными плитами, проскальзывая в щели меж камней, выползая из крохотных трещин подобно болотному туману, встающему над темными и мрачными водами. Казалось, древние камни Файона исходят паром, красноватой вихрящейся дымкой, словно некое существо, заключенное от века в тесный плен гранитной тверди, стремилось вырваться из оков, освободиться, стряхнуть мучительные узы, обрести свободу. Конану, застывшему под окном, еще не удавалось разглядеть, на что похожа эта туманная тварь; розовое облачко кружилось перед ним, вытягивалось вверх, бесформенное и бестелесное, лишенное конечностей и головы, смутное, как фантом, обитающий в ночных кошмарах.

Но оно, это создание, не было фантомом! Полупрозрачный туман внезапно уплотнился, обрел устойчивые очертания, и киммериец с облегчением перевел дух. Человек! Несомненно, перед ним был человек или нечто человекообразное — призрак человека либо демон, воплотившийся в привычные глазу формы. Во всяком случае, Конан не видел ни рогов, ни клыков, ни когтей, ни перепончатых крыльев или хвоста, ни разверстой зубастой пасти — ничего, что можно было бы считать явным знаком Нергала или другого темного божества. Впрочем, не стоило торопиться с выводами; этот призрачный пришелец, восставший из файонских камней, вполне мог служить Нергалу, Сету, Шешуму, кровожадному идолу чернокожих, или всем им вместе взятым.

Подрагивая, словно клоч тумана на ветру, призрак скорчился в трех шагах от киммерийца. Облачная плоть его отчасти сохранила прозрачность, но казалась теперь не красноватой, а скорее серебристой, отливая холодным отблеском полированной стали. Конану никак не удавалось определить, наг ли пришелец или облачен в некое подобие одежды: тело его словно бы окутывал широкий и просторный плащ, из-под которого вдруг выступали то угловатое плечо, то рука, ступня или колено. Лицо, зана-

вешенное капюшоном, маячило мутной тенью; черты его плыли, менялись в зыбкой неопределенности между мужским и женским обликом, и только глаза, огромные, горящие ледяным огнем, были неподвижны: два пронзительно-синих сапфира в оправе густых черных ресниц.

Чем дольше Конан приглядывался к этому странному существу, тем спокойней становилось у него на сердце. Чем или кем не оказалось бы это туманное бесполое Оно, вид его был не слишком устрояющим. И не потому лишь, что пришелец не имел когтей, клыков либо иного демонического оружия — ведь человек, призрачный или реальный, на самом деле мог представлять не менее страшную угрозу, чем целый сонм демонов. Возможно, сей призрачный монстр тоже являлся когда-то опасной и хищной тварью, но сейчас он выглядел так, словно его не кормили столетиями. Член его, приоткрытые плащом, были костлявыми, тонкими, жилистыми и сухими; лицо поражало неестественной удобой; сгорбленные же плечи и тощая фигура могли принадлежать лишь немощному старику. Или старухе — Конан все еще пребывал в сомнении насчет пола этого существа.

Но он его не боялся. Стоило ли тревожиться из-за ключев зыбкого тумана? А если Оно обретет вещественность и телесность, то покончит с таким жалким созданием можно одним ударом кулака... Разумеется, если призрачный гость, порождение фэйонских камней, не обладал некой могущественной мгией, в чем Конан сильно сомневался. Какие уж тут чаи! Одна кожа да кости, и к тому же сотканые из полупрозрачной серебристой дымки... Правда, были еще и глаза, горевшие неукротимым сапфировым огнем.

Бесцветные губы призрака зашевелились. Он что-то хотел сказать, но, похоже, языку повиновался ему; до Конана долетели лишь хриплые звуки, напоминавшие лай издыхающего шакала. Однако странная тварь не оставляла своих попыток, и вскоре киммерец разобрал:

— Крр-роовь... крр-роовь... крр-роовь...

Теперь это походило на скрип немазанного тележного колеса. Конечно, призрак хотел крови — чего ж еще

жаждать подобному существу? Но хотеть и взять — разные вещи; Конан не собирался по доброй воле делиться с туманным монстром кровью, а получить ее силой тот явно не мог.

— Крр-роовь... — хрипела призрачная тварь, — крр-роовь... Отслужууу...

Отслужу! Это было уже нечто новое. Нечто интересное! Конан бросил быстрые взгляды на решетку в окне, на каменную плиту, что перегородивала потолочный люк, и вновь усталился на скорченную серебристую фигуру.

— Хочешь крови, ублюдок? Ты что, вампир?

— Нне... нне-ет... Крр-роовь... ссила... ссила по-однять... по-однять... отслужууу...

Оно — он или она? — с трудом ворочало языком, но обещание отслужить Конан разобрал совершенно ясно. Поделиться с пришельцем кровью? Заключить сделку? — мелькнуло у него в голове. Почему бы и нет? В конце концов, что он терял? В невнятных словах призрака таилась хоть какая-то надежда, в ином же случае, как полагал Конан, и кровь его, и плоть, и кости поглотит эта смрадная дыра, стигийская крысоловка, в которую он угодил по собственной неосторожности.

Он решил рискнуть и буркнул:

— Если отслужишь, дам крови, — и тут же поинтересовался: — Сам будешь пить, гнилая плесень, или мне подойти поближе?

— С-сюда... с-сюда... — Призрак простирали руки вниз, и Конан догадался, что должен пролить кровь на гранитные плиты пола. Видно, влага жизни требовалась не самой твари, а чему-то иному, скрывавшемуся — или захороненному? — в основании фэйонской башни. Быть может, там лежала тварь куда опасней, чем этот туманный пошелец... Но киммерийца это уже не останавливало.

Он сделал три шага вперед, очутившись лицом к лицу с призрачным своим гостем, наклонился и сильно ударил кулаком по раненому колену. Темная струйка скользнула по ноге, захладила кожу, обернулась у щиколотки, лизнула щербатую плиту... Конан ударил еще раз. Он был щедр — теперь кровь потекла ручейком, просачиваясь в

щели между камнями, пробираясь в трещинах среди засохшей известки и щебня; казалось, она прокладывает путь в самое чрево земли.

— Хрр... хрр... хва-тиит... — сорвалось с бледных губ туманной твари. — Крр-роовь гхх... гхх... Гхх-идаллы... одна кхх-апля... дойдет... хва-тиит...

Руки призрака дернулись, вынырнув на миг из-под плаща, ладони с костлявыми растопыренными пальцами коснулись груди киммерийца, словно отталкивая его. Конан не ощутил ничего — ни холода, ни жара, ни теплоты живой плоти — но повиновался, на всякий случай отступив к стене.

И вовремя!

Гранитные плиты пола вдруг вспучились и треснули, словно некое могущественное существо, обладавшее силой великана, демона или дракона, пробивало себе дорогу наверх, расталкивая и дробя древние камни. Рваная щель в два локтя шириной рассекла пол; осколки черного гранита бугрились с обеих ее сторон невысоким валом, а меж ними подрагивало, наливалось светом серебристое сияние, подобное отблеску лунных лучей, процеженных сквозь облачную пелену. Но луна тут была ни при чем: обернувшись, Конан не увидел в окне ее блестящего глаза. Ночное светило поднималось к зениту, и лучи его уже не попадали в камеру.

Зато из-под земли восходила новая луна — вернее, ее половинка. Холодно блистающий полумесяц выплывал на поверхность неторопливо и торжественно; рога его были остроконечными и чуть загибались наружу, меж ними круглилась ровная отточенная кромка, само же лезвие, плавно сужаясь, будто бы перетекало в массивный раздвоенный обух и торчащий над ним граненый штырь. Даже на первый взгляд это оружие казалось тяжелым, основательным, надежным; и ковали его из невиданного серебристо-синеватого металла, ясного, как лучшие офирские зеркала. Но разве могло зеркало сиять таким пронзительным леденящим светом? Разве могло оно переливаться такими алыми отблесками, грозить глядевшему в него холодной пустотой Серых Равнин? Да и что проку

в зеркале? Так, забава, девичья игрушка... Перед Конаном же, чуть покачиваясь в воздухе, висела огромная секира, стальной топор на длинной рукояти, орудие убийства, грозное, как сама смерть. Тоже игрушка, но для мужчин! Для тех, кому под силу ее поднять, кто может размахнуться и обрушить на шлем врага губительный блестящий полукруг!

Руки Конана жадно потянулись к ней, пальцы словно клещами обхватили топорщице; секира дрогнула, и он ощутил ее восхитительную тяжесть. Очарованный, он прижал ее к груди — так, как еще недавно прижимал Белит. Он глядел на нее — на лезвие, искрящееся и блестящее, похожее на половинку серебряной луны, на грозный четырехгранный наконечник, на два кольца шириной в ладонь, что туго обнимали черненую рукоять. На верхнем был выбит знак креста, на нижнем — семь звезд, называемых в Киммерии и Асгарде Небесным Топором; последняя из них всегда указывала север. На самом же лезвии секиры не было ни тайных знаков, ни священных символов, ни украшений, ни рисунков, ни иероглифов — даже своего отражения Конан не смог разглядеть в сияющей голубизне стали.

Резкий хриплый голос, подобный орлиному клекоту, вывел киммерийца из забытья.

— Я вижу, Рана Риорда пленила тебя. Это хорошо! Очень хорошо, потомок Гидаллы!

Глава 3 Слава Рана Риорды

О кровопролитных войнах между Валузией и Комморийей, и о том, как пришельцы из Атлантиды покорили часть Туранского материка, основав могучую державу, не сохранилось достоверных свидетельств. Однако события эти послужили источником для множества преданий и легенд, передававшихся из уст в уста на протяжении тысячелетий. Так, рассказывают, что атланты выиграли многие крупные сражения, и в сражениях оных несли перед их шеренгами огромную стальную секиру, что являлась символом их воинской доблести и могущества.

*Альмаденские Скрижали, Плита III, строки
142—157*

Отец Гидалла, прорицатель и Великий Кузнец, умер. Он был почти что богом, отпрыском Древних Богов, и потому жизнь его, хоть и подошедшая со временем к концу, оказалась долгой, очень долгой. Говорят, что прожил он несколько столетий, и в глубокой старости сохранил не только ясный разум и телесную мощь, но и мужскую силу. Было у него великое множество возлюбленных и тысячи потомков, так что Гидаллу по справедливости считали родоначальником клана Южного Ветра, одного из четырех племен Атлантиды. Он мудро правил своим народом, пестовал юных, провожал в могилу старцев, приносил жертвы Древним Богам, советовался с родичами своими, Ветрами и Светилами, учился и поучал, сражался и странствовал. И еще он выковал Рана Риорду, Небесную Секиру.

Не только выковал, но и вложил в нее бессмертную душу. Была та душа вначале точно пестрая мозаика, сложенная из разноцветных камней: камешек небесный и камешек земной, камешек из моря, из озера и реки, камешек из леса и с вершины горного хребта, огненный камешек, солнечный, лунный, звездный... Такой была душа Рана Риорды, ибо все стихийные духи, родичи Вели-

кого Кователя, вложили в нее по частице; сам же Гидалла наделил Небесную Секиру даром предвидения.

Но не только выковал он Рана Риорду и щедро оделил ее, но и заклинал. Отныне и до скончания веков полагалось ей служить потомкам Гидаллы, не предавая их, повинаясь им и не покидая род Южного Ветра, ибо само ее существование зависело от сыновей Великого Кузнеца, от внуков его и правнуков — только они давали Небесной Секире то, чего она жаждала. А жаждала она битв и крови, ибо рождена была для яростных сражений. И с течением времен, когда частицы мозаики слились в единое целое, сей страшный дар Рана Риорды проявился, расцвел и окреп.

Но Гидалла был мудр и наложил на Секиру еще одно заклятье, дабы не могла она, попав к чужим или к врагам, ополчиться против его семени. Великий Кователь был провидцем, но даже он не мог проникнуть в грядущее столь далеко, чтобы узреть конец атлантов и судьбу Секиры во мраке будущих тысячелетий. И, заботясь о потомках своих, так повелел он Рана Риорде: «Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты исполнишь!»

С той поры Небесная Секира хранилась у старейшего в роду Южного Ветра, и каким бы слабым и немощным не был этот наследник Гидаллы, в тревожную годину он брал в руки колдовское оружие и шел в бой. Шел в первых рядах войска, а за ним катился медно-бронзовый вал бойцов, чьи копья подпирали небеса, мечи высекали искры из камня, а щиты вздымались неодолимой стеной. И никто не мог справиться с этим воинством, ибо никто не мог устоять перед сокрушительной яростью Рана Риорды. Рубила она крепкое и мягкое, твердое и жидкое; рубила кремневые топоры и толстые черепа пиктов, доспехи и кости валузийцев, ворота и стены грондарских крепостей, боевые колесницы Коммории и катапульты, коими оборонялись жители Туле. Рубила Рана Риорда

врагов и насыщалась их кровью, и крови той не было конца, ибо враги у потомков Гидаллы не переводились.

В благословенных землях Атлантиды старейшин давно сменили военные вожди, а потом самый могущественный из них сделался властителем над всей страной, объединив роды Южного и Северного, Западного и Восточного Ветров. И были выстроены Семь Великих Городов Атлантиды, и был построен флот из крутобоких кораблей с окованными медью носами, и подняты пестрые паруса, и опущены в воды морские длинные весла; а затем сыны Ветра и Моря отплыли в сторону восхода, ибо размножились они стократно, и цветущий их материк казался вождям народа слишком малым и ничтожным. На востоке же, где вставало солнце, лежала огромная земля — столь обширная, что ни один корабль, ни один путник не смог бы обойти вокруг нее и за пять лет. В земле той жили многие народы, одни из коих походили обликом на людей, другие же были отличны; там стояли древние богатые города, там процветали ремесла, там копили тайные знания, там реки текли молоком и медом. И все это прилагивало атлантов, как пчелу тянет к цветку, хищника — к беззаботной жертве, меч — к обнаженной шее врага.

Они должны были торопиться, очень торопиться! Ибо на западе, за Атлантидой, лежали в океане и другие острова, обитель иной расы, столь же юной и жадной, столь же многочисленной и еще более дикой.

Пикты! Кроме темных волос и тяги к завоеваниям, они во всем отличались от атлантов. Сыны Четырех Ветров были высокими и стройными, пикты же — коренастыми и низкорослыми; у потомков Гидаллы и его божественных родичей солнце позолотило кожу, у пиктов же выжгло ее до цвета темной глины; в глазах атлантов, серых, синих и голубых, отражались небо и море, зрачки же пиктов были темны, как воды лесных озер. Но и пикты, и атланты принадлежали к юным варварским расам; и те, и другие жаждали покорить мир. А миром для них был необозримый Туранский материк.

И загремели битвы, прянули стрелы войны, взвился злой огонь над равнинами Турана, взревели боевые горны,

пыль и дым застлали небеса, кровь напитала землю. Всяк бился со всяким: Валузия с Комморией, Верулия с Грондаром, атланты с пиктами — и с каждым, кто становился на пути их армий. Туранские же народы, особенно валузийцы, гордые потомки Древнего Змея, не собирались уступать; хоть они по-прежнему спорили меж собой, но успевали обратить щиты и против варваров, явившихся из западных вод. Грозными были те пришельцы; темно-волосые, синеглазые, могучие, они не знали в бою ни усталости, ни колебаний. Казалось, сердца их выкованы из твердой стали — и, быть может, это соответствовало истине. Недаром же перед их полчищами во всех решающих битвах несли оральную секиру, подобную половинке луны. И битвы, в коих этот сверкающий серп выкашивал валузийцев, их пехоту, всадников и колесничих, были варварами выиграны, и власть их простерлась на многие земли Туранского материка.

Тогда валузийцы, желая защитить свои берега и южные рубежи, вступили в союз с пиктами, даровав им право селиться на границе. Эти варвары тоже пришли с запада, но не на кораблях, а в длинных челнах с резными бортами; каждый из них нес пять-шесть десятков воинов в волчьих шкурах, с палицами, каменными топорами и копьями. Пикты были примитивным племенем, но многочисленным, неукротимым и диким; если сердца атлантов покрывала блестящая сталь, то сердца пиктов казались высеченными из неподатливого кремня. И случилось так, что вскоре металл и камень сошлись в смертельном бою в долине Тарры, широкой и полноводной реки, которую с тех пор прозвали Красной.

* * *

Воитель Сархаб, старший из потомков Отца Гидаллы, был мужем зрелых лет, высоким, осанистым и мускулистым. Грудь его облегал чешуйчатый панцирь из медных дисков; цельнокованный наплечник топорщился шипами — острыми и слегка искривленными на концах; шлем напоминал причудливую вытянутую раковину, обвивав-

шуются вокруг головы бронзовой спиралью. Волосы Сархаба были черны и блестящи, словно полированный камень яхх, а в глазах, синих, как небо на закате, горела искра божественного огня. Говорили, что походит он на Отца Гидаллу, Великого Кователя, и хотя никто не мог судить о сем с полной определенностью, такое мнение лишь прибавляло Сархабу чести и славы.

И он воистину был их достоин! Особенно сейчас, когда стоял перед своими воинами, держа в руках огромную секиру. Шеренга украшенных перламутром щитов, подобных завитку морской волны, тянулась слева и справа от него; над ней золотистой пеной сверкали боевые уборы-раковины, раскачивался лес копий, колыхались яркие султаны и пучки перьев на длинных, окрашенных пурпуром шестах. Эти штандарты, подобные гигантским цветам с четырьмя или семью лепестками, издревле служили символами божественных стихий — Четырех Ветров и Семизвездья, указующего мореходам верную дорогу.

А также воинам-атлантам — путь к победе!

В том не сомневался ни один боец. Разве не побеждали они всякий раз, когда их вел в сражение владыка Рана Риорды? Победят и теперь, обогрив кровью крутые берега Тарры! И пусть коварные валузийцы, забывшие о гордости своей, призывают на помощь диких пиктов, пусть возводят каменные цитадели, пусть опоясывают земли свои защитными стенами, пусть молят демонов и богов! Небесная Секира сокрушит их, как серп сокрушает тростник, огонь — сухое дерево, могучая волна прилива — преграду из жалкой глины.

Впереди, там, где долина Тарры изгибалась к востоку, солнце играло на бронзовых бортах валузийских колесниц, на острых лезвиях, расходившихся от колесных осей, на кольчугах и шлемах, на золотых изображениях змей с гневно раздутыми капюшонами и рубиновыми глазами. По обе стороны от колесничного войска грудились орды пиктов, бесчисленных, как галька на морском берегу. Их темные массы бурлили, словно грозовые тучи, готовые пролиться каменным дождем — эти коренастые крепкие воины в волчьих шкурах являлись несравненными прац-

никами. Одни уже раскручивали свое оружие, другие грозились боевыми молотами на длинных рукоятях, третьи вздымали кремневые топоры, четвертые... Но так ли важно, чем это дикое воинство стремилось поразить врага? Ни копья его, ни дротики, ни палицы не устоят перед мощью Секиры и яростным натиском Сынов Ветра.

Воитель Сархаб посмотрел на лунное лезвие Рана Риорды и узрел в мерцающей его глубине долину, заваленную мертвыми телами, и водный поток, ставший алым от крови. Еще увидел он груды разбитых колесниц, сброшенных в реку, лошадей, бьющихся в смертной агонии, залитый багрянцем волчий мех, гранитный молот с переломанной рукоятью, валузийского змея, что валялся в кровавой жиже, слепо таращась в небеса... Захохотал Сархаб, ощерил зубы и, взмахнув секирой, сделал первый шаг. Первый шаг к битве, первый шаг к победе!

Подолы его башмаков уминали мягкую землю; за спиной ревели горны из морских раковин, трепетали и бились на ветру яркие перья на пурпурных шестах. Широкие лезвия копий его воинов несли погибель, от клинков их веяло могильным холодом, топоры их взметнулись для кровавой жатвы. Быстрые стрелы вспороли воздух, хлынули потоком гнева, опали дождем смерти. Боевой клич Сынов Ветра и Моря заглушил лязг металла и стоны умирающих.

Армия атлантов надвигалась на врага.

Навстречу ей катился вал из золота и бронзы, бушевавший в каменных берегах — блистающий водопад меж двух гранитных утесов, сноп молний среди туч, клинок в ножнах из волчьего меха. Там гремели копыта, ржали лошади, раздавались слова команд, свистели смертоносные лезвия колесниц, грохотали их колеса. Но все покрывал дикий волчий вой, свирепый вопль атакующих пиктов. Они мчались вперед, ни на шаг не отставая от валузийских колесниц — невысокие, коренастые, упорные и многочисленные, как муравьи. Еще они походили на гигантскую стаю голодных хищников, завидевших добычу.

Снова прянули стрелы. Навстречу им полетели дротики и камни, загрохотали по щитам атлантов, дробя металл и перламутровые украшения, ударили по шлемам, сминая бронзовые завитки. Но погибшие не остановили живых, и смерть не устрасила воинов; сияющее лезвие Рана Риорды вздымалось в их первой шеренге, вселяя в души ненависть и отвагу.

Два воинства с лязгом и грохотом столкнулись на речном берегу: копьеносная пехота Сынов Ветра и поток валузийских колесниц, обрамленный ордами пиктов. Казалось, ничто не остановит стремительного напора лошадей и бронзовых повозок с вращающимися лезвиями, ничто не повергнет ниц воздетых над ними сверкающих змеев, ничто не укротит толпы озверевших воинов в волчьих шкурах, не обуздает их ярости, не смирят бешенства. Но поднялась Небесная Секира в сильных руках Сархаба — поднялась и опустилась, грянув, как молот о наковальню, на бронзу доспехов и шеи боевых жеребцов, на борта колесниц и валузийские шлемы, на щиты их, копья и мечи, на золотых змеев с раздутыми капюшонами, на пиктские черепа, на пиктскую плоть и пиктское оружие. Рана Риорда была повсюду; всюду блестело ее лунное лезвие в крепких руках воителя Сархаба, всюду раздавались свист и шипенье всасываемой сталью крови, всюду звучал гром ее ударов, и всюду падали враги рода Гидаллы, устилая землю мертвыми телами.

Когда же кучки трупов превратились в холмы, когда обломки колесниц запрудили реку, порозовевшую от крови, Небесная Секира, насытившись, обрела покой. Но к тому времени убивать было уже некого.

Самая западная из хайборийских держав — лежащая к северу от Аквилонии Киммерия, дикое обитатели которой предпочитают кочевую жизнь и не строят ни городов, обнесенных каменными стенами, ни крепостей. На вид киммерийцы рослые и крепкие, черноволосые, с синими или серыми глазами. Народ этот является потомком древних атлантов, некогда пересбравшихся на Туранский материк, выстоявших в сражениях с пиктами, одичавших после Великой Катастрофы и возродившихся вновь — под иным именем, с иным богом на устах.

Альмаденские Скрижали, Плита IV, строки 78—

Конан поднял взгляд. Призрачная фигура перед ним оставалась по-прежнему расплывчатой и туманной, но голос загадочного существа окреп и звучал теперь отчетливо и твердо.

— Я вижу, Рана Риорда пленила тебя. Это хорошо! Очень хорошо, потомок Гидаллы!

Внезапно Конан понял, что эти слова — как и все, что призрак бормотал раньше — были сказаны на киммерийском; правда, с каким-то странным непривычным акцентом. И сам он тоже, почти не задумываясь, перешел на родное наречие, хоть в этих южных краях язык стигийцев или шемитов казался более уместным.

Кром! Великий Кром! Не грозный ли бог пришел на помощь одному из детей своих, плененному в смрадной каменной яме? Не самолично, разумеется; но что стоит Владыке Могильных Курганов призвать тень славного воина былых времен, отправив ее в далекую Стигию с могучим оружием, боевым топором, каких не видел мир?

Конан усмехнулся и покачал головой. Пожалуй, не за что благодарить Крома, решил он; Кром — не помощник людям, Кром не дарит им милостей и помогает лишь в одном — упокоиться со славой в каменистой киммерийской земле!

Он вытянул вперед секиру — так, что стальное острие вошло в грудь призрака — и спросил:

— Ты кто? И как ты очутился здесь?

— О том, как я попал сюда, поговорим в другой раз. Что ж до имени моего... Гляди, воин: Рана Риорда в твоих руках, и Рана Риорда перед тобой! Мы с ней — одно целое; я — это она, она — это я. Ты понял?

Конан кивнул. Чего же не понять! Есть оружие и оружие; бывает оно и мертвым, и живым. Мертвое — обычные клинки да копья, для солдат и наемных бойцов, для разбойников и пиратов; живое — для великих воинов и вождей. Куют его кователи-ведуны, с тайными наговорами и колдовскими обрядами, а потом вселяют в светлую сталь или золотистую бронзу духа-хранителя. И дух тот, заступник и помощник, верен хозяину своему до гроба, если заключить с ним честный договор... Так рассказывал Конану отец, не последний из кузнецов Киммерии, и хоть много лет прошло с тех пор, Конан помнил отчие слова и верил в них.

Что же касается имени, произнесенного духом, то и оно было ему понятно. Небо — вернее, Вечные Небеса, где обитали звезды — звалось киммерийцами Раннарах, боевая же секира с копейным наконечником на вершине древка, была Рортой. Рана Риорда — Раннарах Рорта — Небесная Секира... И тем же именем поминали в Киммерии созвездие из семи звезд, крайняя из которых указывала дорогу путникам.

— Выходит, ты — Рорта, дух секиры, — сказал Конан, назвав призрака по-киммерийски. — И чего же ты хочешь от меня? Еще крови?

Синие глаза Рана Риорды блеснули.

— Хочу крови, но не твоей! Стигийской крови! Крови врагов! Твоя же — священна; струйка ее протекла меж камней, капля пробудила меня... А другая дала силу вырваться из каменного гроба!

Конан наконец оторвал секиру от груди и опер древком об пол. Она была огромна: лезвие — в половину круглого щита, наконечник длиной в три ладони. Четырехгранное острие торчало на уровне плеча киммерийца.

С подобным оружием он не боялся ничего! Нагой и грязный, покрытый ссадинами, голодный, с пересохшей глоткой — зато не одинокий. Пожалуй, в первый раз с того проклятого дня, когда погибла Белит, ему по-настоящему повезло... Не потому ли, что он решил вернуться в хайборийские земли, поближе к хайборийским богам? И кто-то — пусть не Кром, так светлый Митра — послал ему волшебную секиру, стоившую стократ дороже всего, что потерялось при крушении у стен Файона. Не отпраздновать ли такую удачу? — подумал он. Не вырезать ли всех в этом стигийском гадючнике? То-то будет крови!

Тут он вспомнил о словах призрака и спросил:

— Моя кровь для тебя священна? По договору побратимства?

— Нет. По праву рождения. Потому что ты — потомок Гидаллы, Великого Кователя. Гидаллы, который создал и заклил меня.

Конан равнодушно пожал плечами.

— Никогда не слышал о нем. Кто он такой, этот Гидалла?

— Почти бог. Он был прародителем тех, кто обитал на юге затонувшего материка... той земли, что простиралась некогда средь волн Западного океана. Ты слышал о ней?

— Об Атлантиде? Да, — Конан кивнул. — Но я-то тут при чем? Та земля треснула и развалилась на части в незапамятные времена, как рассказывают старики. И я, клянусь бородой Крома, не атлант! Я — киммериец! Конан-киммериец! — Он стукнул себя кулаком в грудь.

— Называй свое племя как хочешь, но в жилах твоих течет кровь Гидаллы. Правда, немного, совсем немного... Но я чую ее! Я ее пробовал! Другая кровь не могла бы меня пробудить.

Приглядевшись к духу, Конан заметил, что тот выглядит словно бы пободрее. Он оставался по-прежнему истощенным и немощным, однако туманная плоть его слегка уплотнилась, и клекочущий голос звучал все громче — так, как будто Рана Риорда с каждым мгновением возрождался к жизни.

— Да, в тебе есть кровь Гидаллы, — медленно протянул призрак. — Жаль, что ее так мало! Иначе я остался бы с тобой.

— Оставайся, — сказал Конан. — Своей крови не обещаю, но чужой будет целое море. Ты в ней утонешь, Рорта! Напьешься по самую рукоять! — Он хищно усмехнулся и погладил блестящее лезвие огромного топора.

— Не могу. Я чувствую, где-то в мире есть прямые потомки Гидаллы. В них больше крови прародителя. Я должен их найти, и ты мне поможешь. Поможешь, верно?

— С чего ты взял? — темные брови Конана сошлись на переносице. — Я хочу выбраться отсюда и уйти на север. Клянусь Кромом, я не собираюсь никому помогать! Иди со мной или оставайся тут, твоя воля! Но топор я заберу.

Он крепче прижал к себе секиру.

Призрак покачал головой в зыбком серебристом капюшоне.

— Ты все еще не понял, киммериец... Было же сказано: Рана Риорда и я — одно целое. Хочешь доказательств? Смотри!

Внезапно древко рванулось из рук Конана. Несколько мгновений он боролся, напрягая могучие мышцы, но мощь, противостоящую ему, не могла сломить сила человека. Секира словно бы ожила и теперь стремилась доказать, что киммериец — будь в нем хоть ведро крови Гидаллы! — ей не хозяин. В лучшем случае — попутчик, сотоварищ, проводник... Возможно, носильщик, который доставит ее туда, куда надо.

Конан шумно перевел дыхание и закусил губы. Быстрая и безмолвная схватка завершилась, и теперь топор посверкивал внутри переменной туманной плоти призрака. Не стоило и пытаться его достать: с очевидным не может смириться лишь глупец. Конан же глупцом не был.

— Чтоб тебя ржа источила! — пробормотал он и добавил погромче: — Ладно, Рорта! Не гнить же нам обоим в этой помойной яме! Ты поможешь мне, я — тебе; ты разобьешь решетку, а я отнесу тебя хоть на край света. И кто знает, не по пути ли нам?

— Не по пути, — проскрежетал призрак. — Потому что ты пойдешь не на север, а на юг и восток! Туда, где обитают сейчас потомки Гидаллы!

Хорошо хоть не назад в Черные Королевства, мелькнуло в голове у Конана. К югу от Файона лежали покинутые им Пунт и Кешан, к юго-востоку — Иранистан, страна куда более цивилизованная и приятная. Пожалуй, она ничем не уступала Шему, Офиру или Заморе, разве что была немного жарче. Зато про иранистанские клинки, иранистанское вино и иранистанских девушек рассказывали чудеса! Нет, Конан не имел ничего против Иранистана — особенно в данный момент, в смрадной стигийской темнице.

— Согласен, — произнес он. — Но решетка в окне крепка, а ты выглядишь не лучшим образом. Сможешь ли одолеть ее? Ради всех потомков Гидаллы, что топчутся сейчас на киммерийской земле!

— Одолею. Решетку я одолею, коли ты размахнешься как следует, — заявил Рана Риорда. — Хоть я провалился в каменном гробу немало столетий, разбить решетку я сумею — как и десяток стигийских черепов. Но не думай, что это все, на что я гожусь! Да, сейчас я слаб, и мне нужна твоя сила, чтобы отомстить и напиться крови... однако я тебе отслужу! Отслужу, клянусь Древними Богами! Ты только дай мне хлебнуть досыта теплой красной крови — той, что льется в бою, что течет из ран умирающих воинов, что пятнает землю под колесами боевых колесниц. Пой меня досыта, киммериец, по самую рукоять, как обещал! И тогда...

Внезапно откуда-то сверху долетел протяжный звук, не то рев, не то стон, уже знакомый Конану. Потом над головой у него затопотало, заухало, и башня чуть заметно сотряслась. Рана Риорда замер, склонив голову в капюшоне и прислушиваясь; серебряный полумесяц секиры и черное ее древко просвечивали сквозь туманную плоть призрака. Наконец он поднял руки и проскрежетал:

— Кровь! Теплая красная кровь! Много крови! Целое море! Ну, киммериец, вышибай решетку, и посмотрим, как ее взять!

Железные прутья вылетали один за другим, с глухим звоном выбивая каменные осколки. Секира светилась и играла в сильных руках Конана; он не чувствовал сейчас ни голода, ни жажды, словно и не было двух томительных дней, проведенных в файонской темнице. Но он про них не забыл — как и про позорное свое пленение. Он собирался удрать из Файона не раньше, чем пара десятков стигийских солдат умоется кровью. И еще ему хотелось разыскать жреца, того самого жреца в черной хламиде, которого он видел на лестнице за миг до крушения. Конан полагал, что если кто и мог узнать его в этой цитатели, так непременно жрец. Впрочем, не исключалось, что он преувеличивал свою известность и славу — стигийские жрецы были жестокосердны, и любой из них, не колеблясь, велел бы бросить в каменный мешок даже незнакомого путника.

Путья Конан вышибал обухом топора, не желая тупить лезвие. Вероятно, его опасения были напрасными: волшебное оружие вроде Раны Риорды не затупишь ничем. Но была и еще одна причина для осторожности. Дух Рорта исчез, проскользнул в огромную секиру, слился с ней, и Конан не знал, в какой именно ее части призраку угодно обитать — в топорище ли, в копейном наконечнике, в кольцах обуха либо в лунообразном полукруге лезвия. По здравому рассуждению, такой грозный и древний дух должен был находиться в самом почетном месте, то есть на режущей кромке, а значит, ее стоило приберечь для более славных дел, чем битва со старой железной решеткой.

Покончив с этим препятствием, Конан разматал набедренную повязку, единственное свое одеяние, и, свив ее плотным жгутом, привязал секиру за спину. Затем он протиснулся в окно, сделавшись богаче еще на десяток ссадин, царапин и синяков: окно было узким, а плечи киммерийца — широкими.

Снаружи царил ночной полумрак. Где-то внизу, под отвесным утесом, дико и гневно рокотала река, штурмуя

гранитную твердыню;верху, на стенах и башенной кровле гортанными голосами перекликались часовые. Звезды горели, будто самоцветные камни в смоляных локонах Иштар; драгоценную же диадему богини, высеченную из черного обсидиана, венчала луна. Приподняв голову, Конан бросил взгляд на ее серебряный диск. Луна уже прошла зенит, знаменуя поворот ночи, и свет ее падал теперь на Файонскую твердыню с запада. Выпуклость огромной башни, наклонно уходившей к звездному небу, скрывала беглеца от бледных лунных лучей и от глаз стражи. Он начал подниматься, используя трещины в древних камнях, цепляясь за неровности кладки; перекличка стражей наверху манила Конана. Он уже представлял, как устроит знатный пир Рана Риорде: сначала прикончит охрану, потом доберется до жреца.

Легкое дуновение ветерка шевельнуло волосы киммерийца, и вместе с ветром пришел голос. Хриплый, клекочущий...

— Кровь! Теплая красная кровь!

— Рорта?

— Я-а-а... Кровь, кровь! Крр-роовь!

— Где ты?

— С тобой, киммериец. Невидимый, на твоей спине, у твоего плеча, рядом с твоим ухом... Кровь, кровь!

Конан сплонул в темную пропасть под ногами.

— Все-таки ты — вампир, трухлявое топорище!

— Не-е-ет... Я — боец. Я убиваю для потомков Гидаллы, и смерть их врагов дает мне жизнь. Сейчас я должен утолить голод. Стигийской кровью!

— Будет тебе кровь. Только у стигийцев она похожа на шакалью мочу — такая же едкая, жидкая и вонючая. Я бы побрезговал. Клянусь Кромом!

— Кровь мести пьянит, потомок Гидаллы, и вкус ее сладок. Помни только: мне годится лишь та кровь, что взята в бою.

— Я не режу беззащитных, — буркнул Конан. Он задрал голову вверх: до зубцов башенного парапета оставалось три длинных копья. Он уже видел панцири солдат, блестящие в лунном свете, и черные перья, что развева-

лись над бронзовыми шлемами. Черные перья... Скоро они станут багровыми!

Хриплый голос Рорты бубнил за спиной, требовал, торопил. Конан ухмыльнулся.

— Спешешь поужинать, приятель? Тогда прикуси язык, если не хочешь, чтоб тебя услышали.

— Меня не услышат. Меня можешь слышать только ты. Кровь, кровь! Крр-роовь!

До верха башни осталось две длины копья, и Конан удвоил осторожность. Он карабкался по камням словно барс, запуская скрюченные пальцы-когти в щели меж гранитных плит; его стальной клык висел за спиной — нетерпеливый, жадный, жаждущий. Похоже, близость схватки лишала Рана Риорду разума — если у него было нечто похожее на разум.

Одна длина копья. Судя по голосам, наверху сторожили четверо. Разгоняя сон, они то вступали в перебранку, то вызванивали рукоятями мечей по панцирям нехитрую мелодию походного марша, то принимались хвастаться — кто сколько срубил шемитских голов да завалил шемитских девок. Конана это злило: Белит тоже родилась в Шеме и до того, как сделаться владычицей Черного Берега, побывала в лапах стигийцев. Вдруг солдаты смолкли, и через несколько мгновений он уловил звук откупориваемой фляги и потом — призывное бульканье. Вино! В горле у киммерийца сразу пересохло, перед глазами полыхнул яростный огонь; змеей проскользнув между зубцами парапета, он распустил узел на груди и поднялся, сжимая секиру в руках.

Стражей и в самом деле оказалось четверо. Двое стояли на противоположных сторонах башенной площадки, наблюдая за стенами, еще пара — у самых каменных зубцов. Эти, отложив копья и щиты, поочередно угощались из фляги — да так и застыли, когда перед ними возник обнаженный гигант с огромным сверкающим топором.

Конан, однако, не медлил. Он даже не стал поднимать секиру — ударил словно копьем. Острые вошло солдату пониже подбородка, угодив в нащипанный ремень; тот лопнул, шлем загрохотал по камням, а следом рухнул и

его хозяин. Второй стигиец отбросил флягу и потянулся было к мечу, но Рана Риорда свистнула в прохладном ночном воздухе, и лунный ее полукруг опустился воину меж плечом и шеей. Конан почти не ощутил удара: огромное лезвие рассекло бронзовый панцирь разом и на груди, и на спине, и вышло из левого бока стигийца. Раздался странный звук, словно какой-то большой зверь нетерпеливо и жадно всасывал воду; потом — знакомый клекот:

— Кровь! Крр-ровь! Крр-роовь! Еще!

— погоди, — сказал Конан и, вырвав флягу из мертвой руки, осушил ее в пять глотков. Вино было холодно-ватым и кислым, дешевый напиток солдаты, но жажда сразу отступила. Теперь киммериец чувствовал себя гораздо лучше.

Отшвырнув фляжку, он бросился налево, к третьему из стражей, уже выхватившему меч. Последний из солдат, наставив копье, бежал к нему, жутко оскалив зубы и топоча по камням подкованными башмаками. Противник Конана — тот, что с мечом — оказался, видать, из ветеранов; ловко подставив щит под удар, он послал вперед короткий клинок, целя киммерийцу меж ребер, в самое сердце. Мог ли он знать, что щит из прочного железного дерева, обтянутый дубленой кожей, обитый бронзовыми бляхами, был для Рана Риорды куском шелковой ткани, полоскавшейся на ветру? Серебристое лезвие и рассекло его точно ткань, без всяких усилий. Верхний рог стального полумесяца полоснул стигийца по горлу и поперек груди; потом раздался прежний хлюпающий звук — секира высасывала из побежденного влагу жизни. Вырвав ее из мертвого тела, Конан обернулся, готовый отразить удар копья, но последний из стражей, бросив оружие, мчался к лестнице. Мчался без крика, без вопля; похоже, от ужаса перехватило горло.

— Скорее! — проклекотал Рорта. — Скорее! Кидай!

— Сам знаю, — буркнул киммериец.

Секира вырвалась из его рук стальной птицей, и воин упал с перерубленным позвоночником. От ступеней, что

вели вниз, в темное чрево башни, его отделяли четыре шага.

Конан огляделся. На просторной башенной площадке валялись трупы, сухие, как мухи, высосанные пауком; над стенами же Файона царило молчание — если не считать далекой переклички часовых. Видать никто из них не услышал шума короткой схватки. Да и понятно: кроме звякнувшего о камни шлема, все противники киммерийца расстались с жизнью на удивление тихо.

Он поднял свою набедренную повязку, скатанную в жгут, и обмотал ее вокруг пояса. Взял еще сумку с припасами, что валялась в углу площадки; больше ничего от мертвых стигийцев он не хотел. То были простые солдаты, и на их телах вряд ли удалось разжиться чем-нибудь ценным.

Пристроив секиру на плече, Конан направился к лестнице.

— Доволен? — Он стиснул сильными пальцами древко, точно подавая сигнал своему невидимому призрачному спутнику.

— Мало, — проскрежетал дух, — мало! Помню я, на равнинах Валузии кровь текла рекой, хлестала по оси колесниц. Я убивал и пил, пил и убивал! И сила моя крепла.

— То была солдатская кровь, — возразил Конан. — Много ли в ней проку? Скоро я угощу тебя кровью черного жреца. Вот лакомое блюдо!

Рана Риорда что-то пробормотал и смолк. Они продолжали спускаться в недра гигантской башни, не встречая никого; похоже, это укрепление, выходившее к речному берегу, охраняла лишь четверка часовых, которых киммериец уже прикончил. Лестница бесконечной спиралью вилась в узком проходе, и Конан с напряжением ждал, что за очередным поворотом откроется выход в какой-нибудь коридор. Но коридора не попадалось, и он решил, что спустится вниз, где наверняка были двери, выйдет во двор и там прикинёт, куда мог забиться проклятый змееныш Сета.

Внезапно топор дрогнул у него в руках, и хриплый голос Рорты прошепестел:

— Кровь! Теплая красная кровь! Много крови!

— Где? — Конан оглянулся; кроме глухой каменной кладки слева и справа он не видел ничего.

— Чую, — шептал над ухом призрак, — чую! Тут, за стеной! Руби!

— Рубить камень? Клянусь Кромом! К чему портить добрую сталь?

— Не испортишь! Я взял уже четыре жизни! Сила моя растет! Руби, киммериец!

Конан не стал спорить и, размахнувшись, обрушил топор на внутреннюю стену. Файон строили в незапамятные тысячелетия, и камни его потрескались и раскрошились под действием времени, которое властно даже над гранитом. Теперь каменные блоки держались не столько засохшим известковым раствором, сколько собственной неимоверной тяжестью. Внизу башни, где находилась темница Конана, толщина стены достигала восьми локтей, и здесь, на половине высоты, она вряд ли была уже. Но секира вошла в древние камни словно отточенный нож в кусок сыра; посыпался щебень, большой каменный блок рухнул на ступени и с грохотом покатился вниз. Нашумим, перебудим весь гарнизон, подумал киммериец, быстро отскочив в сторону.

— Руби! — закричал Рорта. — Руби! Кровь! Много крови!

Несколькими мощными ударами Конан расчистил проход. Перед ним открылась гигантская камера; вероятно, она занимала половину высоты башни. В бронзовых кольцах, врезанных в стены, пылал десяток факелов; два из них обрамляли маленькую железную дверь, притулившуюся в самом низу. Вероятно, Конан добрался бы до нее, спустившись по лестнице, но сбить чудовищной толщины засов оказалось бы не легче, чем прорубиться сквозь камень. Впрочем, для Раны Риорды и то, и другое проблем не составляло.

Кроме двери и факелов в камере не было ничего — если не считать какой-то гигантской фигуры, прикован-

ной к стене напротив входа. Тусклый свет позволял различить ключья редкой бурой шерсти, сквозь которую проглядывала темная кожа, толстая и грубая, как слоновья шкура; откуда-то сверху стекал водопад волос, таких же грубых и спутанных в неопределенную черную массу. «Вот кто ревел над моим крысятником», — подумал Конан. Спрыгнув на пол, он выставил перед собой секиру и направился к пленнику.

Возможно, то был человек, но какой огромный! Локтей пятнадцати в высоту; на его ладони киммериец мог бы усесться словно в кресле, а плечи гиганта, казалось, нельзя было измерить и длинным боевым копьем. Голова выглядела небольшой, но лишь в сравнении с массивным и громоздким туловищем; на самом же деле была она никак не меньше доброго пивного бочонка. Скошенный лоб, остроконечные, поросшие волосом уши, расплюснутый нос над толстыми губами, клыки размером в палец и чудовищные челюсти... Хейворк, людоед, мелькнуло в голове у киммерийца, и он опустил взгляд ниже. То, что болталось у этого великана между ногами, производило неизгладимое впечатление.

Несколько долгих мгновений Конан разглядывал чудище, чудище же с интересом взирало на него. Грудь и руки гиганта охватывали цепи, на удивление тонкие, всего в два пальца; они уходили в отверстия в стене, за которой, вероятно, скрывался некий механизм. С его помощью цепи можно было ослабить, но сейчас их натянули до упора, притиснув великана спиной к камням. Похоже, пленнику это не слишком нравилось; на чудовищном его лице застыло обиженно-раздраженное выражение.

Напряженную тишину прервал клекочущий шепот Рорты:

— Чего ждешь? Руби его! Кровь! Кровь!

— Куда спешить, — сказал Конан. — Боги не любят торопливых. Сперва поговорим.

Вытянув секиру, он ткнул острием в цепь, что врезалась в запястье гиганта.

— Не очень-то ты силен, парень, если не можешь порвать этот собачий поводок.

— Порви сам, — гулко пророкотал пленник. — Порви, и тогда Шапшум докажет, сколь велика его сила. И его голод, — добавил он, облизнувшись.

«Хейворк, — подумал Конан, — точно, хейворк». В Киммерии так называли людоедов, чудовищных потомков Имира, обитавших на ледяных равнинах Ванахейма. Но этот великан был скорее кутрубом, обитателем теплых краев; судя по опаленной солнцем коже, он искал добычу в южных пустынях или горах. Шерсть, ключьями свисавшая с его плеч, паха, груди и бедер, не защитила бы от северных холодов и пронзительного ветра, бушующего в ванахеймской тундре.

— Я мог бы освободить тебя, — медленно произнес киммериец. — Да, я мог бы вернуть тебе свободу, но каков будет выкуп? Что ты предложишь взамен, мясная туша?

Великан шумно вздохнул; цепь натянулась, но выдержала.

— Что может предложить Шапшум такой козявке? Только одно: Шапшум начнет есть козявку не с ног, а с головы, избавив от лишних мучений.

— Наглец! — прошипел Рана Риорда где-то над ухом Конана. — Прикончи его! Прикончи, и я напьюсь крови!

— Остынь! Он ведь не может сопротивляться, верно? Зачем тебе кровь, взятая не в бою?

Призрак умолк; этот довод был нестрезим.

Великан с подозрением уставился на Конана.

— С кем ты толкуешь? Что-то я плохо тебя слышу.

— С приятелем, — сообщил Конан. — Есть тут у меня приятель, которому не терпится добраться до твоей шкуры, — он покачал секиру, и огненно-алые отблески пламени метнулись по серебристому лезвию.

— Не думаю, что твой приятель перерубит цепи Шапшума, — сказал великан, и его физиономия сложилась в хитровато-выжидательную гримасу. — Цель зачарована, иначе Шапшум сам справился бы с ней. Но стигийское колдовство... О! — Он закатил маленькие глазки. — Сильное колдовство! С таким никому не совладать! Тем более тебе! Даже с помощью твоего блестящего топорика.

«Ну, сейчас я собою с тебя спешь,» — подумал Конан. Он принялся неторопливо прохаживаться у ног гиганта, осматривая его со всех сторон, особенно ниже пояса.

— Раз ты скупился на выкуп, зачем мне рубить твою цепь? Можно рубануть и чего другое... — тут киммериец покосился на заросший темным волосом пах и сообщил: — Я ведь, знаешь ли, тоже голоден.

— Люди кутрубов не едят, — ответил Шашшум, начиная с опаской поглядывать на топор. — Но кутрубы едят людей.

«Кутруб! — Конан мысленно поздравил себя с удачей. — Значит, эта образина умеет летать, как и положено всякому порядочному кутрубу или гулу! И хоть выглядит он не слишком поворотливым, но к утру доберется до Иранистана. Возможно, и до самой Вендии!»

Вслух же киммериец сказал:

— Ты сильно ошибаешься насчет людей, мохнатый боров. Люди, видишь ли, бывают разные: одни не едят кутрубов, а другие совсем не прочь полакомиться. — Он резко махнул секирой, срезав пучок бурых волос. — Как ты думаешь, откуда мне лучше начать?

Стальной полумесяц вновь свистнул, заставив гиганта опасливо втянуть живот. Теперь на его грубом лице появилась обиженная мина, словно козьявка, мельтешившая у колен Шашшума, обманула его ожидания.

За спиной киммерийца раздался яростный шепот невидимого духа:

— Долго же ты с ним толкуешь, потомок Гидаллы! Клянусь Древними Богами, этот бурдюк с кровью мне уже надоел. Руби-ка цепи, а как бросится, руби по ногам! И кончай с ним!

— Во имя Крома, прикуси язык! Я сам знаю, кого и когда рубить! — рывкнул Конан и, повернувшись к Шашшуму, пояснил: — Приятель меня торопит. Не терпится ему поглядеть, какого цвета у тебя кишки... Ну, может сделаем так, — он вздохнул густые черные волосы, задумчиво поглядывая на великана, — ты не будешь меня есть, и я тебя не трону. Согласен?

— А цепь? — пробурчал Шашшум. — Цепь разобьешь?

— Может, и разобью. Но ты говорил, что она заколдована?

Гуль потрянул огромной головой.

— Да! Сильные чары! Очень сильные!

— Тебе не справиться, так?

В ответ раздался тяжкий вздох, словно ветер прошумел по дремучему лесу.

— Вот видишь, — сказал Конан, — тебе цепи порвать не под силу. И простым топором их не разбить, верно? Но в моей секире больше магии, чем в головах и задницах всех стигийских колдунов с времен древнего Потопа. Ты, падаль, сам убедишься, когда я разрублю цепь! И знаешь, что будет после этого? Ну-ка, пошевели мозгами!

Великан оскалил клыки.

— Шашшум не станет тебя есть. Лучше он съест черную козьявку, что наложила чары на цепь! Так?

— Не угадал. — Киммериец резким и сильным ударом рассек железное звено, освободив запястье великана. Рана Риорда, коснувшись зачарованной цепи, высекла сноп синеватых искр, и Шашшум с испуганным ревом попытался отпрыгнуть в сторону. На губах Конана мелькнула довольная улыбка. Ткнув кутруба концом топорика в отвислый живот, он сказал:

— Так и быть, я тебя освобожу, но ты, мешок с дерьмом Нергала, будешь мне повиноваться! Будешь служить, как пес хозяину — верно, преданно и без обмана! А не то... — он поднял секиру, погрозил. — Если уж мой топор справился с заколдованной цепью, как ты думаешь, что он сделает с тобой? — Рана Риорда снова свистнула, и еще один клок бурой шерсти закружился в воздухе.

— А долгая ли будет служба, хозяин? — с печалью в голосе поинтересовался Шашшум. Похоже, он уверился в неодолимой мощи прищельца с топором и выглядел теперь совсем смиренным.

— Недолгая. Отвезешь меня с приятелем в Иранистан и вернешься сюда. Тут перво-наперво выследи жреца и прикончи его — да поторопись, не то, клянусь Кромом, он опять наложит на тебя чары! Ну, а после... после можешь заняться остальными. И чтоб ни единой живой

души в этой крысоловке не осталось, понял? — грозно нахмурившись, Конан потряс топором. — Как, годится тебе такая служба?

При упоминании о живых душах кутруб явно повеселел.

— Годится! Годится, хозяин! Не успеют погаснуть звезды, как я домчу тебя в Иранистан — те места мне знакомы. А ты уж постарайся с цепью... Да еще — как я вылезу отсюда? Дверь-то маленькая, а стены толстые... Я бы с ними справился, но только чего-нибудь перекусив. Маг, проклятая козявка, держал меня впроголодь...

— О стенах, — молвил Конан, замахиваясь секирой, — забота не твоя.

* * *

Когда они поднялись в ночное небо, усеянное яркими звездами, Рорта недовольно забубнил Конану в ухо:

— Ты обещал мне жреца! Ты обещал мне море крови, а отдал всего четверых! Ты обещал мне всю стигийскую нечисть в крепости, а теперь их сожрет этот волосатый бурдюк! И его ты не позволил тронуть! Почему, потомок Гидаллы?

Киммериец сплюнул вниз, где, озаренный лунным светом, высился на речном берегу древний семибашенный Файон. В его дворе и на стенах суматошно мелькали, метались факелы — видно, грохот камней, сыпавшихся градом под ударами секиры, поднял на ноги весь гарнизон. Конан представил, что будет твориться в стигийской цитадели, когда на нее налетит Шапшум, и мстительно ухмыльнулся. Жаль, не удастся поглядеть на это зрелище!

Он крепче стиснул коленями мощную шею кутруба, намотал на левый кулак прядь грубых волос, а правую руку запустил в суму. Нашарив сухарь, поднес ко рту и захрустел, жмурясь от наслаждения. После двухдневного поста черный солдатский хлеб казался вкуснее туранских орехов в меду и изысканных блюд со стола чернокожих владык Кешана и Пунта.

— Жрец! Ты обещал мне жреца! — клекотал призрак. — И крови!

Успокаивающим жестом Конан коснулся холодного лезвия секиры, торчавшего над плечом. Оставить бы ее себе, подумал он, а духа потерять где-нибудь по дороге... слишком уж назойлив и кровожаден... Но то были пустые мечты; без своего магического «я» Рана Риорда превратилась бы в обычный топор — большой, из превосходной стали, но без капли волшебства.

— Кажется, ты спешил на юго-восток? — произнес киммериец. — Мы и отправились туда — причем с такой скоростью, что к рассвету продelaем путь, который занял бы двадцать дневных переходов. Чем же ты недоволен? Или мне надо было раздражить кутруба, прикончить его, а потом двадцать дней тащиться по пустыне и горам? Будь же благоразумен, Рорта! Что ж до крови, то в Иранистане ее можно пролить не меньше, чем в Стигии.

— Я хочу стигийской крови! — прохрипел призрак.

Конан вздохнул.

— Похоже, Отец Гидалла дал тебе больше силы, чем разума. Чем стигийская кровь лучше иранистанской?

— Стигийцы замуровали меня в каменном гробу! Я должен отомстить!

— И меня они тоже бросили в темницу. И я бы хотел отомстить! Но стоит ли из-за этого терять удобный случай? — Киммериец стукнул кулаком по могучему загривку Шапшума. — Этот зубастый бурдюк куда резвей туранского жеребца, а шея у него удобнее, чем верблюжий горб. К тому же он вернется в Файон и отомстит не хуже нас с тобой. Будь спокоен!

— Я хочу отомстить сам! — упорствовал Рорта. — Ты просидел в темнице два дня, а я — целый век! Много веков! Тысячу лет!

— Ты — из железа и колдовских чар, а я — из костей и мяса, — сказал Конан. — Твой век — что мой день, а потому перестань ныть, и давай-ка потолкуем о вещах более интересных. Ты говорил, что отслужишь мне, коли мы доберемся до наследников Гидаллы. Я хочу знать, как?

— Увидишь, — неопределенно пообещал дух.

Киммериец вытянул ноги, уперевшись босыми ступнями в огромные уши Шапшума. Кутруб был слишком занят, чтобы обратить на это внимание; его раскинутые в стороны руки слегка покачивались, воздух со свистом клокотал в груди. Похоже, он сильно торопился — не столько в Иранистан, сколько обратно в Файонскую цитадель, на завтрак. «Нас тут трое должников, — промелькнуло в голове у Конана, — но лишь один расплатится со стигийцами за постой и гостеприимство. Надеюсь, он предложит хорошую цену».

Незаметно киммериец задремал. Покачиваясь на плечах кутруба, он мчался над безжизненной пустыней, но снилось ему, что вокруг раскинулся океан, а качается под ним палуба корабля, стремительной «Тигрицы», грозы Черного Побережья. Она птицей летела по синим и ласковым водам, неслась прямо к солнцу, к светлому оку Митры, сиявшему в лазурных небесах, и белая пена вскипала вдоль бортов. Скрипели в уключинах весла, ветер раздувал паруса, покрикивали чернокожие моряки, а с высокой резной кормы нежно улыбалась Конану красавица Белит.

Глава 5

Крушение Рана Риорды

Пробил час, Великое Равновесие было нарушено, и следом за этим чудовищные бедствия потрясли мир. Ушла на дно океана Атлантида, другие же земли поднялись, слившись с берегами Турана; в центре материка рухнули горы, и оставшиеся на их месте впадины заполнила вода. Всюду задымались вулканы, страшные землетрясения обратили в руины богатые города, потоки огненной лавы сожгли поля и фруктовые рощи. Многим не удалось пережить ту древнюю катастрофу, но варварам повезло больше, чем цивилизованным народам. Острова пиктов погибли, однако их поселения на южной валузийской границе почти не пострадали. Сохранились и метеоритовые колонии атлантов; сюда, покинув гибнущую родину, шли сотни кораблей с людьми, надевавшимися спастись в восточных землях от гнева богов.

Альмаденские Скрижали, Плиния II, строки 1–12

Боги хранили Равновесие Мира. Все боги, и темные, и светлые, ибо в ином случае воцарившийся хаос мог поглотить и тех, и других. Случалось, боги свирепо бились друг с другом, а враждовали они постоянно — ведь невозможен союз и согласие сил света и тьмы, добра и зла, творения и разрушения, любви и ненависти. Но битвы те, борьба и вражда были присущи миру испокон веков, ибо не может быть света без тьмы и добра без зла. Сражались боги, темные и светлые, но Равновесия не нарушали; и даже в промежутках меж своими боями старались поддержать его, укрепляя по мере сил земную твердь и хрустальный купол небес. Один, сотворив исполинов невиданной мощи, подпирал их плечами горные хребты; другой гигагтским змеем обвивался вокруг мира, противоборствуя огню, расправившему его изнутри; третий выплескивал в океан потоки лавы — застывая, они превращались в прочные основания островов и континентов; четвертый же плел частую сеть из звездных лучей, чтоб огромные глыбы камня и льда, кружив-

шие в пространстве, не упали на землю и не раскололи ее диск до самого предвечного пламени.

Но и боги ошибаются!

Быть может, дрогнул один из исполинов, поддерживающих земной круг; покачнулся, не вынеся тяжести гор и скал, равнин и лесов, и бесчисленных тварей, обитавших в них, и городов, каменных стен и башен, что нагромодили люди. Дрогнул исполин, треснула земля, океан прихлынул к восточным материкам, откынул от западных, рухнули горные хребты, рассыпались в прах прибрежные утесы, взревели, пробуждаясь, вулканы...

Быть может, гигантский змей не удержал внутренний огонь, и чудовищные языки пламени вырвались из бездны, сожгли леса, испарили моря и озера, расплавили камень на океанском дне. И начали погружаться в кипящую воду острова и континенты, стали раскалываться на части, и каждая из них существовала теперь сама по себе: одни канули в огненную пропасть, другие, встав ребром, превратились в горы. А потом рухнули, уничтожив все живое каменным градом...

Быть может, перестаралось божество, игравшее с расплавленной багровой лавой. Хлынули ее потоки из жерл сотен и сотен огнедышащих гор, взмыли в небеса столбы черного дыма, застлали солнце, звезды и луну, и наступила ночь. Беззвездная ночь, ночь без светил, во тьме которой метались четыре ветра, южный и северный, западный и восточный; все — одинаково обжигающие, палящие, жаркие. И пели те ветры похоронную песнь и над погружавшейся в море землей атлантов, и над островами пиктов, их врагов...

Быть может, сеть из звездных лучей оказалась непрочной, и некая глыба из мировых пространств, прорвав ее, свалилась на землю, ударила так, как бьет острие копья, ломая кости и пронзая плоть. От того удара всколыхнулся океан и пошел войной на сушу, гоня друг за другом огромные волны, слизывая почву с лесами и травами, разрушая горы, обращая в руины города, прорываясь руслами рек в середину просторных континентов. И там, где высились горные пики, расплескались моря; там, где

была степь, поднялись прибрежные утесы; там, где зелели леса, легли безжизненные пески пустыни. А благословенная Атлантида и острова пиктов, лежавшие в Западном океане, и вовсе исчезли с лица мира.

Так ли то было или иначе, но Великая Катастрофа свершилась; воды Первого Потопа скрыли то, что надлежало скрыть, разрушили то, что полагалось разрушить. Рухнула мощь великих древних держав, исчезли их города и сами их род и племя, но люди сохранились — из тех, обитавших на обширном Туранском материке, кто сумел избежать гибели в бушующих водах рек и в огненных потоках лавы, кто не попал под тяжкий камнепад и тучи горячего пепла, кто не провалился в трещины, не сгорел, не утонул, не задохнулся. Но не только на огромном континенте Турана спаслись остатки человечества допотопной эры; был еще и материк в южных морях, называемый Му и населенный неведомой людям расой. Были еще и корабли; большинство из них разбились о скалы либо исчезли в разгневанном океане, но немногие смогли удержаться на плаву и, когда ярость стихий пошла на убыль, добрались до берега.

* * *

Когда грянул час Великой Катастрофы, Рана Риорда, Небесная Секира, находилась на вершине Айи, в святилище, что было построено там после смерти Отца Гидаллы, пророка и прародителя. Лежала Рана Риорда на алтаре из белого камня, вырезанного в форме большой колыбели, и дремала, объятая сном. Лезвие ее пропиталось кровью тысяч и тысяч погибших, и дух ее насытился на многие годы вперед; и не было нужды везти ее на восточный материк для новых битв, ибо там давно уже процветала могучая держава атлантов, поглотившая лучшие земли древних туранских королевств. Пикты, правда, не были окончательно усмирены, но даже этот упрямый народ не рисковал поднять оружие на Сынов Ветра и Моря; воины в волчьих мехах, с каменными топорами и копьями, лишь изредка тревожили границы новой могущественной им-

перии потомков Гидаллы. И потому Рана Риорда могла отдохнуть.

Но вещей дар ее не спал, и за несколько лун до Катастрофы узрели ее хранители странные картины, мелькавшие на серебристом лезвии огромного топора. Видели они жуткий пожар, охвативший леса и степи; видели высокую волну, что надвигалась на берег из океанских глубин; видели вулканы с темными шапками дыма, выплескивающие багровую лаву; видели рухнувшие горы и землю, покрытую трещинами, из коих били фонтаны огня; видели, наконец, безбрежные воды на том месте, где лежала благословенная Атлантида.

И когда властителю ее было сказано об этих страшных предзнаменованиях, повелел он строить корабли и плыть на восток, в завоеванные туранские земли, а также на запад, где тоже лежал обширный и плодородный континент. О нем Сыны Четырех Ветров знали немного, но надеялись узнать больше; а узнав — покорить. И долгие дни плыли суда от берегов Атлантиды на восход и закат солнца, возвращались обратно и вновь уходили, груженные людьми, скотом, зерном, металлами и всем, что можно сделать из металла. Ибо скот и зерно были нужны людям для пропитания, металл же давал им могущество и силу: клинки и серпы, плуги и топоры, молоты и якоря, чаши и блюда, украшения вельмож и пряжки на одежде простолюдинов — все, все это делали из металла, из жаркого золота и бледносияющего орихалка, из красной меди и прочной бронзы, из темного железа и гибкой стали.

Уходили корабли атлантов, но не могли увезти они всех богатств родной их земли — ни гор ее и равнин, ни щедрых полей и масличных рощ, ни виноградников, ни жилищ, храмов и крепостей, ни рудных залежей и копей, ни рассветов ее и закатов, ни дневного щедрого тепла, ни ночной прохлады. И потому некоторые из жителей оставались в домах своих: одни не верили мрачным пророчествам Рана Риорды, другие верили, но предпочитали погибнуть у своего порога, рядом с могилами предков. И

властитель Атлантиды их не неволил: кто желал остаться, тот оставался.

Пришла грозная пора, наступил день божьего гнева — или божьего попущения? Впрочем, люди не задумывались над тем, ярость ли богов или их небрежность сотрясает землю; всяк в ужасе и страхе бежал куда-то, гонимый жаркими ветрами, подобный неразумной твари, ища убежища, спасения и тихого места, коего не было в тот миг нигде в мире. Сверкали молнии, гремел гром, ревели воды и пламя, рушились горы, и смерть смыкала черные крылья над теми, кто оставался на зыбкой земле.

От берегов же Атлантиды отплывали последние корабли, и судов, что направлялись в этот страшный час к востоку, было немалое число — половина тысячи или больше. Семьдесят из них двинулись в путь от подножия скалистой Айи, что стояла на оконечности атлантического материка, и везли те суда мужей и жен рода Южного Ветра, людей чистой крови, прямых потомков Кователя Гидаллы. Старшим же среди них являлся Таванна, хранитель Рана Риорды. И Небесная Секира была на корабле его, обернутая ради сохранности в драгоценные ткани, спрятанная в сундук, окованный цепями, протянутыми к самому корабельному килю. И потому Таванна не мог видеть ее лезвия и прочитать знаки грядущего.

А знаки те были мрачными и сулили беду.

Долго ждать ее не пришлось. Когда рухнула Атлантида в океанские глубины, чудовищные волны разошлись от гибнущего материка на все четыре стороны света и извырнули они флотилию Таванны не на восток, а на юг, к берегам жарких Черных Земель. Долго ураган нес корабли, разбросав их так, что потеряли они друг друга; когда же кончилась буря, то недосчитались кормчие многих судов. Семьдесят их было, но лишь тридцать сошлись вместе и, влекомые ветром, обогнули Черные Земли и понеслись затем на восток, в просторы Южного океана, к неведомым островам и континенту Му. Остальные сорок либо разбились о скалы, либо треснули и потонули, уступив ярости волн, либо попались в ловушку — течение-водоворот, носившее их по океану годами и десяти-

Глава 6 Львы Таглура

летиями. Судьба этих последних была ужасна, ибо их команды, вместо быстрой, приняли медленную смерть, высохнув под пылающим солнцем от голода и жажды. Такая участь суждена была и людям Таванны, и самому старейшему из потомков Гидаллы.

Небесная Секира не могла их спасти, ибо мощь ее исчерпалась в пророчествах. Да и что бы удалось ей сделать? Ее магия была магией смерти, не жизни; она умела убивать и побеждать, но не спасать, не сочувствовать, не сострадать гибнущим. И когда последний мореход распрощался с жизнью, Рана Риорда осталась одна на корабле мертвых, кружившем день за днем среди бурных вод Западного океана. Руки наследников Гидаллы больше не касались ее, не дарили ей силу, не вздымали в битве над полчищами врагов; медленно и неотвратно Небесная Секира погружалась в забвение — среди кусков гниющей ткани, среди обломков досок, среди ржавеющих цепей, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Прошло время, и она сама тоже стала мумией. Но странное и таинственное ее существование не походило на краткую жизнь людей, и потому Рана Риорда не сгинула, не погибла, не рассыпалась бурой ржавчиной. Забытая, потерпевшая крушение, она ждала — ждала, когда коснутся ее человеческие руки.

И до той поры корабль мертвого Таванны держался на воде и не уходил на дно морское.

Иранистан — жаркая земля, что протянулась полосой меж морем и пустыней. Пустыня та дика и непригодна, и водятся в ней многие странные и хищные твари, весьма опасные для путника: рыжие львы; ядовитые змеи, злокозненные инкубы и песчаные духи. Отвратительнее же всех прочих великаны-гулы и великаны-кутрубы, что пожирают путешественников живьем либо творят над ними ужасные непотребства, еще худшие, чем смерть. Что же касается моря, омывающего берег Иранистана, то зовется оно Вендийским, ибо к востоку за ним лежит богатая Вендия; к западу же — Зембабве и Черные Королевства. Хотя иранистанцы и признают власть одного владыки, но делятся на множество племен, из коих иные обитают в горах, или в пустыне, или на морском побережье. Одни из них — мирные феллахи, возделывающие землю, другие же — сущие разбойники, кочевники пустыни, что живут насилием и грабежом. Но все они говорят на одном языке, сходном с туранским, и подобны друг другу обличьем: смуглые, черноволосые, с густыми бровями и зрачками словно камень агат; носы же их видом напоминают клюв коршуна. Нрав у кочевников горячий, обычаи воинственны, и по сему в державах юга иранистанские наемники почитаются превосходными солдатами.

Аквилонский манускрипт «Правдивое и истинное описание краев чужеземных, лежащих на полдень и на восход солнца»

Кутруб летел быстро, и прохладный ветерок, плескавший в лицо, вскоре разбудил Конана. Сидя на могучих плечах Шапшума, он принялся размышлять о том, почему дикому кутруб, не умевшему ни пахать, ни сеять, ни разводить скот, ни дубить кожи, ни пользоваться челноком ткача или плотничьим инструментом, было даровано волшебное искусство полета. Как такое могло случиться? Быть может, темные боги желали посмеяться над людьми, наделив этой чудесной способностью бесполезную и кровожадную тварь? Но куда же глядел Митра, Светлый Заступник, Податель Жизни? Если

уж ему не захотелось отнимать у гулов и кутрубов магический дар парения над землей, то почему он не благодетельствовал им род человеческий, научив летать всех и каждого?

С другой стороны, люди и так неплохо устроились в мире сем. Уж они-то умели и пахать, и сеять, и пасти скот, и ковать плуги да мечи, и выпускать кишки ближним своим! Так или иначе, честными ли трудами, разбойничьим ли ремеслом, люди умели заработать кусок хлеба насущного. Другое дело — кутрубы, огромные, ленивые и прожорливые. Пожалуй, без своего таланта к полетам они бы просто сдохли с голода. Как иначе такому неповоротливому чудинцу настигнуть караван в пустыне и растерзать путников? Как пасть с небес на быстрое судно и разделаться с мореходами, пожрав их тела, отправив души на Серые Равнины?

И все же в этом ощущалась какая-то несправедливость. Парить в вышине, под яркими звездами или золотым солнцем, нестись на крыльях ветра, пронизывать кисею белоснежных облаков, спорить с грозowymi тучами, обгоняя их в стремительном полете... Мечта! Прекрасная и величественная мечта! Но только мечта — для человека, разумеется. Шапшум, хейворк, людоед, не предавался мечтам; он летал наяву. Летал, высматривал, вынюхивал, выскикивал кусок посланца и ел, пока его не засадили в стигийскую темницу, сковав заколдованной цепью. Ну, туда он еще вернется, — подумал Конан, — не в темницу, конечно, а в Файон... вернется и не уйдет, камни будут грызть, клыки сточит, но сожрет всех до последнего... Жестокое племя кутрубы и гулы, — продолжал он свои рассуждения, — но и стигийцы не лучше, в особенности их жрецы. Одни умеют летать и жрать, другие напускают чары... Вот и тягались бы друг с другом на радость Нергалу и прочим темным богам!

Внезапно ринувшись вниз, Шапшум приземлился, тяжело шлепнувшись на песок, и тут же встал на четвереньки. Звезды над головами путников уже померкли, небо на востоке порозовело; золотой глаз Митры готовился взойти над миром и слал вперед алые свои лучи,

будто предупреждая: ночь кончилась, день настает! Конан глубоко втянул воздух, наполненный солеными морскими запахами, и слез с шеи гиганта. Песок под его босыми ногами был теплым и мягким, где-то неподалеку рокотали волны, а в двух полетах стрелы подрагивали, трепеща на ветру, взъерошенные кроны пальм. Киммериец потянулся и зевнул.

— Куда ты меня привез, протухшая задница? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Куда велено, хозяин, в Иранистан, — Шапшум сел, скрестив ноги, и начал почесывать грудь — там, где виднелся багровый рубец от стигийской цепи.

На иранистанском побережье Конану бывать не приходилось. Правда, он встречал иранистанцев, превосходных воинов, горячих нравом и быстрых в обращении с кинжалом; люди эти говорили, что правит в их стране владыка Ксаркас Девятый, Его Безмятежное Величество, но в пустыне и горах власть его не слишком крепка; там все решают вожди кочевых племен. Городами же владеют князья, данники Ксаркаса, и богатейшие из купцов; городов же тех много, и земли вокруг них плодородны и обширны.

Поразмыслив на сей счет, Конан пнул кутруба в колено и произнес:

— Иранистан велик, сын осла. Это что за край?

— Хороший край, хозяин, богатый! Там, — огромная лапа кутруба протянулась на восток, — стены, сады, дома, люди, много людей! Лошади, верблюды, овцы и козы тоже есть, — добавил он, помолчав, — но люди вкусней.

— Хмм... — протянул Конан. — Выходит, ты меня притащил прямо в свои охотничьи угодья? Ну, ладно, Нергал с тобой, место не хуже прочих... А теперь скажи-ка, как называется здешний город и далеко ль до него?

— Город называется Базра, — с готовностью доложил великан, — а идти до него половину дня.

Киммериец скривился.

— Ты мог бы опуститься и поближе, волосатая шкура!

— Видишь ли, хозяин, если нас заметят из города, то тебе придется туго, когда я улечу. Шапшума в этих краях

знают, — кутруб многозначительно облизнулся. — А здесь все тихо и спокойно. Иди себе теперь вдоль берега, и дойдешь до Базры, словно обычный путник.

— Я и есть обычный путник, — буркнул Конан, подумав про себя, что Шапшум, невзирая на звероватую внешность, вовсе не глуп. По меркам гулов и кутрубов, разумеется.

Гигант уставился на него в нетерпеливом ожидании.

— Ну, господин мой, доволен ли ты? Исполнен ли наш уговор? Может ли Шапшум возвращаться? Рассвет близко, и Шапшум хочет есть...

Поглядев на розовеющее небо, Конан кивнул:

— Господин доволен. Убирайся!

Гуль привстал, подпрыгнул и с ликующим ревом взвился в небеса, обдав хозяина фонтаном песчинск. Выругавшись, Конан принялся развязывать узел на груди. Освободив топор, он воткнул его древко в землю и обмотал набедренную повязку вокруг пояса.

— Ну, Рорта, что будем делать? — поинтересовался киммериец, покончив с этим занятием.

Дух явился незамедлительно, окружив древко секиры туманным серебристым облаком. Выглядел он получше, чем в прошлый раз — стан выпрямился, тощие руки и ноги округлились и даже морщины на лице словно бы начали разглаживаться. Видно, кровь стражей Файона пошла ему впрок, подумал Конан, всматриваясь в мерцающие сапфировые глаза. В призрачных чертах Рана Риорды он улавливал нечто знакомое, вот только не мог понять, что.

Киммериец хмыкнул и потер щеку в темной щетине.

— Похоже, ты начинаешь молодеть, Рорта!

— Сила моя возросла, хоть ты и не дал мне напиться кровью вволю, потомок Гидаллы, — заявил дух. — Ну, ничего; предчувствую я, что ждет нас битва. Славный бой! И случится он после полудня.

— Не хотелось бы лезть в драку с пустым брюхом, — пробормотал Конан. Воспоминания о фляжке со стигийской кислятиной и сухарях из прихваченной с собой сумы уже испарились, и он снова хотел есть и пить. Только не

хлеб и воду, а мясо и вино! Он припомнил, что иранистанские вина славились даже на берегах моря Вилайет, и слотнул слюну.

— Будет битва, — проклекотал Рана Риорда, — будет кровь для меня и тебе пожива! Что же касается дальнейшего нашего пути, то лежит он по-прежнему на юг и на восток. Там, я чувствую, обосновались потомки Гидаллы, и туда я должен попасть!

Конан нахмурился. На юге побережье Иранистана омывало Вендийское море, а за ним лежал безбрежный океан. Как утверждалось в древних сказаниях, в нем были какие-то острова и земли, но давно, еще до Первого Потопа, уничтожившего Атлантиду. Что случилось с ними во времена Великой Катастрофы? Опустились ли они на дно, либо наоборот встали из пучины морской новыми материками, о коих слыхом не слыхивали в хайборийских королевствах?

Кто знал об этом? Кто ведал?

В душе Конана разгоралось любопытство. Как все варвары, он жаждал славы и богатств, и, вероятно, к своим годам мог бы добиться того или другого, если б не тяга к перемене мест и неистребимая склонность к авантюрам. Вор, пират и наемник, он не раз накладывал руки на сказочные сокровища, не раз дороги его пересекались с путями владык, но и богатства земные, и почести, и награды проскальзывали меж пальцев. Быть может, потому, что он не пытался их удержать? Он был еще молод, и страстное желание повидать мир и поучаствовать в опасных приключениях превозмогало соблазн высоких постов и власти. Он мог бы сделаться одним из первых военачальников в полудюжине хайборийских держав — скажем, в Немедии или в Офире, — но предпочел королевской службе палубу «Тигрицы» и любовь Белит. И свободу! Свободу идти туда, куда влекло сердце, делать то, чего просила душа.

А в результате?

Вот стоит он на морском берегу, в чужой стране, снова утратив все, чем владел; он голоден, грязен и наг, и лишь клочок ткани на бедрах принадлежит ему... Но разве,

вступая на новую дорогу, не стоит отряхнуть прах старой? И хоть он все потерял в стремительных водах Стикса, но надеялся, что вместе с мечом и арбалетом в них утонули и те несчастья, что преследовали его в последнее время. Пусть Кром пожрет воспоминания о проклятых Черных Королевствах! Лишь память о Белит ему хотелось сохранить.

Нагота же, голод и грязь были явлением временным и проходящим. Грязь смоем вода, а золото, украденное или взятое в сражении, поможет утолить голод и прикрыть тело. Главное, у него была теперь цель! Он вдруг почувствовал, что не меньше своего призрачного спутника жаждет попасть в таинственные края, где нашли пристанище потомки рода Гидаллы. Увидеть их далекие земли, сказочные города, встретить новых друзей и новых врагов... Неведомое тянуло его; к тому же, Рана Риорда обещал отслужить за труды! Отплатить добром за добро!

Встало солнце, и яркие лучи светила брызнули Конану прямо в глаза, прервав его раздумья. Он повернулся лицом к морскому берегу, вытянул руки.

— Там, на юге, океан, и ни один кормчий не рискнет повести туда корабль... Жаль, что я отпустил Шапшума! Этот малый мог бы доставить нас куда уютно быстрее урагана!

— Не жалею, — проскрежетал Рорта. — Я ведь еще не знаю, куда мне угодно. Я только чувствую, что путь лежит на юг и восток. Когда сила моя возрастет, я скажу точнее.

— Ну, раз мы не можем идти на юг, отправимся на восток, — сказал Конан. — Там, за Иранистаном, Вендия... Хорошо бы найти в этой Базре попутный корабль... — он вдруг усмехнулся и добавил: — Мы с тобой, приятель, могли бы разжиться славным суденышком! Выйдем в море, а там...

Тонкие губы Рана Риорды сложились в понимающую усмешку — первую, увиденную Конаном на этом призрачном и мрачном лице. Дух кивнул; боец с полуслова понимал бойца, разбойник — разбойника.

— Пора идти, — Конан потянулся к древку секиры. — Шапшум, этот мешок с дерьмом, говорил, что до города тащиться полдня... Клянусь бородой Крома! Только-только успеем к той драке, которую ты напророчил!

— И напророчу еще! Если ты подаришь мне каплю своей крови.

— Это к чему? — Сильные пальцы Конана сжали древко.

— Я же сказал, киммериец, что умею не только рубить головы. Пои меня кровью врагов, и сила моя вырастет стократно; я смогу перенести тебя над водами, равнинами и горами быстрее волосатого Шапшума, смогу вернуть тебя во вчерашний день, смогу предсказать будущий... О, я многое сумею, когда буду сыт! Я и сейчас кое-что предвижу... но смутно, смутно... Капля крови потомка Гидаллы поможет узреть яснее.

— Узри, — согласился Конан и надавил большим пальцем на отточенную кромку топора. Алая капля лизнула острую сталь, тонкой красной ниточкой потекла вниз, но не успела скатиться на землю — лезвие, полыхнув багряным отсветом, поглотило ее. Затем в сияющей голубовато-серебристой глубине появилось чье-то лицо — широкоскулое, толстошее, смуглое и рябое, с узкими щелчками век. Его сменила другая физиономия, горбоносая и усагая, с властными высокомерными чертами; под конец вроде бы мелькнула лукавая рожица ребенка — пухлые губки, нежные щеки, черные блестящие глаза.

— Ну, что ты разглядел? — поинтересовался призрак.

— Троиш. Две разбойные рожи и какого-то сорванца. Похоже, девчонку... Кром! Только девчонки мне и не хватало!

Рана Риорда кивнул.

— Трое, все верно. Ты встретишь их сегодня еще до заката, киммериец.

— Лучше бы я встретил хорошую харчевню, — отозвался Конан.

Евзавляв секиру на плечо, он зашагал вдоль берега на восток.

Конан шел быстро, движимый нетерпением и голодом. Вскоре, в трех полетах стрелы от морских волн, обнаружила тропинка; она превратилась сначала в тропу, затем — в дорогу, хорошо натоптанный тракт, от которого ответвлялись другие тропы, тянувшиеся то к пальмовым и масличным рощам, то к виноградникам, то к посевам ячменя или к рыбацким хижинам, уютившимся на берегу. Край этот, видно, был изобилен и богат, как и утверждал Шапшум; горы, вздымавшиеся на севере, прикрывали окрестности Базры от знойного дыхания пустыни и, задерживая теплые морские ветры, дарили влагу плодородной почве.

На дороге стали появляться путники. Одни, как и Конан, шли пешком; другие, видимо крестьяне, по-местному — феллахи, восседали в небольших тележках с высокими колесами, влекомых осликами или крепкими коренастыми зебрами — этих неприхотливых животных разводили на западе, в Зимбабве, и гнали на продажу в Иранистан. Иногда, вздымая пыль, проносились по тракту всадники на горячих скакунах; обвешанные оружием, с хищными горбоносими лицами, они высокомерно поглядывали на крестьян и пеших странников. Конан, нагой и грязный, вызывал у этих воинственных сынов пустыни презрительные ухмылки, но огромная секира, что покачивалась на плече киммерийца, предупреждала: связываться с ним небезопасно.

К такому же выводу пришли и мирные феллахи, топтившиеся в город на базар: ни один не возразил, когда огромная ладонь Конана, нырнув через бортик очередного возка, возвращалась полная фиников или инжира. К досаде киммерийца, он нигде не мог нащарить кусок мяса или хотя бы лепешку, зато, наткнувшись на торговца вином, осушил целый бурдюк. Финиковое вино показалось ему слишком сладким, но было зато душисто и не менее крепко, чем лучшие аргосские сорта. Хозяин соблазнительного груза с изумлением следил, как синеглазый гигант-северянин разделался с полным мехом, довольно

кивнул и зашагал дальше — прежней уверенной походкой, раскачивая свой сверкающий топор. Конан, подмигнув ему, принялся соображать, подойдут ли ему штаны виноторговца — тот был мужчиной крупным и тучным, в шароварах невероятной ширины. Но, справедливости ради, не стоило наносить ему новых убытков помимо опустошенного бурдюка, и киммериец, еще раз подмигнув, решительно обогнал возок.

Вскоре он наткнулся на хвост верблюжьего каравана, тянувшегося по дороге под звон бубенцов бесконечной чередой бурых горбатых спин, украшенных резными сундуками, корзинами и мешками из полосатой ткани. Не желая глотать пыль, Конан ускорил шаги, потом перешел на бег и спустя некоторое время оставил позади пыльное, режущее и звенящее облако. Вытерев пот со лба, он огляделся, высматривая очередную повозку с вином, но узрел только штаны — зато вполне подходящего размера.

Штаны обтягивали зад рослого и на редкость мускулистого детины, и, взглянув на его рябую смуглую рожу, Конан сразу признал показанное секирой лицо. Вероятно, в жилах этого богатыря текла мунганская кровь — его физиономия круглилась, как плоская лепешка, а меж прижмуренных век нельзя было просунуть и тонкой медной монетки. Кроме штанов, мунган носил добротные сапоги и расшитую бисером куртку, поверх которой на широкой перевязи красовался огромный изогнутый ятаган. Выглядел этот молодец горделивым и неприступным, шириной плеч не уступал Конану, а ростом даже превосходил его — правда, ненамного.

— Хорошие у тебя штаны, приятель, — сказал Конан на туранском, пристраиваясь сбоку. — И сапоги тоже ничего, как раз на мою ногу... Да, совсем неплохие сапоги!

Узкие раскосые глазки обшарили фигуру киммерийца от голых пяток до гривы нечесаных темных волос.

— А сабля и того лучше, оборванец, — ответил мунган. — Тот, кто зарится на добро Саледа Алиама, сначала должен разглядеть саблю, а потом уж все остальное.

— Сабля твоя мне ни к чему, — усмехнулся киммериец, — а вот штаны бы подошли. Не поделишься ли добром? Тогда я оставлю тебе сапоги.

— Делиться не в моих привычках, — буркнул Салед Алиам, и Конан молчаливо согласился с этим утверждением — рожа у мунгана была самая что ни есть разбойная. — Вот поменять могу. Штаны на твой топор. Пойдет?

— Не пойдет. Ты не любишь делиться, а я не люблю ни делиться, ни меняться.

— Тогда проваливай, пока цел, северная крыса! — рыкнул рябой великан.

— Я и правда с севера, — согласился Конан. — И обычай у нас таков: если два благородных воина вступают в спор на дороге, то тут же отходят в сторонку и решают, кто прав, кто виноват. Как ты на это смотришь, Салед? Клянусь печенью Крома, я не стал бы пачкать кулаков о твою рябую рожу, да штаны твои, видишь ли, очень мне приглянулись.

— А к чему нам с дороги-то уходить, голозадый? Дорога нас приведет как раз туда, куда нужно, — Салед оправил перевязь и сплюнул Конану под ноги.

Подняв голову, киммериец увидел впереди глинобитные стены и башни Базры, ее минареты, округлые купола которых сверкали цветной черепицей, пристани на толстых сваях, уходившие в голубую бухту, и десятки кораблей, стоявших у причалов и на внешнем рейде. У городских ворот справа тянулись харчевни, постоянные дворы и склады, сложенные, как и крепостные стены, из обожженных на солнце кирпичей; слева простиралась просторная площадь-майдан, за которой торчали круглые полотняные шатры, коновязи и пики с развевающимися по ветру бунчуками. Воинский лагерь, догадался Конан.

— Вон там, — мунган ткнул влево толстым пальцем, — твоя секира может потягаться с моей саблей за штаны. Таглу-р-сердар людей набирает для вендийского князька Ашакана. Платит, говорят, хорошо, и есть где денежки спустить! — теперь палец Саледа переместился вправо, в сторону харчевен и кабаков.

Конан кивнул, решив, что саледовы штаны от него не уйдут, а о сердаре Таглу-ре и вендийской экспедиции надо разузнать поподробнее. Ежели наняться в войско, то дней через пять-десять он будет в Вендии... Причем с полным снаряжением, ибо солдату полагаются кольчуга и меч, щит и шлем, лук и кинжал, одежда и мешок с припасами, а также збонкая монета, мясо и вино.

Не торопясь, он проследовал за рябым мунганом дальше по дороге, потом через обширный майдан в дальний угол, где на коврах и подушках восседал важного вида человек в сверкающей броне и богатом халате. На коленях у него лежала сабля в бархатных ножнах, лоб перехватывала пышная повязка алого кхитайского шелка, в ушах подрагивали серьги с бирюзой, а на сухощавом горбоносом лице читались привычка к власти и горделивое выскомерие. Конан сразу узнал его — не со слов Саледа, толковавшего про Таглу-ра-сердара, но потому, что облик горбоносого был знаком ему с утра, с того самого момента, как всплыл он в сияющей голубизне Рана Риорды.

За иранистанским военачальником толпилась сотня воинов с кривыми саблями и пиками в восемь локтей длиной, в круглых шлемах с остроконечными наверху посередине; еще больше солдат болталось в лагере — у этих, видно, предстоящее зрелище не вызывало интереса. Перед Таглу-ром неровной шеренгой выстроились три десятка крепких молодых мужчин, вооруженных кто чем: мечами и ятаганами, топорами и шипастыми дубинами, окованными железом, копьями и бердышами. По большей части тут были иранистанцы, но опытный взгляд Конана выловил и пару шемитов, пяток туранцев и трех чернокожих воинов — вероятно, из Зимбабве. Все эти молодцы различались оружием и одеждой, обычаем и нравом, но было и кое-что схожее: выглядели они сущими головорезами. Впрочем, Конан с Салехом Алиамом, пристроившиеся с края шеренги, общего впечатления не портили.

Сердар Таглу-р держал речь. Говорил он по-иранистански, пересыпая речь свою туранскими словами; а поскольку

ку оба эти языка схожи, то Конан понимал или мог уловить почти все.

— Вам, славные витязи, выпала большая удача, — важно вещал военачальник. — Каждый из вас, свиной недо-резанных, должен вбить в башку: служба в отряде Львов Таглура — великий почет для таких негодяев! И великая выгода, ибо светлейший Ашакана, раджас Средней Вендии, желает, чтобы мы потрепали владык Айодии... да, потрепали, не забывая и о своих карманах! А поскольку Айодия — город пышный и знатный, из богатейших вендийских городов, то каждый из вас, соколы мои, вернется в Базру совсем не бедняком. Конечно, если вернется вообще! Потому как мечи у айодийских кшатриев остры, и лишь отважные иранистанцы, ослиные головы вроде вас, рискнут вступить с ними в драку. И только они, клянусь мочой черного верблюда, могут тех кшатриев потрепать!

Тут Таглур, не глядя, протянул правую руку, и один из стоявших рядом воинов вложил в нее чашу с вином. Конан облинулся. Сердар выпил и разглядел пышные усы, кончики которых грозно торчали вверх.

— А еще вам, храбрецы, повезло от того, что обещался я привести светлейшему Ашакану ровно три сотни воинов, ни одним меньше, ни одним больше. Но Паид, пес и сын пса, свалился с забора, сломав себе шею, мерзавец Масрур подхватил дурную болезнь у какой-то девки, Сийкуш, свиная задница, упился вином по самые брови и утонул в выгребной яме, а что касается остальной четверки, то сдохли они столь же мерзопакостно и в страшных муках, хоть и по разным причинам. А потому нужны мне семь новых негодяев, дабы Львы Таглура прибыли к милостивому Ашакану в оговоренном числе, не нарушив договора и не посрамив тем самым славного моего имени и чести.

Таглур протянул левую руку и опрокинул в рот вторую чашу. Хорошее, наверно, вино у сердара, с завистью подумал Конан.

— Итак, сражайтесь, герои, — произнес Таглур, поднимая свою саблю, — пока я не брошу ножны на майдан,

а брошу я их тогда, когда лишь семеро из вас, собак смердящих, останется на ногах. И помните, что я гляжу за каждым, дабы определить лучшего бойца. И будет лучшему награда: звание десятника, ун-баши, и то, что лежит на сем блюде.

Тут сердар постучал саблей по большому подносу, прикрытому плотной тканью и стоявшему справа от него. Похоже, там была свалена воинская амуниция — в середине ткань горбатилась, будто облекая шлем, а сбоку из-под нее торчала какая-то палка, похожая на древко копья. Очень кстати, решил Конан, не сомневавшийся, кто будет лучшим в бою; очень и очень кстати — одежда и оружие, все снаряжение по сходной цене, за головы двадцати ублюдков. А те, кто останутся живы, поступят под его команду.

Таглур выпил еще одну чашу вина, велел бойцам перестроиться в две шеренги и, не поднимаясь, махнул рукой.

— Начинайте, дети шелудивого осла!

«Всерьез ли эта схватка, — промелькнуло у Конана в голове, — и надо ли бить до смерти?» Но в следующий миг он едва увернулся от кривой иранистанской сабли и, гневно оскалившись, взмахнул секирой. Его противник, худощавый и гибкий, как горный барс, успел поднять свой клинок, но серебристое лезвие Рана Риорды перерубило и саблю, и руку, что держала ее, и шею иранистанца. Послышалось шипенье всасываемой крови, и обезглавленный труп свалился в пыль майдана.

Быстро развернувшись, киммериец примерился к соседней паре, туранцу и негру, рубившимся с яростью голодных волков. Пожалуй, он мог бы разделаться с ними единым ударом, сверху вниз и слева направо... Первого рассечь напополам, от плеча к бедру, второму перебить ноги выше колен... Конан поднял секиру, и тут в спину ему всадили кинжал.

К счастью, неглубоко, на два пальца — он успел отпрыгнуть в сторону, почувствовав, как лезвие коснулось кожи. Зарывав, киммериец ткнул владельца кинжала топориком в пах, и, когда тот согнулся в три погибели,

обрушил топор ему на затылок. Отметив, что покойный являлся шемитом, Конан вычеркнул его из списка будущих своих подчиненных и атаковал следующего противника.

Некоторое время он бился то с одним иранистанцем, то с другим, поглядывая, как над головами в чалмах и шлемах мерно подымается и опускается ятаган Салед Алиама. Рябой мунган оказался умелым бойцом, и Конан охотно скрестил бы с ним оружие — не столько из-за штанов, сколько ради славы и чести — но толпа сражавшихся разделяла их. Впрочем, недолго: шеренги претендентов, желавших присоединиться к Львам Таглура, редели со сказочной скоростью, и души их одна за другой отправлялись на Серые Равнины, в мрачное царство Нергала. Вскоре киммериец заметил, что между ним и Саледом больше мертвых, чем живых. Раскроив череп очередному противнику, широкоплечему негру из Зембабве, он вскинул секиру и, перешагивая через трупы, направился к рябому мунгану.

Но в этот день им было не суждено вступить в смертельную схватку. Едва бойцы сошлись на три шага, едва сверкнул широкий клинок мунгана, едва Конан нацелился острием секиры ему в горло, как на майдан полетели бархатные ножны иранистанского воеводы. Следом на поле боя вступил и сам сердар, с саблей в одной руке и чашей в другой. За ним шагали два десятка Львов Таглура, готовых утихомирить разыгравшиеся страсти.

— Хватит, соколы мои! Хватит, смердящие потомки осла и свиньи! Хватит, я сказал! — Двигаясь по кругу, сердар не скупился на удары саблей. Бил он плашмя, но с большим умением и сноровкой, приговаривая: — Вас осталось семеро, храбрецы — столько, сколько мне и нужно. Семеро, не шестеро и не пятеро... И я не допущу, чтоб число это уменьшилось... Вы слышали, отродья шакала? — Он хлестнул клинком иранистанца и шемита, вцепившихся друг другу в глотки. — Кто не охладит боевой пыл, удостоится плетей... да, плетей и клейма на лоб за непокорство... а еще, славные витязи, я вычту с

каждого три золотых — ровно половину того, что вам предстоит получить.

Последняя угроза возымела действие, руки иранистанца и шемита разомкнулись. Остальные, в том числе и Конан с Саледом, уже стояли спокойно, отдуваясь и вытирая кровь с оружия. Таглур приблизился к ним и, склонив голову к плечу, осмотрел обоих, словно сравнивая синеглазого северянина со степным богатырем.

— Ты! — Он ткнул Конана кулаком в грудь. — Ты прикончил шестерых! Прикончил, сражаясь без доспехов, без сапог и даже... — сердар вновь оглядел киммерийца, — даже без штанов! Неплохо, клянусь мочой черного верблюда! Желал бы я знать, в какой стране рождаются такие волки!

— На севере, достойный господин, — ответил Конан на туранском, — в Киммерии.

Таглур надменно сощурился.

— Э, да ты не говоришь на иранистани! Суший дикарь, хоть и хороший боец! А скажи-ка мне, почитают ли в этой Киммерии светлого Митру?

— Мы почитаем Крома, Владыку Могильных Курганов. Но никто не скажет худого слова и о Митре.

— Еще бы! Митра велик, и лишь дикари, племя шакалов, могут верить в иных богов!

Конан нахмурился, но ничего не сказал. Сердар же, потеряв к нему интерес, повернулся — Саледу Алиаму.

— Ты тоже убил шестерых, узкоглазый. Равный счет с этим северянином, и я не знаю, кому из вас присудить победу. Конечно, если б вы продолжили схватку... — Таглур задумчиво пригладил усы. — Нет, нельзя! Вы нужны мне, и я заполучу вас обоих! А награду поделю. Ты, — сардар кивнул бесстрастно взиравшему на него мунгану, — почитаешь ли светлого Митру?

— Конечно, господин мой, — ответил Салед. — И светлого Митру, и Ормазда, и прекрасную Иштар, да не оставит она тебя своими милостями. Я почитаю всех великих богов, а о Кроме, владыке могильных червей, слыхом не слыхивал!

— Эй! — Конан покрепче ухватился за секиру. — Не обижай моего Крома, если не хочешь прогуляться на Серые Равнины!

— Молчать! — рявкнул Таглур. — Закрой свою волчью пасть, киммериец! Нет, открой, — добавил он спустя мгновение, — и скажи, как тебя зовут!

— Конан, мой сердар. Конан-киммериец.

— А тебя? — Воевода уставился на рябого мунгана.

— Салед Алиам, храбрый господин. Я сражался в сотне битв и тысяче схваток, и мой меч никогда не прятался в ножны, не обагранный кровью врага.

Таглур в раздумье покрутил усы. Два победителя и остальная пятерка — те, что остались в живых, — терпеливо ждали. Кроме Конана и Саледа, в схватке уцелели два иранистанца, шемит, туранец и воин из Зембабве. Правда, у туранца отсекли ухо, а на груди негра багровела длинная царапина. Но то были мелочи — по сравнению с высокой честью служить в отряде Львов Таглур.

Наконец сердар принял решение.

— Ты, — он кивнул Конану, — получишь награду, что лежит на блюде. Тебя же, — его взгляд переместился на плоскую физиономию Саледа, — я назначаю ун-баши. И все шесть шелудивых псов поступят под твою команду.

— Это еще почему? — Конан грозно нахмурился. Хоть ему не исполнилось тридцати, он был опытным военачальником, что и доказал в Немедии и Офире, да в Боссонских топях, на пиктской границе. После подвигов в тех краях невелика честь стать десятником в наемной войске иранистанцев, но все же... И не рябому мунгану командовать над ним!

Но воевода Таглур, поигрывая саблей и поглаживая усы, заявил:

— Свершится так, как сказано, клянусь бедрами Иштар! Киммериец получит награду, мунган станет ун-баши!

— Почему? — упрямо повторил Конан.

— Потому, северный мой сокол, что Салед Алиам почитает Митру и говорит на иранистани. Вдобавок, — сердар смерил обоих претендентов пристальным взглядом, — он выше тебя ростом на целых два пальца.

Конан раскрыл было рот, но сердар повелительно махнул рукой:

— Все, ослиный помет! Бери лежащее на блюде или убирайся! Если не хочешь, я поищу себе нового воина. Базра город большой!

Стиснув зубы, киммериец направился к своей награде. Рорта, против обыкновения, молчал; видно, набирался сил, переваривая шестерых зарубленных в недавней схватке. Постепенно и Конан начал успокаиваться. В конце концов, что он терял? Ему надо было добраться до Вендии, и так ли важно, приплывет ли он туда в чине ун-баши или простым воином? Будет еще время рассчитаться с рябым мунганом, будет... Да и высокомерный Таглар не останется позабытым... Зато сейчас, размышляя Конан, ему выдадут полное боевое снаряжение. Меч, кинжал, лук, копье, шлем, доспехи... Вот только подойдет ли броня? В Иранистане народ мелковатый...

С такими мыслями он подошел к блюду, подцепил покрывало острием топора и сдернул его, ожидая увидеть груды воинской амуниции. Но на большом круглом подносе не оказалось ни одежды, ни крепкой кольчуги, ни меча, ни кинжала, ни лука с быстрыми стрелами. Там, скорчившись, сидела девушка — вернее, девчонка лет тринадцати с едва начавшей формироваться фигуркой. Была она нагой, если не считать легкого шарфика вокруг бедер, и глядела на Конана широко раскрытыми испуганными глазами. У колен ее лежал ситар, обычный на востоке инструмент с округлой декой и длинным вытянутым грифом; его-то Конан и принял раньше за древко копья. Видно, девчонка была музыкантшей.

— Эй! — Конан повернулся к подходившему Таглару. — Это что такое, сердар?

— Твоя награда, киммериец. Редкостный товар! Девчонка из самой Уттары. Принцесса! Или не нравится? — Таглар прищурился.

— Мне нужны штаны и сапоги, — твердо заявил Конан. — Мне нужен меч, нужна кольчуга, нужен плащ...

— Ночью эта красotka согреет тебя лучше плаща, — заметил сердар.

Конан бросил на юную девушку оценивающий взгляд. Лицо ее, как и физиономии Таглура и Саледа Алиама, он видел не впервые — эта лукавая рожица взидала на него сегодняшним ранним утром, возникнув на мгновение в серебристом зеркале Рана Риорды. Пухлые яркие губки, нежные щеки, черные блестящие глаза, едва наметившиеся груди, узковатые бедра... Киммериец пренебрежительно пожал плечами.

— Не вижу, какими прелестями тут можно согреться. Года четыре надо ждать... Нет, такая награда мне не нужна!

— Как хочешь, — Таглур щелкнул пальцами, подзывая охрану. — Тогда я велю ее утопить.

— Почему?

Теперь плечами пожал сердар.

— Таков обычай. Если хозяин пренебрег рабыней, дорога ей либо в море, либо в землю. Живой, — уточнил Таглур.

Девушка, взвизгнув, повалилась Конану в ноги.

— Возьми меня, добрый господин! Не гони, не отдавай никому! Я боюсь смерти! Я стану тебе верной служанкой, заботливой и покорной! И я совсем мало ем! Горсточку риса за целый день... даже половину горсточки... Только не отдавай меня! Я буду играть тебе на ситаре! Я буду улаживать тебя ночами! Я буду мыть твои ноги, расчесывать волосы, врачевать раны, чистить одежду!

— Чистить пока нечего, — сказал Конан, приглядываясь к девушке повнимательней. Кожа у нее была цвета золота, а волосы черны, как ночное небо над просторами Западного океана. Когда-нибудь, мелькнуло у киммерийца в голове, она станет похожа на Белит... и ради Белит он должен помочь этой девчужке. Кроме того, Рана Риорда предсказал, что малышка сделается его спутницей, а раз так, то надо ли идти против судьбы?

Вздохнув, Конан обхватил ладонями хрупкие плечи девушки и поднял ее.

— Ладно, уттарийская принцесса... Как тебя зовут?

— Я не принцесса... — огромные черные глаза смотрели на киммерийца с мольбой и надеждой. — Я Ния...

Ния То Кама Суддакха Пра Бон... Цветок, Который Распускается в Полнолуние...

— Надеюсь, это полнолуние наступит не скоро, — пробормотал Конан и повернулся к Таглуру. — Я беру ее. Нельзя топить цветы в море и зарывать в землю.

— Мудрое решение! — губы сердара насмешливо скривились. — Ты, почитатель Крома, не так глуп, как кажешься. За этот цветок на рынках Базры дадут пять золотых... и я еще добавлю шесть, положенных тебе как Льву Таглура... А еще ты получишь резвого жеребца, доспех, оружие и одежду. Рассчитаешься из первой добычи.

Киммериец кивнул и, еще раз оглядев свой приз, заметил:

— Я не стану продавать девчонку. Будет одежда, будет и что ей чистить.

— Ну, дело твое. Иди теперь в шатер из желтого шелка, к моему казначею, и там получишь все обещанное. Да не забудь оттиснуть палец под долговой записью!

— Хоть всю пятерню! — сказал Конан.

* * *

Суда, нанятые для перевозки Львов Таглура в Вендию, должны были выйти в море на следующий день, и у Конана оставалось не так много времени, чтобы спустить шесть золотых в кабаках Базры. Но он справился с этой задачей. К тому же золотые оказались иранистанской чеканки, рыба чешуя, впятеро меньше полновесных дисков Турана, и Конан пропил их без всякого сожаления. Обстоятельства его переменились, и это следовало отпраздновать. Еще вчера, нагой и голодный, он метался в стигийской мышеловке без всяких надежд обрести свободу, а сегодня, облаченный в шаровары, мягкие сапоги и кожаную подкольчужную безрукавку, опустошал винные запасы базрийских кабаков. Теперь у него были меч и щит, доспех и шлем, лук, колчан, быстрый жеребец, мешок с припасами и волшебная секира, сверкавшая за спиной. И еще — девчонка-рабыня.

Конан вспомнил о ней лишь вечером, добравшись до своего шатра в стане Львов Таглура. Он рухнул на заботливо расстеленный плащ и довольно ухмыльнулся, когда Ния принялась стаскивать с него сапоги. Потом ее быстрые пальчики расстегнули пояс и устремились вниз, но тут Конан прихлопнул их широкой ладонью. Он был пьян, но не настолько, чтобы забавляться с малолеткой.

— Кажется, полнолуние еще не наступило, — пробормотал он, стискивая в одной руке оба кулачка Нии.

— Но господин мой... Почему ты пренебрегаешь своей рабыней?

Она приникла бархатной щечкой к его щеке, потом поцеловала в губы — с горячностью, не искупавшей, однако, недостаток опыта. Конан вспомнил жаркие поцелуи Белит, и сердце у него сжалось.

— Не спеши, принцесса, — глухо произнес он, — придет твоя пора. Лет через пять, я полагаю.

Послушно оторвавшись от него, Ния уселась рядом на пятках; ее глаза поблескивали в полумраке, тонкие гибкие руки обнимали колени.

— В Уттаре я считалась бы девушкой, созревшей для любовных утех, — с некоторым отзвуком обиды заявила она.

— Возможно. Но сейчас мы в Киммерии, а там девочки твоих лет не думают об иных утехах, кроме прогулок с козами на пастбище.

Ния недоуменно моргнула.

— В Киммерии, господин мой? Я думала, мы в Иранистане.

— Там, где я нахожусь, там и моя Киммерия. Запомни это! — рявкнул Конан, заворачиваясь в плащ. — Правда, я не прихватил с собой козлиное стадо, зато у меня есть жеребец. Чем заниматься глупостями, пойдик-ка, расчеши ему гриву и заплети в косы. Да чтоб косички были не толще твоего мизинца... — пробормотал он, засыпая.

Всклипнув, Ния выскользнула из шатра.

Предполагают, что между страной Куш, что лежит за южной границей Стигии, и державой Амазон, самым дальним из Черных Королевств, на долгие дни пути тянется дикое побережье, омываемое водами Западного океана. Живут там чернокожие карлики, издревле называемые каб-ротами; в лесах же, расположенных к востоку от них, обитает множество разных племен, не признающих светлого Митру и посядающих людей словно скот или дичь, взятую на охоте. Впрочем, в местах тех никто не бывал, и доподлинных известий из тех краев в хайборийские земли не приносил никакой путник. Лишь одно можно утверждать наверняка: если отправиться из страны карликов на восток и пересечь лес, то попадешь в Кешан и Пунт, а затем на границу между Тураном и Иранистаном, и дальше — в гирканские степи. Но дорога эта длинна, и, смотря по тому, есть ли путнику удача, займет месяцы, или годы или всю жизнь.

Аргосский «Свод Вестей о морях, океанах и их берегах, кои мореходу знать положено»

Рику был чернокожим рыбаком и кормился от щедрот морских, как и все его племя, чернокожие пигмеи-каброты. Невысокий, с иссиня-смуглой кожей и шапкой курчавых волос, Рика каждое утро выходил в океан на своей долбленой из ствола гинтама пироге, и каждый вечер возвращался в хижину из тростника, крытую пальмовыми листьями. Он приносил рыбу — золотистых фаа с длинными и острыми перьями на спине, мелких голубоватых зи'лад, жирных ку с выпученными огромными глазами, вкусных синтаров, чьи серебряные спинки пестрели разноцветными пятнышками. Рыбу он бил острогой с наконечником из акульего зуба; каброты, прозябавшие на узкой полосе земли между джунглями и соленой водой, не умели выделывать острия из твердого кремня.

За подходящим камнем нужно было идти через лес к скалистым холмам, а леса каброты не любили. В лесу

нарили мрак и чудовища; страшные звери, порожденные землей после вселенского потопа и огненной напасти, случившихся пять или шесть поколений назад. Разрушение почти не коснулось берегов, где обитали пигмеи, но лес, просторный, светлый и щедрый лес, начал меняться. Деревья неудержимо тянулись ввысь, раздавались вширь, ветви их с огромными листьями заслоняли солнце, сладкие же плоды исчезали, сменяясь какими-то уродливыми наростами, горькими, как морская вода. И всякие лесные твари, прежде совсем безобидные и годные в пищу, словно под действием злых чар вдруг принялись превращаться в жутких монстров, с коими не совладать ни обычному человеку, ни колдуну-твелле. Земляные черви сделались длиной в руку и плевали ядом, огромные пауки с острыми жвалами развесили сети меж стволов, ящерицы отрастили крылья и клыки, превратившись в драконов, а птица рио'ру обзавелась таким страшным клювом, что перед ней отступал даже леопард.

Нет, каброты были слишком малы и слабы, чтобы выжить в джунглях! И они не любили и боялись их.

Особенно же потому, что из джунглей приходили великаны с тяжелыми дубинками, острыми копьями и раскрашенными охрой щитами, для которых прибрежный народец был только лакомой дичью. Когда случался такой набег, каброты — все, кто успевал добежать до пирога и челноков — уходили в море, спасаясь среди волн от жестоких пришельцев. Это был давний и проверенный способ: если пигмеи не любили леса, то великаны-людоеды боялись соленых вод и не умели обращаться ни с парусом, ни с веслом.

Что же касается Рику, то он считался среди кабротов одним из лучших гребцов и метал острогу без промаха. Он мог бы оставаться в море по несколько дней, если бы не духи-киллу, что всплывали по ночам наверх, похожие то на корявый древесный ствол с зубастой пастью, то на огромную лепешку с тысячью гибких и жадных щупальцев. Они были прожорливыми, эти киллу, и не стоило лишний раз попадаться им на глаза.

Рику вспомнил о морских духах, увидев нечто большое и темное, качавшееся на волнах к северу от его суденышка. До непонятной твари было два десятка бросков копья, и он долго следил за ней, прикрывая глаза от солнца маленькой ладонью. Тварь, однако, не шевелилась, не приближалась к нему и не пыталась пожрать; и вскоре чернокожий рыбак сообразил, что видит не живое существо, а мертвую вещь, вроде перевернутой хижины, унесенной ветром в океан. Конечно, то мог оказаться какой-нибудь особенно хитроумный киллу, не боявшийся дневного света, но Рику решил рискнуть: он был молод, и его снесло любопытство.

Когда пирога приблизилась к странному предмету, рыбак окончательно уверился, что тот не живой. Суденышко Рику, подгоняемое сильными ударами весел, послушно описало круг, и он разглядел обросшие водорослями доски обшивки, скамьи гребцов, темневшие сквозь пробоины в бортах, обломок мачты и горку серой ваты под ней — остатки истлевшего паруса. Вероятно, это плавучее сооружение тоже являлось пирогой, но огромной, больше общинного дома в поселке кабротов, больше ладьи старого Лилирангады, вождя чернокожих пигмеев.

Рику изумился. Он в жизни не видел такого чуда! Эту лодку не выжигали из толстого бревна; она была собрана из ровных и длинных пластин, похожих на гигантские листья бамбука — но кому доводилось встречать подобный бамбук? Может, когда-то он и рос в джунглях, в прежние времена, еще до того, как духи моря опустошили землю... Это казалось вполне вероятным — ведь большая пирога выглядела старой, очень старой, в чем Рику мог убедиться собственными глазами. Странно, что она все еще на плаву! Ведь дерево, как хорошо знали каброты, не может плавать в соленой воде долгие годы.

С опаской, настороженно озираясь, Рику взобрался на борт древнего судна. Сверху большая пирога была прикрыта настилом, вроде кровли над хижинкой, только плоским и сделанным из тех же длинных листьев. Правда, они оказались изломанными и просевшими во многих

местах; тут и там зияли черные дыры, и гнилые доски, поддаваясь под босыми ступнями чернокожего рыбака, превращалось в труху. Однако он, прокраившись от носа к корме, рискнул заглянуть в некоторые из этих отверстий. Внизу, на гребной палубе, царил полумрак; на скамьях ряд за рядом сидели скелеты, обтянутые сухой темной кожей. Некогда эти люди были рослыми и сильными — в два раза выше любого из соплеменников Рику; на их костлявые плечи волной свисали черные волосы.

Поразмыслив, рыбак решил, что мореходы умерли от жажды. Ему доводилось видеть таких мертвецов: как-то одна из каботских пирог пропала в море, а спустя месяц волны выбросили ее на берег — вместе с двумя высохшими на солнце трупами. Но эта большая лодка странствовала в соленых водах не месяц и не год — дольше, гораздо дольше! Удивительно, что покойники не рассыпались в прах, подумал Рику, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Тут пахло каким-то сильным колдовством, и маленький рыбак совсем перепугался. Злую находку сыскал он в море! Злую! Пожалуй, лучше расстаться с ней, пока зло не прицепилось к нему, словно рыба-прилипала к акульему брюху!

Он двинулся к своей лодочке, старательно отводя взгляды от сидевших рядами трупов, обтянутых пергаментной кожей, от их конечностей, подобных бамбуковым палкам, и черепов с ввалившимися глазницами. Но вдруг солнечный луч, словно отраженный зеркалом, сверкнул ему прямо в глаза. Рику остановился, разглядывая дыру в просевшей палубе. В этой части трюма не было жутких мертвецов; там, среди почерневших обломков дерева и ржавых цепей, что-то поблескивало, отливая перламутровым лунным светом. И формой эта странная вещь тоже походила на луну — вернее, на месяц с двумя острыми рогами, слегка изгибавшимися наружу.

Рику, очарованный, замер, потом лег плашмя на хрупкие доски, осторожно подцепил сверкающую половинку луны и извлек ее из обломков. Она была тяжела, слишком тяжела для тонких рук чернокожего пигмея! Но он никогда не видел подобной красоты и мощи, а потому тянул

изо всех сил. Чудо, настоящее чудо! Коснувшись холодного блистающего лезвия, рыбак покачал головой и недоуменно сморщился; он не был знаком с металлом, ибо каботы вполне обходились деревом, раковинами и рыбьими костями.

С трудом перевалив находку через борт, Рику прыгнул следом в свое суденышко, схватил весла и принялся лихорадочно грести к берегу. Инстинкт подсказывал ему, что нужно поскорей убраться отсюда, отплыть подальше от остова древнего корабля. Видимо, эта поспешность и спасла маленького рыбака — по крайней мере, на сей раз. Судно вдруг начало рассыпаться: обломок мачты с плеском свалился в воду, обшивка корпуса расселась, рассыпалась серой трухой, почерневшие высохшие тела закатались на мелких волнах, словно хотели догнать и схватить похитителя их сокровища. Рику, испуганно озираясь, навалился на весла.

Он греб с полудня почти до самой вечерней зари, и серебряный месяц, прикрепленный к толстому древку, лежал у его ног, на днище пироги. Лежал словно хищный зверь в засаде, не обнаруживая ни силы своей, ни смертоносной стремительной мощи, ни коварного замысла.

Но Рана Риорда пробуждалась. Живые человеческие руки коснулись ее, она чуяла кровь и понимала, что кровь та — чужая. Кровь, которую полагалось взять! Кровь врага! Правда, враг был жалок и слаб, но это не имело значения — Небесную Секиру мучала жажда.

Рику, ни о чем не подозревая, работал веслами. Теперь он, конечно, станет первым из мужчин селения — первым после старика Лилирангады и колдуна-твеллы. Все станут уважать Рику, станут восхищаться его храбростью и тем чудом, которое он разыскал среди волн морских. Не съедобные водоросли, не рыба, не раковина — половинка луны с небес! Ее подвешат под крышей общинного дома, и там всегда будет светло... и каждый, увидев этот волшебный свет, вспомнит о подвиге Рику... вспомнит и почтит его добрым словом...

Пирога ткнулась носом в прибрежную отмель, и маленький кабот, напрягая все силы, вытянул ее на песок.

От хижин, темневших на опушке пальмовой рощицы, к нему бежали люди, и в том Рiku не заметил ничего необычного — семья всегда встречала рыбака, возвратившегося с уловом из безбрежных морских пространств. Правда, на сей раз людей было слишком много... не из одной лишь его хижины, но и из всех соседних... похоже даже, со всего поселка... Люди размахивали руками и кричали — видно, приветствовали рыбака, вернувшегося с моря вместе с чудесной добычей... Но откуда они догадались, что сегодня Рiku привез нечто необычное?

Потом он увидел гигантские фигуры, вынырнувшие из леса, и все понял.

Великаны! Великаны с тяжелыми дубинками, острыми копьями и раскрашенными охрой щитами! Великаны-людоеды!

Никто не встречал его... Люди бежали, спасаясь от смерти! Рiku узнал вождя, старого Лилирангаду, за которым мчался целый выводок детей и десяток жен, узнал колдуна, торопливо ковылявшего по песку, узнал Кау, Сина, Джу, Миса, Килата, своих соседей, узнал юную Сеги, делившую с ним ложе... Они мчались к берегу и лодкам, словно вспугнутые ветром сухие листья — и такие же беспомощные перед яростью огромных пришельцев, перед их дубинами и дротиками с каменными остриями.

Похолодев, Рiku следил, как соплеменники торопливо сталкивают в воду большие пироги, и плоты, и челны, и совсем маленькие лодочки — все, что может плавать, все, что может спасти, все, до чего удалось добраться. Но многим, очень многим не повезло — копья великанов, которые они бросали на удивление ловко и с большого расстояния, вонзались в спины, ноги и плечи бегущих, а палицы их работали без перерыва, приканчивая тех, кто был ранен или ослабел. Уже половина кабровтов недвижно лежала на берегу — маленькие темные холмики на золотом песке, озаренном лучами заходящего солнца.

Внезапно Рiku вышел из ступора и ужаснулся. Племя его гибло; он понимал, что после этого набега едва ли один из десяти останется в живых. И он не мог ничего сделать! Ничего! Ему оставалось только бежать! Его ост-

рога с костяным наконечником слишком жалкое оружие... оно не проткнет щита великана, не отразит удара дубины...

Острога? Он повернулся к лодке, вспомнив о том, что лежало в ней. Зачем ему острога? У него есть половинка луны... да, половинка луны, твердая и острая, с блестящим кликом на конце... Такой пробьет любой щит и воткнется прямо в сердце злому великану!

Рiku с трудом вытащил из пирога топор и замер, высматривая первую жертву в набегавшей орде гигантов. Прямо к нему мчались три воина: один — с копьем, увенчанным перьями, с ужасной физиономией, исполосованной шрамами, и еще двое — с шипастыми дубинами, охранявшие первого слева и справа.

Вождь, понял Рiku, это вождь! Убить вождя!

Он судорожно попытался поднять секиру.

Но Рана Риорда была слишком тяжела для тонких рук пигмея. Рiku сумел дотянуть ее только до груди; затем топориче, словно живое, вывернулось из его ослабевших пальцев, сверкающий стальной полукруг пошел вниз, острая боль пронзила маленького рыбака, и он рухнул на песок с перерубленными ступнями.

Раздалось негромкое шипенье, и по серебристому лезвию топора промелькнули алые сполохи...

* * *

Набег, хвала грозному Куу, был на редкость удачен. Гиромда, военный вождь лесных заласса, всю обратную дорогу весело скалил зубы и потрясал своим оперенным копьем. Он торжествовал и радовался — особенно сейчас, когда до Племенных Очагов оставалось четверть дня быстрой ходьбы. Даже меньше! Если поторопиться, он вместе с полусотней своих воинов доберется в поселок еще к полудню.

И будет пир! Мясо прибрежных карликов, прокопченное над кострами, еще не успело протухнуть, и взяли его на этот раз много — каждый из людей Гиромды тащил большую плетеную корзину с добычей. С останками ничтожного племени, которое годится только в пищу, — как

обезьяны, скачущие по деревьям! Но обезьян трудней промыслить и мясо у них не такое вкусное, размышлял Гиromда, ухмыляясь. Не замедляя шага, он обернулся и довольно оглядел вереницу воинов с корзинами. Да, каждый нагружен по самую макушку, каждый тащит столько, что подгибаются колени! Хорошо!

Все несут мясо, кроме него, Гиromды... Но, видит Нгота, не потому, что он — вождь, не желающий подставлять спину под тяжкий груз... Нет, совсем не потому! За его плечами тоже покачивается нечто... нечто такое, что дороже мяса всех карликов на всем морском берегу, дороже их засушенных голов, которые так любят боги, дороже волос, из которых женщины заласса плетут циновки... Удивительно, откуда к этим ничтожным попало такое сокровище! Где они его разыскали, где нашли Яростный Блеск? Быть может, там есть еще?

Но тот коротышка, что издох рядом с Блеском, ничего не скажет... Негодный человечиска, совсем негодный... И мясо у него оказалось жестким, точно высушенная кора... будто бы из него выпустили всю кровь и вдобавок высосали мозг из костей! И эта трусливая обезьяна еще пыталась оборониться, поднять Яростный Блеск на него, на вождя заласса, сильнейшего воина в Племенных Очагах, любимца Куу!

Гиromда ударил себя в грудь огромным кулаком и расхохотался. Яростный Блеск убил карлика, и поделом! Разве такое оружие подходит ничтожному ублюдку? Оно — для рук мужчины! Для человека, который пожирает мясо, а не отвратительную скользкую рыбу! Для того, кому известно, как обращаться с боевым топором!

Теперь Яростный Блеск, завернутый в большие пальмовые листья, висел за правым плечом Гиromды, и вождь заласса чувствовал его упоительную тяжесть. Сокровище, невиданное сокровище! Сверкающий плоский камень с острым краем и острым зубом... Удивительный камень! Не похожий на черный дья, из которого делают ножи и наконечники дротиков, на бурый дья, что идет на молоты и лезвия топоров, на белый дья, женский камень, подходящий лишь для скребков... Наверно, такие камни умели

разыскивать еще до того, как Великий Нгота сотряс землю... в те времена, когда Очаги заласса — по словам стариков — были огромными, окруженными стенами, и лежали не в лесу, а в степи... Лес, как толкуют старейшие, вырос потом, и это — хорошо... Гиromда не представлял, как можно жить без деревьев, в пустом и голом пространстве, где обитают, к примеру, вонючки-себайо. Эти себайо — странный народ; кожа у них не черная, а серая, и мажут они ее крокодильим жиром, а крокодилов бьют на берегу огромной реки. Но — сильное племя! Многочисленное! Хитрое! Умеющее метать маленькие дротики с помощью палки и волосяного шнура... Да, себайо не перебеешь, как жалких карликов с морского побережья! Зато мясо у них вкуснее...

Причмокнув, Гиromда забарабанил по длинному выпуклому щиту, и воины, подчиняясь сигналу, ускорили шаг. Щит висел у него на груди и был выкрашен бурой охрой, по которой белым и черным колдуны заласса нанесли магические узоры. Круг в центре обозначал Великого Нготу, Потрясателя; три зубца сверху — идола Мубугу, Повелителя Огня, а заостренный овал внизу, похожий на лист — Силунди, Владыку Деревьев. Еще на щите были нарисованы многочисленные наконечники копий, знак Демона-Пожирателя Куу, которого Гиromда чтит больше всех. Куу покровительствовал удачным набегам и воинскому оружию — быть может, и Яростный Блеск послан им?

Если так, богов надо отблагодарить, особенно Куу. Надо напасть на себайо! Эта мысль давно бродила в голове у вождя. Напасть, сжечь их Очаги, содрать с мужчин и женщин кожу, вымазанную крокодильим жиром, и принести ее, вместе с внутренностями, в жертву Кровожадному Куу! Куу — хороший бог, ему достаточно кожи и потрохов, а мясо он оставляет заласса, своим детям... Но Куу любит слушать крики побежденных, любит смотреть, как с них спускают шкуры, любит, чтобы в его Доме, у его Очага было много высушенных голов. Хороших голов — голов воинов себайо, а не прибрежных карликов!

И надо торопиться, думал Гиромда, чувствуя, как раскачивается Яростный Блеск и слегка подталкивает его в спину. Надо торопиться, потому что три дождливых сезона назад себайо приходили в лес со своими летающими дротиками, но Силунди отвел им глаза, и они не нашли Племенных Очагов заласса. Но теперь пусть приходят! Главное, подобраться к ним поближе — так, чтобы они не успели швырнуть дротики... Тогда его воины бросятся на них с дубинами и перебьют! Он сам прикончит пятерых Яростным Блеском... нет, не пятерых, а дважды, трижды, четырежды по пять! Во имя богов! Столько, сколько у него, Гиромды, пальцев на руках и ногах!

Но еще лучше не ждать себайо в лесу, а нагрянуть на их Очаги — на те, что стоят у самой опушки. До остальных, что выстроены в степи и на речном берегу, не добраться, слишком далеко и опасно... Но если убить и съесть лесных себайо, то остальные захотят отомстить и придут в джунгли. Вот тогда...

Гиромда вдруг замер, задрал голову, и цепочка воинов остановилась. В лесу нельзя полагаться на глаза и уши, здесь надо нюхать. Паутину больших саа, Детей Ночи, не разглядишь, и не услышишь шороха их лап, но смрад их добычи, гниющей в ловчих сетях, можно учуять за много шагов. Также и с ядовитыми червями, и большими пестрыми кошками, и со змеями, и с Серыми Людьми, похожими на огромных обезьян... Каждого выдает запах, и тот, кто умеет различать запахи, избежит многих опасностей в джунглях.

Гиромда владел этим искусством в совершенстве, иначе не сделался бы вождем. Широкие ноздри его плосковатого носа жадно раздувались, но сейчас он не думал об опасности. Ее и не было; он принюхивался к запаху дыма, верному признаку человеческого жилья. Племенные Очаги близко! С торжествующим возгласом он вскинул руку, и воины извыли в ответ, на мгновение заглушив негромкий шелест листвы и скрипы древестных стволов. У каждого словно прибавилось сил; они вновь зашагали по узкой тропе, торопясь к своим хижинам, сплетенным из гибких лиан, к яркому пламени костров, пылающих в кругах из

плюских камней, к своим женщинам, истомившимся по мужским объятиям, к Домам Богов. Они спешили, не замечая, что привкус дыма в воздухе слишком едок и густ, и к нему примешивается еще один запах, почти неощутимый даже для чутя лесных охотников.

Вскоре цепочка заласса выбралась на поляну — на широкую поляну, где прежде грудились хижины Племенного Очага — и тут беда простерла над ними свои черные крылья. Поселка больше не было; на его месте дымились кучи полусожженного дерева, грудями лежали обгоревшие трупы, а Дома Богов, Потрясателя Нготы, Мубугу, Повелителя Огня, Владыки Деревьев Силунди, Пожирателя Куу и всех остальных, лежали в развалинах. Сами же идолы, вытесанные из толстых стволов, исчезли, и это показалось потрясенному Гиромде наиболее ужасным. Чего стоит народ, не сумевший защитить своих богов?

С горестным воплем он бросился вперед, к темневшим посреди поляны руинам. Он знал, чьи руки спалили лесное гнездо заласса, кто перебил их женщин, кто надругался над их богами и разграбил поселок. Себайо! Вонючие себайо, пожиратели крокодилов! Они опять пришли в джунгли и на сей раз отыскиали то, что хотели! И Силунди не отвел им глаза, Нгота не столкнул в ловчую яму, Куу не сожрал их внутренности, а Мубугу, словно обезумев, бросился жечь не врагов, а хижины заласса!

Рыча, Гиромда бежал к пепелищу, и воины, побросав корзины и щиты, копья и дубины, мчались за вождем, завывая от горя. Бессилье идолов страшило их. Они могли найти женщин в других лесных селениях, отнять или купить их; они могли выстроить новый Очаг, заново возвести Дома Богов, увешать их высушенными головами, устлать шкурами пестрых кошек... Но где сами боги? Где Мубугу, Нгота, Силунди, Куу и все остальные, вырезанные из цельных стволов твердого дерева патари и пробужденные к жизни искусством колдунов? Где они? Сгорели? Или позволили себя пленить? Кому? Себайо?

Себайо!

От спаленного поселка тянулась полоса вывороченной земли, словно тут протащили нечто тяжелое. Она шла к

дальнему краю поляны, ясно показывая, откуда пришли и куда ушли победители. Быть может, они недалеко? Развалины Племенного Очага еще дымились... Если себайо не успели выбраться из леса, то воины Гиромды догонят их и перебьют... А потом, возвратив идиолов, можно поискать место для нового Очага и раздобыть женщин...

Не добежав до опушки полсотни шагов, вождь заласса сорвал с плеча огромный топор и завертел им в воздухе, приказывая воинам остановиться. Первым делом им надо подобрать оружие, затем поест и выслать в лес пару хороших следопытов... Пусть налегке догонят себайо, пересчитают их... А затем — затем Яростный Блеск, дубины и копья заласса обрушатся на разорителей!

Что-то свистнуло, и Гиромда с изумлением уставился на стрелу, вонзившуюся в плечо. Вторая пробилла колено, и вождь с хриплым ревом повалился в траву, выронив топор, ударивший его прямо в висок. С опушки прынуло еще несколько стрел, затем ливень их сделался гуще, и первые воины себайо, потрясая луками и копьями, показались среди деревьев. Их было много, очень много, но Гиромда уже не увидел врагов...

* * *

Расположившись на невысоком помосте, устланном леопардовыми шкурами, Зала внимательно рассматривал левым глазом узор из листьев, веточек и камней, выложенный на земляном полу. Правого глаза у верховного вождя себайо не было; еще в молодые годы он потерял свое око в схватке с лесными заласса, пожирателями человечины. Да и то сказать, он не выглядел могучим воином; даже в юности казался слишком щуплым и тонкокостным, так что в боях орудовал дротиком, а не тяжелым топором и не дубиной с вбитыми в дерево осколками кремня. Сейчас, когда ему минуло сорок разливов Большой Реки, Зала не принимал уже участия в битвах и набегах, оставляя это занятие младшим вождям. Зато он был умен, хитер и коварен — а все эти качества

ценились у себайо куда выше воинской доблести. Ибо всякий научится ловко размахивать копьем, но не всякий знает, куда его направить!

В том-то дело и заключалось — куда направить...

Снаружи стоял ясный день, и через широкие двери Каны Вождей внутрь попадало достаточно света, чтобы Зала мог разглядеть узоры на полу во всех подробностях. Сама же кана была круглой, собранной из жердей, обтянутых крокодиловыми шкурами, и стояла на крутом речном берегу. Жерди надежно вкопали в землю, а края шкур привалили тяжелыми камнями, чтобы ни дождь, ни ветер не проникли в кану и не повредили драгоценный узор. Мудрецы себайо составляли его много лет, выпрашивая бродяг, охотников и разведчиков о землях, лежавших за лесами и степями, за горами и за Большой Рекой, Матерью всех рек. И теперь Зала мог разглядывать мир словно с высоты птичьего полета, размышляя о том, куда он поведет вскоре своих людей. Людей же у него набиралось немало, ибо были ему покорны все кланы себайо — и те, что жили в джунглях и степи, и обитавшие по обоим речным берегам. Народ себайо размножился числом — особенно с тех пор, как семь разливов назад удалось расправиться с лесными людоедами, уничтожив одних и оттеснив на закат других. Вот тогда-то один из отрядов и доставил верховному вождю Губительницу! А тот, услышав, что в пути от лезвия секиры погибли трое воинов, не стал касаться ее руками, но велел повесить на столб в кане, слева от своего помоста.

Мудр был Зала, хитер и предусмотрителен! А потому Рана Риорда не убила его в скором времени, как прочих людей черной расы, дерзнувших возложить руки на холодную сталь полукруглого лезвия...

Зала же остался цел и невредим, но уже в течение семи разливов Большой Реки, с тех пор как появилась Губительница в Кане Вождей, посещали его странные мысли.

Куда же отправиться, на юг или восток? Прямо к солнцу или на его восход?

Здоровым левым глазом вождь уставился на узор, выложенный у помоста, понятный лишь посвященным. Лишь они знали, что изогнутая дугой ветвь дерева хидара обозначает Большую Реку, а груда белых камешков — горы, что тянутся на правом ее берегу. За камнями был насыпан песок; там простиралась пустыня, и шла она до другой ветки, тоже обозначавшей реку, но не такую огромную, как та, где жили себайо. Позади нее тоже громоздились горы-камни, а несколько сухих листьев изображали озера. С другой же стороны Большой Реки травинками помечалась степь, а множеством палочек, воткнутых в пол, — джунгли. Кое-где палочки уступали место камешкам — там тоже были горы, голые или заросшие лесами. Далеко на западе, у самой стены каны, поблескивала чешуей змеиная кожа — океанский берег, о котором мудрецы и разведчики себайо почти ничего не знали. Но Залу это не беспокоило: на запад, как и на север, он идти не собирался. Юг или восток — других путей не было!

Все это казалось странным. Зачем себайо вообще куда-то уходить? Степь, лес и речные берега богаты зверьем, съедобными плодами, топливом для костров; есть тут и сухие пещеры в горах и холмах, где удобно прятаться в сезон дождей, есть заросшие тростником протоки, где можно бить рыбу и крокодилов, есть ручьи и речки с чистой водой, есть подходящая для коз трава и россыпи всяких камней, годных для топоров и копий... Но Зале чудилось, что иные земли, далекие, будут еще лучше, еще просторней и богаче, и почему-то он совсем не думал о том, что в чужих землях найдутся и чужие люди, которые не уступят пришельцам без боя ни своих пещер, ни охотничьих угодий. Впрочем, себайо были народом многочисленным и храбрым, так что схватки и битвы их не страшили. Зато на новом месте могло обнаружиться что-то интересное, что-то необычное... Как, например, в озерной стране, что лежала за пустыней, за далекой рекой и горами.

Подняв голову, Зала увидел, что полукруг Губительницы сияет на своем столбе именно там, над листьями,

обозначавшими озера. Являлось ли это божественным знаком, указывавшим маршрут переселения? Ведь Губительница явно обладала магическими силами, как понимал всякий, даже не одаренный мудростью вождя! Она была тверда, но не являлась ни камнем, ни деревом, ни раковиной, ни костью; она сверкала подобно луне, она несла на несокрушимой своей плоти таинственные символы, непонятные вождям и старейшинам себайо. И она убивала! Вероятно, всякого, кто рискнул бы прикоснуться к ней. Четверых она убила наверняка: воина-заласса, из черепа которого ее извлекли, и трех себайо, которые несли Губительнице сюда, в Кану Вождей, через джунгли и степи. Три последние смерти можно было бы считать случайными, связанными с неловкостью носильщиков, то ронявших тяжелый топор на ногу, то натывшихся на копейное острие, но одноглазый вождь так не думал. Ему принесли не только Губительницу, но и три мертвых тела, и выглядели они странно. Казалось, кто-то выпил из них кровь — словно гигантская летучая мышь ваада тикоко, что, по слухам, встречается в западных лесах...

С трудом оторвав взгляд от секиры, Зала вновь принялся разглядывать узоры на полу. Если пойти на юг — а то было одно из двух привлекавших его направлений — то себайо попадут в леса, в опасные джунгли, где водятся множество жутких тварей вроде ваада тикоко... Есть там и огромные пауки, и летающие ящерицы размером с хижину, и ядовитые черви, и пестрые кошки величиной с леопарда, но еще более кровожадные... Зато в лесу нетрудно найти воду, плоды и дичь, а в пустыне, что лежит за Большой Рекой и горами, только песок, песок и песок... Однако разведчики себайо прошли ее, и не раз! А за пустыней — река и озера, хорошая земля... Вила Йетана, Страна Вод... Интересно, а что за ней, дальше к восходу?

О том пока не стоит думать, сказал себе Зала, вновь поглядев на секиру. Но идти нужно на восток; лучше перебраться через пустыню и завладеть благодатным озерным краем, чем скитаться в южных лесах, среди чудовищ

и людоедов. К тому же и Губительница указывает восточный путь...

Решено! Себайо отправятся на восход солнца, и вместе с ними — этот блистающий полумесяц, что провел уже семь разливов в Кана Вождей. Было бы глупо бросить здесь предмет, обладающий такой сильной и смертоносной магией! Быть может, колдуны разберутся в ней и объяснят, как применить к пользе... Быть может, сама Губительница смилостивится, если исполнить ее волю и отнести в Страну Вод... быть может, там она будет рубить не себайо, а их врагов...

Внезапно Зала сообразил, что думает о переселении на восток как о воле Губительницы, которой нужно подчиниться. Он раздраженно передернул плечами. Нет, конечно же, нет! Он сам принял решение насчет исхода; магия лишь подсказала, куда лучше отправиться. Не на север и не на запад, а на восток, только на восток! Но потом, вероятно, стоит поразмыслить и о юге...

Глава 8

В джунглях Вендии

Страна Вен Да лежит за горами Ги Ме Ли, что означает Вершины, Сияющие Снегами. В горах тех живут афулы, разбойники и дикари, не почитающие ни богов, ни предков своих, ни путников; страна же Вен Да — древняя и приверженная многим тайным искусствам, чародейству и колдовским знаниям. Правят в ней могущественные владыки, однако не все они следуют путями мудрости и потому часто враждуют и воюют друг с другом...

Древний китайский манускрипт

Корабль, покачиваясь на мелкой волне, скользил к берегу, заросшему пальмами и колючей акацией; над ними вздымались зеленые свечи кипарисов и желтовато-серые храмовые башни, сложенные из песчаника. За передовым судном тянулись еще четыре, такие же широкие высокобротные барки под синими парусами, медлительные и неуклюжие, но надежные. Флотилия эта, принадлежавшая купеческой гильдии славного города Базры, была нанята для перевозки Таглунова воинства в державу Апахана, вендийского раджаса, враждовавшего с владетелем Айодии. Вместе с тремя сотнями бойцов на кораблях размещались их боевые кони, их женщины, их многочисленное и крикливое потомство, а также припасы и снаряжение.

Что и говорить, и на палубах, и в трюмах было тесновато, а потому морское путешествие не оставило у Конана приятных воспоминаний. Большую часть времени он проспал, устроившись на гряде тюков у мачты и вставая лишь для того, чтобы опростать кувшин вина и съесть лепешку с ломтем мяса. Ния То Кама Суддакха Пра Бон, Цветок, Который Распускается в Полнолуние, бдительно стерегла его покой, изредка спускаясь в трюм и проводывая вороного жеребца с гривой, заплетенной в сотню косичек. Правда, большой необходимости тревожиться о коне и его хозяине не было: жеребец похрусты-

вал зерном, а Конан храпел, и ни один из Львов Таглура не решался его беспокоить. Кое-кто из них уже познакомился с бешеным нравом и тяжелой рукой киммерийца, и теперь никто не рисковал бросать на него косые взгляды, обносить вином или тянуть руки к полудетским грудкам его невольницы.

Дорога заняла восемь дней. Базра, один из крупнейших торговых иранистанских городов, располагалась на востоке страны, почти на самом рубеже с Северной Вендией, но добраться оттуда в державу Ашокана сушей не было никакой возможности. Северными землями Вендии повелевали айодийские цари, враждовавшие с независимыми князьями юга, и отряды их кшатриев, разумеется, не пропустили бы войско Таглура дальше трех полетов стрелы от границы. Потому и пришлось болтаться восемь дней в море: сначала плыли на юг, чтобы удалиться от враждебного побережья, затем на восток, напрямик к Заливу Пальм.

Вендийский полуостров вдавался в океан огромным треугольником с изрезанными берегами; на его обширных землях свободно разместились бы Немедия и Офир с Коринфией в придачу. Полуостров делился на две части Заливом Пальм, большим овальным эстуарием, открытым в сторону Вендийского моря. На севере он омывал айодийские берега, на юге к нему примыкали многочисленные малые княжества, населенные темнокожими и темноглазыми дравидийцами. Государство Ашакана располагалось на сравнительно узком перешейке между заливом и простиравшимся с востока Уттарийским морем; страну эту можно было пересечь от одних соленых вод до других за пару дней.

Именно это Конан и намеревался сделать. Из болтовни таглуровых наемников он узнал, что восточные берега княжества Ашакана дики и безлюдны, если не считать жалких деревушек рыбаков и ловцов жемчуга; ну, а там, где рыбаки, есть и лодки. Захватив посудину понадежнее, он мог отправиться в Уттару или Камбуу, в сказочные места, где он еще не бывал, и которые, безусловно, нуждались в самом тщательном осмотре. Быть может, где-то

там, в великих горах на границе с Кхитаем, на побережье Лемурийского моря или на самых дальних восточных островах и скрылись остатки рода Гидаллы?

Но его призрачный спутник утверждал, что от Уттары и Камбуи надо двигаться не на восток, а на юг. Будь его воля, Рана Риорда сразу же направился бы туда, но иранистанская флотилия, выйдя на траверс Залива Пальм, свернула к вендийским берегам. Некоторое время дух секиры подбивал Конана захватить корабль и продолжить путешествие на юг. В этой затее не было ничего невозможного, хоть на судне и находилось шесть десятков опытных воинов. С магическим оружием в руках Конан перебил бы весь отряд, но в планы его не входило устраивать кровавую резню среди иранистанцев. Рорта еще не мог учуять с полной определенностью, где лежит новая родина потомков Гидаллы, а значит, что двигаться на юг, что на восток, — все едино. К тому же мореходные качества базрийских купеческих барков совсем не устраивали киммерийца; для дальних и опасных странствий он предпочел бы иное судно, быстроходную галеру вроде «Тигрицы» Белит.

Призрак остался недоволен, но молчал, лишь изредка вторгаясь в Конановы сны и рисуя картины грандиозного побоища, которое он жаждал учинить среди Львов Таглура. Конан старался не обращать на духа внимание, однако раз-другой эти миражи сражений горячили его кровь, и он просыпался с воинственным воплем, сжимая древко своей секиры.

— Тебя мучают демоны, господин, — сказала Ния, сидевшая над ним с пальмовой ветвью в руках. — Когда мужчина ест много мяса, пьет вино кувшинами и спит дни и ночи, к нему всегда приходят демоны, распаляющие страсть.

Конан только ухмыльнулся в ответ; его демон был совсем иного рода.

— Но желание можно успокоить, — продолжала юная уттарийка, не без лукавства поглядывая на хозяина. — В трюме, за лошадиными стойлами, есть немного места... там, где хранят сено...

— Принеси-ка мне лучше мяса и вина, — сказал Конан.

— Но демоны, мой господин...

— Когда они меня совсем одолеют, ты об этом узнаешь, клянусь Кромом! А сейчас — мяса и вина! И поживее, принцесса!

Поджав пухлые губки, Ния отправилась за едой. Затем, пока хозяин насыщался, ей пришлось в голову утихомирить демонов игрой на ситаре и песнями, которые девушка сочиняла сама. Совсем неплохой способ, подумал Конан, отхлебывая вино и прислушиваясь к ее чистому звонкому голосу. Пела Ния на уттарийском, и он не понимал ни слова, но мелодия была приятной и в самом деле успокаивающей. Когда песня закончилась, Конан велел повторить — на туранском, который он знал отлично. К его изумлению, Ния не смутилась; пристроив ситар на смуглом колене, она вновь тронула струны и запела. Теперь киммериец понимал все.

К чему эта песня тревожит меня?
Чей зов я пытаюсь понять?

То плачет она, то заходится смехом,
Быть может, совсем ее нет,
И лишь над пустыней разносится эхо,
А я — я бреду ему вслед...

Бреду, вспоминая те звуки,
И струн серебристый звон,
Тону средь песков, стираю руки,
Но слышу лишь эха стон...

— Отлично, девочка, — сказал Конан, когда юная певица смолкла. — Теперь я знаю, чем тебя занять, если ты вновь заведешь разговор о демонах, распаляющих страсти.

Допив вино, он погрузился в дремоту под тихие звуки ситара. В голове его мелькали обрывочные мысли — то о Рана Риорде, заметно помолодевшем после схватки на базрийском майдане, то о награде, обещанной призраком, то о Цветке, Который Распускается в Полнолуние. Конан еще не решил, что с ней делать. Оставить в Вендии, в

княжестве славного Ашакана? Взять с собой в Уттару? Но выдержит ли она тяжкий переход по вендийским джунглям и плавание в рыбацьем челне — быть может, без воды, без пищи? Правда, Ния казалась крепкой малышкой, не только приятной на вид, но и выносливой... И голос у нее хорош, прямо перезвон серебряных монет, с ленцой думал Конан. Вот если бы она не спешила так потерять то, что девушки обычно берегут... Или его невольница лишь хочет отблагодарить хозяина за спасение?

С этой мыслью он заснул и пробудился только тогда, когда до берега, заросшего пальмами, колючей акацией и стройными кипарисами, оставалось пять полетов стрелы. Зевнув, Конан оглядел торчавшие над зеленой стеной Ашакановой столицы, купола храмов Асуры, главного из местных божеств, широкую дорогу, тянувшуюся от причалов к городу и дальше, в джунгли. По дороге двигалась пышная процессия: слон в алой попоне, с вызолоченными бивнями и башенкой на спине, за ним — сотня всадников на горячих скакунах и сотня пеших, с длинными тонкими копьями, трубами и барабанами. Люди Ашакана, понял киммериец; посланы встретить наемников.

Из кормовой надстройки появился сердар Таглур — в новом роскошном халате и серебристой чеканной броне, с саблей у пояса и плетью в руках. Над плечами его раскачивались бирюзовые серьги, усы торчали вверх, словно наконечники стрел, ноздри крючковатого носа хищно раздувались; он был великолепен, величествен, грозен, и знал об этом.

— Эй, славные витязи! Подымайте-ка свои протухшие задницы! Хватить жрать вино и тискать девок! Все — в кольчуги! Шлемы — на головы, клинки — к поясам, луки за спины, в руках копье и щит! И что б ни один ублюдок не качался в строю! Эй, Хилта, Себар, Чулим, Салед, Итол, Хардара! — Он начал выкликать десятников-ун-баши. — Проверить своих людей! Чтоб все глядели львами, а не кастрированными шакалами!

Конан поднялся и начал натягивать кольчугу. Она была ему слегка маловата; пришлось обрубить рукава, чтобы

не жала под мышками. Зато штаны малинового шелка и замшевые сапоги были хороши и как раз впору — Таглу ров казначей перебрал грудку одежд, пока сыскал подходящее. Неплох был и меч, длиной в два с половиной локтя, слегка изогнутый на конце; Конану, правда, больше нравились тяжелые и прямые аквилонские клинки, но где же взять такой в Иранистане? К тому же он не собирался часто пользоваться этим ятаганом — ведь у него была волшебная секира, способная рассечь любое лезвие будто шаль из кхитайского шелка.

Если мечом и кольчугой он остался не совсем доволен, то уж к луку придирается не стоило. Лук был отличный, из крепких, как сталь, рогов горного козла, насаженных на тисовое древко и перехваченных бронзовыми кольцами. В колчане топорщились опереньем тридцать стрел — боевых, с трехгранными наконечниками длиной в палец. Еще ему полагался кинжал и круглый щит с головой рыкающего льва, гербом Таглу ровых наемников. Отличное снаряжение! И стоило-то всего ничего — шесть трупов, понюхавших пыли на базрийском майдане...

Корабль ударился о причал, полетели канаты, загрохотали сходни; воины начали выводить лошадей. Конан шел в своем десятке следом за рябым мунганом, разглядывая его затылок. Круглая голова Алиама сидела на могучих плечах как арбуз посреди скамьи в три локтя, сабля в потертых ножнах волочилась по земле. Кольчуга тоже была ему мала, но мунган терпел, не рубил рукавов. Его спина, туго обтянутая железной чешуей, напоминала Конану крепостные ворота.

Подумав об этом, он вспомнил и про последнюю крепость, в которой случилось побывать. Файон! В Файоне уже несколько дней свирепствовал Шапшум, и один пресветлый Митра ведал, сколько стигийцев оставались еще в живых. Тут Конан довольно ухмыльнулся и потрепал своего вороного по крутой холке.

Иранистанские суда приставали одно за другим, наемники сходили на берег, подгоняемые криками ун-баши и сотников, строились длинными шеренгами; их женщины и домочадцы сбились неподалеку плотной толпой. Где-то

там была сейчас и Ния, вместе со своим ситаром и мешком с пожитками. Конан предпочел бы, чтоб она держалась поближе; он собирался удрать без промедления, оставив грозному Таглу ру лишь ключок пергамента с оттиском большого пальца. Видать, не судьба сердару с честью привести под вендийские знамена ровно три сотни бойцов! Совесть, однако, Конана не тревожила: во-первых, потому, что честь Таглу ра ценил он меньше ломаного медяка, а во-вторых, сердар считал его безбожником, недостойным звания ун-баши. Кром! За одно это стоило снести ему глупую голову и выдрать из ушей бирюзовые сережки!

Отряд выстроился по сотням, в три ряда. Сердар, вместе с важным вида старцем, прибывшим на слоне, начал обходить свое войско, нахваливая товар; по словам его выходило, что каждый из бойцов и в самом деле лев рыкающий, повергающий врага в прах одним своим видом. Лицо старца, темное и сухое, словно у мумии, было непроницаемым. За ним шли чиновники с шелковыми шнурами, отсчитывали воинов по десяткам и вязали узелки; насчитав же сотню, прятали веревку в мешок. Отшагав на длинных негнущихся ногах до конца строя, старец благосклонно кивнул; число сабель и копий сошлось с заказанным и оплаченным. Бросив Таглу ру несколько фраз, он повелительно махнул рукой в сторону городских стен и направился к слону.

— В седло! — рявкнул сердар.

— В седло! — подхватили сотники.

— В седло! — откликнулись ун-баши.

— В седло так в седло, — пробурчал Конан, залезая на вороного. Теперь, со спины жеребца, он разглядел свой Цветок в толпе женщин и поманил ее пальцем. Ния тут же подбежала к нему и уцепилась за стремя.

— Как ты красив, господин мой, в своей серебряной кольчуге, в шлеме, со щитом и копьем! Как ты грозен! Как могуч!

Ее глаза сияли, юные грудки взволнованно вздымались. Кром, мелькнуло у Конана в голове, девчонка-то, похоже, влюбилась! Будь ей на пять лет побольше... ну,

хотя бы на три... уж тогда он знал бы, что делать! Но сейчас, по его мнению, Ния годилась лишь для того, чтобы заплетать вороному гриву да наигрывать песенки на ситаре.

Однако бросать ее киммериец не хотел. Если в Иранистане бесхозных рабынь топили в море или закапывали живыми в землю, то в Вендии их судьба могла оказаться и того горше — к примеру, затопчут слонами или сожгут перед алтарем Асуры. Нет, он твердо решил не оставлять здесь свою маленькую невольницу! К тому же она пела и говорила на пяти языках и могла очень пригодиться в Утгаре и Камбуге.

Наклонившись, Конан подхватил ее под мышки и забросил на круп вороного, буркнув:

— Держись за ремень, принцесса.

Шемит, сидевший рядом с ним на гнедом жеребце, — один из тех, до кого в Базре не успела добраться Конанова секира, — ухмыльнулся:

— Боишься, украдут твою девку? И то сказать, лакомый кусочек! — Он облизнул полные губы и вдруг закашлялся, опаленный яростным взглядом киммерийца.

— Кром любит лакомиться печенкой болтунов, — процедил Конан сквозь зубы. — Пожалуй, я доставлю ему это удовольствие! Крому пойдет печень, а Нергалу — все остальное!

Шемит, потупив глаза, смолчал.

Впереди колонны Таглур замахал саблей, закричал:

— За мной, соколы! Сокровища Айодии ждут нас!

Всадники тронулись. Ния, обхватив Конана за пояс, гордо выпрямила стан; наверное, первый раз в своей короткой жизни ехала она на боевом коне вместе с могучим рыцарем, что должен был — как полагалось в сказке — увезти ее в свой дворец на вершине неприступного утеса и сделать если уж не раджассой, то по крайней мере кью, первой женой, госпожой над тысячью рабов. Голосок девочки взвился, зазвенел хрустальным колокольчиком, полетел на запад и восток, над морской гладью и дорогой, утоптанной копытами лошадей и широкими ступнями слонов.

В который уж раз
я встаю на рассвете,
Встречая рождение
нового дня,
Усталый сздох,
так похожий на ветер,
Куда ты спешишь,
погоняя коня?
Иль в пыльной дороге
ты счастье обрел,
И вечно летишь...

Конан, протянув руку за спину, хлопнул ее по коленке.

— Помолчи-ка, уттарийский соловей. Пока мы не удрали, не стоит привлекать внимание.

— Разве мы собираемся удрать, господин? — прошептала Ния, затрепетав от восторга. Побег, вероятно, мнился ей увлекательнейшим из приключений.

— Конечно. Я не намерен добывать богатство и славу Таглуру под стенами Айодии. Говорят, они очень высоки.

— Но тут много воинов, господин! Как же мы...

— Молчи, я сказал! Иначе мне придется задержаться — но только на день, чтобы продать тебя в гарем Ашакана. А стены его дворца еще выше, чем в Айодии.

Ния испуганно притихла.

Плотный строй всадников, сверкающих доспехами и оружием, начал втягиваться в городские врата. Рядом с воротами восседал на коне Таглур, окруженный сотниками и телохранителями, и, гордо подбоченившись, глядел на свое воинство. Десяток Саледа Алиама двигался в последних рядах, и Конан понемногу начал отставать. Перед ним лежала дорога, и вела она прямо на восток, в джунгли, к берегам Уттарийского моря, к рыбачьим поселкам, к лодкам... Можно было прищпорить коня и скрыться в лесу словно тень, но киммерийцу хотелось напоследок потолковать с Таглуrom.

В десяти шагах от сердара Конан натянул поводья и вызывающе уставился в его усатую физиономию.

— Ты, шелудивый пес, сказал, что мой народ, почитающий Крома, — дикари, племя шакалов!

Таглур кивнул головой.

— Сказал! И еще скажу: за непочтительные разговоры ты будешь бит кнутом перед моей палаткой, волчье отродье. Клянусь белыми бедрами Иштар и мочой черного верблюда!

— Чтобы отхлестать кнутом, надо сперва поймать, — заметил Конан. — Поймаешь меня, значит, твой Митра сильнее моего Крома. Ну, а не поймаешь...

Он поворотил жеребца и неторопливо тронулся по дороге к лесу.

— Эй, свинья киммерийская, ты куда? — заорал воевода. — Куда, северянин? Тебе заплачено шесть золотых!

— Я давно пропил их в кабаках Базры, — откликнулся Конан. — И не золотые то были, а так, рыба чешуя!

Пришпорив коня, он помчался к лесу. Ния судорожно цеплялась за его пояс.

— Поймать его! — рявкнул Таглур. — Салед, рябая собака, он ведь из твоего десятка? Бери своих людей, и за ним! Излови мерзавца, или прибей! Не то выгчу с тебя шесть монет и цену коня и оружия!

— Изловлю, господин мой, — мунган склонился к конской гриве. — Только люди мне без надобности. Я этого северного суслика и один скручу.

— Коль так, скажи за ним! А в награду... — сердар поиграл плетью, потом швырнул ее рябому мунгану. — В награду спустишь с безбожника шкуру, если возьмешь его живым! Сегодня же вечером, перед моим шатром!

* * *

Не поймав, не прибив и шкуру не спустишь. Конан позволил, чтобы его поймали. Правда, со шкурой своей он расставаться не собирался.

Когда между ним и столицей славного князя Ашакана пролегло изрядное расстояние, киммериец остановил вооруженного на обочине, спрыгнул с седла и строго приказал Ние:

— Сиди здесь, с коня не слезай. А начнут метать стрелы, скажи в лес.

— Они убьют тебя, господин!

Конан хмыкнул, бросил взгляд на лезвие секиры — там плавала в крови чья-то голова, но явно не его.

— Не убьют.

— Откуда ты знаешь?

— Кром шепнул.

Не обращая больше внимания на девочку, он встал посреди дороги и повернулся лицом к преследователям. Раздавшийся вскоре drobный топот возвестил, что преследователь одинок. Конан, запустив руку в густые темные волосы, усмехнулся; он знал, кто мчит по его следам.

— Опять хочешь крови, Рорта? — Ладонь киммерийца огладила лезвие секиры.

— Кровь, — прошепел невидимый призрак, — крр-ровь... Да, я хочу крови.

— Но то будет кровь мунгана. Стигийцев в отряде Таглур нет.

— Пусть! Это кровь врага, и я выпью ее до последней капли.

Дорога была безлюдна, и Конан мог разглядеть приближавшегося всадника за две сотни шагов.

— Пожалуй, я буду драться с Саледом на мечах, — вдруг произнес он. — А ты, Рорта, отдохни.

— Это почему? Почему? — встревоженно заклекотал дух.

— Мне казалось, что усатый Таглур выплет в погоню целый отряд... десять или двадцать воинов... Тут бы я не справился без твоей помощи! Но с этим мунганом я хочу биться один на один и равным оружием.

— Почему? Почему?

— Не слишком-то много чести рубить его волшебным топором, который сечет клинки словно ивовые прутья.

— Нет! Я хочу крови!

— Мало тебе тех шестерых, что я прикончил в Базре?

— Так то было девять дней назад, — возразил Рана Риорда. — Мы заключили договор, киммериец: ты поишь меня кровью, и ты обязан доставить меня к наследникам Гидаллы; я же отблагодарю тебя. Разве не так? А теперь ты не даешь мне взять жизнь этого ничтожного мунгана!

— И все же я буду сражаться мечом, — упрямо сказал Конан.

— Боюсь, не получится, — ответил дух, и в его клекочущем хриплом голосе киммерийцу почудилась насмешка.

Он не желал больше спорить со своим бесплотным спутником и наклонился, чтобы положить секиру на землю. Но пальцы его были мертвой хваткой стиснуты на топорике, и разжать их Конан не смог. Казалось, его ладони прикипели к этому гладкому темному древку, соединились с ним навсегда, навеки; теперь сталь, дерево и живая плоть составляли единое целое, одну несокрушимую машину убийства.

— Эй, Рорта! Это что за шутки! — Конан вновь попытался избавиться от топора — так же безуспешно, как и раньше.

— Сражайся, потомок Гидаллы! Сражайся! И дай мне напиток крови!

Киммериец нахмурился; ему совсем не нравилось, что Рана Риорда возымел над ним такую власть. Конечно, тут не обошлось без магии! Без древнего волшебства, которым этот Отец Гидалла наделил свое творение! Что ж, придется поставить духа на место... показать, кто хозяин! Или хотя бы равный партнер.

— Ты, ржавый ублюдок, вцепился в меня словно клещ! — гневно рывкнул Конан, наблюдая за приближавшимся всадником. — Ну, тогда я вообще не буду драться. Какое мне дело до этого мунгана? Пусть живет! Его штаны мне уже не нужны, а голова — тем более!

Ответом ему послужил иронический смехок.

Тем временем Салед Алиам, подъехавши ближе, спрыгнул с коня. Узенькие щелочки его глаз мгновенно обежали фигуру киммерийца, застывшего посреди дороги, непроходимые заросли бамбука по обеим ее сторонам, и Нию, сидевшую в седле шагах в тридцати от своего господина. Жаркое солнце Вендии палило немилосердно, но кроны тиковых деревьев, возвышавшихся над золотистыми бамбуковыми стволами, бросали на дорогу густую

тень; почва тут была плотно утоптана, и ям либо выбоин не замечалось.

Мунган кивнул и потянулся к сабле, видно, решив, что лучшего места для поединка не сыскать. Конан угрюмо взирал на него, не в силах расстаться со своим проклятым топором.

— Ну, киммериец, — произнес Салед Алиам, — тебе по-прежнему нравятся мои штаны?

Конан мотнул головой.

— Теперь у меня есть свои. А потому, не поворотить ли тебе коня, сокол мой, рябая рожа? Или честь Таглура и его глупые приказы тебе дороже собственной головы?

Салед презрительно сплюнул.

— Вот что значат для меня его честь и его приказы! Но ты, северный шакал, пытался меня ограбить, а Салед Алиам не из тех людей, что забывают обиды! Жаль, не выпало случая разделаться с тобой еще в Базре, на майдане... тогда б и девчонка была моя... — Он покосился на тонкую фигурку Нии, замершей в седле за спиной Конана. — Ну, ничего, я до нее доберусь!

— Доберешься, только на Серые Равнины, — сказал Конан, думая про себя, что ублюдок Риорда прав: от драки не уйдешь.

Киммериец сделал шаг вперед, и сталь секиры звякнула о сталь сабли. Выпад Саледа был легким, в едва заметное касание; вероятно, он собирался прощупать противника, а не атаковать сгоряча. Двигался мунган, несмотря на свою огромную массу и высокий рост, на удивление легко, и клинок в его руке летал серебристой птицей. Похоже, он и в самом деле не знал до сих пор поражений.

Некоторое время два великана кружили на дороге, обмениваясь ударами. Конан целил по клинку, рассчитывая перерубить его одним махом: быть может, мунган одумается, оставшись безоружным. Но Салед Алиам оказался не так прост! Он был отличным фехтовальщиком и, вероятно, опасался подвоха: сабля его ни разу не встретилась с режущей кромкой огромного топора, а лишь отклоняла его в сторону быстрыми ловкими выпадами.

И пока что мунган не желал переходить в ближний бой, держась на расстоянии пяти шагов от противника. Как бы ни был он зол на киммерийца, ярость не лишила его осторожности.

Вдруг Конан, отступив к обочине дороги, поднял секиру и сказал:

— Эй, отродье Нергала, взгляни на свой ятаган! Клянись, на нем места целого нет!

Салед, вероятно, заподозрил ловушку. Не опуская клинка, он ухмыльнулся и прыгнул вперед, словно бы решившись нанести удар в голову; но сабля его, описав стремительный полукруг, нырнула Конану под локоть, пробила кольчугу и царапнула под левым соском.

Однако вместе с саблей опустилась и секира. Ее лезвие ударило по клинку почти у самой рукояти, рассекло сталь и, завершая свое неотвратимое движение, оставило кровавый след на бедре мунгана. Он тут же отскочил назад, с изумлением разглядывая зажатый в руке обломок, потом перевел глаза на правую штанину, перепачканную кровью. Впрочем, несмотря на рану, на ногах он держался вполне уверенно.

— Пропали штаны, — заметил Конан, не потерявший еще надежды кончить дело миром. — А скоро пропадет и глупая башка.

— Только не моя!

Взревев, мунган отшвырнул саблю и вырвал из-за пояса метательный нож. То был широкий клинок длиной в две ладони, изогнутый на конце, с костяной рукоятью — привычное для степняков оружие. И Салед Алиам владел им великолепно! Нож, пущенный рукой мунгана, свистнул в воздухе; Конану уже чудилось, что в животе его, пробив кольчугу, сидит холодная гирканская сталь. Но топор внезапно сам собой дернулся вниз, раздался звон, и кривой княжал Саледа упал на землю.

Однако мунган уже раскачивал в ладони второй клинок, собираясь поразить противника в горло; левая рука его шарила у пояса, где, вероятно, был запрятан еще один метательный нож.

— Руби! — яростно проклекотал голос призрака. — Руби его, киммериец!

Но Конан и сам не мешкал. Он рванулся к врагу, и длинное топорщице секиры змеей скользнуло в его руке; острый наконечник пронзил плечо мунгана, и тот с хриплым стоном выронил нож. Затем Рана Риорда взлетела вверх, опустилась, со свистом всасывая кровь; на лезвии ее полыхнули багровые сполохи, тут же сменившиеся чистым серебряным цветом. Тело мунгана лежало в дорожной пыли, голова, отброшенная страшным ударом, откатилась к обочине; узкие глазки совсем закрылись, кожа пожелтела, словно старый пергаментный свиток.

— Кровь! Крр-ровь! — прохрипел дух. — Кровь мунгана ничем не хуже крови стигийца!

— Тебе видней, ублюдок, — рыкнул Конан. Хоть он и не питал большой любви к степняку, эта победа совсем не радовала его.

Подобрав метательные ножи, киммериец сунул их за пазуху и направился к лошади, на которой, скорчившись от страха, сидела его невольница. Он перебросил перевязь секиры через высокую луку седла, затем сел сам, легонько тронул каблуками сапог бока вороного. Жеребец послушно затрусил по дороге, фыркая и кося темным глазом на валявшийся в пыли труп. Когда мертвое тело скрылось за поворотом, Конан обернулся к Ние и сказал:

— Муторно у меня на душе, малышка. Так муторно, будто опился я дрянным стигийским вином... Спой мне что-нибудь... спой, если можешь.

Помолчав, Ния спросила:

— Чего желает мой господин? Веселое или грустное?

— Спой о бренности жизни, — ответил Конан. — Спой такую песню, чтоб достойно проводить душу этого глупого мунгана на Серые Равнины.

Снова молчание. Потом за спиной киммерийца зазвонел тонкий голосок:

Я — пепел, я — пыль,
я дым на ветру,
Мой факел уже погас.

Там, где я не был,
там, где я был,
Забвенье царит сейчас.
Я в сумраке
Серых Равнин бреду
Тенью в мире теней,
Как птица,
смерть взвилась надо мной,
И жизнь улетела с ней.

— Хорошая песня, — сказал Конан, кивая головой. —
Но я надеюсь, что над моим трупом такое споют нескоро.

* * *

Вороного жеребца пришлось бросить — там, где дорога окончательно превратилась в звериную тропу. Ни в одном из бедных вендийских селений, что изредка попадались по пути, крестьяне не могли разориться на такую покупку. Да и к чему им был этот конь? Они пахали землю на быках, а боевого скакуна не запряжешь в плуг.

Зато кольчугу, шлем и щит Конан сменял в придорожной кузнице, получив целый мешок лепешек из просяной муки, сушеные фрукты, бурдюк с кислым вином и горсточку серебряных монет. Жалкая цена за воинское снаряжение, но большего кузнец предложить не мог. Пока мастер с женой хлопотали, собирая продовольствие, Конан, презрительно морщась, разглядывал кузницу. Быть может, здесь ее хозяин и считался крепышом, но в Киммерии этого коренастого темнокожего вендийца не взяли бы даже раздувать меха. Его молот был вдвое меньше и вчетверо легче, чем тот, которым некогда орудовал отец Конана.

В джунглях кольчуга, шлем и щит были ни к чему; лишняя обуза, и только. Копье, после некоторых раздумий, Конан решил оставить. Меч и топор хороши против человека, но зверя — особенно опасного — берут копьем и стрелой. Только копье удержит дикого кабана или тигра на расстоянии шести локтей; только копье даст время, чтобы вытащить меч, выхватить секиру. Правда, размышлял Конан, взвешивая в руке ясеневое древко с острым

жалом, его секира — не совсем обычное оружие. Пожалуй, она перерубит напополам и огромного зверя с рогом на морде и массивными копытами, о котором толковал ему кузнец. А может, и слона! Все-таки у магического топора свои преимущества, решил он, но копье однако оставил.

Вскоре путники уже шли по узенькой тропинке, над которой плотно смыкались древесные кроны. Кое-что в этом лесу было знакомо киммерийцу: самшит, магнолия, тиковое и красное деревья росли в Кешане и Пунте, а бамбук и пальмы попадались даже в Шеме, не говоря уже о Стигии. Он не глядел по сторонам, рассчитывая больше на обоняние и слух, чем на глаза, но Ния испуганно озиралась, высматривая ощеренную звериную пасть под каждым кустом. Конан прикрикнул на нее и велел шагать побыстрее. Он надеялся выбраться с закатом к заброшенному городу, о котором говорил кузнец; от руин этого древнего поселения до моря оставался день пути.

Солнце, светлое око Митры, еще не успело скрыться за стволами деревьев, когда тропа вновь превратилась в дорогу. Некогда она была вымощена камнем, но теперь базальтовые плиты растрескались, в щелях между ними зазеленели полоски мха, а кое-где древесные корни заставляли вспучиться землю, выворотив целые каменные глыбы. Тем не менее, идти стало легче, и путники, миновав пару рухнувших башен, что некогда поддерживали истлевшие створки ворот, еще засветло очутились в городе.

Об его архитектуре и планировке Конан не мог составить никакого представления, ибо улицы загромождали разбитые блоки зеленого камня, похожего на нефрит, и ни одна сохранившаяся стена не достигала и восьми локтей в высоту. Возможно, тут были величественные дворцы, украшенные стройными колоннами, резные изящные арки и фонтаны, храмы с круглыми куполами или пронзающими небеса шпилями, лестницы, портики и парапеты, облицованные мрамором бассейны и каналы, пышные сады, окружавшие жилища знати, и цветники у домиков простолудинов... Теперь все лежало в развалинах, в прахе и тлене, столь древнем, что становилось ясно: во

времена расцвета этого города никто и слыхом не слышал о державе славного Ашакана, ни, скорее всего, о гордой Айодии.

Ния боязливо ежилась, поглядывая на мрачные руины, поросшие акацией, оплетенные лианами и вьюнком. Пожалуй, она предпочла бы провести ночь в джунглях, но Конан напомнил своей юной невольнице, что с наступлением темноты в лесу можно столкнуться с тигром или черной пантерой. Сюда же, в каменный лабиринт, они не полезут — хищники стараются держаться подальше от мест, где некогда обитали люди. Теперь развалины населяли лишь змеи да обезьяны, но от назойливости и тех, и других мог охранить костер.

Конан разложил его на обширной площади, простиравшейся в самом центре города. Со всех четырех сторон ее окружали груды битого зеленого камня, но посередине оставалось достаточно места для стоянки сотни воинов с сотней лошадей; значит, никакому зверю не удалось бы подкрасться и неожиданно выпрыгнуть из темноты. На всякий случай, для защиты от ядовитых гадов Конан разложил у костра волосяную веревку, а после ужина бросил внутрь кольца свой плащ и велел Ние укладываться на покой. Спала она тревожно, но в конце концов дыхание девочки сделалось ровным и глубоким, тело расслабилось, и с лица исчезло пугливо-настороженное выражение. Тогда Конан поднялся, воткнул в щель меж камней свою секиру и повелел духу явиться.

Рана Риорда возник перед ним в неярких отсветах костра. Впервые его капюшон был откинут, и Конан мог видеть темные волосы, волной спадавшие на плечи. Кожа на лице призрака разгладилась, сапфирово-синие глаза заблестели еще ярче, и если бы не бледность щек и бескровные тонкие губы, киммериец принял бы его за собственного двойника. Видно не даром призраком утверждал, что происходят они оба от единого корня, от прародителя Гидаллы, коему сам грозный Кром годился бы в правнуки!

Долго и мрачно Конан смотрел на духа секиры, потом произнес:

— Сегодня ты заставил меня сделать то, чего мне не хотелось.

Рорта пожал плечами.

— Какая разница, убил бы ты мунгана мечом или моим лезвием. Все равно бы убил! А так и враг мертв, и я сыт. В туше мунгана было много крови.

— Кровь, кро-овь, крр-роовь! — передразнил Конан клекочущий голос призрака. — Запомни, ржавая железка, я тебе не раб, ты мне не хозяин! Я не люблю, когда меня заставляют... король, демон, бог — все равно! Я — свободен, ясно? И запомни еще одно: мы заключили союз равных, и как заключили, так можем и разорвать, клянусь Кромом!

Рана Риорда уставился на него, но киммериец не опустил глаз. Несколько мгновений они мерялись взглядами, затем дух сказал:

— Как заключили, так можем и разорвать, да? Помнится, в стигийской темнице ты пел другие песни!

— То было в стигийской темнице, а сейчас мы в джунглях Вендии. И завтра я могу разворотить любой из завалов в этом проклятом городишке, а потом упрятать тебя под камни. Валяйся там еще тысячу лет, кровожадное отродье Сета!

Призрак протестующе вскинул бесплотные руки.

— Не оскорбляй меня, киммериец, не оскорбляй своего прародителя Гидаллу! Причем здесь Сет, темный бог, Змей Вечной Ночи? Меня-то выковали из небесного камня, из стали, чистой, как свет луны!

— Скорее, кровавой, как солнце на закате!

Они замолчали, опять прожигая друг друга взглядами. Краешком глаза Конан уловил какое-то движение за границей светового круга — будто бы зеленые искорки стремились приблизиться к костру, и тут же отступали, сдуваемые неощутимым ветром. Нечисть, что ли, лезет? — мелькнуло у киммерийца в голове. Только ее и не хватало! Один призрак тут уже был, и похоже, кто-то еще стремился составить ему компанию.

— Ладно, — вымолил наконец дух секиры, — давай забудем то, что было. Мы нужны друг другу, киммериец.

Я хочу попасть к наследникам Гидаллы, ну, а ты — ты удостоишься награды. И не забывай, что часть ее уже получена.

— Это какая же часть? — Конан приподнял брови. — Не понимаю, о чем ты толкуешь, трухлявое топориче.

— Разве я не помог тебе выбраться из стигийской темницы?

— И я оказал тебе такую же услугу. Тут мы квиты, и в окончательный расчет Файон не входит, — твердо заявил киммериец.

— Квиты так квиты, — согласился дух, — не стану торговаться. Ты будешь доволен наградой, клянусь Древними Богами!

— Сперва поклянись, что перестанешь влезать в мои дела!

Рана Риорда глубоко вздохнул. Вздох этот был столь же бесплотным и неосязаемым, как и сам призрак; он не поколебал ни пламени костра, ни дыма, что вился над ним. Конан, однако, заметил, что зеленые искорки, налетавшие из мрака, будто бы отнесло ветерком.

— Клянусь, — произнес призрак, вытянув вверх отличавшую серебром руку, — клянусь Древними Богами и кровью Гидаллы, что не стану больше приневоливать тебя. Этого достаточно?

— Достаточно, — буркнул Конан, разглядывая зеленые искры, мерцавшие в ночи. Они вновь устремились к костру, и киммериец ощутил неприятное покалывание в затылке. Может, не стоило ночевать в этих развалинах, подумал он. Лучше уж схватиться с тигром или пантерой, чем с демонами или призраками! Но сожалеть о свершенном было не в его правилах. Кроме того, он хотел закончить разговор с Рана Риордой.

Бледные губы духа снова зашевелились.

— Если ты удовлетворен, то поклянись тоже... поклянись, что не оставишь меня, не бросишь среди камней, не утопишь в море.

— Ладно, клянусь! — Конан с силой ударил кулаком о ладонь. — Клянусь первым и единственным взглядом Крома, который он бросил на меня!

— Странная клятва, — сказал дух.

— Она нерушима. Видишь ли, когда в Киммерии рождается младенец, Кром смотрит на него, и тот, кому суждено вынести взгляд бога, получает имя и право на жизнь. Умерших же выбрасывают псам на поживу. И больше Крому нет до нас дела.

— Плох бог, который не заботится о своем народе, — заметил призрак. — Отец Гидалла был не таков. Он создал меня, — тут Рана Риорда горделиво выпрямился, — и поручил мне помогать своим потомкам, сражая их врагов. И советуя им в годину бедствий. Даже после смерти он говорит с людьми моими устами... Да, прародитель Гидалла был велик и мудр! Мудрее твоего Крома!

— Зато Кром ни к кому не лезет с непрошенными советами, — буркнул Конан.

— Будь почтителен к Отцу Гидалле, киммериец! Он ведь и твой предок!

— Возможно, — Конан пожал плечами, всматриваясь в темноту. Зеленых искорок стало больше; теперь они вытягивались длинными язычками, будто пыгались проколоть невидимую преграду и прорваться к костру. Киммериец оглянулся на Нию, укутанную в плащ. Девочка спала спокойно, но сам он чувствовал, что в затылке колет все сильнее и сильнее, а в ушах разливается негромкий звон. Вскоре звон этот превратился в невнятное бормотанье, и Конан, скривившись, тряхнул головой.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил призрак.

— Эти зеленые огни... Вроде бы кто-то хочет познакомиться с нами поближе, а?

Рана Риорда презрительно усмехнулся.

— Ничтожные душонки погибших... Ни плоти, ни крови, ни толка, ни смысла... Льнут к живому, как стая вампиров, хотят подкормиться... Не тревожься, я удерживаю их без всякого труда.

— В ушах гудит от их болтовни, — потянувшись к костру, киммериец вытащил горящую ветвь. — Сейчас я их шугану!

— Я же сказал, не тревожься. Коль они тебе надоели, сделаем так... — Соединив ладони, призрак нанес рубящий

удар по воздуху, и на мгновение Конан услышал стоны, жалобные вскрики и плач. Этот неясный гул тут же смолк, а с ним исчезли и зеленые искры; теперь вокруг освещенного костром пространства царили тишина и тьма.

— Ну, — с довольной ухмылкой произнес Рана Риорда, — не в первый раз повторяю, что гоюсь не только рубить головы. Прибавится у меня сил, я и вчерашний день смогу вернуть.

— Это еще зачем? — спросил Конан.

— Ради сохранения Великого Равновесия. Если в одном месте убыло, а в другом прибыло, это может не понравиться богам. И тогда нужно повернуть время вспять, восстановив то, что должно быть восстановлено. Даже Древние Боги хранили Великое Равновесие, так как...

— Нергал с ним, с этим Равновесием, — перебил Конан. — Лучше скажи, куда мы должны направиться теперь?

— По-прежнему на юг и восток. Пожалуй, тебе надо подумать о захвате корабля...

— То моя забота. Вот коли у тебя на примете есть что-то подходящее, я не отказался бы взглянуть.

— Взгляни, — сказал дух, и Конан, поднявшись, шагнул к секире. На лезвии ее, багровевшем в отблесках костра, плыли смутные видения: два корабля, будто бы плывущие друг за другом. Одно судно было с красными боргами и рядами весел; корпус его имел непривычные для киммерийца очертания, слегка угловатые, делавшие корабль похожим на плавучий сундук. Вторая посудина, постройнее и поменьше размером, явно была купеческой ладьей с резными деревянными украшениями на носу и корме — двумя дельфинами, изогнувшимися дугой. Гребцы на ней отсутствовали, зато на мачтах полоскались треугольные желтые паруса.

Конан хмыкнул, покачал головой.

— Ну, какой годится? — спросил призрак.

— Оба плохи. Красный сундук неуклюж, а купеческая лоханка слишком мала.

— Для нас важна не скорость, а надежность, — заметил Рана Риорда.

— Тогда я бы выбрал красную галеру. Хотя выглядит она странновато.

— Кхитайский корабль, — пояснил дух. — У кхитайцев все странное, даже пища. Они и кашу едят палочками.

— Кром! — изумился Конан. — Как же можно черпать из котла без ложки?

— Узнаешь, — загадочно пообещал призрачный собеседник.

* * *

С рассветом Конан и Ния, Цветок, Который Распускается в Полнолуние, тронулись в путь, и на закате уже брели вдоль длинной череды песчаных дюн, усеивавших берег Уттарийского моря. У подножья одного из этих сыпучих холмов они и переночевали; ни духи, ни звери, ни люди не тревожили их сон. Утром киммериец отправился в рыбацье селение и выбрал надежную лодку — баркас с прямым парусом и кормой, прикрытой бамбуковым настилом. Он мог бы просто отнять суденышко, но нищета его хозяев была столь очевидной, что Конан предпочел расплатиться — той самой горстью серебра, что выручил за щит, шлем и кольчугу. Себе он оставил лишь пару монет.

Плата, видать, была царской, ибо тощие смуглокожие рыбаки снабдили путников не только водой и припасами, но и добрыми пожеланиями. То ли молитвы их возымели действие, то ли морские боги мирволили Конану, не обидевшему бедняков, но плавание проходило при попутном ветре и ясном небе. Рана Риорда, закутанная в Конановы штаны, мирно дремала под палубным настилом, киммериец управлялся с парусом, а невольница его пела песни и готовила еду. Так прошло десять дней, и они прибыли в Прадешхан, большой и богатый уттарийский город, стоявший неподалеку от границы с Камбуей.

Глава 9

Похищение Рана Риорды

Через пятьсот лет после Великой Катастрофы, стершей с лица земли Атлантиду, разразилось второе бедствие, которое было названо Малым. Оно еще больше преобразило древний Туранский материк. Озера, тянувшиеся от гор Ильбарс до северных гирканских гор, слились в огромное море, разделившее Запад и Восток. Со временем этот внутренний континентальный эстуарий называли морем Вилайет — по имени страны, что лежала некогда там, среди многочисленных озер.

Альмаденские Скрижали, Плита II, строки 44—

51

Ночные кошмары начали мучить Быстрого Оленя на вторую ночь после побега. Его не зря звали Быстрым; покинув стойбище Людей Травы, он за пару дней одолел такое расстояние, какое охотничий или воинский отряд прошел бы за четыре. Он бежал ровной волчьей трусцей с рассвета до заката, и нелегкий груз — два копыя, нож, топор, плетеная сумка с припасами и завернутый в кожаную накидку Убийца — не тяготил его; Быстрый Олень был молод и силен. Он не боялся погони, да и вряд ли вожди послали бы кого-то за ним; а если бы и послали, то посланные наверняка не торопились бы. Итак, он не боялся, что погоня настигнет его, но не сумел уйти от колдовских чар.

Проклятый Коготь!

Но снился ему вовсе не шаман. Он видел какое-то полупрозрачное существо, подобие человека с неясными чертами лица, скрытого под капюшоном, и сверкающими жуткими глазами цвета неба на закате. Эти синие зрачки жгли его; он корчился и стонал, не в силах разорвать сновидение, шепнуть охранительное заклятье. Да и вряд ли заклятья помогли бы ему — призрачный дух был силен, и обычному человеку, даже самому сильному из охотников, с таким не справиться. Видно, шаман, Кривой Коготь, вызвал из мрака Вечной Ночи самого страшного

из своих слуг, поручив ему добраться до сбежавшего похитителя...

Впрочем, дух с горящими зрачками не пытался пожать Быстрого Оленя и, судя по всему, не хотел увести его с собой в Тьму, из Которой Нет Возврата. Он только грозно сверкал глазами и хрипел какие-то слова. В первую ночь явления страшного призрака Быстрый так перепугался, что даже не понял его речей. То же самое повторилось и на вторую ночь, и на третью, но потом молодой воин разобрал, чего желает дух. Тварь, пришедшая из Пропasti Злого Ча, хотела, чтобы Быстрый нес Убийцу на юг или на восход солнца, охотник же бежал на север и запад.

Вскоре он понял, что дух ничем не может повредить ему — разве что ночными кошмарами. Но это было не так страшно. Хоть Быстрый Олень не всегда высыпался, шаг его по-прежнему был тверд, ноги — сильны и послушны, а копыя не знали промаха. Но охотился он редко, не испытывая в том особой нужды, ибо запасов памако в его мешке хватило бы на целую луну. Памако готовили из смеси сушеного мяса с ягодами и жиром; его бурые шарики были легкими, вкусными и питательными.

Вечерами, перед тем, как уснуть, Быстрый Олень чертил на земле магические символы и шептал заклинания. Несмотря на молодость, он, как и все Люди Травы, кочевавшие в неоглядной степи, был опытен в обращении с потусторонними силами. Люди Травы знали, что духи, демоны и призраки живут повсюду и наблюдают за ними недреманным оком. Одни — например, духи предков — были милостивыми; они хранили детей своих от бед, помогали на охоте и в битвах с враждебными племенами. Другие пришельцы из Черной Бездны не проявляли ни злого умысла, ни особой доброты — разумеется, до тех пор, пока их не оскорбляли неосторожным словом или делом; о них лучше было не поминать всуе. Существовали и третьи, откровенно злобные и недоброжелательные; этим полагалось приносить жертвы и обороняться от их влияния с помощью заклятий и чар. Убийца, которого Быстрый упрямо нес на запад, конечно же принадлежал

к сонму злых духов и отличался такой силой, что лишь Кривой Коготь, шаман из шаманов, сумел с ним совладать. Но за это Люди Травы платили страшную цену.

Поразмыслив, Быстрый решил, что ночного призрака подсылает ему не Коготь. Прошла половина луны, и он удалился от родного стойбища на огромное расстояние, почти достигнув рубежей Страны Вод, легендарной Вал Йета. Кривой Коготь был могущественным колдуном, но вряд ли он мог настичь и покарать ослушника, убежавшего так далеко. Значит, дух с пылающими синими глазами не являлся посланцем Когтя? Вероятно, так! И Быстрый Олень сделал единственно правильный вывод, что грозный пришелец, вторгавшийся в его сны, как-то связан с Убийцей. Теперь, останавливаясь на ночлег, он закапывал сверток с Убийцей в землю в сотне шагов от своего костра и проводил ночь куда спокойней, чем прежде. Дух все равно являлся, но выглядел зыбким; как предутренний туман над рекой, и его невнятное бормотание стало едва слышным.

Почему он требовал, чтобы Убийцу несли на юго-восток? Это оставалось загадкой для Быстрого Оленя. В любом случае, он не собирался подчиняться призраку; он хотел дотащить свой страшный груз до Страны Вод и утопить его там в самом глубоком озере. Пусть проклятый вернется в проклятое место, туда, откуда он изошел! И пусть лежит там до окончания времен!

Кроме этих общих соображений существовали и другие обстоятельства, более практического характера. К юго-востоку от тех мест, где кочевали сейчас Люди Травы, высился горный хребет с обледенелыми вершинами, подпиравшими небеса; идти туда значило сразу сунуть голову в пасть ненасытного Ча. Не желал Быстрый Олень отправляться и на восход солнца, ибо племя его два десятка лет продвигалось именно в том направлении и Убийцу могли найти, как бы хорошо он не запрятал магическое оружие. Кривой Коготь, шаман шаманов, почуял бы его за дни и дни пути!

А вот в озерах Вал Йета Убийцу нипочем не разыскать! Быстрый Олень был совсем мальчишкой, когда племя

его кочевало в тех краях, но запомнил, что были в Вал Йета озера без дна, столь глубокие, что воды их, вероятно, граничили с Пропастью Ча, которая со временем поглотит все сущее. Но Быстрый надеялся, что до времен этой новой катастрофы еще далеко, ибо в памяти людской еще не исчезли воспоминания о прежней, случившейся тридцать поколений назад. Для людей это огромный срок, но для демонов небольшое время; не может же Страшный Ча просыпаться столь часто и трясти землю!

И потому, решил он, пусть Убийца лежит в глубочайшем из озер, а если Ча снова всколыхнет степь и горы, то проклятое оружие провалится еще дальше, в Пропать Вечного Мрака, и пусть помогут предки! — угодит прямо в ненасытную утробу злого Ча. Там ему самое место!

Возможно, Убийцей овладеют другие демоны, боги серокожих себайо, пришедших в Вал Йета откуда-то с юга. Они, эти завоеватели, прогнали предков Быстрого из Страны Вод, но то было самым меньшим их злодеянием; гораздо хуже, что себайо принесли с собой Убийцу. И, как рассказывали старцы Людей Травы, победили с помощью проклятого оружия, а потом, испугавшись его злого могущества, бросили в степи, на поле последней битвы, среди трупов, со временем ставших белыми костяками. Там, под грудой костей и черепов, Кривой Коготь и нашел его — в недобрый миг, стоивший Людям Травы многих и многих жизней!

К тем временам изгнанное из Страны Вод племя давно переселилось в степь и не помышляло о том, чтобы отбить у серокожих прежние земли. Степь была широка и просторна для всех народов, что жили в ней; ничем не хуже мест, захваченных себайо. И тут, в степи, к Людям Травы стали присоединяться бездомные, гонимые и обиженные; приходили они поодиночке, либо семьями и целыми кланами, особенно с запада, где бушевала непрерывная война, где дикари истребляли дикарей, а их выжженные и опустевшие территории потом доставались другим дикарям, еще более страшным, среди которых были и огромные шерстистые обезьяны, обитавшие раньше на

севере. Среди тех, кто прибил к народу Быстрого Оленя, попадались всякие люди: невысокие и крепко сложенные, с каштановыми, соломенными или черными волосами, и другие, темнобровые, смуглые, с крючковатыми носами, и третьи, рослые, бронзовокожие и синеглазые, и четвертые, с иссиня-черными бородами, что росли от самых глаз, и пятые, и шестые, и седьмые... Всяк приносил и кровь свою, и своих богов, и свою магию, так что со временем Люди Травы, смешавшись в единую орду, стали сильны и числом своим, и колдовским умением. И кочевали они в степях, куда звало сердце, и поклонялись каким хотели богам и демонам, иногда воевали с соседями, такими же кочевыми племенами, иногда мирились и жили, в общем-то, спокойно, пока Кривой Коготь — да поглотит его раньше срока утроба Ча! — не разыскал проклятого Убийцу.

О последнем сражении предков Людей Травы с себайо уже никто и не вспоминал, ибо случилось оно за десять или пятнадцать поколений до Быстрого Оленя. Но тогда серокожие наверняка одержали победу, потому что поле битвы было завалено пробитыми стрелами черепами, а Люди Травы в те времена не знали лука. В одном же месте скелеты и черепа громоздились целым холмом и выглядели странно — рассеченными с такой силой, какую руки человеческие не способны приложить к каменному топору. Кривой Коготь, тогда еще колдун молодой и честолюбивый, начал рыться в огромной груде костей и откопал Убийцу. Себе на потеху, остальным — на горе!

Люди Травы не знали, почему серокожие расстались со своим магическим оружием. Возможно, затерялось оно среди завалов мертвых тел, возможно, и не старались его найти, решив, что послужил Убийца достаточно и лучше забыть о нем навсегда и не вспоминать. Мудрецы себайо ведали об этом страшном амулете куда больше Кривого Когтя и, наверное, побаивались его. Но Коготь не боялся; он нашел Убийцу и взял себе, и сделался великим колдуном, шаманом над шаманами. Теперь вожди и люди степного племени трепетали перед ним.

Быстрый Олень, мучимый ночными видениями, приближался к Стране Вод и думал, думал, думал. Быть может, Кривой Коготь не столь уж виноват, как ему казалось вначале? Быть может, призрак, истинный повелитель Убийцы, тоже являлся шаману? Сначала — просил, потом стал требовать, приказывать... И Коготь подчинился... Подчинился ради власти над племенем, а не забросил Убийцу в глубокий овраг, не закопал в землю и не отправился в Страну Вод, чтобы разыскать то проклятое поле давней битвы и сунуть Убийцу в груду черепов! Не иначе, как злобный Ча овладел разумом шамана! Ча любит кровь и трупы, страдания и смерть — как раз то, что творит Убийца в руках колдуна.

Отец и старшие братья рассказывали Быстрому Оленю, что, овладев магическим оружием, Коготь сильно переменялся. Он начал ходить с воинами в набеги — а такого раньше не делал ни один шаман! — он принялся грозить соседям, обещая известить их до последнего человека, он стал подговаривать вождей идти на восход солнца, покоряя все племена, какие встретятся по дороге. Слова же свои он подтверждал сильным и страшным колдовством: любой набег, любая стычка с его участием неизменно заканчивались победой. Да, Люди Травы тоже умирали, но противников гибло стократ больше, ибо ни палица, ни каменный топор, ни молот из кремня, ни копье с обсидиановым наконечником не могли остановить сверкающий полукруг Убийцы. Лезвие его резало и камень, и дерево, и кости, и человеческую плоть.

Сперва Люди Травы, опьяненные победами, торжествовали. Никто не спрашивал, где и когда Кривому Когтю удалось найти такой могущественный амулет, залог победы и воинской славы. Но проходило время, и соседние племена, с которыми теперь уже только ссорились и не мирились, стали опасаться Людей Травы. Прошел слух, что ими овладел Ча, Хозяин Ледяной Бездны, а это значило, что от них нужно держаться подальше. Что ж, степь велика, всем места хватит! И соседи откочевали, скрылись с глаз, рассеялись, как пар над котлом, исчезли, словно облака, гонимые ветром. Никто больше не торго-

вал с Людьми Травы, не обменивался диковинами, не отдавал своих девушек и не брал женщин от их костров. Они очутились в пустоте, ибо земли вокруг были просторны, а людей в них мало, и всякий мог скрыться от всякого. И больше не приходили к ним с запада странники разного обличья и не просились принять в племя — не хотели мешать свою кровь со злым народом. Зла же и на западе хватало.

И тогда Кривой Коготь объявил вождям и старейшинам, где удалось найти ему Убийцу, и что Убийце нужно. Желало же колдовское оружие крови, и не той малой крови, проливаемой на камни очагов в знак единения с предками и добрыми духами, а той, что хлещет из ран в сражении. А раз враги сбежали и сражаться не с кем, то каждую луну будет теперь выходить шаман на поединок с избранным воином из числа Людей Травы и драться с ним до смерти. Коль устоит соперник, зарубит Кривого Когтя или пробьет копьем, то владеть ему Убийцей и сражаться дальше, пока и его не убьют. Так надо поступать впредь, ибо если Убийца не получит взятой в бою толики крови, то заберет всю кровь — всю, какая течет в жилах Людей Травы, от самого дряхлого старика до новорожденного младенца.

Как сказал шаман, так и было сделано. Убийца уже доказал свою мощь; его боялись, и боялись Кривого Когтя. Был он мужчиной в зрелой поре и за пять или шесть лет (Быстрый Олень не помнил точно, сколько времени прошло с начала поединков) смог уложить десятки лучших воинов Людей Травы. И было ясно, что до старости своей уложит всех прочих, кто оставался еще жив, молчал, трепетал и каждую луну покорно тянул жребий. Но Быстрый Олень не собирался подчиняться колдуну! Став воином и охотником, он тоже тянул жребий и тоже молчал — даже когда под лезвием Убийцы простился с жизнью один из его старших братьев — но трепета не было в его сердце. Только ненависть!

Он хотел убить Кривого Когтя. Сразиться с ним и убить! Но на равных: камень против камня, копье против копья, чары против чар. И без злого колдовства, что

таилось в Убийце! Быстрый Олень знал, что с этой магией ему не справиться, и Убийца, сверкающий в сильных руках шамана, наверняка отведаст его крови. Тогда-то он и подумал впервые, что проклятое оружие надо украсть. Украсть и унести так далеко, чтобы Кривой Коготь не сумел найти Убийцу — по крайней мере до тех пор, пока не будет убит сам!

Намерение Быстрого Оленя крепло, а когда жребий, брошенный в очередной раз, выпал его отцу, он решил не медлить. Выкрасть Убийцу из шатра шамана было совсем просто — Кривой Коготь не стерег его, зная, что никто из Людей Травы не прикоснется к проклятому оружию по собственной воле. Не прикоснулся и Быстрый: набросил поверх кожаную накидку, перевязал волосным шнурком и змеей ускользнул в ночь. А затем помчался на заход солнца что было сил!

Теперь он мог не торопиться. Цель его была близка; среди степного разнотравья тут и там начали вставать серые скалы, кое-где появились деревья и небольшие болотца, заросшие тростником; от них начинались ручьи, струившиеся к западу, в озерный край, богатый водами и лесами. До него оставалось день или два пути, и Быстрый Олень удвоил осторожность: он не хотел попадаться на глаза себайю. Во всяком случае, до тех пор, пока Убийца не будет похоронен в самом глубоком из озер!

Последнюю ночь он провел у подножья кургана, разложив маленький костерок — не больше, чем требовалось, чтобы обжарить тушку дрофы. Птицу Быстрый Олень подобрал еще утром — она выскочила из травы прямо на охотника, не видя и не соображая ничего в паническом бегстве. Похоже, что-то напугало диких обитателей степи; Быстрому попадались и волчьи стаи, и шакалы, и стада оленей и антилоп, устремившиеся к востоку. Вероятно, подумал он, себайю затеяли облаву, или еще какое-нибудь племя, Дети Волка или Потомки Орла, решило поохотиться у рубежей Страны Вод. Если ему попадутся Волки или Орлы, он скажет им, что зло покинуло стойбище Людей Травы... Быстрый Олень озирался по сторонам, но

так и не увидел ни единого человека. Животные, однако, бежали, будто спасаясь от неминуемой гибели.

Он закончил ужинать, потом отнес сверток с Убийцей подальше, на вершину холма, у которого собирался провести ночь. Если духи предков будут милостивы, завтра ему попадется озеро — глубокое озеро, бездонная пропасть, граничащая с Бездной Ча, Владыки Смерти... Там он и похоронит Убийцу! А потом вернется в стойбище Людей Травы и...

Ночью Быстрому Оленю снилось, как он сражается с шаманом — камень против камня, копьё против копья, чары против чар. Спал он, однако, спокойно, потому что призрак с горящими глазами не приходил и не нашептывал ему о своих желаниях. Видно, он понял, что Быстрый Олень неумолим и никогда не повернет к востоку с опасной ношей за плечами.

Рассвет выдался кроваво-красным, тревожным, и не успел Быстрый подняться, как под ногами у него дрогнула земля.

Потом он услышал рев — грозный рев разбушевавшихся вод, вступивших в смертельную схватку с яростным огнем. Ему показалось, что на западе восходит второе солнце — но то был отблеск вулканического пламени, пробившегося из земных недр и разрушавшего сейчас горную гряду, что лежала за озерным краем. Склоны гор ползли вниз, открывая дорогу пурпурным потокам лавы, но ни эти огненные реки, ни бесчисленные глыбы раскаленного камня не могли заполнить гигантскую трещину, что образовалась в земле. Края ее расползались на запад и восток, пока воды тысячи озер не хлынули вниз, сливаясь воедино, усиливая друг друга, вздымая волны и обрушивая их на стену расплавленной магмы. Две стихии, огонь и вода, столкнулись в вечном своем противоборстве и разодрали скальную плиту под основанием гор напополам. Небо обрушилось на землю, качнулось Равновесие Мира, пробудив демонов и богов; наступила вторая катастрофа, второй потоп, второе великое землетрясение, поразившее древний Туранский материк в самое сердце.

Быстрый Олень стоял на склоне кургана и с ужасом глядел на запад, на гибнущую Страну Вод. Видно, оппался он, считая, что Страшный Ча надолго уснул в своей Пропasti Мрака! Вот демон поднимается над землей в огненной своей накидке, вздымает тысячи багровых рук, мечет молнии, душит все живое черным дымом, дробит горы, палит леса и травы, а пепел сбрасывает в Бездну... Гибнет, гибнет Вал Йета! Гибнет в пасти Вечной Ночи! И, разделавшись с озерным краем, Губитель Ча примется за степь, пожрет ее, доберется до самых далеких гор, до лесов, до океана — но и океан не остановит его! Он уничтожит все — и земли, и воды!

Конечно, Быстрый Олень заблуждался. Ча, мелкий божок степного народа, прислужник Нергала или Сета, забился в щель и дрожал от страха, ибо угроза Великому Равновесию страшилa его не меньше, чем любого из племени Травы, Орла или Волка. Силы, бушевавшие над Страной Вод, неизмеримо превосходили могущество Ча, но Быстрый Олень этого не знал; для него Ча являлся символом мирового зла, виновником и страшной катастрофы, и тех смертей, что творил Убийца среди Людей Травы.

Так пусть же они встретятся, Злобный Ча и сверкающий полумесяц Убийцы, обогранный кровью! Пусть зло уйдет к злу и провалится в Бездну Тьмы! Пусть канет оно в недра огнедышащих гор, сольется с потоком лавы, истечет во мрак, исчезнет из мира живых! Пусть будет так — даже если мир этот разрушится через мгновение под напором воды и огня!

Склон холма вздрогнул под ногами Быстрого Оленя, и он, подхватив свои копыа, пустился бежать на восток. Он мчался так, как никогда прежде, и с каждым его прыжком почва становилась все устойчивей, багровый свет за спиной — все менее ярким, а грозный рев разбушевавшихся стихий — все более тихим и отдаленным. Светлые и темные боги, соединив усилия, навели порядок в мире, и единственным свидетельством Второй Катастрофы стало огромное внутреннее море, затопившее Вал Йета, Страну Вод. В волнах его погибло множество живых

тварей, в том числе — и серокожие себайо; они пошли ко дну вместе со своими козами и своими круглыми хижинами-кана, вместе со своими вождями и мудрецами.

Но степные народы, Люди Травы, Дети Волка, Потомки Орла и многие иные племена уцелели, ибо божественным промыслом предназначалось им сделаться прародителями гирканцев, заселив степи от границ Кхитая до берегов моря Вилайет.

И Рана Риорда, Губительница, Яростный Блеск, Убийца, Небесная Секира — она тоже уцелела, завернутая в шкуры и брошенная на вершине холма. Пройдет время, сто или двести лет, и ее найдут, снова искупают в крови, и она продолжит свой путь, долгий путь в чужих и ненавистных руках. И будет она, как то заповедано Отцом Гидаллой, убивать, убивать и убивать — до той поры, пока не ляжет пленницей под тяжкие камни Файона.

Глава 10 Состязание в Утгаре

Об Утгаре и Камбуге, лежащих на краю земного круга, нам не ведомо ничего достоверного.

Зингарийский палимпсест «Чудеса и диковины мира»

Если ты думаешь, что имеешь близких, ты ошибаешься; если ты думаешь, что владеешь богатством, ты вновь ошибаешься; у тебя есть только твоя душа...

Уттарийское изречение

Такого города Конан еще не видал! Была тут просторная гавань, в которой теснились сотни крытых лодок и широкобоких кораблей; у каждого нос и корма изгибались вверх словно туранская сабля, а украшали их головы свирепых тигров и драконов, невиданные цветы, дельфины, осьминоги, хищные акулы, а также иные чудища моря и земли, с великим тщанием и искусством вырезанные из цельных древесных стволов.

Была тут набережная, вымощенная плитками черного и красного дерева, на которых были нанесены таинственные иероглифы. За набережной, до самой городской стены, лежала торговая площадь, расцвеченная яркими шелками навесов и шатров; над ними на шестах висели изящные фонарики и полотнища с изображением всех диковин мира: яшмовых статуэток и ваз, хрустальных кубков и драгоценных ожерелий из оникса, сердолика, бирюзы и нефрита, богатых одежд и непривычного оружия, музыкальных инструментов и мебели из слоновой кости, отделанной бронзой, пузырьков с магическими бальзамами и книжных свитков с древней премудростью, птиц, рыб и насекомых, чей вид ужасал или радовал глаз. На площади сей, кроме важных купцов в шляпах с

колокольчиками, обосновались и лекари, и цирюльники, и предсказатели будущего, и разносчики еды и питья, и фокусники, и акробаты, а также множество моряков и разного городского люда, желавшего если не купить, так поглазеть. Но в толпе этой Конан не увидел ни солдат, ни жуликов, ни разбойных физиономий, которые обычны для любого порта в хайборийских землях. Стражники, правда, имелись — мускулистые, голые по пояс молодцы с бамбуковыми палками в руках и связкой метательных дисков при бедре.

Была тут стена за площадью, но не сложенная из тяжких камней либо кирпича, а возведенная из бамбуковых стволов, увитых ползучими растениями, цветы и листья которых источали приятный аромат. Такую стену строят не для обороны, а для приличия и красоты, дабы показать: вот — набережная и гавань с кораблями и лодками, вот — шумная площадь с навесами торговцев, а вот — город с жилищами, дворцами и храмами, где неуместны шум и суета. И не было при той стене ни грозных боевых башен, ни зубчатых парапетов, как в аквилонских и немедийских замках, а зияли в ней лишь два прохода, слева и справа, с западной и восточной стороны — без защитных врат, зато с фонариками и колокольцами, подвешенными на тонких цепочках и шелковых шнурках.

Изумленно раскрыв глаза, взирал Конан на все это великолепие, на оживленную площадь, на увитую зеленью стену, на купола зданий из резного дерева десяти пород, что высились за бамбуковым частоколом, и чувствовал себя как-то непривычно. Во-первых, был он на голову или две выше всех местных обитателей, напоминавших статуэтки из коричневого сандала; и во-вторых, был он весь увешан оружием, а на площади, если не считать стражников, ни у кого не водилось и ножики длинней ладони. Ния, с ее ситаром, выглядела здесь куда уместнее.

Повернув к Конану лукавое личико, она улыбнулась и сказала:

— Не удивляйся, господин! У нас в Уттаре говорят: кто не видел Прадешхана, не видел ничего. И радость жизни обошла его стороной!

Но сама Ния То Кама в Прадешхане раньше не бывала. Расспросив свою маленькую невольницу за время морского путешествия, Конан выяснил, что родилась она вблизи западных уттарийских рубежей, с пяти лет обучалась в храме богини Лакшми, затем была украдена из святилища и продана в Иранистан, где весьма ценили юных танцовщиц и певиц из Уттары. Так что Прадешхан и Ние казался чудесной сказкой.

Протиснувшись сквозь толпу, они подошли к левому проходу в стене, над которым висели фонарики фиолетового и синего цветов. За ним тянулась улица, вымощенная деревянными плашками, с голубым балдахином, растянутым меж крышами домов; вдали играл и струился искусственный водопад, окруженный кустами шиповника с нежными розоватыми цветами.

Конан, очарованный, устремился вперед, но не успел он шагнуть на мостовую, как перед ним грохнули палки стражей. Эти молодцы, возникшие словно бы ниоткуда, вежливо кланялись и улыбались, но дубинки свои держали твердой рукой. Подбежал старший, в коническом бамбуковом шлеме с двумя колокольчиками по бокам, и что-то произнес, сопровождая слова плавными жестами. Киммерец взглянул на Нию.

— Чего надо этому парню с пучком соломы на голове? Мы должны платить за вход в город?

— Нет, мой господин. Он только хочет, чтобы ты оставил здесь свое оружие. Он говорит, что по улицам Прадешхана с мечами, секирами и копьями могут расхаживать лишь воины раджассы Оми Тана Арьяды.

— Скажи ему, что я тоже воин и не люблю расставаться с топором и клинком.

Ния заговорила на мелодичном уттарийском, в чем-то убеждая шлемоносца, но тот, приседая, кланяясь и побрякивая колокольцами, только с огорчением качал головой. Наконец девочка повернулась к Конану:

— Нельзя в город с оружием, никак нельзя. Прости, господин, но таков обычай в Прадешхане.

— Ладно! — махнув рукой, киммериец бросил к ногам стражей копье, отцепил ножны с мечом, кинжал, затем расстался с луком и колчаном, вытащил из-за пазухи пару метательных ножей покойного Саледра, а из сапога — еще один клинок, с кривым лезвием. На земле перед изумленными уттарийцами выросла груда оружия. Поверх нее Конан швырнул свой плащ и мешок; теперь, кроме подкольчужной безрукавки, штанов и секиры за спиной у него не оставалось ничего.

— Скажи парню с колокольчиками, пусть побережет мое добро, не то, клянусь Кромом, эти бубенцы сыграют ему погребальную песню. И еще скажи, что мы сперва пройдемся належке по площади, а потом я оставлю у него свою секиру.

Когда Ния перевела, Конан взял ее за руку, повернулся и исчез в толпе вместе со своей невольницей. Он не желал расставаться с магическим топором, с другой же стороны, ему хотелось осмотреть город, этот великолепный Прадешхан, куда не пускали вооруженных чужеземцев. Но в стене было два прохода! Не получилось у западного, попробуем у восточного, решил киммериец.

Они двинулись меж пестрых торговых рядов, и вдруг над ухом Конана раздался клекочущий голос Рана Риорды.

— Хорошо, что ты не оставил меня у этих приворотных стражей! Они, видно, не любят добрую сталь, если вооружились дурацкими палками!

Конан остановился и, отвернувшись от своей спутницы, едва слышно пробормотал:

— Ты что же, Рорта, понимаешь их речь?

— Разумеется! — заметил дух секиры не без самодовольства. — Я понимаю всякую речь, что звучит от Западного океана до Восточного с сотворения мира!

— Ну, тогда будешь говорить мне, о чем щебечут эти малыши, — Конан оглядел толпившийся вокруг народ. — Ведь кроме меня, никто не услышит твоих слов.

— Не услышит, — подтвердил Рана Риорда.

— И первым делом скажи-ка мне, как нам всем проникнуть в город. Не хотелось бы расставаться с тобой, Рорта.

— Пустяковая задачка! У тебя есть деньги?

— Да, две монеты серебром.

— Ну, так купи мешок побольше и спрячь меня!

Необходимое вскоре сыскалось — у торговца музыкальными инструментами. С помощью Нии Конан приобрел длинный и широкий чехол, тут же упрятав в него и свой топор, и ситар своей невольницы. Хоть секира и была огромной величины, но ситар оказался все же подлиннее — его гриф высывался из мешка на целую ладонь. Отличная маскировка, подумал Конан, приближаясь к восточному проходу. Над аркой его висели фонарики пурпурного и красного цветов, а тянувшаяся за проходом улица была прикрыта от солнечных лучей балдахином из алого шелка.

На сей раз их пропустили без всяких возражений, посчитав, видимо, бродячими музыкантами. Конан зашагал по улице, залитой розовым солнечным светом, профильтрованным через алый шелк, оглядываясь по сторонам и дивясь; Ния торопливо семенила за ним, то и дело давая пояснения. Уттарийцы, и мужчины, и женщины, носили длинные, до середины икр, одеяния, называемые сарангами; у людей простых они были белыми, синими либо красными, знатных же отличала особая нежность расцветки — персиковая, нефритовая, лазурная, палевая — и богатая вышивка по подолу и вокруг ворота. Простонародье щеголяло в шляпах кан'мо из золотистой соломки, знатные же прикрывали лица большими веерами и носили головные уборы из негнущегося шелка, украшенные колокольчиками — чем больше бубенцов их и чем роскошнее веер, тем человек знатнее. Ни лошадей либо ослов с повозками, ни паланкинов на улицах Прадешхана не было; жители передвигались пешком и в легких изящных креслицах на больших колесах, которые резво катили крепкие коренастые парни в одних набедренных повязках. Кресла сии и запряженные в них люди назывались, как сообщила Ния, рик'ша, и были единст-

венным разрешенным в городе средством транспорта. Даже сама раджасса, прекрасная Оми Тана Арьяда, Благоухающая Ночная Лилия, отправлялась из дворца до городских стен в такой же рик'ша, и лишь за городом пересаживалась в коляску, запряженную лошадьми. И немудрено: улицы, вымощенные разноцветными деревянными плашками, совсем не подходили для конских копыт.

Вскоре Конан и Ния добрались до центральной площади, где стоял дворец раджассы — воздушное сооружение из резного дерева, инкрустированного квадратными, круглыми и треугольными пластинками фаянса с росписями и иероглифами, символизирующими тысячу добрых пожеланий. В середине его высилась круглая и широкая башня под кровлей с изящно загнутыми вверх углами, с круговым же балконом и колоннами из сандала; ее окружали башенки поменьше, с узкими окнами, украшенными шелковыми полотнищами, что свисали с подоконников словно разноцветные язычки. Вокруг всего дворца шла терраса о шести ступенях, и на ней, лицом к площади, стоял некий важный сановник, сопровождаемый двенадцатью служителями в золотистых шелковых сарангах, и держал речь перед собравшейся толпой обитателей Прадешхана. Конан протолкался в первые ряды, желая поглядеть на княжий дворец; Ния следовала за ним по пятам.

— Это сан-па, — сказала она с благоговением, выслушав несколько фраз сановника. — Сан-па, который управляет Прадешханом.

— А я думал, что тут властвует раджасса, — сказал Конан.

— Да, властвует, но разве ее дело заботиться о порядке и законах, о податях и наказаниях, о торговле и кораблях, о городских улицах и гавани, и о тысяче других дел? — возразила девочка. — Раджасса только повелевает, устраивает праздники и награждает, а обо все прочем заботится сан-па.

Конан с любопытством уставился на вельможу. Был он стар, с благородным лицом фарфоровой белизны и длинной узкой бородкой, что свешивалась до пояса; у

полей его шляпы позванивало два десятка серебряных колокольчиков, у пояса висел веер размером в полтора локтя. Плавные жесты и гладкая речь обличали опытного оратора, а глаза, еще не потерявшие молодого блеска, явно принадлежали человеку любознательному и чуждому высокомерия. Не прекращая говорить, сан-па взглянул на киммерийца, стоявшего шагах в двадцати от террасы, и в зрачках его промелькнуло удивление: вероятно, в Прадешхане мужчину такого роста и телосложения видели не часто.

Ния, порозовев, слушала сановника, и Конан, не желая ее отвлекать, хлопнул ладонью по мешку.

— Эй, Рорта! Ты что, уснул? О чем толкует этот старик?

— О неинтересном, — кратко и непонятно ответил дух.

— Кром! Тебе не интересно, ржавый топор, а я хотел бы послушать. Переводи!

— Состязание у них тут.

— Состязание? На мечях, копьях и секирах? Или стрельбы? Или бьются врукопашную? Или на конях?

— Ни славы тебе, ни крови мне здесь не заработать, потомок Гидаллы, — прохрипел призрак. — Это тао-ли-ма, состязание быстрых умов и золотых уст, как сказал седобородый. Словом, певцы-поэты будут перетягивать канат перед местной владычицей. Только и дела!

Услышав, о чем идет речь, Конан потерял всякий интерес и к словам сан-па, и к нему самому. Он собирался двинуться дальше, но тут престарелый сановник, закончив говорить, быстро спустился по лестнице и, призывно размахивая веером, направился напрямик к нему.

— Чи че-ла? — тонким голосом произнес старец. — Уттарани, ххитани, вендани, иранистани, турани?

— Турани, — ответил Конан, и вельможа сразу перешел на туранский. Говорил он чисто и отчетливо, а серебряные колокольцы на шляпе позванивали в такт словам.

— Я вижу, ты из далеких краев, почтенный чужеземец.

— Из очень далеких, — подтвердил киммериец.

— И еще я вижу, что из твоего мешка выглядывает ситар. Мешок же твой весьма велик и увесист.

— У меня там два инструмента, — заметил Конан, — и каждый хорош на свой лад.

— О! Хвала Лакшми, я не ошибся! Ты, видно, отличный музыкант и поэт!

— На одном из своих инструментов я и в самом деле играю неплохо, — подтвердил Конан.

— Тогда ты непременно должен явиться вечером во дворец превосходнейшей нашей раджассы, светоча мира, и доказать свое искусство в состязании с придворным певцом Те Рангом и славным Сапхарой, поэтом из Камбуи.

— Нынче я не в голосе, — сказал Конан. — И утомлен тяготами долгого пути в ваш великолепный город.

— Но победителю в состязании положена награда, сын мой, — вкрадчиво произнес сан-па.

От награды киммериец не отказался бы — в карманах у него гулял ветер. Хмыкнув, он бросил взгляд на резные дворцовые башенки и спросил:

— А велика ли та награда, почтенный? И какова она?

— Разная, сын мой, разная. Одних раджасса оделяет золотом и красными рубинами, богатой одеждой, быстрыми лошадьми или домом с фруктовой рощей, других же... — старец помолчал, затем тонко усмехнулся: — Других же она утомляет самых сокровенных милостей. Если ищущий их молод и хорош собой... вроде тебя... — он огладил длинную бородку и многозначительно протянул: — Мда... молод и хорош собой... и выглядит львом среди стада коз...

Конан почувствовал, как у бока его зашевелилась Ния, и, скосив глаза, посмотрел на лицо девочки. Похоже, намок на сокровенные милости раджассы ее не осчастливил.

— А скажи, отец мой, — произнес киммериец, — сама раджасса молода? И хороша ли собой? Есть ли там за что брэнчать на ситаре?

— О! Нашей Благоухающей Ночной Лилии минуло двадцать весен, и она прекрасна, как нефритовый сосуд с

цветком мака и двумя черными тюльпанами. Цветы эти — суть ее алые губы и сияющие глаза, а сосуд... ну, ты понимаешь... все остальное.

Интерес Конана возрастал с каждым мгновением. Похоже, тут удалось бы заработать не только камни и звонкую монету, но и кое-что еще! Уже месяц — с тех пор, как был покинут Пунт — он не касался женщины; слишком долгое воздержание для исполина, полного сил молодости.

Запустив в густые волосы пятерню, Конан задумчиво поинтересовался:

— Скажи-ка, отец мой, нет ли в окрестностях вашего славного города драбна? Либо демона? Либо злобного чародея? Либо, на худой конец, заносчивых соседей, которым было бы не худо пустить кровь?

Старец отшатнулся, испуганно замахал веером:

— Что ты, чужеземец! Лакшми и Асура хранят нас от всякого зла! И к чему тебе демоны и драконы?

— Ну, я мог бы попытаться заслужить награду таким путем... сокровенные милости раджассы, я имею в виду...

— Лучше приходи и пой, — сказал сан-па. — Ни драконов, ни демонов у нас нет.

— Ладно, — согласился Конан. — Только петь я могу лишь на своем языке, и моей маленькой рабыне, — тут он подтолкнул вперед Нию, — придется все переводить, и слова, и музыку. К счастью, она уттарийка, и обладает голосом звонким и приятным.

Старик покачал головой, и колокольцы на его шляпе мелодично зазвенели.

— Переводить слова — это я понимаю, — вымолвил он. — Но музыку?

— У меня и слова, и музыка — киммерийские, — сообщил Конан. — И то, и другое нуждается в переводе, клянусь Кромом!

— Ну, что ж... В конце концов, главное — не музыка и слова, а мудрость, что содержится в них, — сказал старец, протягивая руку к одному из своих служителей. Тот не медля вложил в ладонь сан-па нечто увесистое, приятно позванивающее. — Приходи вечером во дворец,

странник, но до того... — старик оглядел могучую фигуру Конана, облаченного в иранистанские шаровары и потертую кожаную безрукавку, — до того смени одежду и навести цирюльника. Без этого, боюсь, не видать тебе милостей раджассы, будь ты хоть три раза победителем.

И он сунул Конану тяжелый кошелек. Киммериец с удивлением уставился на старика — в редких местах ему предлагали золото и серебро добровольно, без приставленного к горлу ножа. Наконец, справившись с изумлением, он поклонился.

— Скажи свое почтенное имя, чтобы я знал, кого благодарить, отец мой.

— Меня, ничтожного, зовут Вадрапала Те Ка Хонгай, что значит: Орел, Парящий над Горными Вершинами, — произнес сан-па. — А ты, славный странник? Как прозывают тебя?

— Конан из Киммерии, — отвечал странник, думая, что для этого седого орла время полетов над горными вершинами давно миновало. Но имя дают человеку один раз и на всю жизнь, так что старый орел все равно остается орлом — даже когда сила его ушла, обратившись в мудрость и доброту.

— Я приду вечером, — сказал Конан и, снова поклонившись, широкими шагами направился к ближайшей улице, что вела на торговую площадь, к цирюльникам и продавцам дорогой одежды. Ния вприпрыжку бежала за ним, и личико ее то хмурилось, то вдруг расцветало улыбкой — смотря по тому, думала ли она о сокровенных милостях раджассы, коих мог удостоиться ее хозяин, или же о том, что ей предстоит выступить перед самой владычицей Прадешхана и ее вельможами. Но, говоря по правде, улыбка на лукавой рожице Нии То Камы появлялась чаще, чем грусть и тоска.

* * *

Великий Кром, одаривший Конана телесной мощью, отвагой, предприимчивостью и мужественной внешностью, повергающей в трепет женские сердца, не даровал

ему голос. То есть голос, конечно, у Конана был, но такой, каким пристало отдавать команды на поле брани и поносить врага, а не заливаться трелями в покоях владык, не распевать нежные серенады под тихий звон ситара. Но Конан пел — пел песни пиратов и наемников, ревел их в тавернах и на ристалищах, оглашал грозным рыком палубы разбойничьих галер, выкрикивал вперемежку с руганью на десяти языках. От голоса его гнулись мачты, и боевые кони в ужасе оседали на задние ноги; ну, а если в кабаке было молодое вино, то оно скисало прямо в бочках.

Однако, ступив на кедровые доски лестницы, что вела во дворец прадешханской раджассы, где намечалось соревнование поэтов и певцов, он не был смущен. Он выглядел величественно и грозно — высокий синеглазый исполин в голубом роскошном саранге, расшитом серебряными драконами; какая женщина могла устоять перед ним? Он не сомневался, что ни Те Ранг, придворный певец, ни Сапхара, поэт из Кабуи, не споют лучше него тех песен, коими принято улаживать женщин в темноте спальни.

И потому, шагая по тиковому полу террасы, по сандаловому паркету ближних покоев, по звездчатым плашкам красного дерева, что устилали нижний зал, киммериец был спокоен и уверен в себе. Большой мешок с ситаром и секирой висел за его спиной, волосы были тщательно расчесаны и убраны под шелковую сеточку, и Ния, очаровательная в новом саранге цвета спелого абрикоса, с сияющими глазами следовала за ним по пятам. У лестницы, что вела из нижнего зала наверх, в чертог под куполом центральной дворцовой башни, их ждал почтенный Вадрапала.

Старик с одобрением покосился на Нию, потом оглядел пышный наряд ее господина и произнес:

— Ты пришел сюда в пристойных одеждах, чужестранец.

— Твоими щедротами, отец мой, — поклонился Конан, ощущая приятную тяжесть кошелька, спрятанного в поясе.

— Не стоит вспоминать о таком маленьком одолжении. Мое сердце радуется, что ты пришел сюда в красивом саранге и пришел не один — затем, чтобы поделиться мудростью запада, обогатившись заодно мудростью востока. Это великое счастье, сын мой! Ибо самое драгоценное в нас — душа, а что, кроме умной беседы и состязания мудрых и искусных, может возвеселить ее?

Многие вещи, подумал Конан. Вино, девушки и глотка врага под твоим клинком... А также — сокровенные милости раджассы, Благоухающей Ночной Лилии... Но все эти удовольствия вряд ли были доступны старцу Вадропала, который продолжал свою речь:

— У нас говорят так, сын мой: если ты думаешь, что имеешь близких, ты ошибаешься; если ты думаешь, что владеешь богатством, ты вновь ошибаешься; у тебя есть только твоя душа... Прими же сию мудрость, странник, в дар от меня, и поделись каким-нибудь речением своего народа.

Конан усмехнулся. Нечто подобное насчет богатства и близких говорил ему в детстве отец, киммерийский оружейник, но там речь шла не о душе.

— У нас, в северных землях, говорят так: если ты думаешь, что имеешь семью, богатство, бога и душу, ты ошибаешься; у тебя есть только твой меч.

— Жестокие слова, — произнес Вадропала, — жестокие, но — увь! — справедливые. Просто для одних меч и душа — нечто единое, а для других единое — душа и книга, душа и ситар, душа и корабль, бороздящий океанские просторы.

— Каждый из нас выбирает свои пути в жизни, почтенный сан-па.

— Воистину так, сын мой, воистину так. Нет двух одинаковых камешков на морском берегу, нет двух одинаковых листьев в древесной кроне и нет двух одинаковых людей в толпе. Все различны, милостью могучего Асуры и любвеобильной Лакшми...

Так, в мудрой беседе, они одолели лестницу и вошли в верхний зал под куполом, озаренный множеством светильников. Была эта комната просторной, круглой, убран-

ной тяжелыми кхитайскими шелками и легкими газовыми тканями Вендии. Пол устилали ковры, посередине стоял низкий, но массивный стол из железного дерева, со столешницей, искусно выложенной по краям перламутром. По одну сторону стола имелось небольшое возвышение о пяти ступеньках, тоже покрытое ковром небесного цвета, на котором лежала плоская подушка и стояла ширма. По другую сторону стола, у стен покоя, сидели, скрестив ноги, придворные в богатых сарангах. На плечах женщин искрились шарфы из тончайшего шелка, руки мужчин мерно раскачивали веера. У широких проемов, что вели на балкон, курились ароматным дымком жаровни, распространяя приятный запах сандала.

Певцы располагались у стола, и было их двое. Теперь понятно, решил Конан, почему сан-па так настойчиво приглашал чужеземца — нужен был третий. Что за состязание вдвоем? Втроем совсем другое дело.

Придворный поэт Те Ранг был мужчиной средних лет, довольно хилый даже по уттарийским меркам, с козлиной бородкой и слегка кривоватыми ногами. Он облачился в одеяние цвета слоновой кости, подпоясанное алым поясом. Руки Козлобородого были тонки, но ситар он держал уверенно и выглядел достойным соперником — если не на поле боя, то на этом певческом состязании.

Сапхара из Камбуи, молодой человек с бледным и печальным лицом, казался отрешенным от всего земного. Похоже, его терзало некое тайное желание, не дававшее покоя; его длинные тонкие пальцы беспрерывно гладили ситар, в глазах застыла неизбывная тоска.

Впрочем, он тут же оживился, когда властительная раджасса возникла из-за ширмы. Говоря начистоту, он буквально пожирал ее глазами, и Конан, ведавший немало о человеческих страстях, понял, из-за чего печальный Сапхара пустился в путь из Камбуи в Прадешхан.

И в самом деле, раджасса была прелестна! Губы — алый мак, глаза — черные тюльпаны, щеки — розовые лепестки шиповника, шея — нежней белой лилии. Все, как обещал старый Вадропала! И надо сказать, он не преувеличил.

Конан, уже сидевший на своем месте у стола, мельком посмотрел на свою юную невольницу, устроившуюся рядом с ситаром на коленях. Она тоже не могла отвести глаз от Оми Тана Арьяды, и читались в ее взоре не ревность, не зависть, но восторг и откровенное благоговение. Да, прадедханская владычица умела покорять сердца!

Она села на подушку, скрестив ноги, и Конан непроизвольно сглотнул слюну. Саранг молодой раджассы имел разрезы по бокам, и теперь все могли любоваться великолепием ее бедер, и стройных голеней, и круглых колен, и тонких изящных лодыжек. Грудь же ее, туманно просвечивающая под легкой тканью, была небольшими, но упругими и совершенной формы — два золотистых плода, прикрытых кисеей. Стан раджассы напоминал пальму, плечи казались изваянными из хрупкого солнечного нефрита, гибкие руки манили сладостью объятий, а живот был словно жемчужная раковина. Да, ради такой женщины стоило скрестить мечи на арене, а уж спеть песню-другую — тем более!

Глаза Оми Тана Арьяды нашли зрачки Конана, слегка расширились и больше не отрывались от них. Внезапно киммерийцу почудилось, что он уже победил, хотя состязание еще не началось. Негромкий голос Вадрапалы напомнил ему об этом. Из почтения к гостю сан-па произнес речь сперва на туранском, затем с губ его полились мелодичные звуки уттарийского.

Условия тао-ли-ма были просты: раджасса объявляла тему, поэты импровизировали и пели, подыгрывая на ситарах; победитель отмечался золотым кольцом. Так шло круг за кругом, причем соревнующиеся по своему усмотрению могли и пропустить один из кругов, теряя при этом шанс заработать кольцо. Завершался же поэтический турнир состязанием на мощь голосов — каждому певцу предлагалось расколоть фарфоровую вазу, на прикасаясь к ней руками или иной частью тела.

Козлобородый и Печальный сидели в полной боевой готовности с ситарами в руках. Конан, дослушав речь Вадрапалы, взял у своей невольницы инструмент и тоже

пристроил его на колене. Его пальцы стиснули гриф с такой силой, что тот, казалось, сейчас треснет; синие глаза не отрывались от прелестных очей раджассы. Играть на ситаре он, разумеется, не умел, но видел не раз, как это делает Ния, и полагал, что сумеет ущипнуть нужную струну в нужном месте.

Внезапно раджасса заговорила. Ах, какой у нее был голос! Музыка сфер! Трель соловья на рассвете! Заслушавшись, Конан склонил голову и не сразу сообразил, что Оми Тана Арьяда обращается к нему.

— Интересуетесь насчет меня, — прошелестел у него над ухом Рана Риорда.

Дальнейшие уточнения — на туранском — последовали от старца Вадрапалы. Раджасса спрашивала, почему северный гость не достает из мешка второй инструмент.

— В мешке мой собственный ситар, вещь великой ценности, — отвечивал Конан. — Но я сыграю и на нем, если эти шесть струн и пара деревяшек не принесут мне победы, — он хлопнул ладонью по гулкому корпусу инструмента, лежавшего на его коленях.

Выслушав перевод и милостиво кивнув, раджасса объявила условия первого круга. Поэтам предлагалось спеть о себе — лучшая из тем, какую только могли представить искусники струны и слова. Первым, под негромкий рокот ситара, начал Те Ранг:

— Я не рожден для поля битвы, — протяжным и приятным голосом пропел он, и киммериец, прислушиваясь к хриплому шепоту своего незримого переводчика, иронически ухмыльнулся. Не рожден, это точно, мелькнуло у него в голове, пока глаза изучали щуплую фигуру Козлобородого.

Я не рожден для поля битвы,
Для струн ситара я рожден,
И черед аккордов слитных
Звучит под пальцами как стон...

Те Ранг закончил и поклонился раджассе. Печальный Сапхара вступил без промедления; его мелодия показалась Конану более живой, голос же был звонким и молодым:

Я — гончий пес,
Пока я жив,
Все мчусь куда-то,
Куда, скажи?

Я — сокол быстрый,
Кружусь над полем,
Ищу чего-то,
Чего, скажи?

В этом месте Сапхара выразительно посмотрел на раджассу, но все было ясно без слов. Конан вновь усмехнулся. Нет, этому соколу не долететь до прекрасной луны!

Оми Тана Арьяда осталась, тем не менее, довольной. Когда гость с севера помахал рукой — в знак того, что пропускает первый круг — она без колебаний вручила кольцо Сапхаре. Придворные, сидевшие у стен, сопроводили это решение одобрительным гулом.

Следующая тема касалась божественных предметов — обращение к богам, молитва, в которой говорилось бы о бренности земного, о тщете сущего, о печалях мира. Выслушав славословия, расточаемые Те Рангом великому Асуре, и песнь камбуйца, где через слово упоминались несчастная любовь, разбитое сердце и благая владычица Лакшми, Конан решил вступить в игру. С божественным у него не было проблем, ибо каждый мальчишка в Киммерии знал вполне подходящую на сей счет детскую песенку:

Над горами грянул гром,
Значит, гневается Кром!
Печень вырежу врагу,
Есть не стану, сберегу,
И в заснеженном лесу
Крому в жертву принесу!

Конан и отбарабанил ее под грозный рокот басовой струны, повергнув присутствующих в изумление — если не красотой своего голоса, то его мощью. Затем ситар взяла Ния То Кама. Грубый язык киммерийцев был ей неведом, и она понятия не имела, о чем пел хозяин. Но

стоило ли сожалеть об этом? Со своей задачей она справилась блестяще:

Открой мне дверь, чтоб я узрел
Печальный мир, что я оставил,
Теперь лишь капель редких стая
Падет в мои следы...
Вот вижу я и видишь ты —
Ловушек ряд из брэнной плоти,
Для душ, сломившихся в полете,
И кладбище — для тел...

Когда она закончила, в зале на мгновение воцарилась потрясенная тишина, сменившаяся тихим шелестом — придворные дамы вытирали шарфами очи, мужчины хлопывали сложенными веерами о ладонь, что служило высшим знаком одобрения. Алые свежие губы раджассы послали Конану улыбку — разумеется, вместе с кольцом. Он смог натянуть его лишь на мизинец — кольца в Утtare отливались явно не по его размеру.

Следующий круг, где воспевалось благоухание розы и нежный аромат жасмина, киммериец пропустил, отдав победу Те Рангу. Счет сделался равным; все претенденты шли ноздря в ноздю, и пока никто не имел преимущества. Раджасса, поглядывая на могучего гостя с севера, предложила следующую тему — гимн в честь благородного оружия, не покидающего воина даже в смерти. Тут Конан припомнил еще одну детскую песенку, киммерийскую считалку, в которой говорилось о топоре. Начало ее выглядело примерно так:

Руби, руби пиктов, мой топор,
Руби, руби ванов, мой топор,
Руби, руби асов, мой топор,
Пускай кровь гиперборейцам!

Перечень этот можно было продолжать до бесконечности, так как киммерийцы враждовали и с Аквилонией, и с Немедией, и с Бритунией и со многими другими странами. Говоря по-правде, эти свирепые северные варвары рубили всех, до кого могли дотянуться мечом или топором. Но Конан ограничился лишь пиктами, ванами,

асами и гиперборейцами, иначе Ние пришлось бы сочинять целую поэму.

Он проревел свою песню, выбивая ритм на гулкой деке ситара. Казалось, и придворных, и соперников киммерийца сейчас хватит удар — они и представить не могли, что благородный инструмент можно использовать вместо боевого барабана. Но тут за дело взялась Ния:

Могильный холм зарос травой,
Над ним хмельной гуляет ветер,
И меч бойца, тяжел и светел,
Спит с ним в постели луговой...

Она вновь добила победы! С раскрасневшимся от возбуждения лицом девочка гордо взирала на Конана, чей мизинец украшали уже два золотых ободка. Но через пару кругов счет опять сравнялся, ибо Конан участия в них не принимал. Оми Тана Арьяда, с надеждой поглядывая на него, предложила вначале воспеть женскую красоту, а затем — прелести возлюбленной и счастье разделенной любви. Намек был вполне ясен, но Конан промолчал. Киммерийские барды не складывали любовных песен, а скабрезные куплеты аргосцев либо шемитов пристало исполнять в кабаках, но никак не в княжеском дворце.

Молодая раджасса, взгрустнув, объявила песнь о печали. Конан хотел пропустить и этот круг, поскольку киммерийский воин печалился лишь тогда, когда враг удирал от него, унося в целости свою печень и свой кошелек. Однако Ния взмолилась:

— Дозволь спеть мне о печали, господин! У меня сложились прекрасные стихи...

Не в силах отказать своей маленькой невольнице, киммериец кивнул головой и, пощипывая самую тонкую струну ситара, поведал собравшимся о пастушке, потерявшем козленка. Вот он возвращается домой, сдерживая слезы — ибо не пристало мужчине плакать! — готовый к жестокой порке и насмешкам приятелей... Очень трогательная история!

Но песня Нии была еще грустнее:

Я сошью свою печаль

светлым,
Повяжу ей за спиной
крылья,
Пусть летит она
степным ветром,
И развеется
шальной пылью...

Тонкий голосок девочки звенел под куполом зала, и придворные дамы опять вытирали глаза кончиками шелковых шарфов, а мужчины одобрительно шуршали веерами. Старец Вадрапала задумчиво поглаживал свою длинную седую бородку, не то с печалью вспоминая дни молодости, не то предаваясь размышлениям о Серых Равнинах, куда ему предстояло отправиться в недалеком будущем. Мысли эти, видимо, совсем его огорчили, и когда Ния закончила, старик решил поднять настроение гостей. Тут имелось лишь одно средство, древнее, как мир: старик махнул веером слугам, и те засновали по залу с кувшинами вина.

Конан велел поставить рядом с собой вместительный сосуд и, пока его содержимое не иссякло, в соревновании участия не принимал, невзирая на умоляющие взгляды Нии и сердито-поощрительные — Оми Тана Арьяды. В результате к последнему, двенадцатому кругу у него было три кольца, а у Козлобородого Те Ранга и Печального Сапхары — по четыре.

Раджасса, подняв к потолку прекрасные черные глаза, объявила последнюю тему. Как доложил своим клекочущим шепотом Рана Риорда, речь шла о вечной тайне времени, об устремлениях человеческой души, жаждущей познать бесконечное, и тому подобных философских материях. Дух секиры был отнюдь не лучшим из переводчиков, и Конан так и не разобрался до конца в речах раджассы, но Ния все поняла отлично. Когда он кончил барабанить по многострадальному ситару, воспевая Крома, Владыку Могильных Курганов — и, следовательно, повелителя времени и вечности (ибо что может быть более вечным, чем смерть?) — Ния коснулась струн и пропела так:

Куда спешим мы?

Вот вопрос!
И всяк хотел бы знать ответы,
Но пусть останется секретом
Миг следующий —
и, может быть,
Не раз судьбу благодарить
Потом придется нам за это.
А может нет...
Мы станем хуже,
А может,
лучше станем мы,
Но полог, сотканный из тьмы,
Срывать рукою неуклюжей
Не стоит нам пока,
поверь,
Чтоб отпереть такую дверь,
Хитрее ключик будет пужен.
И там, где сила справится едва ль,
Наверно, больше подойдут слова?

— Чен кха ватара! — вскричали восхищенные придворные.

— Чен кха ватара, — повторил старый сан-па.

— Чен кха ватара, — согласилась прекрасная раджасса, и это значило: превосходно!

Конан стал на одно кольцо богаче. Теперь все решалось в состязании на силу голосов.

По знаку Вадрапалы слуга в золотистом саранге водрузил на стол кхитайский фарфоровый сосуд. Стенки его были столь тонки, что просвечивали насквозь; в ярком пламени десятков светильников они походили на девичью кожу, слегка розовеющую румянцем. На столешнице из массивного железного дерева эта ваза смотрелась хрупким волшебным стебельком, возросшим из черной блестящей почвы.

Те Ранг, подыграв на ситаре, затянул:

— Ааа... ааа... ааа...

Сосуд дрогнул, трещина разорвала горлышко, зазмеилась к основанию; еще миг, и белоснежная ваза рухнула на стол грудой обломков. Придворные сдержанно зашепеляли веерами — похоже, такое зрелище было им не в диковинку.

На столе появилась новая ваза.

— Иии... иии... иии... — голос Сапхары на высокой ноте воспарил вверх, и поверхность сосуда словно окутала паутина трещин.

— Иии... иии... иии... — пел камбуйский поэт. Фарфоровые черепки зашуршали, мелкие осколки начали скользить от горлышка сосуда вниз, к основанию, складываясь ровным кольцом. На сей раз одобрителный гул оказался громче — Сапхара продемонстрировал высокое искусство, разрушив вазу не единым вскриком, а медленно, по частям.

Третий сосуд возник на столе.

— Слишком уж он для меня хрупок, — с сомнением сказал Конан. — Не найдется ли чего потолще и потяжелее?

— Найдется, — заверил его Вадрапала. — Но боги не любят торопливости... во всяком случае, наши уттарийские боги. Совладай вначале с этим противником, сын мой.

Конан усмехнулся. Пожалуй, за весь вечер это было единственное состязание, которое он мог выиграть сам, без помощи Нии То Камы, ее серебряного голоса и поэтического дара. Не слишком напрягаясь, он рыкнул:

— Ооо!

Раздался звон, сосуд осыпался на темную столешницу белой пылью, словно его раздробили ударом молота. На ситаре Те Ранга лопнула струна — правда, самая тончайшая.

— Кром! Я же говорил, что этот горшок не стоит возни, — Конан, пожав плечами, улыбнулся раджассе. — Пусть принесут что-нибудь попрочнее, со стенкой в палец толщиной... Вот тогда начнется состязание мужчин!

Старец Вадрапала с удивлением покачал головой, затем взмахнул веером, и на столе очутилась новая ваза. Была она в два локтя высотой и очертаниями напоминала женские бедра от колен до талии — бока ее столь же соблазнительно изгибались и были белы, как снега ванахеймских равнин. Эта ваза не просвечивала; ее стенки оставались блестящими и непроницаемыми для огней светильников, как бронзовый щит. Оглядев ее, козлобродый Те Ранг воскликнул:

— Кто совладеет с сосудом такой величины?! Во всяком случае, не я; тут можно лишь сорвать голос либо пустить с натуги ветры, оскорбив благородное собрание.

— Я все же попробую, — тихо сказал Сапхара и начал: — Иии... иии... иии... ууу-уй! — Он повалился на спину, дрыгнув в воздухе ногами.

— Кому суждено пить пиво, не должен тянуться к вину, — наставительно сказал Конан, приподнимаясь. Он глубоко вздохнул, с силой стиснул огромные кулаки и взревел: — Кр-ооооо-ммм!

— Кроммм! — отозвалась ваза, разваливаясь на куски.

— Дзинь! — жалобно простонали струны трех ситаров, лопаясь одна за другой.

— Тили-бом! Тили-бом! — пожаловались колокольцы на шляпах.

— Шшш... — прошуршало шелковое полотнище, сваливаясь с порвавшегося шнура.

Вдобавок погасла половина светильников и курильниц.

Когда слуги восстановили порядок, Вадрапала, с изумлением поглядывая на Конана, сказал:

— Воистину, почтенный гость, боги одарили тебя не только редкой мудростью и поэтическим талантом, но и голосом невероятной мощи! Если и все остальное ему под стать...

— Можешь не сомневаться, — прервал его Конан, не спуская глаз с молодой раджассы. Вероятно, она понимала по-турански, потому что лицо ее тут же залилось румянцем.

— Если с детскими забавами покончено, — сказал киммериец, — то не принесут ли слуги сосуд для вина? Не кувшин, а большой глиняный горшок, в котором вино хранится в подвалах? Если вы понимаете, о чем идет речь...

Вадрапала кивнул. Вскоре три служители, пыхтя и задыхаясь, доставили горшок — толстостенный, величинной в рост человека, из красной обожженной глины. Весил он не меньше пары упитанных баранов.

Взглянув на это чудище, Сапхара в отчаянии закрыл лицо руками, а Те Ранг лишь вздохнул и, достав из пояса клочок ваты, принялся затыкать уши. Раджасса же и ее придворные взирали на Конана с почтительным изумлением.

Старый сан-па приблизился к столу и оглядел горшок. Теперь наблюдалось полное соответствие между расположенным снизу и находившимся сверху: и столешница, и огромный сосуд выглядели одинаково массивными, прочными, несокрушимыми.

— Неужели ты расколешь его? — Вадрапала покачал головой. — Клянусь милостью Асуры, подобное не в человеческих силах!

— Расколю, — заверил старца Конан. — Но теперь мне придется подыграть на своем собственном ситаре... на всех остальных, как видишь, струны лопнули.

Он наклонился и вытащил из мешка секиру. Серебристое лезвие засияло половинкой луны, заискрилось яркими отблесками; четырехгранный наконечник пронзил клубы ароматного дыма, которым тянуло с жаровен. Здесь, в этом зале, среди шелковых полотнищ и ковров, ярких одежд и фаянсовых чаш с вином, среди резных колонн, сладкозвучных ситаров, светильников в форме хризантемы и изящных курильниц, среди всего этого великолепия и красоты Рана Риорда выглядела чем-то чужеродным, непостижимым и угрожающим. Да, она тоже была красива — но грозной и смертоносной красотой.

Раджасса вскрикнула, когда стальное лезвие врезалось в толстые глиняные стенки горшка, рассекло их, разбило прочную столешницу, ударило в пол. Но испуг ее был мимолетным и миновал без следа. Оми Тана Арьяда, владычица Прадешхана, поднялась, протянула Конану руку, золотистую, как плод персика, гибкую, как ветвь ивы, и сказала:

— Но зита! Ис но кама селлира.

На сей раз перевод не требовался, ибо киммериец понял все:

— Ты победил! И ты пойдешь со мной.

На следующий день, в полдень, Конан стоял у парапета прадепханской набережной, внимательно осматривая сгрудившиеся в гавани суда. Лук, колчан и походный мешок со свернутым плащом вновь висели за его плечами, у пояса топорщились рукояти кинжала и меча, метательные ножи уютно устроились за пазухой, в руках киммерийца сверкала огромная секира.

— Жаль, что ты торопишься, почтенный гость, — сказал провожавший его Вадрапала. — Жаль... Вскоре вести о тебе разнесутся по всем городам Уттары и Камбуи, достигнут островов Лемурийского моря... И отовсюду станут приходить поэты и певцы, жаждущие состязания с тобой... А тебя в Прадешхане не будет.

— Я оставляю здесь свою невольницу, Цветок, Который Распускается в Полнолуние, — сказал Конан. — Она меня заменит, мудрейший сан-па. Клянусь бородой Крома, она поет и играет на ситаре ничем не хуже, чем я.

— Да, замечательная девушка, — согласился Вадрапала, звякнув подвешенными на шляпе колокольцами. — Но она, мне кажется, сильно горевала, расставаясь с тобой.

— Ничего. Как говорят на моей родине, слезы девушек высыхают быстрее, чем утренняя роса... — Конан протянул руку и почтительно коснулся бороды старца. — Я прошу, отец мой, чтобы Ния То Кама жила во дворце в неге и холе и пела свои песни властительной раджассе... и когда она войдет в должный возраст, пусть отдадут ее за хорошего человека, не неволя, но по ее желанию и выбору.

— Все будет исполнено в точности, — кивнул головой старик. — Все, кроме последнего. Боюсь, сын мой, что эта девочка влюблена в тебя.

— Я не скоро попаду в ваши края, — сказал Конан. Он наконец-то разглядел нужный корабль, небольшое купеческое судно с резными деревянными украшениями на носу и корме — двумя дельфинами, изогнувшимися дугой. Гребцов на этой ладье не было и, судя по оснастке, ходила она под треугольными парусами. Конан почти не

сомневался, что паруса те — желтого цвета, как и предсказывал Рана Риорда.

— Быть может, когда-нибудь и попадешь, — произнес старый Вадрапала.

— Быть может. Надеюсь, к тому времени у Нии То Камы будет пятеро сыновей, и все — великие певцы, — усмехнулся киммериец и склонил голову. — Ну, прощай, мудрейший, и пусть будут к тебе милостивы Асура и Лакшми. Пусть пошлют они тебе долгую жизнь и легкую смерть.

— Погоди... — старик бросил на киммерийца нерешительный взгляд. — Погоди... Есть еще нечто, что велела передать тебе властительная раджасса... Нечто важное, сын мой...

— Да? — Воспоминания о сладостной ночи захлестнули Конана, и теперь он едва ли не с сожалением следил, как на выбранном им корабле начинают разворачивать паруса. Они оказались желтыми, а это означало, что стоит поторопиться.

— Пробудившись от сна, властительная раджасса велела принести в зал состязаний новый стол железного дерева и новый глиняный горшок для вина, — произнес Вадрапала. — Она долго глядела на них, а потом сказала, что будет ждать... будет ждать, когда ты придешь, сын мой, и разрубишь их своим огромным топором.

Глава 11

Плен Рана Риорды

Я служу Сету Величайшему, как должно служить Тому, Кто был, есть и пребудет в вечности. Сет дал мне силу; я — жрец в храме Его, и мощь моя сотрет в прах всякого, кто оскорбит Величайшего Бога или откажется почитать Его. Сет укрепляет душу мою и руку мою; Сет дарует мне власть над демонами и людьми, над мертвыми и живыми; через меня Сет проявляет всю силу своего гнева. Воистину, я — сосуд Его, готовый извергнуть на врагов пламя и яд!

Молитва стигийского жреца

Дивный и страшный предмет попал к нам в руки, — сказал Хор-Анабас, главный жрец Сета в святилище Луксура. — Столь дивный и страшный, что мир не видал подобного за три тысячелетия, минувшие с времен Великой Катастрофы.

Он покачал гладко обритой головой, всматриваясь в лезвие огромной секиры, лежавшей на кубическом алтаре из черного мрамора. По всему периметру алтарной поверхности слабо светились иероглифы охранительных заклинаний, сжимая топор нерушимой магической стеной. Собеседники Хор-Анабаса, древний и тощий Нем-Эхатон, хранитель Города Мертвых Птейона, и Рамесис-Пта из Кеми, тоже не отрывали пристальных взглядов от оружия, блиставшего на темном алтаре. Рамесис-Пта, в отличие от старца Нем-Эхатона и Хор-Анабаса, выглядевшего человеком зрелых лет, был молод, но уже прославился как один из самых одаренных стигийских магов. Все три жреца являлись членами Коллегии, правившей Черным Кругом — а заодно и всей Стигией — на протяжении многих столетий.

Над головами мужчин, облаченных в просторные темные одежды, смыкались своды небольшой камеры, упрямой в самом сердце подземного храма Сета. Во всем Луксуре нельзя было найти более скрытного и надежного места, столь подходящего для их целей; здесь, в этой

темнице, озаряемой слабым сиянием магических огней, незримо присутствовал сам Величайший, и мысль об этом придавала жрецам уверенности.

— Я чувствую мощь, истекающую от него, — прошептал старец Нем-Эхатон, вытянув к топору ладони. — Но эта сила — не от нашего Господина... и Ариман, Асура, Мардук, Нергал здесь ни при чем... как и Митра, да будет проклято его имя!

— Разумеется, почтенный Нем-Эхатон, разумеется! Источник силы **Э т о г о**, — Хор-Анабас кивнул на сверкающее лезвие секиры, — гораздо более древний. Не удивлюсь, если **Э т о** сотворили еще до гибели западных островов и с помощью... гмм... — он замаялся.

— Тех, Кого Не Называют? — блеснул глазами Рамесис-Пта. — Древних Богов?

— Шшш, достойнейший... Не будем вспоминать о Н и х все... — прошипел владыка луксурского храма, подумав про себя, что жрец из Кеми слишком уж юн и слишком самоуверен. К чему открыто поминать Древних? Да еще там, где властвует Великий Змей? Боги ревнивы...

Но молодого жреца это, казалось, не смущало.

— Ты говорил о силе, — черные зрачки Рамесиса не отрывались от предмета, лежавшего на алтаре. — Сколь она велика? Равна ли нашей либо меньше ее?

— Сколь велика? — Хор-Анабас насмешливо прищурился. — Не советую тебе искушать богов, вступив с **Э т и м** в магический поединок, брат мой! И я не смог бы совладать с Н и м... да, не смог бы, если б не призвал нашего Господина! Он дал мне силы погрузить **Э т о** в сон... не совсем в сон — скорее, в дрему, чтобы мы могли побеседовать с Н и м, расспросить...

— Допросить, — уточнил молодой жрец, предпочитавший точные формулировки. — И демон будет допрошен со всей строгостью, раз уж Коллегия поручила нам решение его судьбы. Но сначала скажи, мудрейший Хор-Анабас, как эта вещь попала к нам?

Глава луксурского храма пожал плечами.

— Топор захватили у шемитов, во время последнего набега на Эрук. Наши отряды взяли тогда много рабов,

много зерна и скота, а заодно разрушили один из арсеналов. Там, среди груды старого оружия, и нашли Э т о... Солдаты поразились: в куче лежали битые щиты и доспехи, ржавые выщербленные клинки и среди них — топор. Блестящий, выкованный словно вчера! Вызвали командира, и тот, человек опытный, поступил как должно — велел уложить секиру в сундук, спел над ним заклятья, отводящие беду, и доставил в Луксур. Но по дороге... — Хор-Анабас замялся.

— Что случилось по дороге? — требовательно спросил Рамесис.

— Сундук несли четверо, и был он не слишком тяжел для плеч крепких воинов. Однако они поскользнулись, и двое были задавлены. Тогда Мерита, военачальник, распорядился погрузить сундук на колесницу и вести лошадей под уздцы.

Старый Нем-Эхатон откашлялся.

— Хотелось бы мне знать, как этот топор попал к шемитам и что они с ним делали.

— Как попал, о том мы никогда не проведем, — сказал Хор-Анабас. — А вот что делали... Я полагаю, попытались использовать по назначению и уstraшились, познав его темную силу. Устрашившись же, призвали своих магов... но разве шемитские чародеи могут сравниться с нами, слугами Сета, величайшего среди богов! — жрец почтительно склонил голову. — Итак, я думаю, что шемитские недоучки тоже перепугались, и тогда опасный талисман засунули подальше и постарались забыть о нем.

— Вероятно, ты прав, — произнес Нем-Эхатон, и Рамесис кивнул в знак согласия. — Ну, братья мои, приступим?

Трое жрецов переглянулись. Несмотря на всю свою мощь, на силу темного божества, бывшего над ними господином, они посматривали на алтарь с явной опаской — даже молодой и самоуверенный Рамесис-Пта. Каждый из них знал, что с предметами, в коих заключена частица Древних Владык Мира, либо демонов стихий, их потомков, не шутят. Сет, правда, был не менее могуч. Но захочет ли он защитить своих верных слуг?

Наконец Хор-Анабас прервал затянувшееся молчание, сказав:

— Мы призовем Повелителя Ночи, как я сделал прежде. Пусть он поможет нам, придаст мощь защитным заклятьям! Тогда, братья мои, мы можем не опасаться древнего демона.

Он простер руки к алтарю, и два остальных мага повторили этот жест. Затем под сумрачными сводами подземелья зазвучала молитва:

— Я служу Сету Величайшему, как должно служить Тому, Кто был, есть и пребудет в вечности. Сет дал мне силу; я — жрец в храме Его, и мощь моя сотрет в прах всякого, кто оскорбит Величайшего Бога или откажется почитать Его. Сет укрепляет душу мою и руку мою; Сет дарует мне власть над демонами и людьми, над мертвыми и живыми; через меня Сет проявляет всю силу своего гнева. Воистину, я — сосуд Его, готовый извергнуть на врагов пламя и яд!

Голоса жрецов звучали в унисон, руки плавно изгибались, творя магические пассы; наконец в камере раздался гулкий протяжный звук, прохожий на удар огромного молота по наковальне, и иероглифы по краям алтаря вспыхнули и засияли мертвенным светом. Вокруг же черного мраморного куба стало формироваться неясное кольцевое облако. Временами оно казалось туловищем гигантской змеи, плотно прильнувшей к камню; шевелились кольца огромного тела, посверкивали багровым глазом, раскрывалась бездонная пасть... Но в следующий миг очертания теряли четкость, меркли, расплывались, обманывая глаз, уstraшая чувства кошмарными видениями. Бог Вечной Ночи, почитаемый в облике Змея, сам был как ночь — столь же загадочным, непознаваемым, мрачным, владеющим силами мрака и тьмы.

— Он пришел... — с благоговением произнес глава луксурских жрецов.

— Он пришел, чтобы поддержать и защитить нас, — откликнулся жрец из Птейона.

— Он обвился вокруг алтаря тройным кольцом, — многозначительно добавил маг из Кеми, чьи молодые глаза отлично видели в полумраке.

— Знак высшей опасности! — воскликнул Хор-Анабас.

— И все же мы должны... — начал Нем-Эхатон.

— Должны, — кивнул Рамесис-Пта.

— Тогда начнем, братья! — Хор-Анабас, отступив к стене, повелительно простер длань к алтарю. Нем-Эхатон и Рамесис-Пта встали слева и справа от него и, колыхнув свои черные одеяния, тоже подняли руки.

Секира медленно всплыла над алтарем, повернулась, утвердив палу топорика на мраморной поверхности; ее лезвие угрожающе глядело на замерших у стены магов. Вдруг по стальному полумесяцу метнулся алый сполох, и призрачная фигура возникла в воздухе — нечто сходное с человеком, зыбкое и серебристо мерцающее, облаченное в мглистый плащ. Край капюшона затенял лицо этого существа, но жрецы могли разглядеть, что глаза его закрыты.

Внезапно призрак качнулся, словно желал сойти с алтаря, и лезвие секиры нависло над охранными иероглифами. Хор-Анабас, со свистом втянув воздух, резко вывернул ладони. Оба его помощника сделали то же самое, пытаясь удержать защитную магическую стену. Лица их покрылись потом и заблестели в полумраке, дыхание стало учащенным, словно каждый поднимал тяжелый груз. Кольца гигантской змеи, обнимавшей алтарь, зашевелились, узоры по его краю вновь вспыхнули синим пламенем. Топор и призрачная фигура отпрянули — как почудилось жрецам, с трепетом разочарования.

— Мы удержали его! — торжествующе воскликнул молодой Рамесис.

— С помощью нашего Владыки, — добавил Хор-Анабас.

— Да волеет Он в нас свою силу! — провозгласил Нем-Эхатон. — Кто будет спрашивать, братья? — тут же поинтересовался старый жрец, отдуваясь и вытирая пот со лба.

— Ты, — сказал Хор-Анабас. — Ты — старейший среди нас троих и привык в своем Птейоне беседовать с духами.

— Не возражаю. — Сухо кивнув, птейонский жрец устоял на призрачную фигуру, внутри которой, на уровне груди, поблескивало лезвие топора. — Ты — кто? — неожиданно сильным голосом спросил Нем-Эхатон. — Из слуг Нергала, Аримана или из приспешников Митры? Из призраков, что не упокоились на Серых Равнинах? Из духов Света или Тьмы? Отвечай!

Клеочущий хриплый голос раздался в камере.

— Я — выше Света и выше Тьмы, ибо плоть моя некогда парила среди звезд, рядом с обителью Древних Богов. Я — Рана Риорда, творение Отца Гидаллы, Великого Кователя!

Жрецы вновь переглянулись; ни один из них не слышал этого имени, канувшего во мрак тысячелетий.

— Раскрой свое предназначение, — велел Нем-Эхатон.

— Убивать! Убивать! Убивать!

— Кого?

— Всех! — Теперь голос призрака не был хриплым; он звучал ударами медного гонга. — Всех! Всех врагов рода Гидаллы!

— Чего же ты хочешь? — спросил старый жрец, невольно содрогнувшись.

— Крови! Крр-роови! Вашей крови! — Облачная фигура опять качнулась вперед и с яростным нечленораздельным криком застыла у охранительного барьера.

— Лучше нам усыпить его, — вдруг произнес молодой Рамесис, и в голосе жреца из Кеми послышался страх.

— Он и так наполовину спит, — заметил Хор-Анабас, скрывая презрительную ухмылку. Пожалуй, мелькнуло у него в голове, Коллегия поторопилась с этим Рамесисом; слишком он юн и подвержен страстям. Но вслух глава луксурских жрецов произнес: — Мы усыпим демона не раньше, чем он ответит на главный вопрос, брат мой. И помни, что наш Владыка с нами. Он смотрит на нас и оценивает нашу твердость и нашу силу.

Но даже напоминание о Сете не успокоило молодого мага. Он с тревогой спросил:

— Главный вопрос? Какой?

— Почтенный Нем-Эхатон знает. — Тонкие губы Хор-Анабаса вновь искривились в усмешке.

Тем временем старый жрец повелительно простер руки к призраку и хрипло выдохнул:

— Ты, древняя тварь, готова ли служить нам, отпрыскам Сета? Готова ли повиноваться Змею Вечной Ночи? Готова ли убивать по нашей воле? Готова ли пить влагу жизни из тех, кого мы укажем?

Дух расхохотался клекочущим смехом.

— Сперва я выпью вашу кровь! Крр-роовь! Вашу!

— До нас тебе не добраться, тварь!

— Но я доберусь до ваших потомков! Доберусь! Я знаю!

Хор-Анабас положил руку на плечо старого жреца.

— Он и в самом деле знает, почтенный Нем-Эхатон. Я ощущаю это! Он знает, или уверен, что знает... Тем больше исходящая от него опасность!

— Думаешь, его не удастся покорить и использовать?

— Даже Владыке нашему Сету... А Сет не любит непокорных! Но ты видишь, что Он не пытается уничтожить дерзкого, — Хор-Анабас кивнул в сторону алтаря, обвитого змеиным телом. — Он дает понять нам, что демона нельзя развоплотить, а три кольца, коими Он окружил эту тварь — свидетельство крайней опасности.

— Значит, опасен и неуничтожим... — в раздумье произнес Нем-Эхатон. — И что же нам делать с этим чудовищем?

— Во всяком случае, не выпускать в мир. Есть и кроме нас могущественные маги... не шемитские, разумеется, — Хор-Анабас позволил себе тонкую усмешку. — Представь, брат мой, что демон очутится у проклятых жрецов Митры или у пиктских колдунов? И они подберут к нему ключик? Пусть не покорят, но ухитрятся заключить союз?

— Это было бы весьма неприятно для нас, — заметил старик. — Весьма и весьма губительно!

— Воистину, так! А значит, демона надо похоронить. Но не в старом арсенале, как это сделали шемитские педоумки, а в месте надежном, древнем и несокрушимом, как само время.

— Файон! — вдруг воскликнул Рамесис-Пта. Вероятно, ему удалось преодолеть свой страх, и теперь он был готов участвовать в обсуждении.

— Файон... — протянул Хор-Анабас. — Что ж, вполне подходящее место. Файон построен не нами... Древности его может позавидовать любой из городов Стигии!

— Однако он стоит и будет стоять в тысячелетиях, — подхватил Нем-Эхатон. — И цитадель сия крепка не только своими стенами, но и древним колдовством, связующим ее камни.

— Так пусть древнее идет к древнему и упокоится там! — сказал Рамесис-Пта. — Если сделать склеп в подвале одной из башен...

— ...и бросить туда демона в обличье секиры...

— ...и замуровать надежно, замешав известковый раствор на яйцах от черной курицы...

— ...и спеть нужные песнопения...

— ...гимны, навевающие сны, лишаящие сил...

— ...и наложить чары Вечного Забвения...

Жрецы соединили руки, заключив:

— Так будет крепко, и так совершится — во имя Сета, Великого и Грозного!

Потом они обратились лицами к алтарю, и Хор-Анабас сказал:

— Сейчас мы погрузим демона в малый сон, и я подготовлю все нужное для перевозки его в Файонскую крепость. Ты, почтенный Рамесис-Пта, извести о нашем решении Коллегию Жрецов в Кеми и постарайся, чтобы она выделила самых опытных магов-песнопевцев. Ты же, мудрейший Нем-Эхатон, проследи за оборудованием склепа в Файоне и ритуалом заклания... А когда сие свершится, каждому из нас лучше забыть о всем случившемся. Каменщики, что подготовят склеп, должны уйти из жизни — как и солдаты, что нашли в шемитском арсенале эту древнюю напасть... как и Мерита, их военачальник... Чем

меньше людей будет знать или подозревать истину, тем надежней свершится заклатье Вечного Забвения.

— Да будет так! — хором подтвердили Нем-Эхатон и Рамесис-Пта.

После этого трое жрецов повернулись к обвитому чудищным змеиным телом алтарю и к призрачной фигуре, что маячила над полированным черным камнем, за барьером защитных чар. Подняв руки, стигийцы зывали к своему властелину, пока призрак не растаял, и пока огромный топор, покачиваясь, не опустился на мраморную плиту, озаренную светящимися иероглифами. Тогда жрецы принялись восхвалять и благодарить Сета, Змея Вечной Ночи, защитившего своих слуг, вдохнувшего в них силу и мудрость, подсказавшего лучшее решение из всех возможных.

Но темный бог не стал слушать пустые слова восхвалений; дымка вокруг алтаря растаяла, и гигантский змей исчез.

Глава 12 Кхитайские пираты

Народ сей сильно отличается от жителей Уттары и Камбуи — как более высоким ростом и цветом кожи, так и своими обычаями и способами поклонения богам. Люди его очень искусны во многих ремеслах; умеют они создавать тонкостенные сосуды из стекла и глины, особым образом обожженной, ткать тяжелые и легкие шелка, вырезать статуэтки из древесины ста пород, благородной яшмы, белого, золотистого и зеленого нефрита, строить дома и корабли, ковать железо и бронзу. Кроме того, они очень почтительны к предкам своим и старшим родичам, и это справедливо и для самых последних из них, кои промышляют злодейством на морях и разбоем на дорогах.

Уттарийская хроника «О Кхитае и иных северных странах»

Нефритовый Дельфин, — корабль с желтыми парусами, на который Конан поспел в самый последний момент, направлялся в Камбую с обычным грузом: партией звонких уттарийских колокольчиков и прочих изделий из бронзы и серебра, а также шляпами, шелковыми коврами и сарангами, изготовленными искусными прадедшханскими мастерами. Конан без церемоний прыгнул на палубу, рассчитывая, что на этом купеческом судне не откажут взять пассажира с тугим кошельком — либо, на худой конец, еще одного члена команды. Не успел «Дельфин» удалиться от берегов Прадедшхана на десять полетов стрелы, как киммериец был уже нанят на службу — охранником корабельного груза и самой ценной его части, самого купца и хозяина корабля Райзата По Ле Кинаба Сава. На уттарийском это длинное имя означало: Тунец, Скользящий Среди Волн Морских.

Но на тунца, рыбу большую, сильную и подвижную, Райзат не походил, ибо отличали его изрядная тучность и невысокий рост. Притом он оказался человеком добродушным, любителем выпить и закусить, порассказывать

всякие морские байки и послушать истории заезжих людей. Конан произвел на него огромное впечатление — и могучей статью, и оружием, коим был он обвешан с ног до головы, и удаленностью родины своей, Киммерии, о которой Райзат не знал почти ничего. Как и другие уттарийские купцы и мореходы, плававшие от Вендии к Камбуе, он полагал, что на далеком севере, среди ледяных равнин и снегов, живут лишь гигантские обезьяны, покрытые шерстью, медведи о двух головах, волки-оборотни и прочие сказочные чудища. Но вот перед ним, словно по велению магического жезла, возник настоящий северянин, и на обезьяну он никак не походил: наоборот, саранг его отличался богатством и красотой, оружие — превосходным качеством, а речи были вполне разборчивы и занимательны. Беседовал же Конан с толстым купцом на смеси туранского и кхитайского; язык кхитайцев он немного помнил еще с тех времен, когда, нанявшись в армию Илдиша Туранского, ездил по королевским поручениям далеко на восток, в Меру и Кусан, на самую границу с Кхитаем.

На судне Райзата было человек тридцать матросов, выполнявших, при необходимости, и роль грузчиков, охранников, слуг и собутыльников хозяина. Все они взирали на рослого киммерийца с почтением, ибо слух о состязании во дворце раджассы и славной победе северного певца успел за ночь дойти и до них. Конан, однако, не откликнулся на робкие просьбы мореходов усладить их слух песнями далекой Киммерии, отговорившись тем, что его рабыня-переводчица осталась в Прадешхане, а без нее северные напевы могут показаться слишком дикими и грубыми. Зато он был готов рассказывать: о своих похождениях в Гиперборее и Заморе, в Туране и Коринфии, в Немедии и Аквилонии, в Офире, Стигии и Стране Чернокожих. Райзат и люди его слушали киммерийца с раскрытыми ртами, и купец то и дело подливал в кубок охранника сладкое пальмовое вино, от которого Конан и не думал отказываться.

На третий день плавания он решил сам порасспросить Райзата, в какие воды направляется «Нефритовый Дель-

фин». Купец принес из своей каюты яшмовую шкатулку, достал из нее шелковый свиток карт и принялся объяснять. По чертежам и словам Райзата выходило, что здесь, на востоке огромного материка, в Южный океан вдаются два больших полуострова, Вендийский и Камбуйский, а Утгара расположена меж ними, на берегу моря, простиравшегося от восточных берегов Вендии до западного побережья Камбуи. Но «Дельфин» шел дальше; ему предстояло обогнуть южную оконечность Камбуйского полуострова, войти в воды моря Лемурув и подняться на север до порта Сингла-Пурам, что лежал неподалеку от камбуйской столицы.

Тыча толстым пальцем в карту, Райзат толковал о морских змеях, подстерегавших путников в Лемурийском море, о гигантских осьминогах и акулах с зубами в локоть длиной, о коварных отмелях и рифах, о переменчивых ветрах и жестоких кхитайских пиратах, чьи огромные суда движут сотни гребцов. Все эти морские истории Конана не слишком интересовали; он пристально всматривался в нижний обрез карты, надеясь обнаружить там хоть небольшой островок. Но к югу от Камбуи расстилась лишь океанская синь.

Наконец он спросил Райзата о южных водах, и тучный купец, округлив глаза, принялся повествовать о беспредельных пространствах соленой воды, по которым можно плыть до самого края земного круга, не встретив ни единого острова, ни даже утеса или кораллового рифа; но, скорее всего, храбрый мореход, решивший отправиться в такое гибельное странствие, не сумел бы пересечь океан, а попал бы в страшное море Му, заросшее местами бурой травой, что поднимается с самого дна. Там, среди прочных стеблей, в темных гнилых водах, застрянет любой корабль, ибо ни сила ветра, надувающего паруса, ни руки гребцов не продвинут судно сквозь водоросли вперед и не позволят выбраться назад. А потому те, кто попался в плен бурой травы, не сумели вернуться и рассказать подробнее о южных морях; то ли они погибли от голода и жажды, то ли плотью их насытились неведомые твари,

страшные чудовища и призраки, обитающие на краю мира.

Но если никто не возвращался из моря Му, — спросил Конан, недоверчиво изогнув бровь, — то откуда же стало известно про бурые губительные травы, гнилые воды, призраков и чудовищ? Быть может, храбрые мореходы видели все это за окнами портового кабака, расправившись с дюжиной-другой винных кувшинов? Или нанюхавшись черного лотоса?

Нет, — сказал Райзат, — море Му и в самом деле существует. Во-первых, кое-кто из отчаянных храбрецов, плававших на юг, видел его окраины — лес бурых толстых стеблей, что вздымался из воды на три длины копья, и неких жутких тварей, что вились над ними словно чайки над рыбьим косяком. А во-вторых... — тут купец основательно приложился к чаше с пальмовым вином, — во-вторых, в далекие-предалекие времена, еще до Великой Катастрофы, что потрясла мир, приходили с юга странные корабли со странными существами, не совсем похожими на людей. Тогда море было чистым от травы, и на юге лежал огромный континент, где обитали те нелюди; потом же сгнули они вместе со своей землей, а в южных водах, полных грязи да ила, выросли бурые травы. Что же касается странных пришельцев, осевших на камбуйских и кхитайских берегах, то говорят о них разное: одни называют их лемурами и почитают прародителями всех восточных народов, другие же утверждают, что жестоко угнетали они предков камбуйцев и кхитайцев, пока те не восстали и не перерезали нелюдей всех до последнего.

Выходит, заметил Конан, за морем Му может находиться какая-то земля? Скажем, остатки материка, на котором жили когда-то эти странные, не похожие на людей?

Вряд ли, отвечал Райзат; уж очень страшной была та катастрофа, когда боги разгневались на людей и стали трясти горы и колебать моря. Говорят, что на далеком западе обширные земли тоже опустились в океан? (Тут Конан утвердительно кивнул.) Ну, чего же удивляться? — заметил Райзат. Гибли земли в Западном океане, гибли

и в Южном, и один Асура ведаст, что от тех земель сохранилось.

Затем купец разлил вино, предложив выпить за устойчивые берега Уттары и за спокойное ее море. Потом пили они за успех в торговле, за благополучное возвращение из опасных лемурийских вод, за тугие паруса «Дельфина», что позволят ему ускользнуть от пиратских кораблей, за секиру и меч Конана, которым найдется работа, если ускользнуть от разбойников не удастся. В результате, когда киммериец пошел на покой в свою каморку под палубным настилом, в голове у него шумело преизрядно; Райзат хоть и был ростом невелик, но пил крепко.

Тем не менее Конан не лег сразу спать, а вызвал духа.

Рана Риорда явился перед ним в полумраке, сверкая сапфировыми зрачками; вид у призрака был довольный, хотя крови он не пробовал уже дней пятнадцать.

— Готовься! — объявил дух Конану. — Готовься, ибо близок день битвы, в которой многих отправит во тьму твоя рука!

— Я всегда готов, — буркнул киммериец. — Что же до битвы, то не о пиратах ли ты толкуешь? И не о красном ли сундуке с сотней весел?

— Именно о нем, — проклекотал призрак. — Ты захватишь этот корабль, и мы двинемся на юг. На юг! Я чувствую, что надо поворачивать, ибо на востоке нет ничего, кроме беспредельных пространств океана.

— И на юге то же самое, клянусь челюстью Крома! — сказал Конан. — Если верить рассказам Райзата...

— А ты не верь. Теперь я знаю, куда ушли корабли Таванны... И знаю, к каким они пристали берегам, и где люди Южного Ветра нашли новую родину. Земля эта уже близка! Куда ближе, чем была от нас в Иранистане или Вендии... И сил у меня прибавилось; еще немного вражеской крови, и я перенесу и тебя, и себя в нужное место, на край далекой земли... Таванна не смог добраться к ней, но его потомки и по сей день обитают там.

— Кто этот Таванна, которого ты помянул?

Лицо призрака стало печальным.

— Ты не слышал о нем? Так же, как об Отце Гидалле, могучем Сархабе и других героях, великих воинах и властителях, предках твоих?

Конан покачал головой.

— Я знаю своего отца. Был он не героем, а кузнецом, но меч в руках держал так же крепко, как молот. Еще знаю деда, тоже кузнеца и воина. Отец и дед рассказывали мне о прадеде — и он был кузнецом. Об остальных предках мне ничего не ведомо... Ведь я не король, и моя родословная не расписана в древних книгах!

— Ты еще будешь королем, — сказал Рана Риорда. — Что же о предках твоих, о кузнецах, воинах и всех прочих... — тут он тяжело вздохнул и промолвил: — О, память людская! Она коротка, как ваша жизнь! И потому, большой ли грех отнять ее, чтобы напиться крови? Днем раньше, днем позже...

— Перестань болтать о крови, — рявкнул Конан, — кровью мы разживемся на том красном сундуке! Лучше расскажи, что знаешь о прежних временах!

— Расскажу, — в глубокой задумчивости призрак кивнул головой. — Расскажу, потомок Гидаллы...

И он принялся рассказывать — о том, как ковал Небесную Секиру прародитель Гидалла, Великий Кузнец; ковал ее на бесплодной вершине Айи, возносившейся некогда над волнами морскими на две сотни бросков копья. Небо в тот день было безоблачным и ясным, но чудилось, что земля, воды и воздух содрогаются под напором яростной бури: удары чудовищного молота разносились вдоль побережья подобно грому, а искры, срывавшиеся с наковальни, блистали как всполохи молний. Колебалась почва, трескались прибрежные утесы, высокие деревья раскачивались словно трава на ветру, и реки выходили из берегов.

Говорил он о Древних Богах, хранителях Равновесия; говорил о том, как сошлись они в схватке с Демонами Хаоса и долго бились в мрачной пустоте, что лежала за гранью хрустального купола небес, жгли друг друга звездным огнем, морозили глыбами векового льда, метали огромные каменные глыбы; и один осколок тех небесных

глыб пал на землю, в ослепительной вспышке врезался в гранитную твердь Айи и застыл там, чтобы по прошествии времен превратиться в лезвие Небесной Секиры. Говорил он о закланиях, наложенных Гидаллой, о тайных символах божественных братьев Кователя, о знаках Четырех Ветров и Семи Звезд, о том, что не должна Секира покидать род Южного Ветра, а буде так случится, надлежит ей странствовать по свету, убивая чужаков, пока не вернется она к роду и племени Гидаллы.

И еще говорил Рана Риорда о днях своей славы, когда воитель Сархаб вздымал огромный топор над шеренгами валузийских колесниц, над темными ордами пиктов в волчьих шкурах; говорил, как рассекало стальное лезвие доспехи и шеи боевых жеребцов, окованные бронзой колесничные борты и валузийские шлемы, пиктские черепя и пиктскую плоть.

Говорил он о временах своего крушения, когда, в день божьего гнева, погибла земля Атлантиды, и чудовищные волки разбросали корабли Таванны, старейшего в роду Гидаллы; говорил, как умерли Таванна и спутники его; вспоминал о долгих годах, проведенных на мертвом судне, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Говорил он о днях своих странствий и плена, о рыбаках и охотниках Черных Земель, о степных воинах, о людях Востока и Запада, Севера и Юга, прикасавшихся твердому топорщику, ласкавших лунную сталь... Он убивал почти всех; немногим удавалось избежать его сверкающего лезвия. Еще говорил он о трех стигийских жрецах, о Хор-Анабасе, Рамесисе-Пта и Нем-Эхатоне; говорил о забвении своем, о снах, о пробуждении и жажде мести.

Страшен и мрачен был тот рассказ, но Конан привык к страшному, а потому повествование о древних мертвецах, из коих Рана Риорда выпил влагу жизни, не пугало, а веселило его варварскую душу. Когда же призрак помянул Файон, киммериец расхохотался.

— Мы странствуем с тобой без малого месяц и, клянусь Кромом, все это время Шапшум сидит в Файоне! У

него отличный аппетит... Хотел бы я знать, много ли солдат осталось в файонском гарнизоне!

— Быть может, и никого, — мрачно ухмыльнулся Рана Риорда. — Зато там остались сокровища.

— Сокровища? Хмм... — буркнул Конан, подумав, что он, наверно, поторопился покинуть стигийскую цитадель. Призрак прав: в ней наверняка были сокровища. К примеру, войсковая казна...

Дух словно прочитал его мысли:

— Говорил я тебе, не спеши. Вдвоем мы разметали бы этот гадючник по камешкам... мне досталась бы кровь, тебе — золото... — Рана Риорда призадумался на миг и решительно закончил: — Ну, ничего, киммериец; сие удастся исправить.

— Исправить? Как?

— Когда сила моя возрастет, я смогу вернуть прошлое. Помнишь, я уже говорил тебе об этом?

Конан пожал плечами.

— Зачем возвращать прошлое? Лучше перенеси меня в Файон. Думаю, мы с Шашшумом не поссоримся из-за стигийского мяса. Мне оно не нужно, а хейворку ни к чему сокровища.

— Быть может, и так, — с загадочной улыбкой протянул дух, — быть может, и так...

* * *

Когда «Дельфин» оказался у южной оконечности Камбуйского полуострова, ветер стих, и желтые паруса бес- сильно повисли. Корабль едва двигался вперед — под вопли толстого купца и его моряков, моливших Асуру послать благодетельный бриз. Но вместо ветра явились пираты.

Судно их, как и ожидал Конан, было галерой с красными бортами и рядами весел; его угловатый корпус напоминал плавающий сундук. При хорошем ветре эта неуклюжая посудина никогда не нагнала бы «Нефритового Дельфина», но сейчас корабль Райзата беспомощно покачивался на волнах, превратившись в легкую добычу. И

хоть экипаж его не собирался сдаваться, у тридцати мореходов не было шансов выиграть схватку с двумя сотнями разбойников.

Однако они облачились в бамбуковые панцири и шлемы и вытащили на палубу связки пик и стрел. Конан, приняв команду, расставил свое немногочисленное войско вдоль бортов и строго наказал: на вражеский корабль — ни ногой, стрелять и колоть из-за укрытий, стрелы с огнем не метать и не лезть на рожон.

Райзат, забыв на время о молитвах Асуре и Лакшми, подошел к нему. В лице хозяина не было ни кровинки, пальцы цеплялись за горлышко винного кувшина — в нем купец черпал и храбрость, и красноречие, с которым то упрекал богов, то сулил им щедрые приношения во всех прадедешанских храмах.

— Что ты собираешься делать? — спросил Райзат своего охранника.

Конан ухмыльнулся.

— Когда они бросят abordажные крючья и сходни, поднимусь на борт и прикончу половину шайки. Только и всего! Остальные, я думаю, напугаются.

— Но их не меньше двух сотен! — в панике воскликнул купец. — Ты умрешь, брат мой!

— Все мы умрем когда-нибудь, — заметил Конан, — однако мой срок еще не пришел. Кром хочет, чтобы я еще пошатался по свету... И потом, у меня есть незавершенные дела, — тут он погладил древко своей секиры.

— Дело у нас сейчас одно — готовиться к странствию в Вечную Тьму! — Райзат безнадежно махнул рукой и присосался к кувшину.

— Вот и готовься, а я займусь своей работой. И коль путешествие на твоём корабле для меня заканчивается, давай попрощаемся, толстяк. Ты был хорошим хозяином, и мы выпили вместе немало вина.

С этими словами Конан хлопнул купца по плечу и направился на корму, к деревянному дельфину, что выгибался над морем упругой дугой. Там он и стал ждать, сжимая в правой руке секиру, а в левой — иранистанский клинок.

Красный корабль приближался. Нос его напоминал плосковатый передок колесницы, и там, на алом фоне, была изображена высокая лесистая гора, над которой свивал кольца чешуйчатый дракон. Еще выше громоздилась надстройка, похожая на огромную лакированную шкатулку; на крыше ее толпились бойцы — тоже в бамбуковых доспехах, скрепленных ремнями, как и команда «Дельфина». Было их около сотни — остальные, видимо, сидели на веслах, — и они показались Конану довольно рослыми людьми. Конечно, по сравнению с уттарийцами, ибо любой наемник из варварских стран вроде Асгарда или Киммерии превосходил бы кхитайцев на целую голову. Большинство пиратов держали в руках трезубцы и пики с широкими волнистыми наконечниками; кое-кто размахивал шипастым цепом или топориком на длинной рукояти. Мечей Конан не заметил; похоже, с этим воинским оружием кхитайские разбойники обращаться не умели. Мысленно он начал прикидывать, скольких из них придется уложить, вселяя в души оставшихся благодетельный страх и вразумляя неразумных. Выходило, не меньше половины, как он и обещал Райзату.

Само же кхитайское судно показалось ему достаточно большим, устойчивым и надежным, чтобы выдержать долгое плавание в океане. У него были две мачты, сейчас лишённые парусов, и по пятьдесят весел с каждого борта. Правда, гребли кхитайцы не очень искусно, и Конан решил, что не раз прогуляется плетью по спинам гребцов, когда этот корабль поступит под его команду. Затем, измерив опытным взглядом расстояние до носа с горой и драконом, он велел своим уттарийцам стрелять.

Но мореходы оказались плохими лучниками: из тридцати стрел половина пролетела мимо, а большинство остальных нанесли легкие раны, не столько напугав, сколько ожесточив пиратов. К тому же двое или трое из них были поражены насмерть, что лишь подлило масла в огонь: разбойники принялись размахивать трезубцами и пиками, делая вид, что пронзают неприятеля и выворачивают из него внутренности. Самое удивительное, что эта пантомима шла при полном молчании; Конан не

слышал ни воплей, ни ругани, ни даже боевых кличей. Кхитайские разбойники вели себя гораздо сдержанней, чем их собратья где-нибудь в Туране, Аргосе или Зингаре.

Киммериец погрозил им секирой, затем повернулся к морякам и рывкнул:

— Стреляйте! И не цельтесь в головы и ноги, вам туда не попасть, обезьяньи отродье! Бейте в брюхо! В грудь!

Второй залп был удачнее: человек десять схватились за животы, а остальные стали еще энергичней потрясать оружием. Среди кхитайских копьеносцев появились лучники, но Конан вскоре убедился, что стреляли они столь же плохо, как и его команда — их стрелы по большей части падали в воду. Да, решил он, этим неуклюжим ублюдкам не сравниться с чернокожими, что плавали на «Тигрице»! На судне Белит были отборные парни, и они с одинаковой ловкостью управлялись с веслом и парусом, с топором и арбалетом... При мысли о своей погибшей возлюбленной Конан тяжело вздохнул, и тут же над ухом у него раздался хриплый голос Рана Риорды:

— Скоро?

— Скоро, Рорта. Клянусь бородой Крома, на этот раз останешься доволен. Ты видишь, сколько там добычи? — Киммериец вытянул секиру в сторону кхитайского корабля.

— Вижу! — проклекотал дух.

— И что скажешь?

— Не пикты и не валузийцы, — вынес приговор Рорта. — Да и стигийские солдаты будут покрепче.

— Зато их много, — возразил Конан, поглядывая на палубу приближавшегося корабля. Он был уже совсем рядом, в четырех-пяти длинах копья, и часть пиратов стояла наготове с абордажными крючьями в руках.

Борт уттарийской ладьи был гораздо ниже борта преследователя, но к форштевню и корме ее корпус круто выгибался вверх, оканчиваясь двумя резными дельфинами. Конан, ухватившийся за кормовое украшение, стоял почти на уровне носовой надстройки пиратского корабля. Дождавшись, когда тот приблизится на шесть локтей, он вытянул длинную руку с секирой, зацепил перильца

фальшборта и мощным прыжком перелетел на палубу врага.

— Жаль, кольчуги нет, — пробормотал Конан сквозь зубы и повел плечом. Пара кхитайцев, уже заносивших abordажные крючья, полетела в воду.

— Мое лезвие — твоя кольчуга! — зарычал Рана Риорда. — Руби! Руби их! Кровь! Крр-роовы!

Лязгнул меч, отбивая выпад трезубца, секира ринулась вниз, и два мертвых тела рухнули на палубу: одно с разрубленным плечом, второе — с пробитым виском, в который угодило четырехгранное острие. Затем меч и секира вновь поднялись и закружились вокруг Конана двумя сверкающими веерами; с каждым их взмахом в воздух взлетали обрубленные наконечники пик, отсеченные руки и головы, обломки бамбуковых панцирей, окровавленное тряпье и ремни.

Кхитайцы, ошеломленные, отступили. Ни один abordажный крюк не успел зацепить уттарийскую ладью, зато под ногами пиратов, на залитых кровью досках, валялось уже одиннадцать трупов, и два десятка человек лишились оружия — их конья, трезубцы и топоры стали теперь бесполезными палками. Раненых, однако, не было: и меч, и страшная секира разили насмерть.

За разбойничьими шеренгами раздался громкий визгливый голос. Конан не разобрал слов, но повелительная интонация сделала ясным их смысл: главарь приказывал идти в атаку. Ряды воинов в бамбуковых панцирях послушно качнулись вперед. Похоже, кхитайцы приободрились, то ли оправившись от шока, то ли почерпнув отвагу в своей многочисленности, то ли вдохновленные голосом вожака. Конан оглянулся, увидел медленно дрейфовавшего на север «Нефритового Дельфина» и довольно кивнул. Вся команда уттарийского судна струдилась у левого борта, но никто не стрелял — боялись попасть в Конана. Киммернец усмехнулся и помахал им мечом.

Но улыбка его тут же перешла в злобный оскал, когда один из пиратов метнул ему в висок шипастый шар на цепи. Серебристое лезвие топора взлетело навстречу, звякнула перерубленная цепь, жутко вскрикнул человек, за-

хрипел, схватившись за горло. Отшвырнув обескровленное тело, Конан ринулся вперед. В ушах его гремел дьявольский смех Рана Риорды, ярость кружила голову: огромный, с черными развевающимися волосами, с блистающим оружием в могучих руках, он был страшен. Он косил воинов в бамбуковых панцирях словно траву; мерно вздымались меч и секира, с сухим треском разрубая доспехи и кости, хлестала кровь, с предсмертными криками падали люди, свистели стрелы и копья, но ни одно острие не коснулось киммерийца. Хранил ли его в этом бою дух Небесной Секиры? Или воинская удача витала за спиной, храня от ран? Или спасало от гибели собственное боевое искусство?

Конан не думал об этом; он рубил. Врагам не удавалось отступить ни к левому борту, ни к правому; удары секиры и длинного меча настигали повсюду. Постепенно оставшиеся в живых начали пятиться, очищая носовую надстройку, и вскоре Конан сбросил их вниз, к передней мачте корабля, на доски палубного настила, еще не залитые кровью. На мгновение он опустил клинок и топор, окинул взглядом морскую даль, мысленно попрощавшись с «Нефритовым Дельфином», потом спрыгнул на палубу.

Теперь кхитайцы уже не молчали; они пятились перед ним с перекошенными от ужаса лицами, тыкали в него пальцами и тонко протяжно визжали: «Ци-гум! Ци-гум!» Дракон, понял Конан. В Кхитае все великое сравнивали с драконом; солнце и луна были драконами дня и ночи, ветер — поднебесным драконом, а огромные волны, что иногда накатывались на берег — морскими драконами. Были драконы и среди людей: мудрецы и чародеи, драконы знания; военачальники, бесстрашные драконы; главы провинций, верные драконы императора. И сам император был драконом — Великим Яшмовым Драконом, Восседающим в Нефритовом Дворце. Что же касается Конана, то противники его пока не решили, к драконам какого сорта он относится, но уже не сомневались, что перед ними настоящий дракон. Дракон из драконов, самой безжалостной породы!

Он возвышался над толпой воинов в бамбуковых доспехах словно огромный дуб над порослью трепещущих осин. Он видел, как внезапно распахнулся люк между мачтами, и на палубу повалили вооруженные пиками гребцы — и тут же остановились, застыли, устранившись: вся кровля носовой надстройки была завалена трупами, а по стене ее на палубу ручейками стекала кровь.

Над сгрудившимися у мачты пиратами взметнулся трезубец, и повелительный голос отдал команду. Шеренга воинов разошлась, отступила; теперь перед Конаном стоял довольно рослый кхитаец, бамбуковый панцирь которого усеивали серебряные бляшки. Голову его прикрывал шлем непривычной формы, похожий на перевернутое воронье гнездо, в руках угрожающе поблескивал трезубец с волнистыми лезвиями, на грудь свисало ожерелье из зеленоватого нефрита, наполовину занавешенное густой черной бородой. Подобная борода являлась редкостью для кхитайцев и служила свидетельством доблести; богатое же ожерелье и решительный вид воина подсказали Конану, что перед ним вожак пиратской шайки. Вероятно, этот разбойник тоже считал себя драконом из драконов: зрачки его горели темным огнем, а яркие сочные губы презрительно кривились.

Не спуская глаз с Конана, бородач сделал несколько ловких выпадов трезубцем. Казалось, он не старался задеть противника, а лишь удивить и напугать его этой демонстрацией боевых приемов. Трезубец летал в сильных руках, то поворачиваясь к киммерийцу своими отточенными лезвиями, то угрожая обратным концом древка, увенчанным стальным шипом, то вдруг исчезая за спиной бородастого пирата, когда тот быстро перебрасывал оружие из руки в руку.

Конан, опустив меч и оперевшись на топор, с интересом следил за этим представлением, пока яростный голос призрака не прошипел:

— Коячай с ним! Тут не базар, чтобы любоваться жонглерами!

Безусловно, Рана Риорда был прав. Конан воткнул в палубу свой клинок и, выхватив из-за пазухи метательный

нож, послал его в горло бородача. Тот вскрикнул, с недоумением выкатил глаза, потом содрогнулся всем телом, выронил трезубец и осел на палубу. Темная его борода окрасилась багровым.

В три шага киммериец очутился рядом с ним и сорвал с шеи побежденного нефритовое ожерелье. Оно, вероятно, служило знаком власти, потому что пираты, побросав оружие, тут же опустились на колени и начали кланяться. Конан довольно кивнул головой. Ему больше не хотелось убивать; он вспомнил, что должен ведь кто-то управляться с веслами и парусом, с якорем и рулем. На большом судне много работы.

Протянув клинок, он хлопнул по плечу одного из пиратов, костлявого и сухого, выглядевшего постарше прочих.

— Как твое имя, верблюжий кал?

— Хо, дракон драконов!

— А твое? — он пнул ногой другого разбойника.

— Хо, владыка гнева!

— Твое? — Конан повернулся к третьему.

— Хо, нефритовый светильник!

Некоторое время Конан взирал на первого Хо, поигрывая секирой, потом грозно оскалился.

— Клянусь Кромом, сейчас на десяток Хо станет меньше, если вы, ублюдки, не назовете мне свои настоящие имена!

Пожилой Хо начал кланяться и приседать.

— Не гневайся, почтенный родитель наш, увенчанный сединой мудрости! Мы все — Хо! Все из одного селения под горой Синь Цзя, и промысел наш наследственный и давний, о яшмовый ларец спра...

Конан прервал его, опустив меч плашмя на тощие ягодицы, обтянутые синей тканью штанов.

— Почему ты называешь меня родителем? Ты, сын ослицы и облезлого шакала?

— Как же иначе, господин мой? Ты победил Предводителя Хо, и теперь ты — наш старший, наш почтенный отец, источник нефритовых щедрот и скорпионных пле-

тей, солнце ласки и вулкан гнева... Все мы — мягкий воск в твоих руках!

Это Конану понравилось, и он милостиво кивнул.

— Хорошо! Сразу видно, Старый Хо, что ты разбираешься в людях! А теперь скажи, как называется ваш красный сундук и много ли припасов на борту.

— Не наш, твой сундук, князь доблести, — уточнил пожилой Хо, кланяясь. — Зовется же он «Ле Ци-гум Си-са Сянь Цзя» и снаряжен для плавания сроком в две луны... Теперь уже — в три, — поправился он, обозрев гору трупов на кровле носовой надстройки.

«Алый Дракон Горы Сянь Цзя», — перевел Конан название судна и, удивленно нахмурившись, спросил:

— С драконом все ясно, тощий пес. Но при чем тут гора Сянь Цзя?

— Как же, благороднейший господин! Ведь деревья для этого судна, палубу которого подпирают твои яшмовые стопы, срубили именно на горе Сянь Цзя! И назвав его так, мы чтим духа горы, своего хранителя и защитника, посылающего удачу!

— Сегодня он послал ее вам с избытком, — буркнул Конан, в свою очередь покосившись на трупы. — Ну, ладно... Пусть мертвых сочтут и сбросят в море; живых сочтут тоже и сообщат мне, сколько людей осталось на веслах и сколько — в палубной команде.

Старый Хо вновь начал приседать и кланяться.

— Прости, блистающий плод персикового дерева, как твое почтенное имя? И где ты впервые увидел свет дня и насладился прохладой ночи?

Киммерийцу было нечего скрывать.

— Зовут меня Конан, а свет дня я увидел в далеком северном краю, где прохладой ночи наслаждаются только волки, а люди сидят по домам, у жарких очагов.

Хо подпрыгнул и вскинул вверх тощие руки — и вместе с ним подпрыгнули все остальные Хо, испустив дружный вопль:

— Здравствуй десять тысяч лет, господин Хо-На-Ла, Великий Северный Ци-гум! Почтенный родитель наш, смилуйся над своими покорными детьми!

Милостиво кивнув, Конан отправился на корму, где справа от рукоятей рулевых весел стояло ложе, накрытое алым шелковым ковром — несомненно, место пребывания капитана. Он уселся там, поглядывая, как Старый Хо, с тремя-четырьмя уцелевшими главарями, пересчитывает мертвых и живых, а рядовые члены экипажа сваливают трупы за борт. Вскоре пожилой пират уже приседал и кланялся перед киммерийцем, докладывая:

— Павших от твоей нефритовой руки, достойный отец наш — семьдесят восемь. И ста тридцати пяти ты позволил сохранить свои ничтожные жизни.

— Позволил, — кивнул Конан. — И пусть они помнят об этом!

Хо поклонился.

— Где же нашему новому отцу, мудрому и доблестному дракону, благоугодно поискать теперь добычи и пропитания для детей своих?

Конан оглядел далекие горизонты, где сине-зеленые небеса смыкались с голубым хрусталем небес, глубоко вдохнул соленый и свежий морской воздух, вспомнил пышные сады под Базрой, обильные деревьями и травами вендийские джунгли и яркие цветы на улицах Праден-хана. Тут, в теплых краях, все зеленело и плодоносило, обласканное щедрым солнцем, но в далекой Киммерии давно наступила осень.

И, подумав об этом, Конан задумчиво протянул:

— Осень... осень пришла, Хо... А осенью мудрые драконы улетают на юг. Так что прикажи-ка разворачивать корабль, старый пес! Мы пойдем в море Му.

Глава 13

Забвение Рана Риорды

Если ты смертен, рассыпся прахом; Если ты бессмертен, спи в объятиях вечности; Если ты дух, развейся по ветру; Если ты призрак, вернись на Серые Равнины. Пусть имя твое сотрется из памяти людской, Пусть боги и демоны забудут о тебе, И ни свет солнца и луны, ни звездные лучи Не коснутся больше твоей плоти.

Стигийское заклинание

Тяжелая каменная плита была сдвинута в сторону. Рядом с ней зияла пасть глубокого и узкого колодца: семь локтей в длину, два — ширину, и глубиной в три копья. Эта узкая шахта пронзала основание башни и углублялась в скалу, на которой некогда воздвигли Файон. На каменной плите лежал длинный сверток, расширившийся с одного конца. Жрец Нем-Эхатон, хранитель Города Мертвых и сам похожий на труп, вглядывался в сверток и плиту, сжимая тощими руками посох.

Над стенами и башнями Файона плыл Гимн Сна. Первый хор жрецов выводил:

Что приятнее благ мира?
Слаще губ возлюбленной,
Слаще крови врага,
Слаще мести, выше гордыни,
Пьяней вина, крепче гранитных стен,
Глубже пропасти в горах Кешана,
Темнее ночи?

Второй хор отвечал:

Сон, сон, сон...
Сон вечный,
сон крепкий,
сон беспробудный.
Сон приятнее благ мира,
Сон слаще губ возлюбленной,
Сон слаще крови врага,

Сон слаще мести, выше гордыни,
Сон пьянее вина, крепче гранитных стен,
Сон глубже пропасти в горах Кешана,
Сон темнее ночи...

Жрецы, песнопевцы и заклинатели, пели давно, но голоса их оставались по-прежнему звонкими и сильными; тут, в Файоне, собрали лучших из лучших, одаренных магической мощью и колдовским искусством. Жрецы, однако, не знали, кого — или что — им полагалось заклясть, но это не сказывалось на исполнении древнего ритуала и не лишало его силы. Точкой ее приложения был сверток, лежавший на плите у ног старого Нем-Эхатона.

Объединившись, оба хора выводили теперь Проклятие Сета:

Да будут члены твои камнем,
Да уподобятся они недвижимым утесам,
Да скует их холод Вечной Бездны —
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.
Да будет голос твой ветром,
Да уподобится он стоячей воде,
Да скует его мороз равнин Асгарда —
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.
Да будет душа твоя пылью,
Да уподобится она болотной грязи,
Да скуют ее льды Ванахейма.
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.
Да будет разум твой пропастью,
Да уподобится он пустой яме,
Да скует его Проклятие Сета.
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.

Проклятие Сета, исполненное должным образом, могло лишить силы любое существо — и человека, и демона, и зверя. Нем-Эхатон, разумеется, не знал, какое влияние оно окажет на древнюю и неукротимую тварь, что покоилась в свертке у его ног, но полагал, что ни одним из подходящих к случаю ритуалов не стоит пренебрегать. Две цепи лучше, чем одна!

Хор затянул на два голоса Песнь Смерти, и Нем-Эхатон отправил демона в яму. Он столкнул сверток посохом, не прикасаясь к нему руками, и сразу же уставился тяжелым взглядом на каменщиков. Трепеща, мастера принялись валить в узкую шахту щебень и камни, поливая их известковым раствором. Раствор был замешан по всем магическим правилам, на яйцах, взятых от куриц с идеально черным оперением, и на крови чернокожих рабов из Куша и Дарфара; это обеспечивало надлежащую крепость и не позволяло враждебным чарам проникнуть к захороненному под каменной кладкой демону.

Умри, умри, умри,
Уйди из мира,
Уйди от ночи и дня,
Уйди от вод и небес,
Уйди от скал и земли,
Уйди от звезд и луны,

Умри, умри, умри... — тянул первый хор. И второй подтягивал мерно и мощно, будто бы забивая гвозди в крышку гроба:

Ум-ри!
Ум-ри!
Ум-ри!
Сгинь, сгинь, сгинь!

Каменщики забили шахту доверху и теперь со страхом поглядывали на Нем-Эхатона; кажется, они догадывались, что их ждет. Но лицо старого жреца было непроницаемым. Еще поживете, черви, думал он. Еще надо укрепить оконную решетку, заново возвести стены, что отгородят каземат от остального пространства башни... Получится каме-

ра; надежный мешок для узников, осужденных на медленную смерть. И ни один из них не проведает, что замуровано в полу, под самыми его ногами... А хоть бы и проведаль! Сквозь камень и заклятья, сквозь мертвый сон древнего демона не пробиться никому! Нет такого мужа ни в западных странах, ни в восточных, и не родится он никогда!

Мрачно усмехнувшись, Нем-Эхатон ткнул посохом в каменную плиту, и мастера с поспешностью установили ее над шахтой. Теперь только следы свежего раствора указывали, где был пробит колодец, но пройдет десятилетие, и эти швы не будут отличаться от всех остальных. И плита среди прочих плит пола станет незаметной. И умрут каменщики и солдаты, и память о ненокорном демоне сотрется навсегда, исчезнет, похороненная под тяжелой пятой файонской башни...

Словно подтверждая эти мысли Нем-Эхатона, хор песнопевцев откликнулся словами Вечного Забвения:

Если ты смертен, рассыпся прахом;
Если ты бессмертен, спи в объятиях вечности;
Если ты дух, развейся по ветру;
Если ты призрак, вернись на Серые Равнины.
Пусть имя твое сотрется из памяти людской,
Пусть боги и демоны забудут о тебе,
И ни свет солнца и луны, ни звездные лучи
Не коснутся больше твоей плоти.
Уйти во тьму, растворись в Вечной Ночи,
Отдай силу свою Владыке Сету,
Отдай ему голос свой и душу свою,
А сам погрузись в забвение.
Спи в чреве земном, обратившись в камень,
Забудь о прошлом, не думай о будущем,
Спи, пока ночь сменяет день, пока стоит мир;
И когда он рухнет, тоже пребывай в забвении.
В забвении,
в забвении,
в забвении...

Голоса усталых жрецов замерли, и Нем-Эхатон с довольной усмешкой постучал концом посоха о плиту. Все сделано как надо! Крепко, прочно, надежно... Сделано, сковано и закреплено могуществом Сета, Владыки Вечной

Ночи! Господином, не терпящим непокорства! Тем, Кто был, есть и пребудет в вечности! И, пока длится вечность, слово Его, чары Его, воля Его останутся нерушимы!

Отбросив посох, Нем-Эхатон, хранитель Птейона, Города Мертвых, простер руки над могильной плитой, шепча последние, самые грозные заклатья.

* * *

Глубоко, под слоем камня, под гнетом чар, под тяжестью забвения, спала Рана Риорда, Небесная Секира. Когда-то парила она среди звезд, потом корчилась в огне кузнечного горна, стонала под ударами кузнечного молота и, трепеща, приняла в холодную и твердую свою плоть бессмертную душу и вечный зарок. Была та душа не плохой и не хорошей, а единственно верной, и делился для нее мир лишь на хозяев и врагов. Хозяев полагалось защищать, врагов — убивать; в том и было предназначение Рана Риорды.

Но сейчас все это осталось в прошлом. Крепок чародейный сон, и нет поблизости эликсира, нет волшебного бальзама, теплого, алого, живительного, который сумел бы разрушить заклатья. Спи в чреве земном, обратившись в камень, забудь о прошлом, не думай о будущем... Рана Риорда спала, но древний дух ее, жестокий и непримиримый, не мог забыть о прошлом, не мог отринуть дар предвидения грядущего. И потому Небесной Секире снились сны.

Глава 14 Море Му

Прокляты те воды: заросли они чудовищной травой, сквозь которую не пройти судну ни на веслах, ни под парусом. И никто из мореходов, попавших в те сети из стеблей и путы из трав, не вернулся к родным берегам, дабы поведать, какие чудища обитают в гнилом море, в черной воде, в смрадном воздухе. И мы не ведаем о том, но знаем, что такие моря есть, и одно из них лежит к югу от Камбуи и зовется морем Му. И это все, что нам позволили рассказать Боги, всевидящий Митра и светлый Ормазд.

*Откровения и пророчества жрецов из Храма
Огня в Хоарезме*

Старый Хо, как выяснилось, занимал на «Алом Драконе» должность кормчего — и уцелел в побоище, к счастью для Конана, ибо других таких знатоков морского дела, столь же умудренных плаваниями и грабежами в трех морях: Кхитайском, Лемурийском и Уттарийском, — на пиратском судне не было. По давнему кхитайскому обычаю его звали Хо-Третий, ибо в корабельной иерархии он считался третьим — после Предводителя Хо-Первого и старшего abordажной команды Хо-Второго. Но, кроме этих двух главарей, экипаж потерял еще семьдесят шесть человек, и потому три или четыре дня на верхней и на гребной палубах шел передел номеров, сопровождаемый почтительными поклонами и приседаниями, что не мешало соперникам иногда пускать в ход ножи. Однако кулаки Конана и корабельных старшин быстро помогли установить должную субординацию: несколько выбитых зубов, пара свороченных челюстей — и на «Алом Драконе» восторжествовал порядок. Теперь каждый знал свой номер и, следовательно, место в жизни; но капитан, Хо-Первый, дракон драконов Хо-На-Ла, пренебрегал древним обычаем, называя Хо-Второго то кормчим, то старым псом, а Хо-Третьего, Четвертого, Пятого и так далее — либо в соответствии с их служебными обязанно-

стями, либо, по настроению, отрыжкой Нергала, шелудивыми ослиами, ублюдками Сета, недоумками, задницами, обезьянами, мочой черного верблюда и шакальим дерьмом. В миг гнева он поносил их на двенадцати языках, но — что самое удивительное! — все отлично понимали, что хочет сказать дракон драконов, благоухающий цветок сливы, блистающий плод персикового дерева. А кто не понимал, старался не высовываться и не попадаться на глаза нефритовому светильнику справедливости, памятуя, что у драгоценного яшмового ларца терпение коротко, кулаки тяжелы, а меч долгов.

Впрочем, он был к своим людям куда добрей, чем прежний их господин Хо-Первый, имевший неприятную привычку надрезать провинившемуся кожу на животе, запуская туда живую крысу. Крыс же на судне было что блох в псиной шкуре, и отличались они упитанностью, свирепым нравом и основательными размерами.

Упитанность и размеры представителей крысиного племени являлись чрезвычайно важным обстоятельством — во всяком случае, для Конана. В первый же день, когда он потребовал обед, ему были поданы сорок изысканных блюд на маленьких тарелочках, теснившихся на пяти подносах. Изучив их содержимое, киммериец вызвал Хо-повара, упитанного крепыща с узкими щелочками глаз.

— Что это? — Он ткнул пальцем в одну из тарелок из драгоценного голубого фарфора.

— Кузнечики, о жемчужный свет милосердия.

— Кузнечики?

— Да, отец мой, да живешь ты десять тысяч лет! Саранча, жаренная в масле. Прежний наш господин, Предводитель Хо, очень любил это блюдо.

— Оно и видно, — пробормотал Конан. — То-то он прыгал передо мной словно кузнечик... Ну, Нергал с ним! А это что такое? — Он постучал кончиком ножа по тарелочке, заполненной клейкой буроватой массой.

— Ласточкины гнезда, мой перламутровый князь.

— Гнезда? А где же палочки и прутики, пух и перья? Хо-повар меланхолически почесал толстую щеку.

— Это в северных и западных краях ласточки вьют гнезда из палочек и прутиков, — заметил он. — Наши кхитайские ласточки поступают иначе, о владыка нефритовых сокровищ... — тут повар, склонив голову, почтительно коснулся ожерелья, висевшего у Конана на шее. — Наши ласточки лепят гнезда из слюны, которая быстро окаменеваает. И если ее потом размочить...

Конан топнул ногой — да так, что подпрыгнули пять подносов и все сорок тарелочек.

— Ты хочешь сказать, смердящий шакал, что кормишь меня слюнами ласточек?! А почему бы не верблюдьим навозом, а?

Устрашенный повар упал на колени и принялся кланяться, стучаясь о палубу лбом. Киммериец поднял его за широрот и продолжил знакомство с кхитайской кухней. Оказалось, что на иных тарелочках находятся растительные продукты, вроде салата из морской капусты, измельченных побегов бамбука и тертой редьки, на других же были яства животного происхождения — лапки лягушек в остром маринаде, пюре из червей, муравьиные яйца, желудок каракатицы и крупный паук, зажаренный целиком и украшенный розочками из вареной моркови. На отдельном же блюде лежала горка какого-то серого порошка, похожего на придорожную пыль и совершенно несъедобного на вид.

— Это размолотый кончик носорожьего рога, золотой сосуд щедрот, — произнес повар, опасливо косясь на Конана. — Чтобы твой благословенный чжао-лань был тверд и упруг, как ствол молодого бамбука.

— Не беспокойся о моем чжао-лане! — рявкнул киммериец, с тоской припоминая обильные трапезы на «Нефритовом Дельфине» в приятной компании купца Райзата. — Лучше скажи, что жрешь ты сам! И что ест команда!

— Конечно, не такие изысканные блюда, о дракон драконов, — с достоинством ответил повар. — Для команды готовится рис и рыба с соевой подливкой.

— Вот и подай мне того же самого, — приказал Конан, пиная тарелку с чудодейственным носорожьим зельем.

На рыбо-рисовой диете он выдержал пять или шесть дней, но потом ему захотелось мяса. К счастью, инспектируя корабельные трюмы, он заметил нескольких серых зверьков, метнувшихся за бочки с питьевой водой, и возликовал. В трюмы были посланы стрелки, и теперь Конан извлекал из крысиного поголовья двойную выгоду: во-первых, люди его тренировались в стрельбе в цель, а во-вторых, на столе у него трижды в день появлялось свежее мясо. Его вкусы совсем не удивляли команду — ведь Хо-На-Ла был драконом драконов, а дракон, вполне естественно, не может насытиться червяками, морской капустой и ласточкиными гнездами.

С точки зрения же Конана кхитайцы были странными людьми. И дело заключалось не только в том, что они присваивали ему пышные и малопонятные титулы и всякий раз, кланяясь и приседая, желали десять тысяч лет жизни; не в том, что ели они не ложками, а заостренными палочками, годившимися, по мнению Конана, лишь для прочистки ушей; не в том, что пища их была скудна и на удивление однообразна; не в том, что носили они доспехи из бамбуковых пластин вместо добрых железных кольчуг; не в том, что прочее их облачение составляли широкие и короткие синие штаны, похожие на рыбий хвост. Более всего Конана поражала их покорность, и то, что ни один из них не собирался мстить ему за гибель Предводителя Хо и семи десятков сотоварищей. С такими обычаями киммериец раньше не встречался — ни среди пиратов, ни среди наемников или людей иного ранга. Кхитайцы, в отличие от всех прочих народов, казались ему приверженными порядку и древним нерушимым традициям, а традиции эти утверждали, что сильный всегда прав, а сильнейший — прав вдвойне. И сильнейшему нужно подчиняться беспрекословно, что бы он не натворил, доказывая свои права на власть!

С одной стороны, такое мировоззрение лишало их инициативы, с другой было весьма выгодным для Конана. Кто бы еще отправился с ним в опасное плавание на юг, в мертвое море Му, грозящее забвением и мучительной смертью? Любой экипаж, особенно на разбойничьем суд-

не, тут же взбунтовался бы, и новому вожаку пришлось бы перерезать большую часть мятежников, чтобы устроить остальных. Но кхитайцы были не таковы: их предводитель, яшмовый ларец мудрости, приказал — и «Алый Дракон Горы Сянь Цзя» тут же направился к югу. Без возражений и вопросов, без споров и противодействия, без криков и стонов! Конан еще не решил, следует ли считать это проявлением безумной нерассуждающей отваги или столь же безумного доверия к нему, к почтенному отцу и предводителю, которому лучше ведомо, как поступать. Постепенно он и в самом деле ощутил себя отцом всех этих узкоглазых и желтокожих людей, этого клана Хо, потомственных морских разбойников, отличавшихся немалой свирепостью в бою и, в то же время, покорно ожидавших, когда капитан взрежет им живот, запустив туда голодную крысу. В этом беспрекословном подчинении предводителю было что-то трогательное и детское, и Конан дал себе слово, что экипаж «Дракона» вернется домой. Он не хотел сгубить свое новое семейство среди гнилых вод моря Му.

Иногда он вел долгие беседы с Рана Риордой, то расспрашивая призрака о прежних временах, странствиях и пленении, то пытаясь выведать у духа, какая награда ждет его, Конана, потомка Отца Гидаллы, когда завершится необозримый путь от берегов Стикса и крепости Файон к неведомой земле за морем Му. Он полагал, что достоин самого щедрого вознаграждения — особенно за дни, проведенные на кхитайском судне, где ему приходилось питаться опостылевшей рисовой кашей, рыбой и жарким из крыс! За каждую съеденную крысу Форта должен выложить по меньшей мере десять золотых — и не каких-нибудь иранистанских, а полновесных туранских!

Сейчас, когда путешествие подходило к концу, задумывался Конан и о том, как встретят его потомки Гидаллы, дальние родичи, обитавшие где-то на краю земного круга. Он вез им великое сокровище, могущественный древний талисман, способный оборонить их от многих бед, и мог рассчитывать на самую горячую благодарность.

Наверно, его приветствуют вожди племени... будет выстроен почетный караул, сотня воинов в шлемах, похожих на витые раковины, со щитами, выложенными перламутром — такими, какие описывал Рорта... юные девушки, черноволосые, с синими глазами, поднесут ему чаши с вином... А потом будет пир! Пир, где подадут мясо оленей и кабанов, куски говядины с кровью, жареные бараньи ножки, пироги, колбасы и нежную копченую свинину! Он будет сидеть на почетном месте и насыщаться под трели флейт и рокот ситаров... или на чем там играют у потомков Гидаллы... И вино! Вино будет литься рекой!

А после пира его отведут в сокровищницу... Туда, где лежат богатства рода Гидаллы — созданное в Атлантиде, награбленное в Валузии, Коммории и Грондаре, заботливо перевезенное на южный материк... Мечи с изукрашенными самоцветами рукоятями, панцири из непроницаемой стали атлантов, золотые чаши и блюда, шейные цепи, сверкающие рубинами и изумрудами браслеты, расшитые жемчугом одежды, амулеты, дающие власть, силу и долголетие... И разве Рана Риорда не стоит всех этих сокровищ и пары красивых девиц в придачу? Стоит, безусловно стоит!

Каким же образом вывезти ему все эти богатства? Если «Алый Дракон» пробьется сквозь заросли мертвого моря, особых проблем не возникнет — корабельные трюмы вместительны, а команда трудолюбива и покорна. Но если он окажется на южных берегах без корабля? Дадут ли ему судно потомки Гидаллы? И дадут ли экипаж?

А почему бы и нет? Разве не найдется в роду Южного Ветра трех-четырех десятков молодцов, которые захотят посмотреть мир? Взглянуть на земли, от коих племя Гидаллы было отрезано многие тысячи лет? Насытить глаза свой видом необычного, странного, удивительного...

И в этом, как он чувствовал иногда, заключалась большая часть его собственной награды — то, что уже было получено им. Не золото и серебро, не драгоценные одежды, оружие и кубки, а необычное, странное, удивительное... Это уже принадлежало ему: и буйные кабаки Базры, и путь, свершенный под знаменем Львов Таглура,

и вендийские джунгли, и развалины таинственного города, и благоухающий сандалом Прадешхан, и странствия на «Нефритовом Дельфине» и «Алом Драконе». Ему принадлежало все вино, какое было выпито за долгий путь, и все люди, которых он встретил, — безразлично, плохие или хорошие; все, все они принадлежали ему, от рябого мунгана Саледа, распростертого мертвым в дорожной пыли, до прекрасной Оми Тана Арьяды, целовавшей его в своем княжеском дворце. И он помнил об этих людях и думал о них — но, разумеется, больше о тех, кто прилеп к его сердцу, — о Ние, Цветке, Который Распускается в Полнолуние, о старце Вадрапале, о прадешханской раджассе и купце Райзате. И воспоминания эти постепенно гасили другую память, тревожные и горькие мысли о погибшей Белит, о лишениях и неудачах, что выпали ему в Черных Королевствах, о мрачной стигийской темнице в замке Файон.

Странствуя, забываешь о прежних горестях и бедах... Воистину, эту часть награды он уже получил!

* * *

— Здравствуй десять тысяч лет! — провозгласил Хо-шкипер однажды утром. — И пусть твой благословенный чжао-лань, о котором мечтают десять тысяч женщин, будет блистать нефритовым светом в веках!

Конан, польщенный этим пышным пожеланием, вышел из каюты — вернее, с трудом протиснулся в низкую и узкую дверцу. Старый Хо следовал за ним по пятам.

— Мы пришли, о розовый цветок сливы, — провозгласил он, простирая руки к южному горизонту. — Дальше плыть некуда, если только твоя несравненная мудрость не подскажет мне, куда направить корабль.

Конан огляделся. Вся команда, Хо-гребцы и Хо-матросы, Хо-стрелки и Хо-слуги, Хо-повар, Хо-плотник, Хо-парусный мастер и Хо-рулевой, толпилась у бортов, висела на мачтах и реях, раскачивалась на веревочных трапах; и все до единого глядели на юг. Там привычную морскую синеву сменяла бурая стена, возносившаяся

вверх на несколько локтей, но была она непохожа на скалистый берег или на грозовую тучу. Стена чуть заметно подрагивала под дуновениями бриза, шуршала и шелестела, и несло от нее явственным запахом гнили, застоявшейся воды и йодистых испарений.

Море Му! Скорей, не море, а джунгли, подумал Конан и махнул рукой Хо-кормчему:

— Паруса — долой! Посади своих бездельников на весла. Подойдем ближе и взглянем, нет ли проходов... — Он щелкнул пальцами, и сразу же подскочил еще один Хо, начальствующий над воинами. — Пусть люди оденут доспехи и шлемы, — распорядился Конан. — Поставь пятнадцать стрелков на носу и столько же на корме. Смотреть в оба и, если что, стрел не жалеть!

— Ты сказал, я слышал, владыка гнева! — согнувшись, Хо отбежал на пять шагов, выпрямился и начал распоряжаться. Не успел Конан разделаться с жарким из крысины, как паруса были спущены, восемьдесят гребцов сели на весла, тридцать воинов встали наготове с луками, а остальные, не считая начальников и рулевых, разобрали трезубцы и копья. «Алый Дракон» неторопливо подошел к бурой стене и замер, покачиваясь.

Теперь Конан видел отдельные растения — мокрые снизу и сухие сверху коричневые стебли толщиной с мужское бедро. Райзат — или тот, кто рассказывал уттарийскому купцу легенды о мертвом море — не солгал: вода меж стеблями была черной, а сами бурые травы торчали вверх на десять-пятнадцать локтей, почти вровень с бортом «Алого Дракона». И никаких проходов в глубь этого леса из водорослей заметить не удавалось — ни с палубы, ни с верхушек мачт.

Хо-кормчий поклонился.

— Что прикажет дракон драконов, яшмовый Ци-гум?

— Грести! И поворачивай корабль! Пойдем вдоль этих зарослей.

— Куда, перламутровый светильник истины? На восход или на закат?

— На восход, пока не будет приказано иначе, — велел Конан и удалился в свою каюту, посовещаться с Рана Риордой.

Дух явился — и был он на этот раз уже не столь бесплотным и туманным, как прежде. Видно, кхитайская кровь пошла Рорте на пользу — стены каюты уже не просвечивали сквозь него, лицо стало гладким, и серебристое сияние, окружавшее его подобно плащу, сделалось ярче. Быть может, силы в призрака вдохнула и близость к таинственным берегам, где нашли убежище потомки рода Гидаллы. Он стремился сюда долгие тысячелетия, и вот теперь был почти рядом. Лишь бурые водоросли преграждали путь.

— Мы у границ мертвого моря, — сказал Конан. — Я велел искать проходы. Может, ты видишь их? Тогда скажи, куда плыть: на запад или на восток?

— Безразлично, — отвечал призрак. — Тут нет проходов, так что твой корабль может поворачивать хоть сейчас и двигаться к югу. Он подомнет водоросли и успеет пройти не одну тысячу локтей, пока не застрянет окончательно.

Конан насупился.

— Этого я не сделаю!

— Почему?

— Потому, что не желаю зря губить людей, ржавая железка! Мы и так прикончили треть экипажа!

Рана Риорда пожал плечами.

— Не сделаешь, и не надо. Силы мои крепнут, и скоро я смогу перенести тебя на юг без весел и парусов. А весла и паруса, и все, что к ним приложено, пусть отправляются домой.

— Что там, на юге? — спросил Конан.

Взгляд сапфировых глаз призрака внезапно смягчился, став задумчивым и будто бы грустным.

— Там — земля, обьятая туманами, — сказал он. — Я чувствую, что она велика... хоть и не столь просторна и огромна, как до Великой Катастрофы... Многие существа и твари населяют ее, и среди прочих — те, кто пришел с запада... те, кого я ищу... Не ведаю, в горе или в радости

живут они там, но они ожидают меня... ожидают многие тысячи лет... — Он прикрыл глаза веками и продолжил: — Вижу я скалистый берег и высокий утес над ним, выше прочих утесов... вижу вершину его, голую и бесплодную, какой была вершина Айи... вижу алтарь из белого камня, приготовленный для меня... И стоит мне коснуться его, как я навеки запомню это место, и отыщу его всегда, и вернусь к нему отовсюду...

— Кончай пророчествовать, — прервал духа Конан, — лучше посоветуй, что делать сейчас.

Призрак колыхнул своим серебристым плащом.

— Я же сказал — плыви... Плыви, куда хочешь! Когда я буду готов, то позову тебя.

— Не нравится мне плыть без толка и смысла, — вымолвил киммериец. — Да и о команде надо подумать... Напрягись-ка и подскажи, куда плыть веселее и интересней.

Рана Риорда застыл на миг, потом сухо рассмеялся, словно коршун заклекотал.

— Не знаю насчет интереса, а вот выгоднее плыть на восток.

— Ну, значит я не ошибся, — сказал Конан и вышел из тесной каюты на палубу.

Он и в самом деле не ошибся, ибо к полудню над бурными зарослями были замечены обломки мачт. Конан велел поворачивать «Алого Дракона», спустить на канатах с обоих бортов людей с топорами и рубить водоросли; это был тяжелый труд, но еще до солнечного заката они пробились к чужому кораблю. Судно оказалось невероятно старым, с трухлявым корпусом, державшимся на плаву лишь благодаря бурым стеблям, проросшим сквозь обшивку. Оно не походило на «Алый Дракон» с его плоским форштевнем и высокими надстройками на корме и носу, а имело более привычные для Конана очертания — обычный барк, вендийский или иранистанский, перевозивший товары вдоль побережья и отогнанный ураганом в эти мрачные застойные воды. Экипаж, разумеется, был давно мертв, но в трюмах могло сохраниться что-нибудь ценное. Когда абордажная команда, возглавляемая киммерийцем,

ступила на борт, из дыр в сгнившем палубном настиле взмыла туча каких-то жутких тварей, похожих на огромных летучих мышей. У них были кожистые крылья размахом в пять локтей, длинные змеиные шеи и головы с маленькими злобными глазками; вытянутые юповы напоминали наконечник копья. С диким шумом, с хрипылыми воплями стая закружила над «Алым Драконом», явно готовясь к нападению, но лучники, вымуштрованные в охоте на крыс, не дремали: прянули стрелы, вопли сменились визгом, и хищные летуны, оставив десяток трупов, устремились к югу. Проводив их взглядом, Конан решил, что происходят эти чудища наверняка с земли Му. Вероятно, на древнем материке были монстры и побольше, и поопасней, так что жизнь потомков Гидаллы вряд ли отличалась спокойствием. Подумав об этом, киммериец невесело ухмыльнулся, и картины торжественной встречи — воины в блестящих шлемах, девушки с чашами вина, обильный пир и сундуки с сокровищами — слегка поблекла в его воображении.

Что же касается вендийского либо иранистанского судна, то свертки тканей и кож в его трюмах давно рассыпались пылью, как и тела людей, от коих остались лишь пожелтевшие черепа и костяки. Однако нашлось и кое-что ценное: сгнившие сундуки с серебряными кубками, светильниками и курильницами, изрядное число тонких золотых браслетов с колокольчиками — такие одевали во время представлений вендийские танцовщицы, бронзовые жаровни на литых треногах, изображавших поднятых на дыбы тигров, львов и пантер, шкатулки полированной яшмы, украшенные накладками из серебра. Добыча была совсем неплохой и досталась без боя и крови, так что все старшие в роду Хо в один голос прославляли мудрость дракона драконов, пока младшие перетаскивали добро на борт кхитайского корабля.

— Процветай, отец наш, — сказал Хо-скипер, кланяясь и приседая, приседая и кланяясь. — Верно сказано тобой: осенью драконы летят на юг. Воистину, верно! Кто бы мог подумать, что в этих погибельных водах, коими несведующие люди только пугали друг друга, окажется

столько богатств! И лишь ты увидел истину сквозь мрак домыслов и лжи: если бури несли сюда суда, и суда те гибли, запутавшись в травах, то что же мешает в хорошую погоду добраться до сокровищ, сложенных в трюмах? — Старый Хо восторженно всплеснул руками. — И лишь одного не понимает твой скудоумный сын: почему это надо делать с началом осени, а не летом или весной?

Конан бросил взгляд на подсохшие верхушки бурых стеблей.

— Видишь, осенью эта мерзость сохнет, словно камыш на болоте, а весной или летом наверняка цветет в полную силу.

— Не понимаю твоей драгоценной мысли, источник нефритовых щедрот...

— Сухое можно полить маслом и поджечь, — пояснял киммериец. — Конечно, ту траву, что в воде, не спалишь, но хоть будет место размахнуться веслами... — он похлопал онемевшего Хо по плечу и приказал: — Ну, выводись судно назад! И пусть парни на мачтах поглядывают внимательней — может, что еще попадется!

* * *

Но больше яшмовому ларцу и князю доблести не пришлось ничем поживиться в могильниках моря Му; когда солнце село и дракон драконов возлег на свое ложе, надеясь отдохнуть от дневных забот, перед ним возник Рана Риорда.

— Пришло время! — торжественно объявил дух. — Силы мои окрепли, и цель близка! Теперь мы можем оставить этот крашеный киноварью сундук вместе с его крысами и обезьянами и перенестись в желанное место — соизволением Древних Богов, Четырех Ветров и указующих дорогу светил!

— Кром! — буркнул Конан. — Я хотел бы сперва выспаться.

— А ты не забыл про награду? — вкрадчиво поинтересовался дух. — Скоро она окажется в твоих руках, потомок Гидаллы, ибо ты выполнил наше соглашение

честно и нес меня по землям и морям. А теперь я понесу тебя... И куда быстрее, чем Шапшум, этот волосатый бурдюк с кровью!

Конан молча встал и принялся одеваться, размышляя, с чего бы это призраку припомнился Шапшум. Кутруб наверняка сожрал уже всех в Файоне и камни вылизал после обильной трапезы... Вряд ли они встретятся еще раз... Мир так огромен!

Он натянул шаровары, мягкие иранистанские сапоги, кожаную безрукавку, подвесил к поясу меч и кинжал, разместил за пазухой и за голенищем метательные ножи. Лука у него не было; лук остался на «Нефритовом Дельфине», забытый в пылу схватки. Ну, ничего... В племени Южного Ветра он выберет себе новый лук... и новую кольчугу... Наверняка оружейники атлантов столь же искусны, как иранистанские...

Затянув пояс, Конан выпрямился и взял в руки секиру. Ее лунное лезвие даже в темноте сияло серебряным светом.

— Я готов.

— Сейчас... сейчас, потомок Гидаллы...

Рана Риорда, повернувшись лицом к югу, творил колдовские пассы. Вдруг плащ его затрепетал и округлился, словно парус под напором ветра.

— Сейчас, сейчас... — бормотал дух.

«Сейчас, сейчас, — думал Конан. — Сейчас Великий Северный Ци-гум, нефритовый дракон, яшмовый ларец мудрости, улетит... Будут ли дети его горевать о нем? Будут ли...»

Он не успел додумать мысль: мир разорвался перед ним и, спустя мгновение, соединился вновь. Каюта и корабль исчезли; он стоял на высоком утесе, и над его головой ярко светили незнакомые звезды.

Глава 15

Сны Рана Риорды

Сны, насылаемые богами, видят и люди, и духи, но видят по-разному: людям чаще снится то, что было, духам же — и то, что было, и то, что будет. Есть и еще одно различие: люди запоминают сны и нередко способны отыскать в них зерна истины; духи с пробуждением сны свои забывают. И это мудро устроено Митрой, ибо, если б духи помнили свои сновидения, то знали бы все наперед, а значит, могуществом сравнялись бы с богами.

Сиридиум Немедиец «Рассуждение о снах, их истинной природе и их толковании»

Глубоко, под слоем камня, под гнетом чар, под тяжестью забвения, спала Рана Риорда, Небесная Секира. Когда-то парила она среди звезд, потом корчилась в огне кузнечного горна, стонала под ударами кузнечного молота и, трепеща, приняла в холодную и твердую свою плоть бессмертную душу и вечный зарок. Была та душа не плохой и не хорошей, а единственно верной, и делился для нее мир лишь на хозяев и врагов. Хозяев полагалось защищать, врагов — убивать; в том и было предназначение Рана Риорды.

Но сейчас все это осталось в прошлом. Крепок чародейный сон, и нет поблизости элексира, нет волшебного бальзама, теплого, алого, живительного, который сумел бы разрушить заклетья. Спи в чреве земном, обратившись в камень, забудь о прошлом, не думай о будущем... Рана Риорда спала, но древний дух ее, жестокий и непримиримый, не мог забыть о прошлом, не мог отринуть дар предвидения грядущего. И потому Небесной Секире снились сны.

* * *

Гремел над ней голос, подобный грому, звучный, как удары колокола, мощный, как рев водопада:

— Что сделаю я из сего камня? Скую плуг, чтобы без усталости, год за годом, бороздил он мягкую землю? Скую якорь, чтобы прочно держал он судно в грозу и в бурю, в шторм и в ураган? Скую чашу для масла и вина, огромную и сияющую подобно полной луне? Или скую цепь, нерушимые оковы для врагов моих пиктов, для вождей Валузии, Туле и Грондара?.. Но вспаханные добрые земли, и быстрые корабли с мачтами и веслами, и драгоценную посуду можно отнять, ибо ни плуг, ни якорь, ни чаша не защитят в годину бедствий; возложить же цепи на врагов своих можно лишь победив их оружием. А потому скую я не лезвие плуга, а лезвие боевого топора, не острие якоря, а губительное наверхие секиры, не глубокую чашу для вина, а прочные кольца для рукояти — и обратятся те кольца, и лезвие, и острие в цепь и рабский ошейник для недругов моих!

Рана Риорда словно бы видела себя со стороны — такой, какой была она в первый день творения, какой вышла из-под молота прародителя Гидаллы. Грозно искрилось и блестело ее лезвие, похожее на половинку серебряной луны, топорщился смертоносный наконечник, а на двух кольцах, приготовленных для рукояти, горели тайные знаки: крест, символ Четырех Ветров, и Семи-звезде, указующее дорогу путникам и мореходам.

Голос, грохотавший над секирой, смолкал, потом раздавался вновь; проникая в холодную сталь, врубаясь нерушимым зарокотом:

— Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель; ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуков — только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попад же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты исполнишь!

В чужих руках — убивать! Убивать тех, кто завладел ею, убивать тех, против кого ее обратили... Это Небесная Секира помнила твердо. Даже во сне она жаждала крови чужаков, но особенно — стигийцев, унизивших ее пленом. Предвидя будущее, она знала, что получит их кровь, поглотит их жизни — многие и многие жизни. Но тот, кто подарит их ей, еще не родился.

Годы складывались в десятилетия, десятилетия — в века. Спала Рана Риода, и снился ей миг славы, пьянящий день победы; снился воитель Сархаб в чешуйчатом панцире из медных дисков и шлеме, напоминавшем причудливую раковину; волосы его были черны и блестящи, словно полированный камень яхх, а в глазах, синих, как небо на закате, горела искра божественного огня. Снились ей стена украшенных перламутром щитов, подобных завитку морской волны, и лес копий, что раскачивался над ней; снились отблески солнца на бронзовых бортах валузийских колесниц и темные орды пиктов, бесчисленных, как галька на морском берегу, бурлящих, словно грозовые тучи, готовые пролиться каменным дождем. Снилось, как подняли ее сильные руки Сархаба — подняли и опустили, грянув, как молот о наковальню, на бронзу доспехов и шеи боевых жеребцов, на борта колесниц и валузийские шлемы, на щиты их, копы и мечи, на золотых змеев с раздутыми капюшонами, на пиктские черепа, ни пиктскую плоть и пиктское оружие. Слышала она грохот ударов, свист и шипенье всасываемой сталью крови; видела, как падают враги, устилая землю мертвыми телами.

Потом сны эти сменялись другими видениями, чудовищными и страшными. Снилось ей, как уходили корабли от берегов Атлантиды, плыли на восход и закат солнца, возвращались обратно и отправлялись вновь, груженные людьми, скотом, зерном, металлами и всем, что можно сделать из металла. Снилась грозная пора, день божьего гнева, когда дрогнула земля, и люди в ужасе и страхе мчались куда-то, гонимые жаркими ветрами, подобные неразумным тварям, ища убежища, спасения и тихого места, коего не было в тот миг нигде в мире. Снились ей сверканье молний, водяные валы и стены огня, ру-

шившиеся горы и смерть, сомкнувшая черные крылья над теми, кто оставался на гибнущей земле Атлантиды. Снились чудовищные волны, разошедшиеся от затонувшего материка на все четыре стороны света; волны, что швырнули корабль Таванны, старейшего в роду Гидаллы, на юг, к берегам жарких Черных Земель. Снился сам Таванна и спутники его; все они приняли медленную смерть, высохнув под пылающим солнцем от голода и жажды. Вспоминались Рана Риорде и долгие годы, что провела она на мертвом судне, среди кусков гниющей ткани, среди обломков досок, среди ржавеющих цепей, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Видела Небесная Секира тысячу лиц — лиц тех, кто передавал ее из рук в руки во время тысячелетних странствий по Туранскому континенту. Снились ей Риху, маленький рыбак-каброт, великан Гиромда, вождь лесных людоедов, Зала, предводитель себайо, Быстрый Олень и Кривой Коготь, Люди Травы, и многие другие, гирканцы и коринфяне, заморанцы и аргосцы, офирцы и шемиты. Она убивала почти всех; редко кому удавалось уйти от ее сверкающего лезвия, от четырехгранного острия. Стигийцы, однако, сумели... И их лица, лица трех жрецов, пробуждали в душе Рана Риорды ярость. Вернее, отзвук ярости, ибо в магическом своем забытии Небесная Секира не могла ненавидеть по-настоящему и не могла пскарать пленивших ее.

Но она знала, что наступит время мести! Смутный провидческий дар подсказывал ей, что заточение в каменном склепе не вечно. Придет освободитель — могучий, широкоплечий, черноволосый, с глазами цвета неба на закате, похожий и на Отца Гидаллу, и на Сархаба, и на Таванну... Придет! Она не ведала ни имени его, ни того, как будет называться племя освободителя, но знала, что в жилах этого народа будет течь капля древней крови, крови тех, кто пришел с благословенной земли Атлантиды. Одна лишь капля, но этого было достаточно! Достаточно, чтобы заключить союз с освободителем; достаточно, чтобы направить его к цели. Целью же был юго-во-

сток, неведомый остров или материк, которого достигли уцелевшие суда сыновей Таванны. Там было последнее прибежище рода Южного Ветра, там обитали потомки Гидаллы, сохранившие чистоту крови, и туда стремилась Рана Риорда на протяжении тысячелетий. Но безуспешно... Не было героя, достойного ее, не было руки, которой она могла бы довериться!

Наступил миг, когда она почувствовала приближение освободителя. В зыбком мареве снов перед Небесной Секирой всплыло его лицо — суровое, грозное, как раз такое, каким оно и должно было быть; его черты говорили о родстве с племенем Гидаллы. Но главным являлась кровь! Теплая алая кровь, магический эликсир, способный разрушить чары стигийцев! Древняя кровь, над которой Сет и слуги его не имели власти; кровь, унаследованная в бесчисленной череде поколений от вещаго Гидаллы и предков его, самих Древних Богов.

Рана Риорда видела, как крохотные струйки этой крови стекают на пол, просачиваются в трещины меж гранитных плит, преодолевают безумно долгий путь среди камней, щебенки, остатков растрескавшегося известкового раствора... Время словно остановилось, замерло; ничтожный алый червячок полз и полз вниз, к истлевшей в пыль коже, прикрывавшей некогда лезвие огромного топора. Вот красная капелька коснулась праха, напитала его, потом ушла в холодную сталь, в самую ее глубину...

И дух Небесной Секиры выплыл из объятий колдовского сна. Он был еще слаб, но знал, что кровь потомка Гидаллы придаст ему сил. Он ощущал, что человек, ожививший его, находится близко, где-то совсем рядом. Внизу? Нет, внизу была только мертвая скала...

Выше! Выше!

Почуввав кровавый след, призрачное серебристое облачко начало подниматься вверх.

Глава 16 Алтарь на краю света

Благословен платящий свои долги, не прощающий долга крови, не забывающий о долге благодарности! В назначенный срок душа его уйдет на Серые Равнины в спокойствии и достоинстве, ибо нечему будет тяготить ее; и, пребывая в царстве Нергала, не будет она мучиться памятью о незавершенном, бессильно грозить обидчику за неотомщенное или сокрушаться о собственной неблагодарности. Платите же долги свои! За кровь взыскайте кровью, за любовь дарите любовь, только не оставайтесь равнодушными в мире сем, дабы не сожалеть и не принимать на душу свою лишних страданий по ту сторону жизни.

Из проповеди жрицы Иштар, Непостижимой, Грозной и Любящей Матери, Возлюбленной Богов

Несколько мгновений Конан стоял, запрокинув голову и обозревая чуждые созвездия. Таких он не видел нигде — ни на крайнем севере, в Асгарде и Ванахейме, ни в Черных Королевствах, ни в бескрайней гирканской степи. И звезды, странные и непривычные, словно намекали киммерийцу, что находится он в иной земле, безмерно далекой от хайборийского мира, от городов его и лесов, от гор, равнин и рек: Даже небо тут было иным... А что же сказать о земле и море?

Он огляделся, но не увидел ни того, ни другого. Землю скрывала плотная пелена белесоватой и слабо светящейся мглы; этот туман колыхался и ворочался где-то внизу, и лишь вершины немногих утесов — таких же, как тот, на котором стоял Конан, — торчали над непроницаемой облачной дымкой. Темные скалы причудливых форм, наминавшие древние развалины, выглядели рифами в зыбком молочном океане; его неяркое сияние подсвечивало завалы камней и обрывистые голые склоны, бурые и трещиноватые, на которых не росло ни дерева, ни кустика, ни единой травинки.

Моря Конан тоже не видел. Туман колыхался слева от него, море же было справа, за отвесным обрывом скалы; оно рокотало внизу, швыряло волны на камень, шипело у подножия утеса. Звуки эти казались слабыми, отдаленными; вероятно, до поверхности воды была не одна сотня локтей.

— Алтарь... — проклекотал над ухом сильный голос Рана Риорды. — Положи меня на алтарь, киммериец.

Конан, с удивлением озиравший то непривычное небо, то белесую мглу, над которой руинами разрушенных замков высились скалы, очнулся.

— Алтарь? Какой алтарь? — пробормотал он.

— Алтарь перед тобой, потомок Гидаллы. Взгляни!

Да, это был алтарь, творение рук человеческих — белое пятно, принятое вначале Конаном за бесформенную каменную глыбу или клочья тумана. Он походил на большую чашу, удлиненную и слегка приподнимавшуюся к краям, вырезанную из белоснежного мрамора. Или алебастра? Впрочем, важно ли это? — мелькнуло у Конана в голове. Путь его завершился, дорога закончилась: он стоял перед каменной колыбелью Небесной Секиры, приготовленной теми, в чьи руки она жаждала вернуться.

Сделав десяток шагов, Конан подошел к алтарю и опустил огромный топор на каменное ложе. Оно оказалось как раз впору Рана Риорды: от пяты топорница до кончика четырехгранного острия насчитывалось шесть локтей, длина же колыбели была чуть больше — ровно настолько, чтобы сталь не царапала камень.

Послышался вздох — долгий-долгий, и над лунным лезвием всплыло лицо призрака. Не тело, только лицо — непривычно спокойное и умиротворенное, с полужакрытыми глазами, удивительно напоминавшее сейчас черты Конана. Губы Рорты шевельнулись:

— Они знают... они уже знают... они придут... скоро их руки коснутся меня... скоро...

— Когда? — спросил Конан, не потерявший еще надежды на торжественную встречу. Он заметил тропинку, что сбегала с вершины утеса в туманное марево; несом-

ненно, ее протоптали человеческие ноги. — Когда? — повторил киммериец, положив руку на край алтаря.

— Скоро. Через два или три дня, — проклекотал Рана Риорда.

— Через два или три дня? Неплохая новость, клянусь Кромом! И я должен сидеть тут два или три дня?

— Нет. Ты закончил дело, киммериец, ты можешь отправляться.

Внезапный гнев охватил Конана. Как просто: закончил дело, и можешь отправляться! Интересно, куда: в пропасть слева или в пропасть справа?

— Я отправлюсь, — процедил он сквозь зубы, — отправлюсь, Рорта... Но не раньше, чем получу свою награду! И не раньше, чем найдется судно, на котором я смогу увести ее!

— Награда, — с усмешкой повторил дух. — Да, конечно, награда... Я обещал, и ты ее получишь. Но судно тебе не понадобится, киммериец. Я обрел все свои силы... я могу возвернуть вчерашний день... во имя сохранения Великого Равновесия... могу перенести тебя обратно...

— Обратно? — Конан ощутил смутное беспокойство. — Ты о чем толкуешь, Рорта? Обратно я не хо...

Но было поздно: мир вновь разорвался перед ним, полыхнул слепящей вспышкой огня и соединился вновь.

* * *

Он стоял на каменном полу; вокруг несокрушимым кольцом смыкались каменные стены. В одной из них было узкое окно с выбитой респеткой, и сквозь него на Конана с насмешкой поглядывали бледнеющие предрасветные звезды — знакомые звезды, сиявшие и над Стигией, и над Кхитаем, и над всем хайборийским миром. У стены валялась охапка вонючей гнилой соломы, пол рассекала трещина в два локтя шириной, из сливного отверстия в углу тянуло застоявшимся смрадом, смесью пота, фекалий и мочи; высоко над головой, едва заметный в полумраке, темнел люк, надежно перекрытый крышкой.

Файон! Он снова в проклятой файонской темнице!

Злобно ощерившись, Конан ударил кулаком по стене, потом взревел, словно попавший в клетку тигр. Нижняя его губа была прокушена, но он не замечал струившейся по подбородку крови: ярость, безумная ярость владела всем его существом.

Проклятый ублюдок Нергала! Отродье тьмы, нечисть, шакалий помет, предатель, вонючая блевотина Сета! Клялся Отцом Гидаллой и Древними Богами, но обманул — так же, как обманывают все слуги мрака! Все подлые твари, что копошатся в нергаловой утробе! Все мерзкие маги, призраки, духи и колдуны! И лишь мгновенья не хватило, чтобы рассчитаться с ржавой железкой... схватить и швырнуть со скалы в море! Лежал бы там вместо алтаря, под слоем ила и камней...

Кром, покарай его!

Конан снова взревел и, выхватив иранистанский меч, в слепой ярости набросился на стену. Он рубил и колол ее, атаковал, как самого злейшего врага, сек и хлестал стальным клинком, пока тот не переломился у самой рукояти.

И вдруг за спиной киммерийца раздался знакомый клекочущий голос:

— Что, потомок Гидаллы? Э т а сталь камень не берет, а?

Стиснув кулаки, Конан обернулся. Рана Риорда стоял перед ним — его двойник, с такими же темными волосами, струившимися на плечи, синеглазый, с твердыми очертаниями подбородка и скул, с крутым упрямым лбом, на который падали черные пряди. Но было и отличие: лицо Конана искажала маска гнева, призрак же был абсолютно спокоен.

— Ты!.. — Он вложил в это восклицание всю свою ненависть, всю обиду обманутых ожиданий. — Ты!..

— Я. А ты ждал красотку-раджассу из Прадешхана? — на губах призрака заиграла насмешливая улыбка. — Она еще и не ведает о твоём существовании. Но узнает... — дух поднял глаза к потолку. — Да, узнает — дней эдак через двадцать.

— Ты издеваешься надо мной, проклятый вампир? — вытянув руки со скрюченными пальцами, Конан шагнул к призраку.

— Нет, совсем нет. Я же не раз повторял тебе, что, восстановив силы, смогу не только рубить головы врагам. И вот я вернул тебя туда, откуда все началось — в то же место и в то же время... ну, почти в то же... — Рана Риорда поднял взгляд к окну. — Видишь, солнце взошло... Мы с тобой уже в Иранистане, идем по дороге к городу... А тот волосатый бурдюк, что отвез нас на побережье, сейчас спешит сюда. Очень торопится, очень! Я думаю, сильно проголодался!

Постепенно успокаиваясь, Конан вытер ладонью испарину со лба. Гнев выходил из него вместе с потом; еще мгновение назад он был готов растерзать Рорту, хоть и понимал подсознательно, что призраку ничем не повредишь; теперь же киммериец был готов его послушать.

Итак, он снова очутился в каменном файонском мешке — правда, оконная решетка уже была выбита. Но он снова здесь, в семибашенном стигийском замке, на берегу Стикса! Во всем этом был какой-то тайный смысл, который Конан никак не мог постичь; разгадка, однако, маячила совсем близко.

— Зачем ты это сделал, трухлявое топорище? — Его голос звучал теперь почти ласково.

— Что? — Рорта в деланном недоумении приподнял брови.

— Ну, вернул меня сюда... и пришел сам... Для чего? Глаза призрака хитро сверкнули.

— Помнишь, что я говорил тебе о Великом Равновесии? То, что взято в одном месте, должно туда же и вернуться — если боги не против. А они не против, клянусь Четырьмя Ветрами! Однако есть и еще причина... — Дух помолчал, потом лицо его исказила мстительная гримаса. — Сказано: благословен платящий свои долги, не прощающий долга крови, не забывающий о долге благодарности! Должен же я рассчитаться с тобой файонскими сокровищами, а заодно и получить свое со стигийцев! Кровь! Крр-роовь! Я долгов не забываю... Да

и ты тоже, потомок Гидаллы! И этот Шапшум, волосатый боров... Мы втроем здесь славно повеселимся!

Конан кивнул; теперь ему было ясно все. Да, Рана Риорда не прощал долгов, и ради того, чтобы рассчитаться с ними, готов был повернуть вспять время!

Вдруг, словно в доказательство этого, перед киммерийцем возникла огромная секира. Первые солнечные лучи, проникнув в окно, заиграли серебристыми бликами на стальном лезвии; грозно топорщился четырехгранный наконечник, широкие кольца с тайными знаками обнимали темное древко... Она висела в воздухе перед Конаном словно напоминание о возмездии — возмездии, которое он должен был свершить.

— Возьми ее! — сказал Рана Риорда, и сильные пальцы Конана сжали топорнице, вновь ощутив восхитительную тяжесть Небесной Секиры.

— Долго ли ты пробудешь со мной? — спросил он.

— Потомки Гидаллы идут ко мне — там, на юге... Когда они появятся на скале у алтаря, я должен ждать их... но до того дня еще далеко, целая луна! Ведь мы с тобой только начали свое странствие на восток!

— Целая луна... — пробормотал Конан. — Да за целую луну мы вырежем половину Стигии!

— Вполне возможно, — кивнул призрак. — Времени хватит. Ведь мы еще даже не отплыли из Базры.

Конан начал закреплять секиру на спине, но вдруг остановился.

— Выходит, сейчас в мире два Конана? И две секиры?

— Выходит, так.

Пропустив один конец ремня над плечом, а второй — под мышкой, киммериец связал их узлом на груди. Секира привычно устроилась между лопаток — словно наоборот, нежно приникшая к телу жениха.

— Жаль, что тот, другой «я», не увидит потомков Гидаллы, — сказал Конан. — Не поторопился ли ты, возвращая меня сюда?

— Не поторопился. Боги не любят суеты; сначала нужно кончить одно дело, потом — приниматься за второе. Долги же лучше отдавать не медля... Что же касается

потомков Гидаллы, с которыми ты не встретился на сей раз, так встретишься с ними в другой.

— Путь к южной земле не прост, — сказал Конан, поворачиваясь к окну. — Когда я там окажусь? И как?

— Окажешься, — произнес Рана Риорда. — Окажешься! Столь же неизбежно, как на королевском троне! Ты будешь...

Далекий грохот и людские вопли заглушили его слова. Пол под ногами Конана содрогнулся: похоже, где-то неподалеку рушились каменные зубцы стен, трескались брусья деревянных ворот, в панике и страхе кричали стигийские солдаты. Некоторое время киммериец прислушивался, склонив голову, потом решительно шагнул к окну.

— Дослушай же меня, потомок Гидаллы! — закричал Рана Риорда. — Я поведаю тебе нечто важное и...

Конан отмахнулся.

— Некогда, Рорта, некогда! Поспешим! Кажется, этот волосатый бурдюк уже прилетел и взыскивает долги. Поторопимся и мы!

Комментарии к роману «Конан и Небесная Секира»

Конан — варвар из Киммерии, вор, разбойник, авантюрист и великий воин, будущий король Аквилонии.

Гидалла — полубог, старейшина рода Южного Ветра, Великий Кователь, сотворивший Небесную Секиру.

Рана Риорда — Небесная Секира и ее дух (на киммерийском «риорда» или «топор» произносится как «рорта»).

Белит — погибшая возлюбленная Конана (см. новеллу Роберта Говарда «Королева Черного Побережья»).

Джихан — брат Белит (см. роман Пола Андерсона «Конан и секира света»).

Шапшум — кутруб-людоед (по-киммерийски — хейворк).

Салед Алиам — мунгал, наемный воин, ун-баши (десятник) в отряде Львов Таглура.

Таглур — иранистанец, предводитель наемников.

Ашакана — князь из Средней Вендии.

Сархаб — хранитель Рана Риорды, глава рода Южного Ветра.

Таванна — последний из хранителей Рана Риорды, глава рода Южного Ветра.

Рику — чернокожий пигмей из племени рыбаков-каб-готов.

Гиромда — вождь лесного племени заласса.

Зала — верховный вождь народа себайо.

Быстрый Олень — молодой воин из степного племени Людей Травы.

Кривой Коготь — шаман Людей Травы.

Ния То Кама Судакха Пра Бон — Цветок, Который Распускается в Полнолуние, юная певица из Уттары, рабыня Конана.

Оми Тана Арьяда — раджасса (княгиня) Прадешхана.

Вадрапала Те Ка Хонгай Но Квара — Орел, Парящий над Горными Вершинами, сан-па (градоправитель) Прадешхана.

Райзат По Ле Кинаба Сан — Тунец, Скользящий Среди Вод Морских, купец из Прадешхана и владелец «Нефритового Дельфина».

Те Ранг — придворный певец раджассы Прадешхана.

Сапхара — певец и поэт из Камбуи.

Хор-Анабас, Нем-Эхатон, Рамесис-Пта — стигийские жрецы, адепты Сета.

Хо — клан кхитайских пиратов, экипаж галеры «Ле Ци-гум Си-са Сянь Цзя» («Алый Дракон Горы Сянь Цзя»)

* * *

Айя — высочайшая вершина в южной Атлантиде.

Гирканский или Туранский материк — так назывался главный материк хайборийской эпохи (слитые воедино современные Африка, Европа и Азия).

Вендийское море — залив Южного океана; простирается между Зимбабве (на западе) и Вендией (на востоке).

Уттарийское море — залив Южного океана; простирается между Вендией (на западе) и Камбуей (на востоке).

Лемурийское море — часть Восточного океана, омывающая восточные берега Камбуи.

Залив Пальм — обширный залив на западном побережье Вендии.

Файон — древняя стигийская крепость на правом берегу Стикса, там, где река сворачивает к Западному океану.

Базра — крупный порт в Иранистане, на берегу Вендийского моря.

Айодия — столица империи Северной Вендии (см. повесть Роберта Говарда «Люди Черного Круга»).

Прадешхан — город в Уттаре, на побережье Уттарийского моря, вблизи границы с Камбуей.

Сингла-Пурам — порт и город в восточной Камбуе, на берегу Лемурийского моря.

Вал Йета — или Вила Йетана, Страна Вод — озерная местность, располагавшаяся до Малой Катастрофы на месте моря Вилайет.

Великая Катастрофа — всемирное бедствие, во время которого погибли Атлантида, часть южного материка Му и другие земли.

Малая Катастрофа — произошла через пятьсот лет после Великой Катастрофы. Во время нее опустилась часть земель в центре Гирканского материка и на их месте образовалось море Вилайет.

кутруб — джинн-людоед; женская форма — гул.

раджас, раджасса — титулы вендийских и уттарийских князей и княгинь.

кшатрии — каста воинов в Вендии.

кьо — первая (главная) жена у уттарийцев.

ситар — музыкальный инструмент с шестью струнами и очень длинным грифом; распространен на Востоке, от Турана до Камбуи.

тао-ли-ма — состязание быстрых умов и золотых уст (уттарийский); поединок певцов, музыкантов и поэтов.

саранг — уттарийское одеяние.

ТЕХНОЛОГИЯ ХАЙБОРИЙСКОЙ ЭРЫ

Придумать фантастический мир отнюдь не так просто, как кажется на первый взгляд. Для того чтобы он выглядел достоверно, все его реалии должны быть накрепко увязаны друг с другом. Так, планета, где все дикие животные — хищники, будет неправдоподобна, если автор не вспомнит о травоядных, служащих им пищей. Еще сложнее обстоит дело с технологиями народов, населяющих выдуманные миры, ибо эти самые технологии, то есть совокупности знаний о способах обработки материалов, изделий, способах осуществления каких-либо производственных процессов, не должны содержать противоречий, однако мало кто из авторов вспоминает об этом, когда увлеченно конструирует собственную Вселенную. Если обратиться за примерами к земной истории, то можно вспомнить, что, например, к моменту испанского завоевания ацтеки стояли на пороге открытия колеса. Следовательно, культура, во всем похожая на ацтекскую, но придуманная, наконец, колесо, будет вполне правдоподобным допущением — чего не скажешь о похожем мире, где пресловутого колеса так и нет, зато его жители летают в соседние селения на самолетах.

Но в этой заметке речь пойдет о хайборийской культуре, придуманной Робертом Говардом, и поэтому теперь самое время посмотреть, какой технологией снабдил их автор. Хочу сразу предупредить, что в статье я буду ссылаться на два десятка его произведений, названия которых даны в круглых скобках, причем все они опубликованы при жизни Говарда или вскоре после его смерти. Это сделано мною умышленно, чтобы отделить «истинного» Говарда от его многочисленных последователей, ибо эти авторы (в числе которых и ваш покорный слуга) старались придерживаться картины мира, заданной мэтром, и не вносить ничего принципиально нового. Шесть рассказов, обнаруженных Гленном Лордом в 1956 г., сюда не включены, поскольку никак не дополняют сложившуюся концепцию. И, наконец, в квадратных скобках я взял на себя труд указать приблизительное место и время, когда сходное открытие было сделано в истории человечества.

МЕТАЛЛУРГИЯ И ГОРНОЕ ДЕЛО. Хайборийцам были известны шесть из семи металлов классической античности: золото (*«Башня Слона»*), серебро (*«Ночные тени Замбулы»*), медь (*«Железный демон»*), олово как компонент бронзы (*«Ночные тени Замбулы»*, *«Алые когти»*), свинец (*«Люди Черного Круга»*) и железо (*«Час Дракона»*). Ртуть ни в одном из романов не упомянута, однако, судя по некоторым намекам, она вполне могла использоваться при изготовлении зеркал, как магических, так и обычных. И это говорит в пользу хайборийцев, ведь их потомками эта технология была заново открыта сравнительно недавно — в эпоху Возрождения. Частое упоминание латуни, именуемой также «желтой медью» (*«Бог из Чаши»*, *«Королева Черного Побережья»*,

«Ночные тети Замбулы» и т. д.) предполагает знакомство с цинком [XVI век], так как латунь представляет собой сплав меди и цинка в различных пропорциях. Однако можно допустить, что хайборийцы изготавливали латунь более примитивным способом, получая ее из каламина или галмее (*Lapis calaminaris*) — цинкового шпата, состоящего из углекислой и кремнистой соли минерала, тогда как в чистом виде этот металл им известен не был.

Следует отметить, что у хайборийцев в достаточной степени была развита металлургия [2000 до н. э., Средняя Азия], так как у них имелось не только железо необычайной прочности, — «выкованный в пылающих горах Кроши металл, что не возьмет ни один резец» («Час Дракона»), — но также и «прочнейшая аквитанская сталь» («Сокровища Гвалура»), прообразом которой, вероятно, послужила знаменитая дамасская сталь, которая ковалась в странах Востока с добавлением древесной массы в расплавленный чугун, после чего клинок закаливался быстрым вращением в воздухе.

Любопытно, что в хайборийских и гирканских землях золото и серебро применялись более чем щедро — к примеру, для отливки золотых гонгов («Сокровища Гвалура»). Правда, если в этом случае использовался сам металл, а не особый сплав (вспомним, что в древней Японии эти благородные металлы добавляли в бронзу), то едва ли такие баснословно дорогие инструменты отличались красотой звучания.

Чтобы закончить разговор о металлах, упомянем о горнодобывающей промышленности Хайбории, без которой, как вы понимаете, металлургия была бы невозможна. Впрочем, «промышленностью» это можно назвать с изрядной натяжкой, ведь руда извлекалась из шахт рабами («Бог из Чаш»), но, по крайней мере, популярность этого способа в говардовском мире представляется вполне очевидной.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ. Хайборийцы часто использовали кожу для изготовления одежды (нередко в текстах упоминаются «короткие кожаные штаны» Конана), и это дает повод предполагать, что ткани их были настолько грубыми и жесткими, что кожа по сравнению с ними казалась удобной. Кроме того, ими было сделано одно оригинальное изобретение, с которым мы не сталкиваемся нигде более в истории человечества, кроме старой доброй Англии, где сей предмет был в ходу примерно с одиннадцатого века по девятнадцатый. Речь идет о так называемом «блэджесе», питьевом сосуде из просмоленной кожи.

СТЕКЛО И СТЕКЛОВИДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Можно утверждать наверняка, что хайборийцы знали стекло («Железный демон») [1000 до н. э.], причем и ту его разновидность, которая используется для стекления окон («Час Дракона») [Средиземноморье, 100 до н. э.] и, что удивительно — даже закаленное стекло («В зале мертвецов», «Алые когти»), которое невозможно разбить [XX век]. Стекло использовалось для изготовления зеркал («В зале мертвецов», «Час Дракона»), из особо прочных сортов делались даже ступени помоста («Железный демон»). Этот прозрачный материал мог быть природного происхождения (см. «хрустальные сосуды для питья» («Час Дракона») или «алмазный за-

морийский кубок» («Бог из Чаш»)); иногда же происхождение его не уточняется, как в случае с «прозрачными слоями некоей хрустальной субстанции» («Алые когти»). По-видимому, хайборийцы превзошли все древние народы в искусстве обработки твердых материалов, иначе им не удалось бы изготовить кубок из алмаза или культивировать искусство огранки самоцветов («Башия Слона») [Средневековая Европа].

ТКАНИ. Вероятно, хайборийцы использовали шерсть и, скорее всего, лен, хотя конкретных указаний на это в тексте мы не встречаем. (См. примечание к «Изделиям из кожи»). Кроме того, они знали бархат («Бог из Чаш», «Час Дракона»), атлас («Ползучая тень») и шелк («Башия Слона», «Королева Черного Побережья», «Алые когти», и т. д.). Исторически, натуральный шелк был известен еще этносам Средиземного моря [IV век до н. э.], однако впоследствии экспорт шелка из Китая, где технология его производства оттачивалась много веков, вытеснил робкие европейские попытки изготовления этого красивейшего материала.

ХИМИЯ И ХИМИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ. Свои примитивные познания в области химии хайборийцы направляли, в основном, на изготовление различных продуктов питания и напитков. Ведь не секрет, что пиво и эль поглощались ими в неимоверных количествах («Башия Слона» — «Час Дракона»), однако, чтобы приготовить эти пенные напитки, нужно, хоть в малой степени, разбираться во взаимодействии солода, хмеля, воды, сахара и ячменя. Кстати говоря, сахар («Королева Черного Побережья») в чистом виде также использовался хайборийцами [Индия, Римская империя]. Но ведь не секрет, что сахар-сырец, получаемый, к примеру, из свекловичного сока, имеет крайне неприятный вкус, и для того чтобы его можно было употреблять в пищу, а также использовать в кондитерском производстве, его необходимо очистить, или, говоря другими словами, рафинировать. Вспомним, что этот процесс не столь прост, каким он представляется большинству, ведь раньше, для того чтобы очистить сырец, его растворяли в воде, затем осветляли альбумином или кровью с пылью древесного угля, а иногда еще пропускали через слой костяного угля, предварительно промытого соляной кислотой и горячей водой. Затем очищенный продукт уваривался и конденсировался. (Вот блестящий пример того, насколько все должно быть увязано в вымышленном мире, — так, для того, чтобы герой мог полакомиться плюшкой, этой цивилизации должен быть известен сахар. Для того, чтобы получить сахар, нужна кислота. А чтобы получить кислоту, нужны реторты и перегонные кубы, которые, в свою очередь, также нужно из чего-то делать. Et cetera, et cetera...).

Нужно ли говорить о том, что хайборийцам были известны сильные кислоты? Чтобы убедиться в этом, перечитайте «В зале мертвецов» [Европа, страны Ислама, XIII век]. Небезынтересно, что в говардовском мире использовали мумификацию («Час Дракона») [Египет, около 3000 до н. э.], которая тоже требует кое-каких умений. Но, пожалуй, на этом знакомство хайборийцев с химией исчерпывается.

ГОРОДА И ИХ ПЛАНИРОВКА. Хайборийские города во многих отношениях превосходили полисы античности. Хотя бы тем, что они освещались по ночам («*Башня Слона*», «*Ночные тени Замбулы*», «*Алая Цитадель*», «*Час Дракона*») [Антиохия, 350г.]. Имелись отдельные попытки планирования городской застройки, на что указывают упоминания о храмовых кварталах («*Башня Слона*», «*Час Дракона*») [Пирей, V век до н. э., некоторые города Месопотамии, долина Инда, 2000 до н. э.]. В реальных же Вавилоне, Мемфисе, Риме и т.д. всевозможные здания — общественные строения, особняки, лачуги, лавки, храмы, склады, публичные дома, таверны, бани и мастерские — строились как попало.

Любопытно, что в хайборийском мире еще уцелели руины городов, построенных много эонов назад. Чаще всего они напоминали миносские лабиринты, построенные в виде бесчисленных анфилад, причудливо переплетенных между собой, отчего город больше похож на единое гигантское здание. Древние зодчие, как видно, не были стеснены в средствах — некоторые древние города целиком выстроены из зеленого нефрита. Таковы *Ксатур* (хотя там дома отделены один от другого), и *Ксухотл* (*Черные Королевства*), который состоял из связанных между собой каменных строений. Но больше всего поражает воображение *Ксутал* (*Черные Королевства*) — огромный нефритовый «муравейник». Представьте себе нефритовый Пентагон, и вы получите довольно точное представление о Ксутале. Однако эта военная цитадель была построена лишь через несколько лет после смерти Говарда. Не мог ли его архитектор оказаться тайным поклонником творчества этого замечательного автора?

ПАМЯТНИКИ И АРХИТЕКТУРА. Хайборийцам явно были знакомы арка («*Башня Слона*», «*Железный демон*», «*Сокровища Гвалура*») и купол («*Башня Слона*», «*Черный Колосс*», «*Железный демон*», «*Сокровища Гвалура*»). Нам неизвестно, были ли то настоящие арки и купола с замковым камнем, или же арки и купола, которые строятся путем горизонтального напуска камней — так что слои кладки, в конечном итоге, смыкаются наверху. Преимущество этих так называемых «ложных» арок, не столь прочных и непригодных для больших пространств, в их простоте. Они широко использовались в древнем Египте, Месопотамии, Греции, Сардинии, на Юкатане и т. д., до появления настоящей арки.

Впрочем, зная, что немалое число сводчатых зданий хайборийской эпохи отличалось завидным внутренним простором, мы вполне можем предположить, что истинная арка была им все же известна. В конце концов, конструкция образующая свод, является весьма древней — она существовала уже за 3000 лет до н. э. в Месопотамии. Но, судя по всему, еще добрую тысячу лет она использовалась только в подземных водостоках, пока наконец не получила применения в самих зданиях. Вполне возможно, что этрусками арка была изобретена самостоятельно, а уже у них позаимствована римлянами.

Хайборийцы использовали для строительства зданий такие редкие, экзотические и трудные для обработки материалы, как *жадеит* и *гагат*

(«*Алая Цитадель*»), а также не отказывали себе в удовольствии возводить мраморные купола («*Черный Колосс*»). Особняком стоят пирамиды наподобие египетских («*Час Дракона*»), но куда лучше обустроенные, с внутренними залами и коридорами, и цилиндрическая башня Слона, высотой в полмили («*Башня Слона*»). Ее вполне можно сравнить с Александрийским маяком, высота которого, по словам испанского мавра Юсуфа ибн-аш-Шейха, составляла от 381 до 440 футов.

Как показывают многочисленные эпизоды, хайборийские архитекторы не скупились также на потайные ходы, скользящие двери, ловушки, люки, тупики и прочие аксессуары приключенческих романов.

ДОМА И МЕБЛИРОВКА. Увы, но у Говарда нигде не встречаются детальные описания планировки жилища. Дом Арама Бакша («*Ночные тени Замбулы*») окружен стеной и является частью целого комплекса зданий, хотя каждое из строений в этом комплексе является вполне самостоятельной структурой. Можно сделать вывод, что в подобных строениях не имелось внутренних дворики, столь любезных сердцу италийца или китайца. Дом «а ля Арам Бакша» представляет собой квадрат, обращенный к внешнему миру глухими стенами, двери и окна которого выходят на внутренний двор. Мало того, что он трудно поддается штурму извне и не столь доступен для воров, как большинство современных жилищ, он также дает больше прохлады в жарком климате и надежно укрывает хозяев от любопытных взглядов. С другой стороны, упоминание о внутреннем дворике («*Час Дракона*») дает понять, что дом Публио, возможно, был построен по средиземноморской планировке.

Хайборийские дома зачастую были меблированы добротными крепкими стульями и столами и тем отличались от интерьеров реального земного мира, где подобная мебель появилась лишь в Средние века («*По лзучая тень*», «*Феникс на мече*», «*Час Дракона*»). К тому же, им известны были замки и ключи («*Бог из Чашки*», «*В зале мертвецов*», «*Алая Цитадель*», «*Час Дракона*») весьма современного вида, с выемкой в замке [Греция, возможно — Спарта], а также замки со сложными комбинациями («*Час Дракона*»).

Для освещения строений использовались свечи, бронзовые и золотые светильники с пальмовым маслом («*Ночные тени Замбулы*»). Ксутал и Ксухотл освещены негасимыми «радийными геммами» и «зелеными огненными камнями» («*Ползучая тень*», «*Алые когти*»). Воздух внутри помещений был пропитан ароматами, так как очень часто упоминаются источающие благоволия золотые курительницы («*Алая Цитадель*»).

ВОДОПРОВОД И КАНАЛИЗАЦИЯ. В безымянном городе («*В зале мертвецов*») общественная система канализации отсутствовала, однако во дворце Набониды имелся водопровод. Подобное же наблюдалось во многих месопотамских городах [1000 до н. э.], где была предусмотрена система дождевых водостоков и отдельно — небольшая канализационная система, соединявшая замки и дворцы. Обе эти структуры существовали порознь, поскольку, в отсутствие сифонов для отходов S-образной формы, после сильных ливней зловоние канализации распространялось бы через дождевые водостоки по всему городу. Хотя о

хайборийских акведуках нам ничего не известно, упоминание фонтанов («Феникс на мече», «Час Дракона») подразумевает их наличие [Ассирия, около 700 г до н. э.].

ДОРОГИ И МОСТЫ. Дороги, похоже, строились весьма добротно, поскольку нигде мы не находим сведений, чтобы на них кто-то увязал в грязи. Упоминание об их белом цвете («Час Дракона») наводит на мысль, что там имелись *скаты* — что, в свою очередь, предполагает наличие развитой системы поддержания дорог в хорошем состоянии. *Мосты*, однако же, нигде не упоминаются, если не считать временных понтонов, наводимых армией на марше («Алая Цитадель»).

УКРЕПЛЕНИЯ И ОБОРОННАЯ ТЕХНИКА. Надо ли говорить о том, насколько повсеместно распространены были укрепленные стены замков («Железный демон») [Ближний Восток, около 1000 до н. э.]. Применение расплавленного свинца против нападающих («Люди Черного Круга») предполагало особое устройство крепостных стен [Сирия, VIII век], когда паранет выдвигался на кронштейнах на несколько футов вперед над общим уровнем стены, а рядом с паранетом имелись люки, с помощью которых обороняющиеся могли развлекаться, орошая незваных гостей кипящей смолой. Кое-где встречались также и опускные решетки («В зале мертвецов», «Алая Цитадель») [Греция, IV век до н. э.].

ВООРУЖЕНИЕ И ДОСПЕХИ. Ручное оружие у хайборийцев то же самое, что использовалось в исторический период до изобретения огнестрельного оружия: *меч, копье, палица, алебарда, кинжал*. Меч был распространен куда шире, чем в большинстве исторических культур до Рима. За несколькими исключениями (например, критяне и шарданские наемники из Египта, пользовавшиеся длинными бронзовыми мечами) до-римские армии были вооружены, в основном, копьями. Меч был либо небольшим вспомогательным оружием, как в Греции, либо имелся только у офицеров. Хайборийские мечи были всевозможной длины, прямые и изогнутые, от двуручных, наподобие *шотландской клейморы*, и до «*жсайбарского ножа*» («Люди Черного Круга») или «*ганатского ножа*» («Час Дракона»), по описанию больше напоминающих мечете.

Доспех включает в себя *чешуйчатую кольчугу* («Королева Черного Побережья»), *кольчугу из колец* («Королева Черного Побережья»), *кольчугу из цепей* («Черный Колосс», «Час Дракона»), «*бригандин*» («Час Дракона»), то есть панцирь из налегающих друг на друга металлических полос, обшитый сверху кожей, бархатом или сукном. Техническое отличие кольчуги из колец от кольчуги из цепей состоит в том, что в первой кольца попросту нашиваются на кожаный жилет, не сцепляясь между собой, в последней же звенья переплетены. Происхождение их до конца не установлено. Нам известен фрагмент этрусской кольчуги из цепей; но, возможно, парфяне, которые использовали ее достаточно широко, придумали ее независимо от этрусков. Цельные стальные латы, которые носят хайборийские тяжелые кавалеристы, появились в Европе лишь в XIV веке, одновременно с огнестрельным оружием.

Головные уборы включают в себя *кольчужный шлем* («Черный Колосс») [Европа, XIII век], *рогатый шлем* («Дочь Ледяного Гиганта»,

«Королева Черного Побережья»), *бронзовый шлем с гребнем* («Час Дракона») [Ассирия, около 1000 г. до н. э.], *шлем с забралом* («Час Дракона») [Европа, XIV век], *морион*, то есть простой круглый шлем с полями в виде двух перевернутых полумесяцев, соединенных вершинами рогов, который употреблялся в основном испанцами («Черные слезы») [Европа, XV век], и ряд других, появившихся в Европе в то же время. Рогатый шлем носили классические кельты, а позднее скандинавские викинги, однако далеко не столь часто, как это показывают в кино. Хотя рога давали некоторую защиту против ударов сверху, направленных в плечо, за них было слишком легко зацепиться клинком и сорвать шлем. Кроме того, помимо шлемов, появившихся в Европе на протяжении пяти столетий, у хайборийцев имелись и куда более древние — такие, как классический бронзовый шлем с гребнем. Эти последние быстро вышли из употребления в IV веке до н. э., когда средиземноморские кузнецы научились делать шлемы из стали (первый из таких шлемов был у Александра Македонского).

Говард неплохо разбирается в истории брони, о чем свидетельствует его рассказ «*Красные клинки черного Катая*» (1931 г.). Герой рассказа — европеец, сражающийся в Центральной Азии с ордами Чингиз Хана — носит латы, относящиеся к переходному периоду от кольчуги к панцирю. Правда, Говард датировал этот переход веком раньше, чем следовало бы. Правда, хотя в специальных трудах на эту тему можно найти описания различных типов шлемов, Говард, похоже, не принимал эти различия всерьез. Он не только использует в своих романах виды вооружений, изобретенные уже в эпоху огнестрельного оружия [до XVI века], но порой дает одному и тому же шлему два-три названия, относящиеся к разным типам (см. например, «Час Дракона»).

МАШИНЫ И ОСАДНАЯ ТЕХНИКА. В хайборийскую эпоху широкое распространение получили *самострелы* («Час Дракона») [Китай, около 500 до н. э., Средиземноморье, VI век до н. э.]. Упоминаются также различные осадные машины, которым автор не дает названия («Рождается ведьма»). Кроме того, на вооружении у армии имелся большой *щит с бойницами*, устанавливаемый вертикально, чтобы прикрыть нападающих («Алая Цитадель»).

Метательные орудия включают в себя *катапульты*, *баллисты* и *мангонелы* («Тени Каменного Череп», «Алая Цитадель»). Строго говоря, катапульта и баллиста суть лишь общие термины для любых метательных машин [Сицилия, 399 г до н. э.]. Мангонел — средневековое название «*онагр*» — однорычажная катапульта, изобретенная римлянами в период империи. Когда писатель говорит о «мангонелах и баллистах», он чаще всего имеет в виду онагры и, с другой стороны, более древние двухрычажные катапульты, пускавшие как стрелы, так и каменные ядра. *Требушет* или катапульта с прогиновесом [Европа, около 1100 г.] не упоминается, равно как и китайская *пау*, от которой она произошла.

Хайборийским строителям были известны хитроумные приспособления для устройства люков, желобов и прочих ловушек («В зале мертвецов», «Ползущая тень», «Сокровища Гвалура»).

Кроме того, прикладная наука в хайборийскую эпоху была развита достаточно, чтобы сконструировать *гигантский магнит* («*Ночные тени Замбулы*»), настолько мощный что он оказался способен удержать меч Конана, несмотря на все его усилия освободиться. Сомневаюсь, чтобы подобный магнит мог иметь естественное происхождение; с другой стороны, довольно трудно вообразить электромагнит в ту эпоху. Боюсь, на самом деле наш герой замахнулся на одного из призрачных чудищ Ваал-Птеора и ударил мечом по деревянному столу с такой силой, что потом не сумел выдернуть клинок из столешницы. Магнит же автором «*Немедийских хроник*», видимо, был введен в историю для пушей завлекательности.

ПОВОЗКИ И УПРЯЖЬ. В Хайбории имелись ручные верблюды. В исторический период они издавна использовались в Аравии и Иране, но в Египте и Северной Африке появились лишь во времена Ахеменидов. Стремена («*Родится ведьма*», «*Алые когти*», «*Час Дракона*») были известны народам Азии начиная с I века до н. э. Так что предположение Говарда насчет упадка цивилизации после хайборийской эры является очевидным заблуждением. Нередко он проявляет также досадную неосведомленность — например, когда пишет, что римский всадник в Британии пользовался стремениами («*Ночные Рыцари*»), тогда как на самом деле стремени появились у римлян лишь после падения Западной Империи, если не позже.

Широко были распространены повозки («*Бог из Чаши*», «*Черный Колосс*», «*Алая Цитадель*», «*Час Дракона*»). Упоминаются также телеги, влекаемые волами («*Черный Колосс*», «*Час Дракона*»), и фуры («*Черный Колосс*»), однако ничего не говорится о том, два у них колеса или четыре, равно как и об устройстве передней оси.

КОРАБЛИ И ТАКЕЛАЖ. Кушитские и гирканские пираты плавали на галерах («*Королева Черного Побережья*», «*Тени Каменного Черепа*»). Писатель (возможно, к счастью для себя) не задавался столь щекотливым вопросом, как расположение гребцов. Кроме того, корабли зачастую именуются *караками* («*Черные слезы*») или *галеонами* («*Драгоценности Траникоса*»), хотя такие суда, подобно некоторым типам шлемов, появились лишь в XIV—XVII веках (впрочем, таким деталям Говард не придает особого значения). Собственно говоря, караками и галеонами назывались соответственно небольшие и более крупные суда с квадратным парусом.

Интересной особенностью хайборийского судостроения являлась *купеческая галера* («*Королева Черного Побережья*», «*Час Дракона*»), — корабль, у которого больше гребцов и меньше парусов, чем у обычного купеческого каботажного судна, но меньше весел и больше оснастки, чем у военного корабля. Такие корабли назывались в Средиземноморье «*ракушками*» и были не слишком широко распространены, поскольку обладали обычными недостатками гибридов, хотя использовались зачастую как вспомогательные суда пиратами и купцами. Они плавали в Средиземном море вплоть до XVI века и были особенно популярны среди паломников в Святую Землю, поскольку крупные суда шли напрямик из европейского порта в Левант, тогда как менее мореходные «*ракушки*» ползли вдоль берега, заходя во все знаменитые порты

античности, а пилигриму, как любому туристу, хотелось взять от путешествия как можно больше.

Гребцы в хайборийском мире были рабами или свободными людьми. Исторически же, вопреки всем утверждениям Уоллеса в «*Бен Гуре*», гребцы всегда были свободны. Использование рабов и пленников на веслах получило распространение лишь с XV века.

Известен был хайборийцам также *якорь* («*Черные слезы*»), что отнюдь не удивительно, учитывая расцвет кузнечного дела и металлургии.

Оснастка включала в себя *топсель* (верхний парус второго яруса) («*Черные слезы*») [Рим, I век], а также, самое поразительное, *кливер* («*Королева Черного Побережья*») [Нидерланды, около 1500 г.].

РАЗНОЕ. Сюда относятся такие предметы, то и дело встречающиеся в повествовании, как, например, зеркала («*В зале мертвецов*»), восходящие, по всей видимости, к египетскому Древнему Царству, хотя в те дни зеркалом чаще всего служила пластина полированного серебра или другого металла; *бочошки* («*Башня Слона*») [кефты, классическая эпоха]; *свечи* («*Башня Слона*», «*Родится ведьма*», «*Час Дракона*») [скорее всего, *этруски*].

В Хайбории также чеканилась монета («*Башня Слона*», «*Родится ведьма*», «*Ночные тени Замбулы*», «*Железный демон*», «*Под знаменем Черных Драконов*») [Лидия, VIII век до н. э.]. Во время еды люди пользовались вилками («*Ползучая тень*») [Италия, XI век]. И хотя не описано никаких приборов, измеряющих время, у хайборийцев были инструменты — возможно, *клепсидры*, — позволявшие определять время даже ночью с точностью до одного часа («*В зале мертвецов*»).

В качестве материала для письма чаще всего упоминается *пергамент* («*Железный демон*», «*Час Дракона*») — что восходит к истокам письменности, если под пергаментом понимать всякую кожу, выделанную для этой цели. Более тщательно подготовленная кожа, соотносимая обычно с Пергаментом, датируется 200 г. до н. э. В одном месте («*Феникс на мече*»), правда, Говард допустил ошибку, говоря о письме золотым стилосом на навощенном папирусе; он перепутал два классических материала: воощеную деревянную дощечку, по которой, действительно, писали стилосом, и папирус, на котором писали чернилами и пером или кистью.

ЧИСТАЯ НАУКА. Сверхнаука в хайборийском мире то и дело поднимала голову — как в случае с *электронным дезинтегратором Толкемека* («*Алые когти*»), с *синтетической пищей Ксутальцев* («*Ползучая тень*») и *светящимися геммами Ксутали и Ксахотля*. Хайборийская космогония оказалась достаточно совершенна, чтобы осознать тот факт, что Земля является планетой («*Час Дракона*»). Оптика была развита настолько хорошо, что возможным стало создания изощренных шпионских устройств («*В зале мертвецов*», «*Алые когти*»). Однако в хайборийском мире действует *магия* (которая не является в данный момент темой для обсуждения), и потому поразительно, как, при наличии колдовства, наука продвинулась столь далеко.

На грани между наукой и магией находится *супергипноз* («*Ночные тени Замбулы*», «*Люди Черного Круга*»), с помощью которого возможно зачаровать жертву помимо ее воли. Жаль только, что писатель именует это явление *месмеризмом*, каковое название, восходящее к Францу Антону Месмеру (1733—1815) («*Сокровища Гвалура*»), едва ли является достоянием античности.

Итак, было бы преувеличением назвать хайборийский мир «связным и целостным космосом без заметных стыков» («*Час Дракона*»), однако этот мир Говарда вполне логичен и внутренне состоятелен. С точки зрения техники, его вполне можно поставить в один ряд с историческими цивилизациями типа Византийской империи и Халифата, с добавлением некоторых реалий, присущими позднему средневековью. В любом случае, этот мир куда правдоподобнее многих подобных измышлений других авторов. И, как только мы с Гарольдом Ши наладим свою машину времени, то начнем принимать заказы на посещение Хайбории. Паспорта вам едва ли понадобятся, однако, не забудьте сделать прививки от столбняка и желтой лихорадки, а также хорошенько смазать кольчугу!

Содержание

Конан и Боги Чаш	
<i>Стефан Корджи</i>	9
 Конан и Демон Пучины	
<i>Стефан Корджи</i>	73
 Конан и Небесная Секира	
<i>Майкл Мэнсон</i>	227

Стефан Корджи, М. Мэнсон

КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Илья Кучма*
Технический редактор *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Натарева*

Издательство Троль
410027 г. Саратов, Одесская ул., 9.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.

Сдано в набор 20.01.96. Подписано в печать 30.01.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 30 000 экз.
Заказ № 1621.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.